

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ

научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 31-05-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 31-05-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diabls Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна — доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, LVodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкознания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкознания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им.первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарава, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-6, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет , Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилаева, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квали, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diabes Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovsky str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrublev str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasilyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Besspalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University, Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremetyeva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

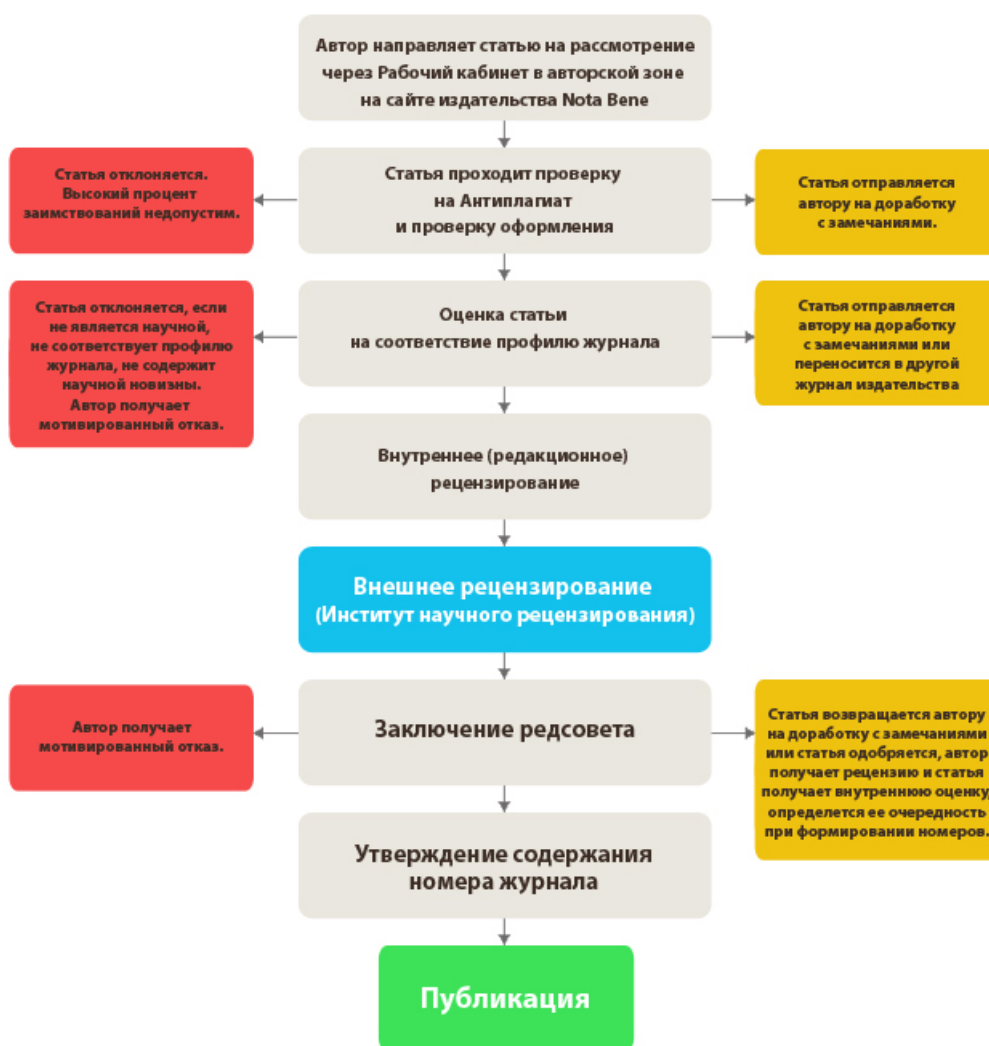
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ян Ч. Названия традиционных китайских музыкальных инструментов в афише концертов на русском языке: способы формальной и семантической адаптации	1
Латыпова Ю.А., Абсалямова Л.Ф., Хисамова Д.Д., Мингазетдинова Р.Ф. Исследование концепта в русле когнитивной лингвистики (на примере концепта «воля» в русском языке)	16
Чжао П. Структурно-семантические особенности окказионализмов на примере романа «Лавр» Е.Г. Водолазкина	31
Суркова Е.В. Военная фразеология в коммуникативном измерении: типология и функционирование речевых формул	42
Ковешникова А.В. Способы выражения компаративной семантики в художественных произведениях В. Пелевина	52
Сюй Л. Лексика насекомых, отображающая обитание насекомых в русском и китайском языках: лексическая интерпретация	69
Луговской А.В., Пышненко О.А. Дальневосточная инсулярность в свете теории фронта	85
Аникина Т.В. Отражение традиций и обычаев английского и русского народа во фразеологических единицах	98
Дубаков Л.В., Вагнер Д.Д. Роман Анны Старобинец «Первый отряд. Истина»: оккультные теории и разноуровневая система мотивных оппозиций	111
Дуктова Л.Г. Особенности рецепции растительного кода в романах белорусского писателя Владимира Гниломедова «Война», «Васильки на рубеже»	119
Корнилова А.А., Северина Е.М. Риторика страха в английской литературе XVI–XVII веков на примере выражения <i>great fear</i> : цифровой подход	128
Минова М.В., Казимирова И.С., Копылова Е.В., Желамская В.А., Шмарев Д.С. Фразеологическая продуктивность: способы образования новых фразеологизмов на базе существующих единиц в современных французском и испанском языках	140
Передриенко Т.Ю. Звук vs шум: лингвокогнитивный аспект	158
Серегина М.А. Специфика актуализации иноязычных вкраплений: лингвосомиотический подход	167
Ли П.В. Интерпретация метафоры поэтического творчества в стихотворении «Морской ветер» С. Малларме в переводах О. Э. Мандельштама и М. В. Талова	180
Пролыгина И.В. Стилистические средства выражения иронии в полемическом дискурсе Галена	193
Родионова О.П. Путь к благосостоянию в романе китайского писателя Лян Сяошэна «Я и моя судьба» (2021)	206
Англоязычные метаданные	229

Contents

Yang C. Titles of Traditional Chinese Musical Instruments in Russian Concert Posters : Methods of Formal and Semantic Adaptation	1
Latiypova Y.A., Absalyamova L.F., Hisamova D.D., Mingazetdinova R.F. The study of the concept in the context of cognitive linguistics (using the example of the concept "will" in Russian)	16
Zhao P. Structural and semantic features of occasionalisms in the example of the novel "Lavr" by E.G. Vodolazkin	31
Surkova E.V. Military Phraseology in the Communicative Dimension: Typology and Functioning of Speech Formulas	42
Koveshnikova A.V. Ways of expressing comparative semantics in the artistic works of V. Pelevin	52
Xu L. A comparative analysis of insect habitat-related vocabulary in Russian and Chinese: lexical interpretation	69
Lugovskoy A.V., Pyshnenko O.A. Far Eastern Insularity in Light of Frontier Theory	85
Anikina T.V. Reflection of the traditions and customs of the Englishmen and Russians in phraseological units	98
Dubakov L., Vagner D.D. The novel by Anna Starobinets «The First squad. The Truth». Occult theories and a multi-level system of motional oppositions	111
Duktava L.G. Features of the reception of plant code in the novels of the Belarusian writer Vladimir Gnilomedov «War», «Cornflowers on the border»	119
Kornilova A.A., Severina E.M. The Rhetoric of Fear in English Literature of the 16th-17th Centuries (The Case of the Expression "Great Fear"): A Digital Approach	128
Minova M.V., Kazimirova I.S., Kopylova E.V., Zhelamskaya V.A., Shmarev D.S. Phraseological productivity: ways of creating new phraseologisms based on existing ones in modern French and Spanish Languages	140
Peredrienko T.Y. Sound vs noise: linguocognitive aspect	158
Seregina M.A. The specifics of updating foreign language inclusions: a linguosemiotic approach	167
Li P.V. Interpretation of the metaphor of poetic creativity in the poem "Brise marine" by S. Mallarmé in the translations of O. E. Mandelstam and M. V. Talov.	180
Prolygina I.V. The Stylistic Expression of Irony in Galen's Polemics	193
Rodionova O.P. The Path to Prosperity in the Novel "Me and My Destiny" (2021) by Chinese Writer Liang Xiaosheng	206
Metadata in english	229

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ян Ч. Названия традиционных китайских музыкальных инструментов в афише концертов на русском языке: способы формальной и семантической адаптации // Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.73729 EDN: NRMIGT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73729

Названия традиционных китайских музыкальных инструментов в афише концертов на русском языке: способы формальной и семантической адаптации

Ян Чэнкунь

ORCID: 0009-0007-2876-4204

аспирант, Филологический факультет; Санкт-Петербургский государственный университет

196142, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский р-н, ул. Пулковская, д. 6 к. 4, кв. 157

✉ st121813@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.73729

EDN:

NRMIGT

Дата направления статьи в редакцию:

17-03-2025

Дата публикации:

02-05-2025

Аннотация: В последние годы расширяются культурные связи между представителями разных народов. В российских городах часто проходят концерты китайской национальной музыки. Афиши распространяются как традиционными способами, так и в Интернете. И актуальным становится вопрос о том, какие языковые средства позволяют рассказать русскоязычному читателю о новом культурном опыте, сделать понятным и привлекательным описание китайской музыкальной традиции. Предметом данного исследования является рассмотрение способов передачи информации об экзотических для носителя русской культуры китайских музыкальных инструментах. Изучаются причины выбора лексических единиц для обозначения инструмента, пути формальной и семантической адаптации заимствованных лексем в русском языке. Материалом служит

лексика, называющая китайские национальные инструменты в текстах афиш на русском языке. Материал был собран методом сплошной выборки. В ходе анализа использовались лексикографический, сравнительный и статистический методы. В статье воплощается анализ с разных точек зрения: исследуются типы передачи звучания китайских музыкальных терминов в русском языке; поиск эквивалентов в русской музыкальной терминологии; коннотация названия китайских концертов. Новизна подхода заключается в выборе материала. Привлечение к исследованию афиш концертов китайской национальной музыки позволило провести комплексный анализ, базирующийся на данных музыковедения и лингвистики. Исследование текста и визуального ряда афиши концерта национальной музыки позволило сделать следующие выводы: прагматика афиши музыкального концерта национальной музыки состоит в том, что текст и визуальный ряд не только передают точную информацию о концерте, но и приглашают на концерт широкий круг меломанов, возбуждая интерес у русского слушателя. Названия китайских инструментов даны в транскрипции по системе Палладия, процессы русификации представлены минимально. Единицы, которые, согласно словарям, склоняются, в афишах могут выступать как неизменяемые, что также свидетельствует об отсутствии русификации. Использование неточных эквивалентов для толкования значения экзотизмов дает слушателям общее представление об инструменте, но не позволяет составить всестороннее и глубокое представление о характере исполняемой музыки.

Ключевые слова:

транскрипция, транслитерация, безэквивалентная лексика, музыкальная терминология, заимствование, русификация, экзотизм, толкование, калька, коннотация

Введение

В последние годы расширяются культурные связи между представителями разных народов. В российских городах часто проходят концерты национальной музыки, и их афиши распространяются как традиционными способами, так и в Интернете. В связи с этим актуальными становятся исследования поликодового текста афиши, в котором между вербальным и изобразительным компонентами устанавливается неразрывная смысловая связь [\[1, 2, 3, 4, 5, 6, 7\]](#). Несмотря на актуальность темы, согласно наблюдениям Л. Г. Поповой и А. А. Ерохиной, «в современном языковедении не существуют работы, посвященные лингвистическому анализу текстов афиш» [\[8, с. 108\]](#).

Основная задача афиши – проинформировать потенциальных слушателей о культурном событии, возбудить их интерес и желание купить билет. Следовательно, афиша преследует две цели: привлечение внимания и сообщение информации [\[5, с. 1627\]](#). К. И. Фокина также утверждает, что решение о посещении концерта принимается как на основе полученных сведений о рекламируемом выступлении, так и на возникновении интереса к необычному событию [\[2, с. 95\]](#). В культурах народов мира существуют свои традиции донесения информации о музыкальных и театральных событиях, потому афиша концерта или театрального представления представляет собой инструмент взаимодействия языков и культур [\[9, с. 142\]](#).

Афиша концерта национальной музыки в России является оригинальным текстом, написанным на русском языке и ориентированным на русскоязычного читателя. При этом

автор афиши решает сложную задачу рассказать о чужой культуре средствами русского языка, в том числе выбрать оптимальные способы перевода на русский язык специфической лексики, описывающей события культурной жизни иной страны. В связи с этим актуальным становится анализ путей, позволяющих авторам афиш передавать лингвострановедческую информацию, заинтересовывать потенциальных потребителей.

Увеличение межкультурных связей, формирование поликультурной среды в современных мегаполисах приводит к возникновению интереса ученых к способам передачи и восприятия информации о культурах народов мира и появлению междотраслевой науки психолингвокультурологии [10]. Проводятся исследования, посвященные специфике восприятия носителями русского языка текстов, раскрывающих базовые понятия лингвокультуры (меню, путеводителей, афиш концертов и выставок и др.) [11, 12]. Наше исследование представляет собой междотраслевое исследование между психологией, лингвистикой и культурологией и также базируется на работах по общей теории перевода и адаптации безэквивалентной лексики [13, 14], трудах по функционированию заимствований из китайского языка в современных русскоязычных средствах массовой информации [15, 16, 17] и способам описания китайских заимствований в толковых словарях русского языка [18].

Мы поставили цель проанализировать, какое значение играет выбранный тип названия инструмента, участвующего в концерте, в создании поликодового текста афиши. Для достижения поставленной цели необходимо провести сопоставительный анализ текстового и визуального ряда афиши и определить роль названия концерта в формировании впечатления потенциальных слушателей; проанализировать выбор безэквивалентной лексики китайского языка для обозначения инструмента; рассмотреть способы передачи звучания китайского названия на русский язык и пути грамматического освоения заимствований; исследовать лексические кальки и способы толкования значения экзотических для русской культуры музыкальных инструментов; произвести лексикографический анализ, заключающийся в поиске названий китайских музыкальных инструментов в русских толковых, орфографических и энциклопедических словарях.

Материал исследования

Были отобраны 47 афиш, посвященных гастролям музыкальных коллективов из Китая и концертам китайской национальной музыки, на которых можно послушать звучание национальных китайских инструментов. Концерты проходят в российских городах: Москве, Санкт-Петербурге, Севастополе, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Тарко-Сале (ЯНАО), Хабаровске. Русскоязычные афиши также приглашают на концерты в Беларуси (1 афиша) и Казахстане (2 афиши).

В концертах принимают участие как музыканты из Китая, так и российские исполнители. Нам встретилась информация о 26 концертах, во время которых на китайских музыкальных инструментах исполняют музыку россияне, что свидетельствует о растущей популярности музыкальной культуры Китая в России. Двенадцать из проанализированных афиш зовут на концерты научно-творческого центра «Музыкальные культуры мира», в котором исполнителей обучают игре на традиционных инструментах разных народов.

Упоминания о китайских инструментах встречается на афишах 175 раз, всего представлено 22 различных инструмента, информация о них подается различными способами.

Результаты и искуссия

Знакомство с концертом начинается с его названия. По мнению Л. Е. Бахваловой, заголовочный комплекс является важнейшей частью афиши, позволяет раскрыть суть рекламного сообщения, привлечь внимание потребителя, идентифицировать культурное событие. Заголовки современных афиш стремятся ответить как на вопрос, что будет происходить, так и на вопрос, почему надо прийти [\[9, с. 26\]](#).

Организаторы концертов дают им как традиционно принятые названия («Концерт китайской классической музыки XV-XX веков», «Большой отчетный концерт класса китайской музыки», «Творческая встреча-лекция "Из истории китайской музыки"», «Встречи с китайской музыкой») и названия, указывающие на этнический характер музыки («Музыкальное путешествие в восточных тонах», «Этно-путешествие»), так и оригинальные названия, подчеркивающие уникальный характер китайской культуры.

Часть названий отсылают к уникальным традициям даосизма, который воплощает в себе не только религиозную культуру, но и музыкальное искусство: «Дао звука», «Восемь звуков» (в последнем случае, дается отсылка к старинному разделению китайских инструментов на 8 видов в зависимости от материала изготовления: металла, камня, струн из жил животных, глины, кожи, дерева, бамбука, особого сорта тыквы), «Яшмовой флейты звуки». Другие предполагают знакомство с древней китайской поэзией: «Роса на яшмовых ступенях» (строка из стихотворения Ли Бо (701–762) «Нефритовые ступени», герой которого любит осеннюю луну, стоя на каменном крыльце), «На башне Желтого журавля» (Башня Желтого Журавля – одна из главных достопримечательностей провинции Хубэй; строка отсылает к стихотворению «С советником Ши Цинем слушаем, как на башне Желтого журавля поет флейта»). Однако даже у человека, незнакомого с традицией дао и китайской поэзией, такие названия должны вызывать ассоциации с философской созерцательной культурой Востока: в названиях появляются традиционные символы китайской культуры: «Полет журавлей на рассвете» (журавли – символ долголетия, элегантности, удачливости в любви), «Сны и сказки Лунного Дракона», «Дракон в осеннем небе» (дракон – символ силы, власти и мудрости, осень – символ тоски по родине, задумчивости и одиночества), «Бамбук и осенний ветер», «Слива, бамбук и сосна» (бамбук не только традиционный материал для флейт, но и символ благородства и элегантности; слива и сосна – символы настойчивости и силы), «Тонкая-тонкая кисть» (название вызывает у русского читателя ассоциации с каллиграфическим искусством Китая), «Чаепитие в Лояне» (вызывает ассоциации с традиционным китайским чаепитием; к тому же в китайской культуре слушание народной музыки и народной оперы часто сопровождается традицией чаепития). Таким образом, большинство названий концертов настраивают читателя на определенную волну, готовят к встрече с культурой Древнего Востока.

В текстах афиш упоминаются названия следующих инструментов:

- струнные: *гуцин* (31 – здесь и далее цифра в скобках указывает на количество упоминаний); *эрху* (14) и другие виды *ху* – *цзинху* (1), *цзинэрху* (1), *баньху* (1), *чжунху* (1), *гаоху* (1); *гучжэн* (12); *пипа* (10); *жуань* (1), *саньсянь* (1).
- духовые: *дицзы* (36), *сяо* (20), *сюнь* (14), *сона* (4), *хулуси* (1), *шэн* (1), *лушэн* (1), *гуаньцзы* (1).
- ударные: *большой китайский барабан* (1), *янцин* (1).

Таким образом, наиболее часто упоминаются *гуцин*, *дицзы*, *сяо*, *сюнь*, *эрху* и *гучжэн*,

звучание которых можно услышать в российских городах.

Упоминания о некоторых инструментах сопровождаются фотографиями исполнителей с инструментами в руках или рисунками инструментов. Визуальный ряд, представленный на афишах, важен для анализа, так как изображение показывает, хотят ли составители передать слушателям информацию перед концертом (как выглядит инструмент, как на нем играют и т. д.) или создать ассоциацию с экзотической для русского слушателя музыкальной культурой Китая.

На афишах изображены *эрху*, *гуцинь*, *гучжэн*, *пипа*, *жуань*, *саньсянь*, *сяо*, *дицзы* и *шэн*. *Гуцинь*, *эрху* и *гучжэн* не только наиболее часто появляются в текстах афиш, но и наиболее часто изображаются на них: *гуцинь* (31 упоминание – 20 иллюстраций, т. е. 64,5% упоминаний сопровождаются иллюстрацией), *эрху* (14 упоминаний – 8 иллюстраций, 57,1%), *гучжэн* (12 упоминаний – 7 иллюстраций, 58,3%). Интересно отметить, что на одной из афиш дано колоритное изображение струн и расположенных по диагонали подставок *гучжэн*, тогда как само название этого инструмента не встречается в тексте афиши.

Упоминания о таких инструментах, как *сюнь*, *сона*, *хулуси*, *баву*, *лушэн* и *гуаньцзы* никогда не сопровождаются изображением. Наименее знакомые инструменты появляются на иллюстрациях реже, и можно предположить, что авторы афиш рассчитывают на тягу слушателей к новым музыкальным впечатлениям, их заинтересованность в знакомстве с экзотическими инструментами.

Четкость изображения не всегда дает возможность судить о характере инструмента (см. рис. 1), но в сочетании с изображением мягких стеблей и экзотических цветов создает ожидание встречи с восточной культурой. Неслучайно, на афише появляется именно изображения *гуцинь*, так как традиция игры на этом инструменте входит «в круг наиболее значительных явлений музыкальной культуры Китая, выделяется известной уникальностью в силу своего особого «культурного постоянства».

Можно предположить, что изображение музыкальных инструментов служит тем же целям, что и экзотические названия концертов – не столько показать, как выглядят музыкальные инструменты, участвующие в будущем концерте, сколько вызвать у русских слушателей интерес к необычному событию и ассоциации с китайской культурой.

Таким образом, для адекватного восприятия изобразительного ряда и заголовка афиши необходимо знакомство не только с китайской музыкальной традицией, но и с историей и культурой Китая. Рассмотрим, как решение этой задачи прослеживается в выборе стратегии представления национальных инструментов, участвующих в концерте.

Обычно русские названия традиционных китайских инструментов представляют собой транскрипцию китайского названия, для чего последовательно используется система Палладия: *èrhú* – *эрху*, *húqín* – *хуцинь*, *jīnghú* – *цзинху*, *jīng èrhú* – *цзинэрху*, *bǎnhú* – *баньху*, *zhōnghú* – *чжунху*, *gāohú* – *гаоху*, *gǔqín* – *гуцинь*, *gǔzhēng* – *гучжэн*, *pípa* – *пипа*, *ruǎn* – *жуань*, *sānxián* – *саньсянь*, *xiǎo* – *сяо*, *dízi* – *дицзы*, *xūn* – *сюнь*, *suǒnà* – *сона*, *lúshēng* – *лушэн*, *shēng* – *шэн*, *guǎnzi* – *гуаньцзы*, *yángqín* – *янцинь*. Встречается только и два случая транслитерации записи пиньинь *bāwū* – *баву* (транскрипция по системе Палладия *бау*) для духового инструмента, по форме напоминающего поперечную флейту, но имеющего язычок; *húlusī* – *хулуси* (транскрипция по системе Палладия *хулусы*) для духового инструмента типа губного органа. Оба эти инструмента редко звучат в российских концертных залах; транслитерация пиньинь при этом позволяет сделать более очевидной ассоциацию с другими заимствованными несклоняемыми

существительными.

Правила правописания названий китайских инструментов не устоялись, эти слова не включены в «Большой академический словарь» [20]. В орфографическом словаре встречается только 3 единицы: *цинъ*, *сона*, *гучжэн* [21], на орфографическом академическом ресурсе «АКАДЕМОС» 4 лексемы: *цинъ*, *сона*, *шэн*, *гучжен* [22]. Отметим, что вместо транскрипции по системе Палладия *гучжэн* ресурс рекомендует правописание *гучжен*. Написание же приближено к правописанию исконно русских слов: буква *е* традиционно используется в сочетании с *ж* и *ш*, обозначающими твердые шипящие звуки, тогда как запись *шэ*, *жэ* выглядит экзотической. Русифицированные названия встречаются в научной литературе. Так, поиск по ключевым словам на портале «Киберленинка» позволяет обнаружить правописание *гучжен* в 10 статьях (для сравнения: *гучжэн* – 52 статьи, *гучжэнь* – 2 статьи) [<https://cyberleninka.ru/>]. Однако в афишах русификации не происходит. Авторы афиш в большей степени ориентированы на реальное звучание (произношение звука на месте буквы *е* в системе пиньинь напоминает английский [э] и ближе к русскому звуку, который произносится после твердых согласных), близость к латинизированной записи названия, знакомой и в западной культуре. Строгое следование системе Палладия позволяет подчеркнуть экзотический характер названия инструмента.

Наблюдения над спецификой русификации экзотизмов в афише можно сделать и анализируя способы словоизменения существительных, называющих музыкальные инструменты. Существительные *гуцинъ*, *цинъ* в афишах могут склоняться по образцу слов мужского рода, что соответствует требованиям орфографического словаря [21, с. 816]: *исполнитель на гучине*, *звук циня вне мирской суеты*, но могут и выступать как неизменяемые в функции приложения (*авторская музыка для цитры гуцинъ*) и в позиции дополнения (*концертирующий исполнитель на гучинъ*). Таким образом, и грамматика афиши может быть направлена на констатацию необычности рекламируемого события.

Интересно проследить за выбором соответствующей единицы китайского языка для обозначения инструмента. Названия музыкальных инструментов в китайском языке строятся по копулятивной или атрибутивной моделям: вторая часть названия дает указания на тип инструмента: *цинъ* (琴 qín) – струнный щипковый инструмент, *гу* (鼓 gǔ) – ударный инструмент, *ху* (胡 hú) – разновидность инструмента *хуцинъ*, т.е. струнного смычкового инструмента; первая часть указывает на его отличительные признаки, например, материал изготовления, что очень важно для китайской классификации традиционных инструментов: *баньгу* (ударный инструмент с корпусом из деревянной чаши с массивными стенками), *баньху* (струнный смычковый инструмент с корпусом из скорлупы кокоса, прикрытым деревянной декой), от *бань* 板 bǎn – дерево), *гуцинъ* (старинный цинъ), *гучжэн* (старинный чжэн, от *гу* 古 gǔ – старинный).

В современном китайском языке слово 琴 qín (*цинъ*) является гиперонимом и служит для общего названия инструментов (*фортепиано*, *янцинъ* (струнный инструмент, звуки из которого извлекаются с помощью удара бамбуковых палочек), *гуцинъ*, *синтезатор*, *баян* и т. д.). Для обозначения щипкового старинного инструмента обычно используется название из двух иероглифов: 古琴 gǔqín (*гуцинъ*). В русской традиции этот инструмент, обязательный атрибут конфуцианских мудрецов, называется *цинъ*, именно это слово используется в словарях [21, 22, 23, 24], переводах литературных текстов, этикетках музейных экспонатов. Так, в музейном проспекте Российского национального музея музыки, соответствующий инструмент назван *цинъ* (琴 qín) [25]. В афишах *цинъ*

встречается только один раз, в 30 афишах инструмент называется *гуцинь*.

Составным названиям отдается предпочтение в в других случаях: *гучжэн* и *чжэн*, *гуаньцзы* и *гуань* (в словаре старинное название *гуань* [23], афишах *гуаньцзы* с современного китайского 管子 *guǎnzi*). Вероятно, предпочтение *гуцинь*, *гучжэн*, *гуаньцзы* в афишах связано со стремлением к точности в передачи энциклопедической информации, вызвано непосредственным переводом информации китайских афиш, без обращения к русскоязычной справочной литературе.

Значительно реже, чем транскрипция, в афишах используется прием приближенного перевода. Инструмент 大鼓 (*dà gǔ*, дословно 'важный, великий барабан') в афишах обозначен как *большой китайский барабан*. Этот инструмент представляет собой двусторонний мембранный звучащий инструмент без фиксированной высоты звука; музыкант, играющий на дагу, может управлять силой звука и выражать различные музыкальные эмоции с помощью пары молоточков. Глубокий, громкий, мощный звук инструмента подходит для имитации звуков грома, пушек и т. д. По форме, типу извлечения звука инструмент близок к барабану, который используется в классическом симфоническом оркестре, и потому составители афиш находят эквивалент китайскому слову, однако считают необходимым и тут подчеркнуть экзотичность инструмента – *китайский барабан*. В одном из концертов принимает участие *китайская бамбуковая флейта* (на фотографии музыкант держит в руках дицзы). По форме, характеру извлечения звука и звучанию этот инструмент напоминает привычнее для европейских симфонических оркестров поперечные флейты, отличаясь только материалом изготовления, что и находит необходимым подчеркнуть автор.

В других случаях приближенный или описательный перевод сочетается с транскрипцией. Следует отметить, что названия китайских инструментов редко встречаются в энциклопедических словарях. В «Большой Российской энциклопедии» из 22 названий, встретившихся в текстах афиш, дано толкование 4 словам: *эрху*, *пипа*, *саньсянь* и *цинь* [26]. В «Музыкальном энциклопедическом словаре» дано 9 слов: *баньгу*, *баньху*, *гуань*, *пипа*, *сона*, *хуцинь*, *цинь*, *эрху*, *шэн* [23]. Безусловно, информацию о значении термина легко найти в интернете, в том числе используя средства машинного перевода. Однако факт отсутствия единицы в словаре говорит о том, что она редко встречается в текстах на русском языке и не известна большинству носителей.

Среди названий духовых инструментов уточняющий перевод «духовой инструмент» предлагается для инструментов *баву*, *хулуси*, *сона*, *гуаньцзы*. Название язычкового духового инструмента с деревянным или тыквенным корпусом *лушэн* (芦笙 *lú shēng*) не сопровождается толкованием.

Бау (巴乌 *bā wū*) появился в южных регионах Китая несколько сотен лет назад. Инструмент имеет деревянный корпус и свободно проскакивающий язычок, что придаёт его звучанию особый тембр – мягкий и теплый. Бау часто используется в народной музыке и на бытовых праздниках и, благодаря своей конструкции и возможности варьировать звук, подходит для эстрадных и театральных композиций. *Хулусы* (葫芦丝 *húlusi*) – из китайской провинции Юньнань делается из трех-четырех бамбуковых трубок, скрепленных вместе посредством высушенной тыквы-горлянки, которая играет роль акустического резонатора. Звучание у хулусы очень мелодичное, но при этом мягкое, поэтому этот инструмент используется в основном для сольного исполнения и очень редко звучит в ансамблях. *Сона* изготавливается из твердых пород лиственных деревьев и представляет собой коническую трубку с 8 игровыми отверстиями и широким

металлическим раструбом. Звук извлекается при помощи двойной камышовой трости, насаживаемой на латунную трубку. *Гуаньцзы* – инструмент с двойным язычком, который в отличие от других инструментов семейства деревянных духовых, имеющих в основном конические отверстия, снабжен цилиндрическими отверстиями, придающими его звучанию характерный мягкий, но пронзительный, похожий на жужжание тембр. В научной литературе гуаньцзы и сона могут называться гобоями [27], но в афишах такого сопоставления не проводится.

Таким образом, для большинства языковых мундштучных инструментов может предлагаться описательный перевод, но не проводится поиска соответствий среди европейских инструментов, не предлагаются способы более точного раскрытия понятия. Любопытно, что описательные переводы не предлагаются независимо от того, встречается ли слово в словарях.

Можно предположить, что вид и тембр звучания таких инструментов специфичны, поэтому до потенциальных слушателей доносят только базовую информацию. Также не исключено, что ассоциация с гобоем кажется автору афиши бесполезной для русского слушателя, у которого духовая музыка ассоциируется в первую очередь с флейтой [28]. Русский ассоциативный словарь]. Проведенный в Павлодарском государственном университете ассоциативный эксперимент в группе студентов-филологов и студентов-музыкантов позволил Н. М. Морозовой и А.А.Черноброву сделать выводы о том, что названия *фагот, кларнет, гобой* известны только в музыкальной среде, в отличие от таких названий, как *скрипка, рояль, баян, балалайка, арфа* [29].

Для безязычковых инструментов поиски соответствий предпринимаются часто. Например, в афише есть упоминание одного из древнейших инструментов Китая – *шэн*, духового безязычкового инструмента, рода губной гармоники. При звукоизвлечении отверстия шэн закрываются пальцами; при одновременном закрывании нескольких отверстий получается аккордовое звучание. Шэн упоминается в афишах один раз и сопровождается описательным переводом *губной органчик*.

Для толкования значения названий духовых инструментов, встречающихся наиболее часто, используется стратегия приблизительного перевода. Так, упоминание *дицзы* (поперечная бамбуковая или тростниковая флейта) в 6 случаях сопровождается пояснением *флейта*, в 3 случаях – *бамбуковая флейта*, в 1 случае – *китайская флейта*, в 1 случае – *китайская бамбуковая флейта*. Упоминание *сяо* (продольной бамбуковой флейты с закрытым корпусом) 1 раз сопровождается толкованием *духовой инструмент*, 10 раз – *флейта*, 1 раз – *китайская флейта*, 1 раз *южнокитайская флейта*. Толкования, предложенные в афишах, не позволяют осознать специфику инструмента (различить *дицзы* и *сяо*); увидеть способ извлечения звука у *сяо*, материал изготовления флейты (указание на материал дается только один раз). Чаще всего авторы афиш для различения европейского и китайского инструментов просто подчеркивают истоки их происхождения.

Сюнь – один из древнейших инструментов, флейта-сосуд, изготовленная из керамики. Наиболее распространённой формой считается яйцевидная с приплюснутым дном с пятью отверстиями для пальцев. Упоминание о *сюнь* встречаются в афишах 14 раз, при этом 1 раз дается пояснение *духовой инструмент*, 4 раза *окарина*. *Окарина* также представляет собой одну из разновидностей сосудообразных флейт. Несмотря на древность флейт-сосудов, музыкальный инструмент *окарина* появляется в 1860 г., когда Д. Донати приспособливает детскую игрушку для исполнения сложных мелодий [30. с. 394]. Если

форма окарины (ср. итальянское *ocarina* – гусенок) напоминает головку гуся, сюнь имеет яйцевидную форму. Для извлечения звука в окарине используют внутренний канал, в сюнь – внешний край. Однако общий тип инструмента позволяет автору афиш провести прямую параллель между сюнь и окариной.

Названия струнных щипковых инструментов никогда не уточняются при помощи указания на тип инструмента (возможно, потому что классификация хордофонов достаточно разветвленная и плохо известна неспециалистам), при этом в некоторых случаях авторы предлагают эквиваленты экзотических названий.

Пипа (琵琶 *pípa*) – четырехструнный щипковый музыкальный инструмент, один из самых распространенных и известных китайских музыкальных инструментов. Применяется как сольный, ансамблевый или оркестровый, для аккомпанементу пению и сопровождения декламации. Пипа имеет грушевидный деревянный корпус без резонаторного отверстия, изогнутый гриф. При игре пипу держат вертикально на коленях. Этот инструмент можно отнести к классу лютневых, то есть хордофонов, обладающих резонаторным корпусом и грифом. При этом очевидно, что между европейской лютней и китайской пипой есть существенные различия, начиная от отсутствия звукового отверстия у пипы, количества и формы расположения струн и способа положения инструмента во время исполнения. В научной литературе на русском языке пипу нередко называют китайской лютней [30, с. 18]. В афишах такая параллель тоже встречается (1 использование из 10). Родственными пипе можно считать инструменты иных культур: мандолину, домру, гитару, балалайку. Однако сопоставления с русскими народными инструментами в афишах никогда не проводятся, один раз название комментируют при помощи неполного эквивалента *китайская четырехструнная гитара*. Такой перевод нельзя считать случайным выбором: несмотря на существенную разницу в форме резонатора и грифа, в количестве струн, характере звучания, именно ассоциация с гитарой помогает русскому слушателю составить представление о популярности этого инструмента (ср. наличие ассоциативных реакций *гитара* на стимулы *играть, искусство, песня, петь, романтик, талант*) [31].

К классу лютни следует отнести струнные щипковые инструменты *жуань, саньсянь*. Авторы афиш не дают никаких комментариев и описаний этих инструментов.

Гучжэн (古筝, *gǔzhēng*) – старинный инструмент с 21-25 струнами, которые традиционно изготавливались из шёлка (современные музыканты предпочитают использовать металлические струны). На инструменте играют различными способами, чаще всего левой рукой регулируют натяжение струны, а правой извлекают звук, проводя по струнам, в некоторых случаях используя плектры, закрепленные на пальцах правой руки. При игре инструмент держат на коленях горизонтально. В одной из афиш инструмент назван *китайской арфой*. Наличие фиксированных мостов позволяет автору сравнить гучжэн с европейской арфой, хотя ни горизонтальное расположение инструмента во время игры, ни способ закрепления струн, ни путь извлечения звука специальными плектрами, ни тембр звучания не позволяют провести прямые параллели между этими инструментами. По виду инструмент в большей степени напоминает русские гусли. Кроме того, так же, как и гусли, этот инструмент использовался для исполнения народной музыки в отличие от гучиня, который был связан с «высокой культурой образованного населения» [32, с. 26]. Но желание подчеркнуть экзотический характер инструмента не позволяет авторам афиш проводить параллель гусли – гучжэн.

Упоминание о *гучинь* часто сопровождается приблизительным переводом *цитра* (9 из 31 упоминаний). Гучинь представляет собой фигурный деревянный ящик с шелковым

струнами, который при игре держат на коленях горизонтально. Узкий конец со струнодержателем располагается слева, а широкий с колками справа. При исполнении мелодии струны прижимают к деке, звук извлекают щипком. В древнем Китае игра на цине отождествлялась с медитацией и считалась одним из способов самосовершенствования.

В широком смысле цитра представляет собой видовое обозначение хордофонов, самый общий признак которых – наличие резонаторного корпуса и отсутствие грифа [26]. Если рассматривать слово цитра в таком значении, перевод *цитра гуцинь* можно считать относительно точным. Однако цитрой можно было бы назвать и гучжэн, чего не происходит. Причину стоит искать в истории цитры в музыкальном искусстве России и Европы. Цитра стала популярной в Австрии и Германии в XVIII веке, в России этот инструмент появился во второй половине XIX века, где он использовался для салонного музицирования. Существовали общества и академии цитристов (исполнителей на цитре), издавался специализированный журнал «Русский цитрист» (1883-1904) [26]. Цитра воспринималась как инструмент аристократический и «иностранный». Параллель цитра – цинь могут помочь почувствовать отношение к циню как к объединителю всей музыки, квинтэссенции утонченности и воплощению моральных ценностей своего времени.

В афишах часто принимают участие струнные смычковые инструменты, и в первую очередь *эрху*. Упоминание этого инструмента может сопровождаться пояснением *китайская скрипка*, (2 из 14). Эрху является одним из инструментов семейства хуцинь. Термин *хуцинь* (胡琴 *húqín*) в современном китайском языке используется «для обозначения смычковых хордофонов, чаще всего двухструнных с продетым между струнами смычком» [33, с. 20]. Корпус хуцинь небольшой круглый или многогранный, дека изготавливается из змеиной кожи или тонкого дерева, большинство инструментов имеет только две струны. Эрху представляет один из наиболее популярных инструментов этого класса и используется преимущественно при исполнении народной и традиционной китайской музыки, как в качестве сольного инструмента, так и в ансамбле, в музыкальном сопровождении китайской оперы. Несмотря на то, что современные исполнители используют эрху для исполнения классического скрипичного репертуара (например, Н. Пананини, Ф. Мендельсона, П. Чайковского) [34, с. 63], между способом извлечения звука и его тембром существуют значительные различия. Авторы афиш не используют для обозначения инструмента заимствованного из китайского родового термина хуцинь, но называют другие инструменты семейства хуцинь – *цзинху* (самый маленький инструмент семейства с двумя струнами), *цзинэрху* (отличается от эрху меньшим размером и тембром звучания), *баньху* (инструмент с корпусом из скорлупы кокоса), *чжунху* (отличается от эрху большим размером и более низким тембром) и *гаоху* (с круглым резонаторным ящиком и более высоким тембром звучания) – появляются на концертах, но их упоминание не сопровождается комментариями. Русскому слушателю, незнакомому с терминосистемой названий китайских музыкальных инструментов, трудно разобраться в том, что представляют из себя эти инструменты. На втором месте в названии стоит иероглиф 胡 *hú* (ху), тот же иероглиф первый в хуцинь – в переводе 'варварский'. Изначально это название использовалось для струнных инструментов, заимствованных у северных и северо-западных народностей [33, с. 20].], первая часть названий указывает на его отличительные признаки, напри, эр 二èr – два, по количеству струн; цзин 京jīng – от слова 北京Běijīng (Пекин), цзинэрху используется специально для цзинцзюй (京剧jīngjù, Пекинская опера); бань 板bǎn – деревянные; чжун 中zhōng (обозначает средний) – высота звука и размер между эрху и гaoху; гао 高gāo (обозначает высокий) высота звука выше эрху, размер меньше эрху. На ценность данных

этимологических сведений для носителя русского языка указывают М. Л. Сергеев и Е. А. Фивейская [18, с. 82].

Описательный перевод *китайская скрипка*, предложенный для эрху, не может полностью показать характер инструмента, однако позволяет создать общее представление о нем, уточнение *китайская* подчеркивает экзотический характер инструмента и может вызвать у читателя афиши интерес к будущему выступлению.

Выводы

Основными выводами проведенного исследования являются следующие.

Процесс восприятия и передачи терминологической лексики иностранного языка представляет собой сложное взаимодействие двух языков. Так как основания для классификации терминов, называющих традиционные музыкальные инструменты, в русском и китайском различны, как различны и сами инструменты, выбор соответствующей единицы представляет собой трудную задачу.

Чаще всего названия китайских инструментов в текстах афиш переданы с помощью транскрипции по системе Палладия, случаи использования транслитерации записи пиньинь также возможны (*хулуси, баву*). В отличие от рекомендаций словарей, транскрипции не подвергаются русификации. Единицы, которые согласно словарям склоняются, в афишах могут выступать как неизменяемые, что также свидетельствует о минимальной русификации.

Несмотря на наличие традиции в обозначении некоторых музыкальных инструментов Китая (*цинъ, чжэн*), выбирается обновленный перевод лексической единицы современного китайского языка (*гуцинъ, гучжэн*).

Авторы афиш практически не прибегают к описательному или приблизительному переводу для обозначения музыкальных инструментов (исключение составляют *дагу и дицзы*), что позволяет подчеркнуть необычный характер предстоящих концертов.

При этом описательный или приблизительный перевод может сопровождаться транскрибированное или транслитерированное название. Названия языковых духовых, мало известных носителям русского языка, не являющихся специалистами-музыковедами, обычно сопровождаются отсылками к гиперонимам (*духовой инструмент*). Названия безъязыковых обычно сопровождаются указанием на параллель с конкретным европейским инструментом (*окарина, флейта*). Струнные щипковые и смычковые никогда не содержат отсылки к соответствующим составным русским терминам, но часто позволяют русскому читателю афиши сравнить китайский инструмент с соответствующим европейским (*цитра гуцинъ, лютя пипа, гитара пипа, арфа гучжэн, скрипка эрху*). Эквиваленты дают общее представление об инструменте, но приводят к искажению информации о внешнем виде, материале изготовления, тембре, способе извлечения звука. Выбирая соответствующую единицу, автор ориентируется на круг ассоциаций, который может возникнуть у читателя, с высокой, экзотической, романтической музыкой, но никогда не предлагаются параллели с народными русскими инструментами.

Названия концертов содержат отсылки к культурным символам и цитаты из классической китайской поэзии, даются с целью создать настрой на восприятие необычной восточной культуры. Той же цели служат не всегда четкие, но в больших случаях эффектные изображения инструментов или их элементов.

Таким образом, прагматика афиши концерта китайской музыки очевидна: пригласить на

концерт широкий круг меломанов, ориентируясь на растущий интерес русского слушателя, но малое количество его знаний о музыкальной культуре Китая.

Библиография

1. Горбик А. А. Театральная афиша как рекламный текст // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 4. С. 59-63. EDN: XDCWWR.
2. Фокина К. И. Информационное сопровождение спектакля в современном театральном процессе: дисс. на соиск. уч. степ. к. иск. М.: Театральный институт имени Бориса Щукина при Государственном академическом театре имени Евгения Вахтангова, 2008. 180 с. EDN: NPKGTL.
3. Шевченко А. С. Театральная афиша как рекламный текст и метод воздействия // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. № 1 (7).
4. Мячинская Э. И. Малые жанры искусствоведческого дискурса: реклама, афиша, объявление // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 422-426. EDN: OUMLDX.
5. Туралина Н. А., Сергеева А. Ю., Шевцова М. В. Афиша - реклама: особенности ее создания // Научный альманах. 2015. № 9 (11). С. 1626-1628. DOI: 10.17117/na.2015.09.1626. EDN: UXRRLL.
6. Борботько Л. А., Мочалова Т. Г. Театральная афиша и киноафиша как дискурсивные жанры // Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: языковая личность, текст, дискурс. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2016. С. 430-435. EDN: XEBSYT.
7. Притчин А. К. Теоретические проблемы рекламы художественных событий. Эстетический аспект. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. философ. наук. М.: Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского, 1999. 34 с.
8. Попова Л. Г., Ерохина А. А. О степени изученности текстов афиш в современном языкознании // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации. Пенза: МЦНС "Наука и Просвещение", 2018. В 4-х ч. Ч. 1. С. 108-112. EDN: XPKJAT.
9. Шевченко А. С. Афиша как инструмент взаимодействия языков и культур (на материале русских, английских, бурятских текстов театрального дискурса) // Восток - Запад: взаимодействие языков и культур. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2015. С. 142-147. EDN: USOSKJ.
10. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 285 с.
11. Круглякова Т. А., Чен Ю. Кулинарные приколы из Поднебесной: интерпретация переводческой ошибки как способ создания языковой шутки // Уральский филологический вестник. Серия: язык, система, личность: лингвистика креатива. 2022. № 2. С. 43-57. EDN: CBHTLL.
12. Рыкова Д. А. Функционирование экзотизмов в интернет-версиях журналов "Вокруг света", "Вояж" и "National Geographic Traveler" // Гуманитарный акцент. 2022. № 3. С. 69-77. EDN: BFPADB.
13. Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
14. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 345 с.
15. Сенько Е. В. Китайские слова в современном русском языке: семантический аспект // Филологический класс. 2019. № 3 (57). С. 59-63. DOI: 10.26170/FK19-03-08. EDN: TXTKYD.
16. Ян Си. Китаизмы в современных СМИ: семантика, грамматика, прагматика // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследования.

2017. № 1. С. 222-229.

17. Дамдинова Б.В., Самбуева О.В. Трудности перевода лексических лакун с китайского языка на русский // Филология: научные исследования. 2019. № 2. С. 104-110. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29733 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29733

18. Сергеев М. Л., Фивейская Е. А. К вопросу о задачах этимологии в толковой лексикографии (на материале "Словаря русского языка XXI века") // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 74-89. DOI: 10.17223/22274200/17/4. EDN: LQDXJW.

19. Васильченко Е. В. Модель мира в звучании китайской цитры цинь // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2013. № 1. EDN: PXZSRB.

20. Большой академический словарь. В 27-и т. / Гл. ред. К. С. Горбачевич. М.; СПб.: Наука, 2004-2021.

21. Орфографический академический ресурс "АКАДЕМОС". [Электронный ресурс]. URL: <https://orfo.ruslang.ru/?ysclid=m9whahtkif188568777> (дата обращения: 25.04.2025).

22. Русский орфографический словарь: около 180 000 слов. / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин (отв. ред.). М.: Издательство, 2004.

23. Музыкальный энциклопедический словарь. Гл. ред. Г. В. Келдыш. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с. - ISBN 5-85270-033-9.

24. Новый словарь иностранных слов: [более 4500 слов] / [авт.-сост. М. Ситникова]. Изд. 4-е, стер. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 299 с.

25. Сигейкина Е. Б. Китайские музыкальные инструменты в коллекции Российского национального музея музыки. М.: Российский национальный музей музыки, 2021. 23 с.

26. Большая российская энциклопедия. В 35-и т. / Гл. ред. Ю. С. Осипов. М.: Большой академический словарь, 2004-2017.

27. Янь Цзянань. Оркестр китайских народных инструментов и творчество Сюй Чанцзюня: проблемы дирижерской интерпретации // Музыка. Искусство, наука, практика. 2019. № 4 (28). С. 42-48.

28. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС: [6624 слова] / Сост. Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. М.: Московская духовная академия, 2019. 704 с.

29. Морозова Н. М., Чернобров А. А. Лексикографические и лингвокультурологические аспекты музыкального дискурса в сети интернет // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (30).

30. Фань Жун. Традиционные струнные инструменты Китая в музыкальной культуре XX-XXI столетий. Дисс. на соиск. уч. степ. к. иск. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2024. 183 с.

31. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС: [6624 слова] / Сост. Черкасова Г. А., Уфимцева Н. В. М.: Московская духовная академия, 2019. 704 с.

32. Цюй Ва. Традиционные музыкальные инструменты в фортепианной интерпретации современных китайских композиторов // Музыка. Искусство, наука, практика. 2016. № 2 (14).

33. Будаева Т. Б. Музыка традиционного китайского театра цзинцзюй. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к. иск. М.: Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского, 2011. 129 с. EDN: QFPHZL.

34. Ван Х., Смирнова М. В. Специфика репертуара современного исполнителя на эрху // Университетский научный журнал. 2020. № 54. С. 59-64. DOI: 10.25807/PBH.22225064.2020.54.59.64. EDN: GXVEVR. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают способы формальной и семантической адаптации названий традиционных китайских музыкальных инструментов в афише концертов на русском языке. Актуальность работы аргументируется тем, что в последние годы расширяются культурные связи между представителями разных народов. В российских городах часто проходят концерты национальной музыки, и их афиши распространяются как традиционными способами, так и в Интернете. В связи с этим актуальными становятся исследования поликодового текста афиши, в котором между вербальным и изобразительным компонентами устанавливается неразрывная смысловая связь. Отмечается, что «в современном языковедении не существуют работ, посвященных лингвистическому анализу текстов афиш», несмотря на актуальность темы. Теоретической основой исследования являются труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам этнопсихолингвистики и лингвокультурологии; малым жанрам искусствоведческого дискурса; афише как дискурсивному жанру, как рекламному тексту, как инструменту взаимодействия языков и культур; проблемам общей и частной теории перевода и др. Библиография насчитывает 34 источника, в том числе лексикографических, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью («проанализировать, какое значение играет выбранный тип названия инструмента, участвующего в концерте, в создании поликодового текста афиши») и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, интерпретативный анализ отобранного материала, метод системного анализа, сопоставительный анализ, синтез дискурс-анализа и визуальной семиотики, а также лексикографический анализ, «закрывающийся в поиске названий китайских музыкальных инструментов в русских толковых, орфографических и энциклопедических словарях». Эмпирической базой послужили 47 афиш, посвященных гастролям музыкальных коллективов из Китая и концертам китайской национальной музыки в Москве, Санкт-Петербурге, Севастополе, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Тарко-Сале (ЯНАО), Хабаровске, Беларуси (1 афиша) и Казахстане (2 афиши). На афишах китайские инструменты упоминались 175 раз, всего представлено 22 различных инструмента.

В ходе исследования проведен сопоставительный анализ текстового и визуального ряда афиши, проанализирован выбор безэквивалентной лексики китайского языка для обозначения инструмента; рассмотрены способы передачи звучания китайского названия на русский язык и пути грамматического освоения заимствований; изучены лексические кальки и способы толкования значения экзотических для русской культуры музыкальных инструментов. Сформулированы обоснованные выводы о том, что «процесс восприятия и передачи терминологической лексики иностранного языка представляет собой сложное взаимодействие двух языков», «названия концертов содержат отсылки к культурным символам и цитаты из классической китайской поэзии с целью настроить на восприятие необычной восточной культуры; той же цели служат не всегда четкие, но в больших случаях эффектные изображения инструментов или их элементов»; «прагматика афиши концерта китайской музыки очевидна: пригласить на концерт широкий круг меломанов, ориентируясь на растущий интерес русского слушателя, но малое количество его знаний о музыкальной культуре Китая» и др.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и

практическую ценность: они вносят существенный вклад в такие разделы знания, как теория лингвокультурной идентичности, межкультурная коммуникация, лингвокультурология; в лингвистическое изучение феномена афиши как инструмента взаимодействия языков и культур и могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стил ь изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Латыпова Ю.А., Абсалямова Л.Ф., Хисамова Д.Д., Мингазетдинова Р.Ф. Исследование концепта в русле когнитивной лингвистики (на примере концепта «воля» в русском языке) // Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.72879 EDN: HYGUKO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72879

Исследование концепта в русле когнитивной лингвистики (на примере концепта «воля» в русском языке)

Латыпова Юлия Альфритовна

ORCID: 0000-0002-5327-2726

старший преподаватель; кафедра Иностранных языков гуманитарных факультетов, Уфимский университет науки и технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, ауд. 338

✉ dzhulija.latipova@yandex.ru

Абсалямова Лилия Фаритовна

ORCID: 0000-0003-1191-9920

доцент, кафедра педагогики и психологии, Сибайский институт (филиал) Уфимский университет науки и технологий

453833, Россия, республика Башкортостан, г. Сибай, ул. Белова, 21

✉ absalyam80@mail.ru

Хисамова Динара Дамировна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра сопоставительного языкознания и экскурсоведения; Уфимский университет науки и технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, каб. 400

✉ dinara-ufa@yandex.ru

Мингазетдинова Римма Флюровна

старший преподаватель; институт гуманитарных и социальных наук; Уфимский университет науки и технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, оф. 338

✉ rflyurovna@mail.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.72879

EDN:

HYGUKO

Дата направления статьи в редакцию:

26-12-2024

Дата публикации:

11-05-2025

Аннотация: Объектом исследования данной статьи является концепт в аспекте когнитивной лингвистики. В середине прошлого века в науке появляется когнитивное направление, которое объединяет многие научные дисциплины. Когнитивная наука исследует разум человека, его мыслительные способности, сознание, память и др. Язык является инструментом получения, обработки и сохранения человеческих знаний, поэтому становится объектом изучения когнитивного направления в науке. Когнитивная лингвистика рассматривает способ воплощения знаний в лексических и грамматических значениях. Язык используется человеком не просто для обмена информацией, он структурирует знания о мире. Концепт является базовым понятием когнитивной лингвистики, объединяя язык, сознание и культуру. Целью данной статьи является изучение содержания концепта и построение его когнитивной модели на примере концепта «воля», которая позволит выявить способы структурирования знаний о мире, а также пути их эволюции. В соответствии с целью в работе применяются методики, позволяющие моделировать концептуальное пространство. Методика концептуального анализа основывается на изучении значений слов и выражений, актуализирующих концепт в языке. Этимологический анализ, позволяет выявить центральный образ концепта, вокруг которого происходит наложение концептуальных значений. Предметом исследования становятся слова-репрезентанты концепта, пословицы и устойчивые выражения. Исследование концепта «воля» в когнитивной лингвистике вносит значительный вклад в понимание взаимодействия языка, мышления и культуры, а также в развитие методов анализа лингвокультурных концептов. Данное исследование впервые объединяет анализ исторического развития концепта с его когнитивными структурами, такими как метафоры, фреймы и прототипы, что позволяет создать комплексное представление о концепте «воля» в русском языке. В работе определены и описаны универсальные компоненты исследуемого концепта «воля», которые могут способствовать развитию когнитивной теории категоризации и концептуализации. Комплексное исследование способов и средств лексического выражения концепта «воля» раскрывает концептуальное содержание. Все вышесказанное обуславливает актуальность данной статьи. Результаты исследования можно использовать в когнитивной лингвистики, психологии, философии языка.

Ключевые слова:

концепт, концептуальный признак, когнитивная лингвистика, познание, метафора, фрейм, когнитивная метафора, концептуализация, антропоцентризм, смысл

1. Введение

В эпоху глобализации наблюдается тенденция к интеграции научных дисциплин, при

котором проблемы восприятия мира становятся междисциплинарными. На стыке объединения научных дисциплин возникает *когнитивная наука*, как сплетение взаимодействующих научных дисциплин, изучающих человеческий разум и мышление, способы получения, хранения, переработки и использования знания. Когнитивная наука базируется на таких научных направлениях как психология познания, нейронаука, философия сознания, лингвистика, когнитивная антропология, искусственный интеллект и компьютерные науки. По мнению Е.С. Кубряковой, термин *когнитивный* является «зонтиковым», объединяющий многие научные дисциплины [\[1\]](#).

Важный вклад в исследование языка в когнитивном направлении внесли отечественные исследователи (А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, А.А. Залевская, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, В.В. Колесов, В.В. Красных, А.А. Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Ю.Н. Караулова).

Когнитивная лингвистика, возникшая в недрах когнитивной науки, предлагает новые подходы к изучению языка, тем самым расширяя границы традиционной лингвистики. Когнитивное направление в языкознании опирается на *антропоцентрический подход* при изучении языка. Наука постепенно фокусируется на человеке. Как отмечают З.Д. Попова, А. Стернин, у исследователей повышается интерес к «живому языку», а не к «мертвому», который абстрагирован от носителя языка [\[2\]](#). Кроме того, одной из актуальных задач когнитивной лингвистики становится рассмотрение внутреннего мира человека, нематериальных структур, которые не подлежат прямому наблюдению [\[3\]](#).

Когнитивное направление в лингвистике занимается поиском способов моделирования структур знания в сознании индивида, а также путей их получения и отражения в языке. Знания человека отображены в виде чувственных образов, картинок, фреймов, понятий и т.д., а мыслительная деятельность представляется как взаимодействие и взаимопроникновение этих ментальных сущностей. Для описания «невидимых» процессов в сознании субъекта вводится термин *концепт*, который является общим для языкознания, философии, психологии и др. Концепт рассматривается как модель, посредством которой можно описать содержание человеческой памяти. Реконструирование концептуального пространства, с помощью лингвистического анализа, дает доступ к структурам знания и механизмам мышления.

Субъектом когнитивной деятельности является не отдельный человек, а социум, носитель языка, на основе которого исследуются результаты когнитивной деятельности как процесс познания мира. Изучение концепта в свете когнитивной лингвистики позволяет: 1) формировать представление об особенностях мышления и познания того или иного народа; 2) проследить отражение в языке когнитивной деятельности социума; 3) познать культуру народа на разных этапах становления.

2. Обсуждение

Когнитивная лингвистика интерпретирует язык в его тесной связи с познавательными способностями человека. Исследователи пытаются объяснить механизмы человеческого мышления, способы освоения действительности субъектом, роль языка в процессе накопления, хранения информации об окружающем мире, а также влияние культуры и менталитета.

Одним из способностей человеческого разума считается способность к *концептуализации*, схватыванию определенных ситуаций или фрагментов действительности в виде моделей, таких как фрейм, прототип, сценарий, когнитивная

метафора и т.д. Когнитивные структуры вторично воплощаются в форме языковых единиц, таким образом, они неотъемлемо связаны с языком и принимают форму лексических и грамматических значений. Воспринимая информацию, человек формирует новые языковые значения, объединяя ее с информацией уже существующими в своем сознании. Языковые значения изменяются при изменении восприятия действительности [4]. Выделяется также процесс *категоризации*, отнесение фрагментов знания к определенным разрядам, категориям. Сознание определяет общность между фрагментами действительности и объединяет их в классы, группировки. По мнению Е.С. Кубряковой, процессы *концептуализации* и *категоризации* различаются как по цели деятельности, так и по конечному результату. Первый направлен на «выделение неких минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, второй – на объединение единиц, проявляющих в том или ином отношении сходство» [1, 18].

Процессы, связанные с познавательной деятельностью, называются «когнитивными», с латинского *cognitio* означает «познание». Познание и понимание объективной действительности не может происходить без языкового участия. Язык – это не просто способ восприятия и получение информации, но и средство его обработки. Язык является материальной основой мыслительной деятельности, поскольку мышление происходит через слова. С помощью языка субъект не просто выражает свои мысли, намерения, эмоции, но и хранит и передает опыт будущим поколениям в языковых формах. Язык как когнитивный механизм находится в центре внимания когнитивных исследований. Когнитивная лингвистика направлена на выявления соответствий между содержанием когнитивных моделей в сознании и языковыми единицами [5].

Материальная и духовная культура человека фиксируется языковым знаком, в том числе и *концептом*. Сам термин *концепт* заимствован из математической логики и начинает употребляться в лингвистике с 1928 г. Однако он исчезает из употребления в лингвистике до появления *когнитивной науки*, где он становится инструментом изучения человеческого знания. В лингвистике термин *концепт* «реанимируется» в начале 90 г. в трудах Ю.С. Степанова, Д.С. Лихачева [6].

Лексема *концепт* уходит корнями в латинский язык *conscipere* и означает «зачинать», т.е. имеет сходство с русским термином *понятие*, что означает «поятие, зачатие», «схватить женщину в жены». Несмотря на родственность, между терминами существует разница, по мнению Ю.С. Степанова концепт все же более объемная структура знания, вбирает в себя как *понятие* образное и ценностное представление [7, 17]. *Концепт* – явление высокого порядка, это больше, чем слово и соотнесенный с ним объект действительности. *Концепт* – инструмент и результат познавательной деятельности человека. По мнению представителей когнитивной лингвистики, концепт состоит из трех компонентов: *понятийного*, (дефиниционного), *образного* (метафорического) и *ценностного* слоя [8].

Концепт материализуется посредством языковых знаков (слов, фразеологизмов и т.д.). Однако он не всегда имеет вербализованную форму. З.Д. Попова, И.А. Стернин считают, что определенная часть концептов не находит соответствий в семантической структуре языка, поскольку формируется в сознании посредством образного восприятия [2]. *Концепт* тесно связан с менталитетом и поведенческими стереотипами нации, его «актуальный, основной признак», закрепленный в языковом знаке, известен всем носителям языка. Однако не все его компоненты осознаются представителями той или

иной нации, его «дополнительный, пассивный признак» актуален для более узкого круга социума. Ю.Н. Караулов отмечает, что словарный запас формируется тысячелетиями, в нем наслаиваются заблуждения и суеверия, а также дологический способ становления мышления и языка [8]. «Этимологический признак», внутренняя форма *концепта* связана с его историей и «живет» глубоко внутри, и является неосознанной областью знания [7]. Границы между концептуальными слоями нечеткие и гибкие.

В сознании концепты существуют как диффузные и размытые, не до конца оформленные «сгустки смысла». Будучи осмысленным первобытным человеком, концепт предстает как зародыш ощущений, представлений, функционирует на уровне бессознательного. Далее концепт осознается, «прорабатывается», трансформируется из перцептивных образов в четкие, смысловые фрагменты [9]. А. Вежбицкая справедливо сравнивает концепт с «клубком шерсти», который состоит из актуальных для определенной культуры ценностей, установок, устойчивых выражений, пословиц, грамматических выражений т.д. Потянув за «нитку» можно «распутать» «запутанный клубок» концептов и отношений между ними [10].

Концепты классифицируются по типу отражения действительности. Под *прототипом*, как правило, понимается образ, кодирующий тот или иной класс предметов. Например, растение: кустарник, цветок, дерево и т.д. [11]. *Фрейм* – многокомпонентный концепт, объемное представление о фрагменте действительности, совокупность частей целого. Например, понятие «магазин», включает такие фрагменты как «продажа», «покупка», «товар», «цена» и т.д. [11]. *Метафора* – «сетка», «призма» через которую индивид воспринимает мир. Базовые метафоры представлены как «сгустки кода культуры», обладающие архетипической природой [12].

Концепт «*воля*» является неотъемлемой частью картины мира любого социума. Исследуемый нами концепт попадал в поле зрения многих исследователей: Е.В. Красильникова, Н.М. Петровых, Н. Гребенщикова, Н.М. Катаева и др. Концепт *воля* – исконный русский концепт, глубоко укоренённый сознании народа.

Понятийная составляющая концепта «*воля*»

Понятийная составляющая концепта – это информационно-фактуальный компонент, сформированный (образованный) в результате *категоризации* действительности и закреплённый в языковых единицах. Исследование словарных дефиниций дает возможность выявить обобщенный прототип концепта, его содержательный минимум, что создает базу для дальнейшего изучения концепта на основе других методик [13].

Конструирование понятийной модели концепта «*воля*» производим с помощью изучения имени концепта – абстрактной лексемы *воля*, с привлечением толковых словарей русского языка В.И. Даля, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и т.д. Исходя из дефиниционного анализа слова-репрезентанта, мы видим, что концепт «*воля*» неоднозначно актуализируется в русской языковой картине мира. Семантическое пространство концепта «*воля*» содержит следующие значения: 1) способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели; 2) сознательное стремление к осуществлению чего-либо; 3) пожелание, требование; 4) возможность распоряжаться; право поступать по своему усмотрению, в соответствии со своими желаниями; 5) свобода в проявлении чего-нибудь; произвол действия; простор в поступках; 6) свободное состояние, не в тюрьме, не взаперти; 7) способность человека сознательно контролировать своё поведение, владеть собой, управлять своими

действиями, преодолевать трудности в достижении поставленных целей; 8) отсутствие зависимости от кого-либо, чего-либо; возможность располагать собою без отчёта кому бы то ни было; свобода от внутренней связи с кем-либо, чем-либо; 9) отсутствие стеснений, ограничений, неволи, принуждения; самоволие, произвол; свобода от рабства, крепостного состояния.

Исследование дефиниций слов в разных толковых словарях позволяет выявить основной, категориальный признак концепта: «способность/возможность осуществлять свои желания, управлять действиями; состояние отсутствия стеснений, принуждений, зависимостей». Данные значения отображают существенные знания о концепте и интегрируют все концептуальные значения в единое целое.

Концептуальные модели в структуре концепта «*воля*» связаны понятийным сходством обозначаемых явлений. Концептуальное пространство «*воля*» содержит в своей структуре близкие по значению концепты: «свобода», «желание», «сила», «власть».

В первую очередь концепт «*воля*» пересекается с концептом «*свобода*» в двух аспектах: «внутреннее ощущение свободы» и «внешняя свобода».

Воля как свобода содержит следующие когнитивные модели:

- 1) «Внутренняя свобода»: «ничем неограниченная свобода»: *много воли дали кому-либо*; «возможность, право поступать по своему усмотрению»: *своя воля, ваша воля*; «ничем неограниченная свобода»: *рукам воли не давай*.
- 2) «Физическая свобода»: «отсутствие стеснений»: *на воле, вырваться на волю*; «свободное состояние, не взаперти»: *неволя*.
- 3) «Отсутствие зависимости и связей»: *Кто ему не велит: своя воля*.

Концепт «*воля*» совпадает с концептом «*желание*» в обозначении внутреннего стимула, импульса индивида, его готовности к действию. Данный концептуальный признак включает следующие когнитивные модели:

- 1) «Внутренняя потребность»: «сознательное устремление к чему-либо»: *воля к победе*; «желание, требование»: *воля народа*.
- 2) «Процесс проявления своей воли»: *волеизъявление*

Концепт «*воля*» соотносится с концептом «*сила*», в значении «свойство характера», находит реализацию в следующих когнитивных моделях:

- 1) «Внутренняя способность»: «умение управлять своими действиями»: *собрать волю в кулак*; «умение контролировать поступки»: *воспитание воли, железная воля*; «упорство, настойчивость»: *сила воли*.
- 2) «Внешнее проявление воли»: «способности осуществлять желания и достигать целей»: *Воля и труд дивные всходы дают. Если воля тверда – цели достигнешь всегда*; «преодоление трудностей»: *Где воля напрягается, как тетива, там муравей одолевает льва. Железная воля – не всякого доля. От безделья дурь наживается, в труде воля закаляется*.

Концептуальный анализ показал, что *воля* в значении *власть* выражает право на выбор, собственный или навязанный силой, волей старшего или сильного:

- 1) «Влияние на кого-либо»: «возможность распоряжаться кем-либо»: *дать волю*;

«находиться в зависимости от кого-либо»: *находиться в чьей-либо воле, быть не в своей воле, быть под чьей-либо волей, подневольный*; «принуждение»: *навязать свою волю*; «ограничивать в правах»: *неволять (обневолять)*.

2) «Внутренняя независимость от кого-либо»: «распоряжаться собой»: *быть в своей воле, владеть своей волей*.

Как мы видим, понятийная составляющая концепта «*воля*» имеет логически упорядоченную структуру, организованную в виде фрейма, которая состоит из иерархически организованных когнитивных моделей. Компоненты концепта накладываются друг на друга, пересекаются, различаются по степени абстрактности.

Этимологический анализ концепта «*воля*»

Мотивирующий признак концепта «*воля*» закодирован в семантической структуре выражающего его лексем, может быть выявлен посредством этимологического анализа концепта.

Лексема «*воля*» принадлежит к индоевропейской языковой семье, в словаре М. Фасмера она представлена следующим образом: 1) «желание», «хотение», «по доброй воле», «воля изъявления»: *wollen* «хотеть», др.-инд. *varas* «желание, выбор» [15]; 2) «власть», «сила» (могущество, влияние, возможность велеть, приказывать): лит. *valia* «воля», лтш. *vala* «сила, власть» [15]; 3) «выбор» (возможность отбора, взять предпочитаемое); авест. *vara* – «воля, отбор» [15]; 4) сила воли: «железная воля», «проявить волю»; 15) Судьба: «воля Божья».

С течением времени, исследуемый нами концепт «*воля*» обрастает новыми смыслами. На современном этапе «*воля*» рассматривается как психологическое свойство человека: «умение добиваться поставленной цели и осуществлять свои желания; способность контролировать и регулировать свои поступки, преодолевать внутренние и внешние препятствия». *Воля* отождествляется с независимостью, силой, упрямством, решительностью, смелостью. *Воля* – это особенность личности, которая отражает склонность к выбору и борьбе мотивов [16].

Ценностная и образная составляющая концепта «*воля*»

В пословицах и поговорках аккумулируется народная мудрость, оценка жизни, опыт и мысли народа. В русском народном творчестве подчеркивается несомненная ценность концепта «*воля*». *Воля* преимущественно оценивается позитивно: *Вольность всего дороже. У русского народа преобладает положительное отношение к воле: По своей воле лучше неволи. Однако, анализ пословиц и устойчивых выражений продемонстрировал, что концепт «воля» актуализируется между двумя крайними полюсами оценки — положительной и отрицательной, что свидетельствует о противоречивости русской души.*

Воля как бескрайняя и необъятная свобода ощущается русским человеком как нечто самое важное, необходимое: *Воля - свой бог. Бог даст волю, забудешь и неволю. Воля птичке дороже золотой клетки. Вольному воробью и соловей в клетке завидует. Своя воля всего дороже. Живое существо неудержимо стремится на свободу, «хватает» ее, борется за нее: Какими заклепами не заклепай коня, он все равно рвется на волю. У коня овса без выгребу, а он рвется на волю. Взяли волю, едем по всему полю. Ваша воля, а наше поле: биться не хотим, а поля не отдадим.*

Одновременно, предпочтение дается и неволе: *Своя воля клад - да черти его стерегут. Находишься по воле, наплачешься вдоволе.* Чаще всего, негативное отношение связано со злоупотреблением свободой. «Воля завладевает человеком», «проявляется в его стихийно-бессознательных поступках», «в отрицании каких-либо пределов, границ, крайним моментом проявления воли является русский бунт» ^[17]. Внезапно полученная свобода может обернуться злом: *Волю дать - добра не видать. Дай себе волю, заведет тебя в лихую долю. Дай черту волю, живьем проглотит. Воля и добру жену портит. Воля заведет в неволю. Дай ему волю, он все перевернет, Дай сердцу волю, заведет тебя в неволю. Глупому в поле не давай воли.* Таким образом, воля должна регулироваться «разумом», «умом», иначе она может привести к беде: *Хороша воляс умом да с деньгами. Чья воля старее, та и правее.* Человек сам отвечает за свою свободу и действия: *Чья воля, того и ответ. Жить по воле, умереть в поле.*

Воля, отождествляемая с властью, подчинением, принуждением, по-разному оценивается в русском фольклоре. С одной стороны, русскому духу характерно смирение и ощущение безысходности перед высшими силами: *Воля Божья, а суд царев. Твори (суди) Бог волю свою. Божьей воли не переволишь. Выше Божьей воли не будешь. Власть Господня, воля Божья, святая воля Его. На волю Божью просьбы не подашь. Живи не как хочется, а как бог велит.* С другой стороны, русский человек не готов мириться с притеснениями: *Наступи на горло, да по доброй воле. Вольно собаке и на владыку лаять.* В целом доминирует негативное и ироническое отношение со стороны тех, кто находится в «рабских» условиях: *Неволя, неволя — боярский двор: ходя наешься, стоя выпсишься. И медведь в неволе пляшет. Неволя скачет, неволя пляшет, неволя песни поет. Коровы с поля – пастуху воля.*

В русской культуре воля ассоциируется с наличием денег: *Хороша воляс умом да с деньгами. На торгу деньги на воле, а купцы и продавцы все под неволей.* В тоже время, воля превышает материального достатка: *Хоть хвойку жую, да на воле живу. Хоть на хвойке, да на своей вольке. Хоть с голоду пухнем, да на воле живем. Хоть хлеба крома, да воля своя.*

Воля ассоциируется в сознании русского человека с бескрайними степными просторами, где можно свободно и без ограничений перемещаться и делать все, что захочешь. Образ пространства является важным компонентом в структуре концепта «воля»: *Волк на воле, да и воет доволе. Скот на воле ходит.* Концепт «воля» соотносится с концептом «поле», безопасным открытым пространством, где проходит быт русского человека: *Чьё поле, того и воля. В чистом поле четыре воли: хоть туда, хоть сюда, хоть инаково. В поле воля: кто в поле съезжается, родом не считается. Взяли волю, едем по всему полю. Цвет в поле — человек на воле. Вольному воля, ходячему путь.*

Воля как «благо» ассоциируется с «белым светом». С давних времен, «свет» символизирует пространство, простор, движение вперед. *Вольный свет на волю дан. Вольный свет, весь мир, простор. Вольный свет не клином стал. Кабы воля, так был бы и вольный свет. Не мил и вольный свет, коли милого нет. Не глядел бы на вольный свет. Он тридцать лет тут без ног сидел. И не видел свету белого, вольного.* Воля, как солнце сердце согревает: *Что же не выйдешь в чистое поле, Не разгуляешь грусти своей? Светло душе на солнышке-июле. Сердцу тепло от ясных лучей.*

Воля – это «свое», «дорогое» пространство, где русский человек может действовать в соответствии со своими желаниями и предпочтениями: *Своя волюшка раздолюшка. Своя воля во щах. Хоть хлеба крома, да воля своя. По своей воле лучше неволи. Девки говорят: нам своя воля гулять. Хочешь, как хочешь; а не хочешь, опять твоя воля. Как*

хочу, так и ворочу.

Концепт «*воля*», как мы видим, оценивается в русской культуре неоднозначно. *Воля* – хороша, и считается добром в том случае, когда контролируется умом и разумом. С другой стороны, необузданная, бессознательная, а иногда внезапно обретенная свобода оборачивается «злом», «худшей, лихой долей». В русской картине мира отражается понимание того, что не стоит «отпускать на волю» не контролируемую силу, которая может привести к разрушениям. *Воля* – духовная ценность, у русского народа существует понимание того, что материальное благо обладает силой, однако свобода для него важнее.

Воля в значении *свобода* чаще всего связывается с природой, где русский человек чувствует себя по-настоящему свободным, где он никому не принадлежит и не связан никакими условиями и договорами. Концепт «*воля*» ассоциируется в сознании русского народа с такими метафорами как «птица», «конь», «волк», «собака». *Воля* отождествляется с «пространством», «простором», «полем», в то время как *неволя* со «стесненным пространством», «клеткой». Обретение *воли* – это не просто переход в бесконечное пространство, это соединение с «белым светом», со всем окружающим миром. Для русского национального характера свойственно «устремленность к свободе». Представитель русского этноса пожертвует «благом» ради свободы. В некоторых случаях, человек готов мириться с состоянием *неволи*, когда это касается высших сил.

Вывод

Концепт «*воля*» имеет объемную, разветвленную структуры, которая состоит из множества взаимодействующих между собой компонентов. В ходе своей эволюции, концепт закреплял за собой все новые концептуальные признаки, абстрагировался, из чувственного образа постепенно превращался в мыслительный. В результате концепт «*воля*» становится одним из наиболее важных фрагментов культурной картины мира, поскольку затрагивает значимые аспекты человеческого бытия. Невозможно представить жизнь человека в социуме без *воли, свободы, желания, силы, власти. Воля* – «энергия», «могущество», «готовность к действию», «особая мобилизованность», «энергетический подъем», «действие».

Воля не только мыслится, но и оценивается и переживается. В русской национальной картине мира существует двойственное отношение к *воле*. С одной стороны, *воля* восхваляется, является наивысшей ценностью для русского народа. С другой стороны, *воля* порицается, как стихийная и бессознательная энергия, приводящая к разрушениям. *Воля* должна контролироваться разумом.

Концепт «*воля*» является ключевым элементом русского языкового сознания, отражая сложное взаимодействие между свободой, ответственностью и культурно-историческим контекстом. Изучение этого концепта в рамках когнитивной лингвистики помогает глубже понять русскую ментальность и уникальность национальной картины мира.

Библиография

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 556 с.
2. Попова З. Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: монография. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

4. Коннова М. Н. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. Изд. 2-е, перераб. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012 – 313 с.
5. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы – М: Издательский дом ЯСК, 2018 – 391 с.
6. Сергиенко Н. А. Политическая лингвистика. 2019. № 6 (78). С. 37–43.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 40-43.
8. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
9. Латыпова Ю.А., Сподарец О.О., Воробьева О.В. Концепт в когнитивно-синергетическом аспекте // Филология: научные исследования. 2022. № 12. С. 11-20. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.12.39507 EDN: SPOGIJ URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_39507.html
10. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание [Электронный ресурс] / А. Вежбицка. – М.: Русские словари, 1996б. – 416 с.
11. Колесникова С. М. Когнитивная лингвистика: учебник для вузов / под редакцией С. М. Колесниковой. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 192 с.
12. Поречная В.И. Некоторые особенности реализации кода культуры в базовых метафорах с пространственным значением//Когнитивные исследования языка. I. Метафора в языке и культуре / гл. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2023. С. 82-84.
13. Абсалямова Л.Ф., Ахметзадина З.Р. Лингвокультурологический анализ концепта "fate"/"язмыш" в английской и башкирской языковых картинах мира (на материале художественных текстов) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2018. Т. 15, № 3. С. 5–12.
14. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. Т. 1; А-Д. М.: Политиздат, 1989.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: Астрель. АСТ, 2004. 830 с.
16. Вахненко А.П. Концепт «воля» и его отражения в абстрактном существительном // Вопросы науки и образования. Языкознание и литературоведение. 2018. С. 63-67.
17. Рубцова О. В. Структурное содержание концепта как центральной категории когнитивной лингвистики//Russian Linguistic Bulletin. № 1 (49). 2024. С. 1-3.
18. Филясова Ю. А. Концептуализация и категория концепта в когнитивной теории Р. Лангакера и Л. Талми: интеграция когнитивных и языковых структур // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2024, 10(2), 173–190.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию концепта в русле когнитивной лингвистики на примере концепта «воля». Актуальность работы не вызывает сомнения: когнитивное направление считается одним из наиболее перспективных и важных в современной лингвистике в целом, а лингвистическая концептология является неотъемлемой и существенной частью этого направления. Как верно отмечается в статье, «одним из способностей человеческого разума считается способность к концептуализации, схватыванию определенных ситуаций или фрагментов действительности в виде моделей, таких как фрейм, прототип, сценарий, когнитивная

метафора и т.д. Когнитивные структуры вторично воплощаются в форме языковых единиц, таким образом, они неотъемлемо связаны с языком и принимают форму лексических и грамматических значений». Кроме того, актуальность исследования состоит в обращении к концепту «воля», который относится к базовым лингвокультурным концептам, определяющим специфику языкового сознания, отражающим национальное мировосприятие и обладающим ценностным для любой лингвокультурной общности содержанием.

Теоретической основой работы выступили труды таких российских исследователей, как Ю. С. Степанов, М. М. Ангелова, Т. Г. Скребцова, С. Г. Воркачев, А. П. Вахненко, Ю. А. Латыпова, О. О. Сподарец, О. В. Воробьева, Л. Ф. Абсаямова, З. Р. Ахметзадина, посвященные вопросам когнитивной лингвистики, политической лингвистики, лингвокультурологическому анализу концепта. Не умаляя значимость данных работ и принимая во внимание тему статьи (Исследование концепта в русле когнитивной лингвистики), рецензент считает, что в работе необоснованно отсутствует анализ трудов в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии Е.С. Кубряковой, И.А. Стернина, Ю.Д.Апресяна, А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой Ю.Н. Караулова, Д.С. Лихачева и др. В то же время немало зарубежных исследования, в том числе последних лет, посвящены вопросам когнитивной лингвистики и концептологии. Библиография статьи составляет 11 источников, в том числе два словаря (Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка, 1989 и Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, 2004) и учебное пособие (Коннова М. Н. Введение в когнитивную лингвистику). Такое количество источников недостаточно для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Кроме того, автор(ы) практически не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология проведенного исследования в рукописи не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, научный поиск, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; дефиниционно-компонентный анализ, используемый для описания семантического содержания номинативных единиц, методы концептуального и когнитивного анализа.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования автор(ы) рассматривают понятия «когнитивная лингвистика», «концепт», изучают этимологические признаки концепта «воля», его семантические и образные характеристики, а также прагматический аспект использования концепта «воля» в языке. Делается вывод о том, что «концепт «воля» является ключевым элементом русского языкового сознания, отражая сложное взаимодействие между свободой, ответственностью и культурно-историческим контекстом. Изучение этого концепта в рамках когнитивной лингвистики помогает глубже понять русскую ментальность и уникальность национальной картины мира».

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, прагматика, лингвокультурология; в комплексное изучение концепта «воля». Практическая значимость заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по лингвокультурологии, лексикологии и лексикографии.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. В целом, стиль изложения материала соответствует требованиям научного описания.

Обращаем внимание автора(ов) на опечатки и неточности в тексте (например, «Будучи

осмысленные первобытным человеком, концепт предстает как зародыш ощущений, представлений, функционирует на уровне бессознательного», «Когнитивная лингвистика, возникшая в недрах когнитивной науки, предлагает новые подходы к изучению языка тем самым расширяя границы традиционной лингвистики»).

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Исследование концепта в русле когнитивной лингвистики (на примере концепта "воля")».

Предмет исследования – национально-культурная специфика концепта «воля» в русском языке.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, обобщения и синтеза.

Актуальность работы обусловлена тем, что языковая картина мира направлена в первую очередь на отображение познавательных и ценностных концептов, отмеченных лингвокультурной спецификой и характеризующих носителей определенной лингвокультуры. Концепт «воля» является фундаментальным для русской культуры, определяющим специфику русского языкового сознания, отражающим национальное мировосприятие и обладающим ценностным для русской лингвокультурной общности содержанием.

Научная новизна исследования заключается в его многоаспектном и комплексном характере.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, дан обзор теоретической базы исследования); обсуждение (выполнен комплексный анализ концепта «воля», указаны этимологическими признаками концепта, дана его семантическая характеристика, описан прагматический потенциал концепта в различных коммуникативных ситуациях, автор также отмечает наличие метафорических слоев у концепта «воля»); заключение (автор делает общие выводы о таком ключевом элементе русского языкового сознания как концепт «воля», который отражает сложное взаимодействие между свободой, ответственностью и культурно-историческим контекстом); библиография (включает 18 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование выходит за рамки лингвистики и культурологии, полученные результаты будут интересны тем, кто занимается исследованием феномена языковой картины мира и изучением культуры русского народа. Исследование имеет практическое значение для эффективной коммуникации на межнациональном уровне, проведенный анализ даёт актуальное представление об особенностях концептуализации окружающей действительности русским народом через призму концепта «воля», это помогает лучше понимать менталитет носителей культуры и учитывать его в процессе межкультурного общения.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы цель, объект, предмет, научная новизна и методологические основы проведенного исследования, стоит также указать объем эмпирического материала и его источники.
2. Уместно видоизменить название статьи, уточнив, что исследование концепта «воля» выполнено на материале русского языка.
3. Стоит пересмотреть пропорциональность частей статьи, сократить введение и расширить заключение.
4. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.
5. Нужно унифицировать упоминания имен собственных в статье (в тексте: Д. Миллер, Аллена Ньюэлла, З.Д. Попова, и.А. Стернин).
6. Было бы уместно привести большее количество иллюстративных примеров как подкрепление теоретических измышлений автора статьи.
7. Следуют упорядочить использование кавычек и перепроверить текст на предмет опечаток, описок, пропусков символов и повторов. Кроме того, необходимо проверить наличие в тексте ссылок на первоисточники.
8. Вызывает вопросы следующий фрагмент статьи: А. Вежицкая (вроде в большинстве источников она на -я).
9. Было бы уместно представить перспективы дальнейшего исследования, возможно, автор планирует выполнить сравнительный анализ национально-культурной специфики концепта «воля» в русском и иностранном языках.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, но требует доработки, после чего может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопросы когнитивистики последнее время часто становятся предметом профильного рассмотрения. На мой взгляд, работы данной направленности продуктивны, достаточно интересны, по-своему оригинальны. Рецензируемая статья точно касается рассмотрения концепта «ВОЛЯ» в русском языке. Выбор, на мой взгляд, осознан, специфика исследования объективна. Текст статьи дробится на т.н. смысловые блоки, это позволяет потенциально заинтересованному читателю двигаться вслед за развитием исследовательской мысли. Таким образом, жанр верифицирован, серьезная правка / корректура излишня. Материал имеет как теоретический, так и практический характер; удачны вставки собственно информационного предела: например, «Лексема концепт уходит корнями в латинский язык *concipere* и означает «зачинать», т.е. имеет сходство с русским термином понятие, что означает «поятие, зачатие», «схватить женщину в жены». Несмотря на родственность, между терминами существует разница, по мнению Ю.С. Степанова концепт все же более объемная структура знания, вбирает в себя как понятие образное и ценностное представление [7, 17]. Концепт – явление высокого порядка, это больше, чем слово и соотносительный с ним объект действительности. Концепт – инструмент и результат познавательной деятельности человека. По мнению представителей когнитивной лингвистики, концепт состоит из трех компонентов: понятийного, (дефиниционного), образного (метафорического) и ценностного слоя [8]» и т.д. Должный ряд отсылок говорит о сферическом рассмотрении вопроса: «важный

вклад в исследование языка в когнитивном направлении внесли отечественные исследователи (А. Вежбицкая, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, А.А. Залевская, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, В.В. Колесов, В.В. Красных, А.А. Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова З.Д. Попова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Ю.Н. Караулова)». Базой статьи стали труды отечественных, зарубежных исследователей, объективность позиции налична. Термины / понятия, которые используются по ходу исследования унифицированы: «Концепты классифицируются по типу отражения действительности. Под прототипом, как правило, понимается образ, кодирующий тот или иной класс предметов. Например, растение: кустарник, цветок, дерево и т.д. [11]. Фрейм – многокомпонентный концепт, объемное представление о фрагменте действительности, совокупность частей целого. Например, понятие «магазин», включает такие фрагменты как «продажа», «покупка», «товар», «цена» и т.д. [11]. Метафора – «сетка», «призма» через которую индивид воспринимает мир. Базовые метафоры представлены как «сгустки кода культуры», обладающие архетипической природой [12]». Фактические неточности отсутствуют, по ходу работы автор стремится поддерживать и общую логику разверстки вопроса. На мой взгляд, достаточен в работе иллюстративный фон, считаю, что расширительная модель (ядро – периферия) в данном случае уместна: «Воля как свобода содержит следующие когнитивные модели: 1) «Внутренняя свобода»: «ничем неограниченная свобода»: много воли дали кому-либо; «возможность, право поступать по своему усмотрению»: своя воля, ваша воля; «ничем неограниченная свобода»: рукам воли не давай. 2) «Физическая свобода»: «отсутствие стеснений»: на воле, вырваться на волю; «свободное состояние, не взаперти»: неволя. 3) «Отсутствие зависимости и связей»: Кто ему не велит: своя воля», или «в русской культуре воля ассоциируется с наличием денег: Хороша воля с умом да с деньгами. На торгу деньги на воле, а купцы и продавцы все под неволей. В тоже время, воля превыше материального достатка: Хоть хвойку жую, да на воле живу. Хоть на хвойке, да на своей вольке. Хоть с голоду пухнем, да на воле живем. Хоть хлеба крома, да воля своя» и т.д. Считаю, что цель исследования достигнута, поставленные задачи решены; тема раскрыта. Однако работу желательно вычитать, устранить некоторые стилистические неточности, опечатки: например, «В эпоху глобализации наблюдается тенденция к интеграции научных дисциплин, при котором проблемы восприятия мира становятся междисциплинарными. На стыке объединения научных дисциплин возникает когнитивная наука, как сплетение взаимодействующих научных дисциплин, изучающих человеческий разум и мышление, способы получения, хранения, переработки и использования знания», или «Однако не все его компоненты осознаются представителями той или иной нации, его «дополнительный, пассивный признак» актуален для более узкого круга социума. Ю.Н. Караулов отмечает, что словарный запас формируется тысячелетиями, в нем наслаиваются заблуждения и суеверия, а также дологический способ становления мышления и языка...» и т.д. Заключение соотносится с основной частью, разночтений в данном блоке нет: «ВОЛЯ не только мыслится, но и оценивается и переживается. В русской национальной картине мира существует двойственное отношение к воле. С одной стороны, воля восхваляется, является наивысшей ценностью для русского народа. С другой стороны, воля порицается, как стихийная и бессознательная энергия, приводящая к разрушениям. Воля должна контролироваться разумом. Концепт «воля» является ключевым элементом русского языкового сознания, отражая сложное взаимодействие между свободой, ответственностью и культурно-историческим контекстом. Изучение этого концепта в рамках когнитивной лингвистики помогает глубже понять русскую ментальность и уникальность национальной картины мира». Основные требования издания учтены, материал можно продуктивно использовать в вузовской практике при освоении дисциплин гуманитарного профиля; список источников

объемов. Рекомендую рецензируемую статью «Исследование концепта в русле когнитивной лингвистики (на примере концепта «воля» в русском языке)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чжао П. Структурно-семантические особенности окказионализмов на примере романа «Лавр» Е.Г. Водолазкина
// Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.74352 EDN: IJDJGR URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74352

Структурно-семантические особенности окказионализмов на примере романа «Лавр» Е.Г. Водолазкина

Чжао Пань

ORCID: 0009-0002-6448-0229

аспирант, Филологический факультет; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

✉ 15829039984@163.com

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.74352

EDN:

IJDJGR

Дата направления статьи в редакцию:

05-05-2025

Дата публикации:

12-05-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу окказионализмов в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» как ключевого элемента авторского идиостиля, репрезентирующего религиозно-философский дискурс через синтез архаических и постмодернистских языковых стратегий. Объектом исследования выступают окказионализмы в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» как лингвопоэтический феномен, предметом исследования — их структурно-семантические особенности и функциональная роль в конструировании религиозно-философского дискурса. Цель исследования заключается в выявлении структурно-семантических особенностей окказиональных единиц, их роли в архитектонике текста и передаче мировоззренческих установок, что позволяет раскрыть механизмы трансформации языка в инструмент теологической рефлексии. Ключевой акцент сделан на многоуровневой классификации окказионализмов, выявляющей их

системное взаимодействие: лексико-семантические (реконтекстуализация, например «двуединство»), морфологические (архаичные суффиксы — «Рукинец»), синтаксические (нарушение норм согласования) и графические (метатекстуальные маркеры, например, скобки). Методология сочетает лингвостилистический анализ словообразовательных моделей, таксономию окказионализмов по критериям Н. Г. Бабенко с добавлением графического типа, а также интерпретацию языковых новообразований в контексте религиозной символики. Научная новизна работы заключается в интерпретации языковой деформации как механизма философского моделирования, при котором окказионализмы трансформируют текст в пространство диалога между материальным и духовным («деревянность» как символ аскезы), историческим и вечным (аллюзии на канон мученику Трифону), языком и метафизикой (игра слов «калачник/кулачник» как семантическая деконструкция). В ходе исследования установлено, что окказионализмы выполняют двойную функцию: архаизация (например, «богословить», «чадолюбец») связывает текст с церковной традицией, тогда как неологизация («духовопад», «временсчисление») актуализирует философские темы — вечность, метаморфозу, трансценденцию. Выводы подчёркивают, что синтез традиции и новаторства в окказионализмах формирует уникальный идиостиль Е.Г.Водолазкина, где языковая игра становится инструментом рефлексии над экзистенциальными границами и открывает новые перспективы для междисциплинарного диалога между лингвистикой, теологией и культурной антропологией в современной прозе.

Ключевые слова:

окказионализмы, семантический окказионализм, графический окказионализм, языковая игра, авторский стиль, религиозно-философский дискурс, структурно-семантический анализ, междисциплинарные исследования, неоагиография, постмодернистская поэтика

Введение. Окказионализмы в настоящее время находятся в центре внимания исследователей, изучающих языковые явления современной русской литературы. Учёные предлагают различные дефиниции данного феномена, описывают его функции и разрабатывают классификационные подходы. Так, Н.Г. Бабенко, посвятившая окказионализму фундаментальное исследование, рассматривает его как осознанное автором отклонение от языковой нормы в определённом контексте, подчёркивая, что такие единицы функционируют исключительно в пределах художественного текста и отсутствуют в узусе [\[2, с. 7\]](#). Э.Д. Розенталь и М.А. Теленкова дают сходное определение: окказионализм — это лексема, основанная на непродуктивной модели и актуальная лишь в конкретной авторской речевой ситуации [\[13, с. 282\]](#). Аналогичную трактовку предлагает и О.С. Ахманова, называя окказионализмы словами, находящимися вне узуса и нормы, созданными автором в соответствии с его индивидуальной стилистикой и требованиями контекста [\[1, с. 274\]](#).

Согласно Е.А. Земской, окказионализмы характеризуются ограниченной сферой употребления, строго привязанной к конкретному тексту. В отличие от неологизмов, они сохраняют новизну независимо от времени своего появления. Кроме того, их образование сопровождается нарушением существующих языковых норм, что позволяет называть их «словами-беззаконниками» [\[9, с. 15\]](#). В.В. Виноградов отмечает, что окказионализмы отражают диалектику языкового развития, возникая как реакция на общественные изменения и коммуникативную потребность в номинации новых реалий [\[5,](#)

[с. 202\]](#).

Существенный вклад в изучение исторического аспекта окказионализмов внесла С.В. Валиулина, проанализировавшая 247 окказиональных единиц в поэтике А.С. Пушкина. Большинство из них, по её наблюдениям, построены на продуктивных словообразовательных моделях (суффиксация, префиксация, сложение), однако их функционирование ограничивается конкретным художественным контекстом [\[3, с. 229\]](#). Эти выводы согласуются с мнением Т.И. Вендиной, согласно которому окказионализмы, в отличие от неологизмов, не фиксируют коллективный языковой опыт, а выражают индивидуально-авторское начало, что объясняет их отсутствие в нормативных словарях [\[4, с. 17\]](#).

З.В. Шахматова в исследовании композитов XIX века показывает, что окказионализмы часто создавались в качестве альтернативы иностранным терминам в условиях нехватки русской научной лексики. Например, сложные прилагательные типа *хладотворный* или *двупятичастный* иллюстрируют попытки калькирования и адаптации заимствованных понятий путём словосложения [\[14, с. 154\]](#).

Н.В. Девдариани и Е.В. Рубцова подчёркивают принципиальное отличие неологизмов от окказионализмов: первые обозначают новые реалии и могут закрепиться в языке, тогда как вторые — ситуативные речевые образования, не предназначенные для длительного существования [\[7, с. 44\]](#). Несмотря на это, по мнению В.В. Лопатина, окказионализмы, даже оставаясь маргинальными, обогащают язык, демонстрируя его креативный потенциал и способность к экспрессивной импровизации [\[12, с. 62\]](#).

В последние годы внимание к окказиональной лексике усиливается в связи с развитием корпусных и дискурсивных методов анализа. Современные исследователи подчёркивают необходимость рассматривать окказионализмы не только как единицы языковой игры, но и как элементы авторского концептуального стиля [\[15; 17; 19\]](#). В частности, в работах А. Л. Токаревой и Д. У. Ашуровой, выполненных в русле когнитивной лингвистики, раскрывается роль метафорических и образных единиц в формировании индивидуально-авторской картины мира, что делает их подход особенно актуальным для анализа окказионализмов в современной художественной прозе [\[15; 17\]](#). Б. Т. Дзусова акцентирует внимание на когнитивных механизмах метафоризации как основе авторской интерпретации действительности, что позволяет расширить понимание прагматико-семантических функций окказиональных номинаций [\[20, с. 278\]](#). Кроме того, исследование А. В. Боровковой демонстрирует потенциал окказионализмов как средства выражения культурных ценностей и оценочных смыслов путём актуализации метафорических моделей [\[21, с. 36\]](#). Значимым направлением является и применение методов корпусной лингвистики, что позволяет выявлять частотные и контекстуальные закономерности употребления окказиональных единиц. В этом ключе представляют интерес работы Ивановой (2022) и Селивановой (2023), способствующие уточнению их типологии и систематизации [\[16; 18\]](#).

Таким образом, окказионализмы следует рассматривать как сложное и многоплановое языковое явление, объединяющее черты нормы и отклонения, традиции и инновации. Их исследование требует комплексного подхода, охватывающего как структурно-семантический, так и экстралингвистический уровни, что особенно важно для изучения функционирования этих единиц в авторском дискурсе.

Обсуждение. В романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» активно используются разнообразные средства языковой выразительности, среди которых особое место занимают окказионализмы. Одним из первых лексических окказионализмов в тексте становится антропоним «Рукинец». Так, в самом начале повествования, характеризуя героя, автор пишет: *«У него было также два прозвища. Одно из них – Рукинец – отсылало к Рукиной слободке, месту, где он появился на свет»* [6]. Антропоним Рукинец является лексическим окказионализмом, образованный суффиксальным путём. Примечателен тот факт, что его семантика оказывается двойной: так, прозвище героя указывает не только на его принадлежность к определённому месту, но и связано с его родом деятельности (лекарством): *«Умение возлагать руку, облегчать возложением руки боль в какой-то мере определило первое прозвище Арсения – Рукинец»* [6]. Этот пример иллюстрирует концептуальную функцию окказионализмов, выделенную А.Л. Токаревой, где метафорические номинации становятся ключевыми маркерами авторской картины мира [15, с. 19]. В частности, имя «Рукинец» отражает не только место и профессию, но и сакральное представление о «руке» как символе исцеления. Таким образом, лексема выполняет не только идентифицирующую, но и символическую функцию, вписываясь в религиозно-философский контекст романа и расширяя лексическую норму за счёт семантической емкости.

Одним из ярких примеров семантического окказионализма в романе является слово «двуединство», использованное в следующем фрагменте: *«В один из длинных июльских вечеров Устина попросила Арсения выучить её грамоте. Такая просьба вначале его удивила. Всё, что им требовалось читать, мог прочесть он, и это было частью их двуединства»* [6]. Слово «двуединство» определяется в словаре как неразрывная часть неких явлений или черт [8, с. 313]. Однако в контексте художественного текста «двуединство» приобретает уникальную семантическую нагрузку — оно обозначает мистическое, почти сакральное единение двух персонажей, их метафизическую сопричастность.

Такая семантическая переоценка, по наблюдению Б. Т. Дзусовой, демонстрирует когнитивный механизм вторичной номинации, при котором лексема активизирует скрытые концептуальные связи, связанные с религиозной и этической семиотикой. В контексте романа «двуединство» не только описывает отношения героев, но и структурирует их сюжетные трансформации: Арсений доминирует в этом союзе, что символически выражает неравновесие духовной воли. Его стремление к исключительности приводит к гибели Устины и их ребёнка, однако даже после смерти их единство сохраняется в виде самопожертвования героя и отказа от собственной личности. Это значение усиливается финальной сценой, в которой Арсений берёт имя возлюбленной. Тем самым происходит концептуальное слияние телесного и духовного, отражающее амбивалентную авторскую позицию: любовь как единство становится одновременно благословением и роком. Таким образом, лексема «двуединство» выходит за пределы своей узкой семантики и выступает в роли семантического окказионализма, выполняющего интерпретативную и символическую функцию в дискурсе произведения.

О семантических окказионализмах можно говорить и в следующих примерах: «Арсений прижался лбом к дубу и почувствовал, как в него вливается деревянность. Ты его поцелуй от меня. Просто поцелуй» [6]. Деревянность в данном контексте приобретает свойства одухотворённости и подвергается персонификации, благодаря чему формируется новое семантическое наполнение. Под «деревянностью» подразумевается не только физическое качество дерева как материала (твёрдость, неподвижность,

закостенелость), но и символическое состояние героя, находящегося в процессе духовного перерождения. Это новое значение проявляется в эпизоде, где Арсений прижимается к дубу — и именно этот акт соприкосновения с природным элементом сопровождает его переход в иную ипостась. Таким образом, лексема «деревянность» используется с нестандартной, контекстуально обусловленной семантикой. Следует отметить, что в романе мотив слияния героя с природой повторяется неоднократно, причём природные объекты (например, деревья, ветер, свет) приобретают признаки одушевлённости. По наблюдению Б. Т. Дзусовой (2019), подобная семантическая трансформация отражает когнитивный механизм метафоризации, посредством которого материальные свойства объектов переводятся в онтологические категории [20, с. 278]. В данном случае дерево выступает не только как природный объект, но как посредник между мирами. Слияние героя с деревом подчеркивает его стремление к очищению через растворение в природе. Персонафикация этих элементов природы служит маркером семантической трансформации соответствующих лексем, которые могут быть расценены как семантические окказионализмы.

Приведённый пример представляет интерес не только с точки зрения лексической инновации, но и с позиции грамматической трансформации. Так, в финальной реплике (**не древесна, но человечна и молитвенна**) наблюдаются формы кратких прилагательных женского рода, которые в данной семантической конфигурации функционируют как грамматические окказионализмы. Формально слово «человечна» действительно засвидетельствовано в словарях (ср. gramota.ru), однако в узусе современного русского языка оно крайне редко употребляется в сопоставлении с такими же редкими или окказиональными образованиями, как «молитвенна». Как подчёркивает Е. А. Земская, подобные синтаксические сбои могут рассматриваться как «эстетические аномалии», усиливающие экспрессию и метафизический регистр повествования [9]. В данной сцене трансформация касается не только героя, но и языка, который становится проводником метафизического опыта. Окказиональность здесь проявляется не в нарушении нормы, а в необычной сочетаемости, контекстуальной аномальности и эстетической маркированности синтаксического ряда. Подобная структура не только придаёт речевому высказыванию экспрессию, но и усиливает образ метафизического преображения героя.

Мотив слияния с природным элементом в романе может приобретать и негативную коннотацию. Это прослеживается, например, в следующем фрагменте: *«Разве имеет значение, кто я, отвечает Арсений, ангел ли, человек ли. Прежде ты грабил живых, а теперь стал могильным вором. Получается, что **ещё при жизни ты приобретаешь земляные свойства и оттого можешь в одночасье стать землею**»* [6]. В приведённом примере сочетания «*земляные свойства*» и «*стать землею*» выражения «земляные свойства» и «стать землею» приобретают символическое значение — метафору крайней степени грехопадения и утраты духовной субстанции. Вне данного контекста они не обладают подобным смысловым наполнением, что позволяет рассматривать их как семантические неологизмы, возникающие в пределах авторского художественного мира.

Подобные выражения можно интерпретировать как семантические окказионализмы, поскольку они возникают исключительно в авторском дискурсе и активизируют культурные и религиозные ассоциации. Эти лексемы становятся не просто образными, а концептуальными маркерами внутреннего распада и онтологической трансформации персонажа. Таким образом, данные лексемы выполняют двойную функцию: они, с одной стороны, обозначают конкретное символическое состояние героя, с другой — маркируют границу между жизнью и смертью, плотью и прахом, выступая как средство когнитивной

маркировки нравственного распада. В этом смысле они представляют собой высокоуровневые семантические окказионализмы с ярко выраженной интерпретативной нагрузкой.

Примечательно, что в романе активно используется древнерусский язык, на котором герои общаются и читают (при этом в повествование наравне с этим активно вплетается и современный русский язык). Профессиональное знание писателем древнерусской культуры и литературы, а также Священного Писания, позволяет ему не только приводить из этих текстов большие отрывки и соответствующе стилизовать повествование, но и создавать собственный текст. Например: *«Яко в чуждем телеси пребываю, подумал Арсений»* [6]. В какой-то мере эту фразу можно назвать и оригинальной, хотя в некотором смысле она соотносится с фразой из Канона свт. мученика Трифона: *«...яко в чуждѣм страждѣ телесѣ»* [11]. Но в тексте романа сложный контекст значительным образом влияет на смысл фразы/цитаты, обозначая и пребывание героя в чужой, неприятной ему одежде, и всё больший отказ от своей личности и трансформации в Устине. Данная фраза приобретает сакральный смысл и свойства семантического окказионализма. В данном случае окказионализм реализуется через интертекстуальную адаптацию: знакомый религиозный оборот переосмыслен автором в рамках художественной интенции. Подобный приём может быть отнесён к категории семантико-контекстуального окказионализма, где уже существующее выражение актуализирует иные концепты — не отчуждение тела в христианском смысле, а растворение личности ради искупления.

Как подчёркивает О. А. Селиванова (2023), цитатные конструкции, включённые в авторский дискурс, при определённых условиях начинают функционировать как индивидуально-стилистические единицы, теряя исходный религиозный смысл и приобретая новый — личностный, экспрессивный, символический [18, с. 40]. В этом примере сакральная формула трансформируется в метафору духовного перевоплощения, что усиливает эффект внутреннего диалога между героем, текстом и традицией.

Подобный пример наблюдается и в следующем эпизоде: *«Устина сидела в углу, сложив руки на коленях. Рассматривала пол, где лежало присыпанное сажей сено. Её одежда казалась продолжением этого сена – чёрная и свалявшаяся. И была не одеждой даже – чем-то, не для человека предназначенным»* [6]. В данном случае одежда становится не просто одеждой, а символом перехода в новое состояние, в новую жизнь. В интерпретации контекста данный отрывок демонстрирует, как через модификацию лексической семантики автор создаёт фигуру «одежды-не-вещи», или экзистенциальной оболочки, не предназначенной для живого существа. Этот приём позволяет интерпретировать одежду как маркер перехода между мирами — от жизни к смерти, от человеческого к иносущностному.

Мотив избавления от старого облачения усиливается позднее, когда Арсений сжигает эту одежду, вспоминая сказочный архетип (возможно, «Царевна-лягушка»), где утрата старой формы означает символический разрыв с прошлой жизнью. Как подчёркивает А. Л. Токарева (2020), окказиональные номинации нередко выполняют функцию реконфигурации культурных архетипов в авторском стиле [15, с. 3]. В данном случае налицо семантическое расширение привычной лексики, превращающее «одежду» в концептуальный знак трансформации.

Своеобразный пример окказионализма присутствует и в другом фрагменте романа: *«Арсений часами наблюдал за качанием её вымени и иногда припадал к нему губами»*.

Корова (что в вымени тебе моём?) не имела ничего против, хотя всерьёз относилась лишь к утренней и вечерней дойке» [6]. Фраза «что в вымени тебе моём» является ироническим переосмыслением строки из известного стихотворения А.С. Пушкина «Что в имени тебе моём?». Здесь игра слов, близкая к каламбуру, становится способом показать всё больший отрыв героя от привычных условий человеческой жизни, от любого комфорта и, тем самым, подчёркивает степень этого отречения. Этот окказионализм выполняет сразу несколько функций: интертекстуальную (цитатное переформатирование), экспрессивно-ироническую (деконструкция возвышенного), а также концептуальную — как указание на дегуманизацию и асоциальность юродивого. Как отмечает О. А. Селиванова, окказионализмы подобного рода нередко служат «точками стилистического разрыва», в которых происходит сбой привычных кодов и выстраивается новая коммуникативная парадигма [18, с. 33].

Отметим и другой пример игры слов, выступающий в качестве окказионализма: «*Отныне ты не калачник, но кулачник, крикнул Прохору Фома*» [6]. В данном фрагменте реализуется каламбур на основе замены одной гласной (а → у), что превращает слово с положительной коннотацией («пекарь») в негативно окрашенное («драчун», «наильник»). Этот окказионализм строится на фонетико-семантической оппозиции, при этом лексическая игра служит инструментом социальной характеристики: Фома с помощью словесного приёма разоблачает Прохора как лицемера. Такая бинарность подкрепляется идеей раздвоенности человеческой природы — мотивом, структурно значимым для всего романа. Как подчёркивает З. В. Шахматова (2019), языковая игра в художественном дискурсе позволяет автору создавать «семантические разломы», в которых проявляется скрытая оценочность, ирония и конфликт между внешним и внутренним [14, с. 155].

Хотя Н.Г. Бабенко не упоминает один из видов окказионализма – графический, на наш взгляд, о нём необходимо сказать в данной работе. Под графическим окказионализмом понимается визуальное выделение какой-либо части синтаксической конструкции более крупным шрифтом, многоточием, скобками и т.д. [10, с. 82]. Например: «С одной стороны – открытие нового континента, с другой – ожидавшийся на Руси конец света. Насколько **(недоумение Амброджо)** эти события связаны, и если связаны, то – как? Не может ли **(догадка Амброджо)** открытие нового континента быть началом растянувшегося во времени конца света? И если это так **(Амброджо берёт Америго за плечи и смотрит ему в глаза)**, то стоит ли такому континенту давать свое имя?» [6].

Скобочные вставки в романе функционируют не только как визуальные маркеры внутренней речи и авторских ремарок, но и выполняют важную структурно-коммуникативную задачу. Они нарушают линейную логику повествования, создавая эффект полифонии, при котором в одном фрагменте сосуществуют несколько голосов — персонажа, автора и повествователя. По наблюдению О. А. Селивановой (2023), такие элементы формируют визуальную полифонию, характерную для постмодернистской нарратологии, в которой синтаксис и графика равноправно участвуют в смыслопорождении [18, с.35].

Графическое насыщение текста (например, скобками с метакомментариями) необходимо автору для репрезентации сверхвременной перспективы героя, способного воспринимать события вне хронологических границ. Через такие элементы Водолазкин реализует одну из ключевых идей романа — концепцию времени и безвременья, отражающую философское измерение текста и расширяющую рамки линейного повествования.

Заключение. Проведённый анализ окказиональных языковых единиц в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» позволяет утверждать, что авторские неологизмы выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они представляют собой структурно-семантические доминанты повествования, с другой — служат философско-эстетическим кодом, соединяющим древнерусскую духовную традицию и постмодернистскую поэтику. Рассмотренные лексемы («Рукинец», «двуединство», «духовопад», «деревянность» и др.) демонстрируют трансформацию церковнославянских словообразовательных моделей (например, суффикс «-нец» или абстрактные субстантивации на «-ость») в инструменты концептуализации экзистенциального опыта.

Особое значение приобретает диалектика формы и содержания: графические отклонения — в частности, метатекстуальные скобки — нарушают линейную хронологию текста, моделируя вневременной диалог эпох, тогда как семантические окказионализмы типа «молитвенна» или «не древесна, но человечесна» актуализируют фундаментальные антиномии: сакрального и профанного, временного и вечного, телесного и духовного.

Таким образом, можно заключить, что окказионализмы в романе «Лавр» не являются маргинальным языковым элементом, а служат семантическим ядром авторской картины мира. Они вписываются в полифоническую структуру повествования, способствуя внутренней когезии текста и раскрывая авторскую концепцию памяти, покаяния и святости. Развитие темы через нестандартные словоформы и контекстуальные новообразования свидетельствует о том, что семантическая инновация является одним из ключевых элементов индивидуального стиля Е.Г. Водолазкина. Этот методологический подход не только продолжает традиции «онтологической поэтики», начиная с Андрея Рублёва и заканчивая поздним Толстым, но и раскрывает новые горизонты для исследования взаимодействия лингвистической креативности, теологических концепций и культурной памяти в современной литературе.

Библиография

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с. EDN: IMNYVY.
2. Бабенко Н. Г. Окказиональное в художественном тексте: структурно-семантический анализ. Калининград: Калинингр. гос. ун-т, 1997. 79 с.
3. Валиулина С. В. Окказионализмы А. С. Пушкина в словообразовательном аспекте // Неофилология. 2020. № 22. С. 226-234. DOI: 10.20310/2587-6953-2020-6-22-226-234. EDN: VDNWFR.
4. Вендина Т. И. В. И. Даль: Взгляд из настоящего // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 13-21.
5. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с. EDN: VTGRGZ.
6. Водолазкин Е. Г. Лавр [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://biblioteka-online.org/book/lavr?ysclid=m8vznjv99j452934104> (дата обращения: 28.03.2025).
7. Девдариани Н. В., Рубцова Е. В. Окказионализм как феномен в русской литературе // БГЖ. 2018. № 4 (25). С. 42-46. EDN: VQWVYC.
8. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2005. 1168 с.
9. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с. EDN: SIRWQD.
10. Грищева Е. С. Элокутивный аспект изучения графической окказиональности в современной лингвистике: к постановке проблемы // Армия и общество. 2011. № 2 (26). С. 82-87.

11. Канон мученику Трифону Апамейскому [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/molitvoslov/kanon-mucheniku-trifonu-apamejskomu.html> (дата обращения: 28.03.2025).
12. Лопатин В. В. Рождение слова: неологизмы и окказиональные словообразования. М.: Наука, 1973. 152 с.
13. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
14. Шахматова З. В. Окказиональные композиты в русском языке XIX века (на материале словарей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 7 (61): в 3-х ч. Ч. 1. С. 153-158. EDN: VZANNH.
15. Токарева А. Л. Авторские и языковые метафоры негативных эмоций в современной итальянской художественной прозе. М., 2020. 211 с.
16. Иванова Н. В. Корпусный анализ окказионализмов в современной русской прозе // Лингвистические исследования. 2022. № 4. С. 45-58.
17. Ашурова Д. У. Когнитивная сущность конвенциональной и художественной метафоры: сопоставительный анализ // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 121-136. DOI: 10.20916/1812-3228-2023-1-121-136. EDN: BQUYPE.
18. Селиванова О. А. Дискурсивные маркеры авторского стиля: окказионализмы в современной литературе // Филологический вестник. 2023. № 2. С. 33-47.
19. Боровкова А. В. Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей (на материале образной лексики и фразеологии русского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 5-13. DOI: 10.17223/15617793/396/1. EDN: UJLCRP.
20. Дзусова Б. Т. О лингвистической роли когнитивной метафоры в художественном тексте // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 277-279. DOI: 10.26140/bgз3-2019-0803-0069. EDN: GQDYRP.
21. Демидова Т. А., Пак И. Я. Структурно-семантическая трансформация и аксиологический потенциал образных единиц в романе Д. Гранина "Мой лейтенант" // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 93. С. 24-47. DOI: 10.17223/19986645/93/2. EDN: LWIVQD.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают структурно-семантические особенности окказионализмов в художественном дискурсе. Актуальность работы не вызывает сомнения и обусловлена тем, что «окказионализмы представляют собой многогранное языковое явление, сочетающее элементы нормы и аномалии, традиции и новаторства. Их исследование требует комплексного подхода, учитывающего как структурно-семантические, так и экстралингвистические параметры, определяющие специфику их функционирования в авторском дискурсе». Эмпирической базой послужил роман Е. Г. Водолазкина «Лавр», содержащий в себе множество средств языковой выразительности, среди которых обнаруживаются и окказионализмы.

Теоретической основой работы выступили труды по различным вопросам окказиональности; по словообразованию, лексикологии и лексикографии таких ученых, как В. В. Виноградов, В. В. Лопатин, Е. А. Земская, З. В. Шахматова, Т. И. Вендина, С. В. Валиулина, Н. Г. Бабенко и др. Библиография насчитывает 14 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на

страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако автор(ы) совсем не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о степени разработанности данной проблемы на современном этапе. Методология исследования определена поставленной целью и задачами и носит комплексный характер. В ее основе обоснованно лежат общенаучные методы анализа и синтеза, метод контекстуального анализа, герменевтический метод и описательно-аналитический метод, а также когнитивный и дискурсивный анализы.

В ходе исследования рассмотрены теоретические вопросы окказиональности и специфика авторских окказионализмов в романе «Лавр» Е. Г. Водолазкина. Проведённый анализ окказиональных языковых единиц в данном романе позволил автору(ам) сформулировать ряд обоснованных выводов: «авторские неологизмы выполняют двойственную функцию: будучи структурно-семантическими доминантами текста, они одновременно выступают философско-эстетическим кодом, синтезирующим древнерусскую духовную традицию и постмодернистскую поэтику»; «окказионализмы в «Лавре» представляют собой не маргинальное явление, а семантическое ядро авторской картины мира»; «развитие экзистенциальной тематики через нестандартные словоформы и контекстуальные новообразования позволяет рассматривать семантическую инновацию как ключевой элемент идиостиля Е.Г. Водолазкина» и др.

Теоретическая значимость работы заключается в описании и изучении окказионализма как феномена в русской литературе. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов как в исследованиях по теории языка, теории дискурса, дискурсивной лингвистике, так и в процессе преподавания вузовских курсов по словообразованию, в том числе по окказиональному словообразованию, в спецкурсах по творчеству Е. Г. Водолазкина.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Однако объем рукописи слишком мал для раскрытия темы. Рекомендуем автору(ам) расширить его, в том числе за счет анализа актуальных исследований по изучаемой проблематике. Статья самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи – окказиональная лексика в романе Е. Водолазкина «Лавр». Думается, что данный вопрос достаточно интересен, научно оправдан, ибо «окказионализмы в настоящее время находятся в центре внимания исследователей, изучающих языковые явления современной русской литературы. Учёные предлагают различные дефиниции данного феномена, описывают его функции и разрабатывают классификационные подходы». Методология работы соотносится с рядом актуальных научных вариантов, системный принцип не исключается автором, да и должная аналитика рассмотрения темы прослеживается на протяжении всего сочинения. Автор выстраивает продуктивный диалог с оппонентами, где-то соглашаясь с мнением, где-то вступая в дискуссию: например, «согласно Е.А. Земской, окказионализмы характеризуются ограниченной сферой употребления, строго привязанной к конкретному тексту. В отличие от неологизмов, они сохраняют новизну независимо от времени своего

появления. Кроме того, их образование сопровождается нарушением существующих языковых норм, что позволяет называть их «словами-беззаконниками» [9, с. 15]». Как видим цитации / ссылки даются в выверенном режиме; текст не нуждается, следовательно, в серьезной доработке. Стиль работы соотносится с собственно-научным типом: например, «таким образом, окказионализмы следует рассматривать как сложное и многоплановое языковое явление, объединяющее черты нормы и отклонения, традиции и инновации. Их исследование требует комплексного подхода, охватывающего как структурно-семантический, так и экстралингвистический уровни, что особенно важно для изучения функционирования этих единиц в авторском дискурсе». Собственно языковая работы с материалом осуществлена правильно, иллюстративного материала достаточно: например, «мотив слияния с природным элементом в романе может приобретать и негативную коннотацию. Это прослеживается, например, в следующем фрагменте: «Разве имеет значение, кто я, отвечает Арсений, ангел ли, человек ли. Прежде ты грабил живых, а теперь стал могильным вором. Получается, что ещё при жизни ты приобретаешь земляные свойства и оттого можешь в одночасье стать землею». Автор приходит к выводу, что «Проведённый анализ окказиональных языковых единиц в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» позволяет утверждать, что авторские неологизмы выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они представляют собой структурно-семантические доминанты повествования, с другой — служат философско-эстетическим кодом, соединяющим древнерусскую духовную традицию и постмодернистскую поэтику. Рассмотренные лексемы («Рукинец», «двуединство», «духовопад», «деревянность» и др.) демонстрируют трансформацию церковнославянских словообразовательных моделей (например, суффикс «-нец» или абстрактные субстантивации на «-ость») в инструменты концептуализации экзистенциального опыта...», «можно заключить, что окказионализмы в романе «Лавр» не являются маргинальным языковым элементом, а служат семантическим ядром авторской картины мира. Они вписываются в полифоническую структуру повествования, способствуя внутренней когезии текста и раскрывая авторскую концепцию памяти, покаяния и святости». Материал полновесен, целостен, оригинален. Его можно использовать в вузовской практике при изучении ряда гуманитарных дисциплин. Список источников достаточен, работы актуальны, временная парадигма объемна. Тема работы раскрыта, цель достигнута. Рекомендую статью «Структурно-семантические особенности окказионализмов на примере романа «Лавр» Е.Г. Водолазкина» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Суркова Е.В. Военная фразеология в коммуникативном измерении: типология и функционирование речевых формул // Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.74515 EDN: FNHTDC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74515

Военная фразеология в коммуникативном измерении: типология и функционирование речевых формул

Суркова Екатерина Вячеславовна

ORCID: 0000-0001-8497-1215

кандидат филологических наук

доцент, докторант, кафедра английского языка (основного); Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования "Военный университет имени князя Александра Невского" Министерства обороны Российской Федерации

123001, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

✉ katerina.lupanova9751@yandex.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.74515

EDN:

FNHTDC

Дата направления статьи в редакцию:

14-05-2025

Дата публикации:

21-05-2025

Аннотация: Предметом исследования являются речевые формулы военного происхождения как особый класс идиоматических выражений, характеризующихся фиксированной иллокутивной силой и непосредственной соотнесенностью с коммуникативной ситуацией. В отличие от традиционных фразеологических единиц, классифицируемых преимущественно по структурно-семантическим параметрам, рассматриваемые речевые формулы обнаруживают дискурсивную зависимость и демонстрируют ограничения на реализацию грамматических категорий. В статье детально анализируются шесть функциональных типов речевых формул: речевые формулы-комментарии, речевые формулы-перформативы, речевые формулы-

стабилизаторы эмоционального состояния, речевые формулы вопроса, речевые формулы ответа и речевые формулы эпистемической модальности. Данные типы речевых формул исследуются в сопоставительном аспекте на материале русского и английского языков с применением количественных методов анализа и верификацией посредством корпусных исследований. Методология исследования включает метод сплошной выборки, семантический, этимологический, дискурсивный и контекстуальный анализ. Для верификации отобранных единиц был проведен корпусный анализ с использованием Национального корпуса русского языка, Британского национального корпуса, Корпуса современного американского английского. Речевые формулы военного происхождения представляют собой дискурсивно зависимый класс идиоматических выражений с фиксированной иллокутивной силой, требующий специфического методологического аппарата для адекватного лингвистического описания и анализа. Предложенная функциональная типология, включающая шесть типов речевых формул, демонстрирует разнообразие механизмов дискурсивной зависимости и специфику коммуникативных функций, выходящих за рамки традиционной номинативной функции фразеологизмов. Количественное распределение речевых формул по функциональным типам обнаруживает статистически значимое сходство в русском и английском языках, что свидетельствует об универсальных механизмах прагматической адаптации военной лексики и фразеологии при их переходе в общеупотребительный дискурс. Полистилистическая дифференциация и прецедентная природа исследуемых единиц позволяет рассматривать их как лингвокультурные маркеры, репрезентирующие этническую языковую картину мира и военную концептосферу в коллективном языковом сознании.

Ключевые слова:

военная фразеология, речевая формула, фразеологическая единица, иллокутивная сила, военный фразеологизм, военно-профессиональная сфера коммуникации, речевое высказывание, коммуникативный акт, ситуация общения, сопоставительный анализ

1. Введение

Фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина, исследующая устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой, представляет собой многоаспектную область научного знания, динамично развивающуюся на протяжении последних десятилетий. Теоретические основы фразеологии, заложенные в трудах В.В. Виноградова [1], Н.М. Шанского [2], В.Н. Телии [3], А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [4] и других исследователей, позволили сформировать фундаментальные представления о структурно-семантической организации фразеологических единиц, их классификации и системных отношениях. Однако современная парадигма лингвистических исследований, характеризующаяся смещением фокуса с системоцентрического подхода на антропоцентрический, детерминирует необходимость изучения фразеологии в контексте дискурсивно-прагматических, когнитивных, лингвокультурологических, психолингвистических и иных направлений, интегрирующих междисциплинарные методы анализа [5-10]. Такой комплексный подход позволяет рассматривать фразеологические единицы не только как элементы языковой системы, но и как репрезентанты национально-культурного сознания, механизмы концептуализации действительности и маркеры коммуникативных стратегий и тактик речевого поведения.

Актуальность исследования обусловливается тем, что несмотря на значительные достижения фразеологии как науки и разнообразие методологических подходов к изучению устойчивых словесных комплексов, остается ряд малоисследованных аспектов, требующих специального научного осмысления. К таким недостаточно изученным феноменам относятся речевые формулы (РФ) – особый класс идиоматических выражений, характеризующихся фиксированной иллокутивной силой и непосредственной соотнесенностью с коммуникативной ситуацией. В отличие от традиционных фразеологизмов, классифицируемых преимущественно по структурно-семантическим параметрам, речевые формулы обнаруживают дискурсивную зависимость и демонстрируют ограничения на реализацию грамматических категорий, что позволяет рассматривать их как самостоятельный объект лингвистического анализа.

Особый интерес представляют речевые формулы военного происхождения. Военная сфера традиционно выступает источником пополнения общеупотребительной лексики и фразеологии, однако специфика прагматических трансформаций фразеологических единиц при их переходе в повседневную коммуникацию остается недостаточно освещенной в научной литературе. Научная новизна исследования состоит в разработке комплексной методики анализа речевых формул военного происхождения на основе их дискурсивных функций и контекстуальных ограничений.

Целью исследования ставится выявление и систематизация речевых формул военного происхождения в английском и русском языках, определение их функционально-прагматических особенностей в различных коммуникативных ситуациях.

Методология исследования включает процедуру отбора речевых формул и критерии их идентификации – методом сплошной выборки, семантического и этимологического анализа из общих одноязычных и двуязычных фразеологических словарей были отобраны фразеологизмы, содержащие в своей семантике военный компонент или имеющие этимологическую связь с военной сферой. В отобранном материале методом дискурсивного и контекстуального анализа были выделены речевые формулы. Для верификации отобранных единиц был проведен корпусный анализ с использованием Национального корпуса русского языка (НКРЯ), Британского национального корпуса (BNC), Корпуса современного американского английского (COCA), что соответствует принципам корпусной лингвистики, сформулированным в работах [\[11-15\]](#).

2. Обсуждение

В теории фразеологии к основным экстралингвистическим факторам, благодаря которым свободное словосочетание становится устойчивым, традиционно относят расширение сфер функционирования подъязыков [\[6, 7\]](#).

Влияние военного подъязыка на развитие общеупотребительного фразеологического фонда прослеживается в широком круге устойчивых словосочетаний, в семантике которых заключены представления о войне и ее участниках, событиях, инструментах и методах ведения.

Типология фразеологических единиц, содержащих в семантике военные компоненты и / или генетически происходящих из военно-профессиональной речи, включает различные структурно-семантические типы (коллокации, идиомы, пословицы) с количественным преобладанием идиоматики.

Идиоматика представляет собой ядро военной фразеологии, основным критерием отнесения к которой служит внутренняя форма фразеологизма, его образная

составляющая, берущая начало в военно-профессиональной сфере коммуникации или связанная с ней косвенно через наивные представления о войне в сознании этноса [16,17]. Идиомы представлены в фондах исследуемой пары языков как высоко идиоматичными и устойчивыми сверхсловными образованиями (*броситься враспынную, под дулом автомата, выйти на передовые рубежи, break rank, give (or get) the all-clear, a warning shot across the bows*), так и выражениями, более тесно связанными с конкретными факторами ситуации общения – речевыми формулами.

Под речевой формулой понимаются «идиомы разных структурных типов (преимущественно законченные высказывания) с фиксированной иллокутивной силой или определяющие иллокутивные характеристики речевого высказывания» [18, с. 81].

Так, идиома *либо / или грудь в крестах, либо / или голова в кустах* употребляется как речевой комментарий к действиям участников ситуации общения «оценивая данную ситуацию, говорящий характеризует ее участника как смелого человека, ставящего свою честь выше жизни, или указывает на стоящий перед ним критический выбор – проявить смелость и получить заслуженную награду или проиграть, потеряв все»:

«Тебе это сделать! **Или грудь в крестах, или...** Понял меня, Сергуненков?..» (НКРЯ // Юрий Бондарев. Горячий снег (1969).

Отсылка к ситуации общения указывает на дискурсивную зависимость идиомы, которая отсутствует у других идиом семантического поля СМЕЛОСТЬ, ХРАБРОСТЬ, ОТСУТСТВИЕ СТРАХА *броситься / кинуться на амбразуру, не робкого десятка, вызвать огонь на себя*. Таким образом, характеристика идиомы по чисто семантическим параметрам оказывается недостаточной для описания ее дискурсивной функции. Именно наличие непосредственной отсылки к ситуации общения позволяет отнести идиому к речевым формулам.

Таким образом, речевые формулы представляют собой дейктические выражения в составе идиоматики – языковые единицы, которые могут быть интерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта – его участникам, месту и времени (Кибрик А. А. Дейксис. [электронный ресурс]. URL: http://encyclopaedia.biga.ru/enc/liberal_arts/DEKSIS.html). Речевые формулы в большей степени подвержены ограничениям на реализацию грамматических категорий (ср. речевую формулу-перформатив *солдат ребенка не обидит* и недопустимость его употребления в прошедшем и настоящем времени или изменения числа компонентов-существительных).

Еще одним ключевым свойством речевых формул выступает фиксированность иллокутивной силы. Так, идиома *разговорчики в строю* имеет формульные и неформульные типы употребления. В первом случае у нее фиксированная иллокутивная сила и она представляет собой речевой акт УГРОЗЫ, ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ:

«**Разговорчики в строю!**» – покрикивал, помню, на нас, курсантов-желторотиков, многоопытный служивый сержант» (НКРЯ // Николай Таёжный. Разговорчики в строю (2017).

Как видно из примера, формульные употребления сопровождаются восклицательным знаком, что свидетельствует о побуждении к действию в форме приказа-запрета на разговоры, и нередко имеют редуцированный вид без компонентов «в строю».

Фиксированная иллокутивная сила, характерная для формульных употреблений,

варьирует при неформальных употреблениях идиомы в значении «болтовня, ненужные разговоры»:

(1) «Там я и коротал время между редактированием стенгазеты и нарядами вне очереди за **разговорчики в строю** (уже тогда начальству почему-то не нравилось, что я его комментирую)» (НКРЯ // Алексей Мокроусов. Слово Ларисе Миллер // «Домовой», 2002.08.04);

(2) «И какие могут быть **разговорчики в строю?**» (НКРЯ // Юрий Моисеенко. Подпольный горком действует! (2003) // «Новая газета», 09.01.2003);

(3) «Может, она его уже пристукнула? Или он ее, за **разговорчики в строю?**» (НКРЯ // Андрей Белянин. Свирепый ландграф (1999).

В неформальных употреблениях идиома *разговорчики в строю* утрачивает фиксированную директивную иллокутивную силу, характерную для формульных употреблений, и приобретает различные коммуникативные функции: репрезентативную (1), интеррогативную (2), причинно-референциальную (3).

Ввиду того, что отсылка к коммуникативной ситуации в речевых формулах может осуществляться различными способами, внутри группы выделяются подгруппы на основании компонента толкования, уточняющего характер связи с ситуацией общения [\[18, с. 81\]](#).

Отбор материала осуществляется с применением следующих дискурсивно-прагматических фильтров:

- фильтр коммуникативной направленности: в подкорпус включаются только те единицы, которые непосредственно соотносятся с коммуникативной ситуацией, а не просто описывают или именуют объекты или явления действительности;
- фильтр иллокутивной фиксированности: отбираются единицы с устойчивой иллокутивной силой, то есть с предсказуемым речевым намерением говорящего;
- фильтр дискурсивной зависимости: в исследовании рассматриваются единицы, функционирование которых обусловлено предшествующим или последующим речевым актом либо невербальным компонентом коммуникативной ситуации.

В результате применения данных фильтров было отобрано 77 идиом (42 русских и 35 английских), которые можно обозначить как речевые формулы военного происхождения. На основании классификации А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [\[18, с. 81-95\]](#) в корпусе военных фразеологизмов выделяются следующие типы речевых формул:

- РФ-комментарии (*нашего полку прибыло, мой меч – твою голову с плеч, war is hell, old soldiers never die, you're in the army now, nothing to write home about*),
- РФ-перформативы (*вперёд и с песней, от винта, солдат ребенка не обидит, честь имею, all Sir Garnet, above my pay grade, rise and shine*);
- РФ-стабилизаторы эмоционального состояния (*так держать, знай наших, great guns, I'd rather face a firing squad than (do something), couldn't care less*);
- РФ-вопросы (*друг ты или портянка, бунт на корабле*);
- РФ-ответы (*you and what army*);

- РФ-формулы эпистемической модальности (*famous last words, tell that to the marines (or the horse marines)*).

Количественное соотношение речевых формул в исследуемых фразеологических подкорпусах русского и английского языков представлено в таблице 1.

Функциональный тип	Русский язык	Английский язык	Всего
Формулы-комментарии	12 (33.3%)	10 (27.8%)	22 (30.6%)
Формулы-перформативы	17 (47.2%)	13 (36.1%)	30 (41.7%)
Стабилизаторы эмоционального состояния	5 (13.9%)	7 (19.4%)	12 (16.7%)
Формулы вопроса	2 (5.6%)	2 (5.6%)	4 (5.6%)
Формулы ответа	0 (0.0%)	2 (5.6%)	2 (2.8%)
Формулы эпистемической модальности	0 (0.0%)	2 (5.6%)	2 (2.8%)
Итого	36 (100%)	36 (100%)	72 (100%)

Таблица 1. Распределение речевых формул по функциональным типам в русском и английском языках

Как видно из таблицы, наиболее многочисленную группу в обоих языках составляют формулы-перформативы (41,7% от общего числа), что объясняется директивной природой военного дискурса, ориентированного на побуждение к действию. На втором месте по численности находятся формулы-комментарии (30.6%), выполняющие метакоммуникативную функцию. Наименее представленными являются формулы вопроса, ответа и эпистемической модальности, что может свидетельствовать о меньшей значимости реактивных речевых актов в военном дискурсе по сравнению с инициативными.

Разделение на инициативные и реактивные высказывания мы заимствуем из принятого в чешской грамматике [\[19, п. 306\]](#) разграничения инициативных высказываний, выступающих стимулом к речевым или неречевым действиям адресата, и реактивных высказываний, которые сами являются реакцией на то или иное действие адресата [\[20, п. 28\]](#).

Итак, выделяются два основных типа дискурсивной зависимости речевых формул:

1. Реактивный тип: речевая формула выступает как реакция на инициирующий компонент коммуникативной ситуации, который может быть представлен:

- вербальным стимулом (предшествующий речевой акт);
- невербальным стимулом (действие, событие, наблюдаемая ситуация);
- когнитивным стимулом (внутреннее состояние говорящего).

К этому типу относятся формулы ответа, формулы эпистемической модальности, стабилизаторы эмоционального состояния.

2. Инициативный тип: речевая формула сама выступает как инициирующий компонент, определяющий дальнейшее развитие коммуникативной ситуации и направленный на достижение перлокутивного эффекта.

К этому типу относятся формулы-перформативы, формулы вопроса.

Сопоставительный анализ распределения речевых формул по функциональным типам в русском и английском языках демонстрирует значительное сходство (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0.931$, $p < 0.01$).

Обращает на себя внимание отсутствие в русскоязычном корпусе формул ответа и формул эпистемической модальности, что может указывать на специфические особенности функционирования речевых формул военного происхождения в различных лингвокультурах.

Так, речевая формула *tell that to the marines (or the horse marines)* используется для выражения недоверия или скептицизма по отношению к утверждению, воспринимаемому как неправдоподобное или недостоверное: «*I mean, the things they say about women when they think they're alone, they're just jokes aren't they? Right? – Well **tell that to the marines!** And that's the polite version, say many women!*» (BNC // Misogyny: television discussion (Leisure). 10 parts, 242 utts).

В лингвокультурологическом ракурсе речевая формула отражает специфические особенности военно-морской культуры Великобритании, в которой противопоставление моряков (*sailors*) и морских пехотинцев (*marines*) имело особое социокультурное значение: первоначально фраза *horse marines* отсылала к абсурдной идее кавалерийского корпуса на море – солдат, восседающих на лошадях на борту корабля, что представляло собой юмористический образ несуразности людей вне их естественной среды (Oxford dictionary of idioms). Фраза использовалась в произведениях Дж. Г. Байрона и В. Скотта с намеком на то, что «сказки», в которые легко верят морские пехотинцы, являются очевидно нелепыми для опытных моряков.

В исследуемом фразеологическом подкорпусе представлены примеры от высоких (*на войне как на войне; пришел, увидел, победил; we few, we happy few, we band of brothers*), и нейтральных (*жребий брошен, on your six!, get a grip*) до неформальных, сниженных и нецензурных (*your mother wears army boots*). Стилистическая гетерогенность речевых формул военного происхождения может рассматриваться как результат взаимодействия между официальным институциональным дискурсом вооруженных сил и неформальной коммуникативной практикой военной субкультуры, что свидетельствует о значимости данных языковых единиц как лингвокультурных маркеров, отражающих ценностные ориентации и коммуникативные предпочтения профессионального военного сообщества.

Вывод

Речевые формулы представляют собой дискурсивно зависимый класс идиоматических выражений с фиксированной иллокутивной силой, что позволяет рассматривать их как самостоятельный объект лингвистического анализа, находящийся на пересечении фразеологии и прагмалингвистики.

Анализ материала позволяет выделить шесть функциональных типов речевых формул (формулы-комментарии, формулы-перформативы, стабилизаторы эмоционального состояния, формулы вопроса, формулы ответа, формулы эпистемической модальности), которые демонстрируют различные механизмы дискурсивной зависимости и реализуют специфические коммуникативные функции, выходящие за рамки традиционной номинативной функции фразеологизмов, что свидетельствует о необходимости интеграции методов фразеологии и теории речевых актов.

Распределение речевых формул по функциональным типам демонстрирует значительное сходство в русском и английском языках, что свидетельствует об универсальных механизмах прагматической адаптации военной лексики и фразеологии при их переходе в общеупотребительный дискурс.

Профессионально-фольклорный генезис речевых формул обуславливает их полистилистическую дифференциацию (от высоких до просторечно-обсценных единиц) и прецедентную природу, что позволяет рассматривать их как лингвокультурные маркеры, отражающие взаимодействие институционального военного дискурса и неформальной коммуникативной практики, а также выступающие репрезентантами этнической языковой картины мира и военной концептосферы в коллективном языковом сознании.

Библиография

1. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Москва: Наука, 1977.
2. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Изд. 5-е, испр. и доп. Москва: URSS, 2010. EDN: QUPZJQ.
3. Телия В. Н. Русская фразеология: семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. Москва: Школа "Языки русской культуры", 1996.
4. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Очерки общей и русской фразеологии. Москва: Издательский дом ЯСК, 2024.
5. Зыкова И. В. О междисциплинарном характере понятия "идиоматика" // Когнитивные исследования языка. 2024. № 4(60). С. 219-226. EDN: RHYENO.
6. Gibbs R. W. Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomaticity // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1-4. С. 417-451.
7. Nykyporets S. S. et al. Evolving expressions: contemporary trends in English phraseology and their sociocultural implications // Bulletin of Science and Education. 2024. № 2. С. 19-33.
8. Dobrovol'skij D., Piirainen E. Figurative language: Cross-cultural and cross-linguistic perspectives. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2021. Vol. 350.
9. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культур. Изд. 2-е, исправленное. Москва: ЛЕНАНД, 2024. EDN: AUYNQD.
10. Mel'čuk I. General phraseology: Theory and practice. Amsterdam: John Benjamins, 2023.
11. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Динамика функционирования фразеологизмов-конструкций (по материалам НКРЯ) // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 3. С. 62-74. DOI: 10.31912/pvrl-2024.3.5 EDN: VBOKNK.
12. Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. Сопоставительное корпусное исследование глагола оскорбить и его немецких вариантов перевода: на материале параллельного корпуса НКРЯ // Корпусная лингвистика 2023: труды международной конференции, Санкт-Петербург, 21-23 июня 2023 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2024. С. 89-96. EDN: JXUFJZ.
13. Meyer C. F. English corpus linguistics: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.
14. Oostdijk N. Corpus linguistics and the automatic analysis of English. Leiden: BRILL, 2024. Vol. 6.
15. Le Foll E. 'Opening up' Corpus Linguistics // Second Language Teacher Education. 2024. Vol. 2. № 2. С. 161-186. DOI: 10.1558/slte.25371 EDN: SNGBDG.
16. Суркова Е. В. Когнитивные основы военной фразеологии // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5(61). С. 583-587. EDN: AROFBA.
17. Лупанова Е. В. Универсальные образы в семантике фразеологизмов военного

происхождения русского и английского языков // Вестник Московского информационно-технологического университета - Московского архитектурно-строительного института.

2022. № 2. С. 61-67. DOI: 10.52210/2224669X_2022_2_61 EDN: VEZLND.

18. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. Москва: Знак, 2008. EDN: PVXTDD.

19. Mluvnice češtiny. Praha: Academia, 1987. D. III.

20. Izotov A. I. Funkcional'no-semantičeskaja kategorija imperativnosti v sovremennom češskom jazyce v sopostavlenii s ruskim = Česká a ruská výzva jako funkčně sémantická kategorie. Brno: L. Marek, 2005.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Стоит согласиться, что «фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина, исследующая устойчивые сочетания слов с осложненной семантикой, представляет собой многоаспектную область научного знания, динамично развивающуюся на протяжении последних десятилетий». Следовательно, изучение речевых формул достаточно продуктивно, концептуально, востребовано. Рецензируемый материал ориентирован на т.н. «военную фразеологию». Автор отмечает, что «военная сфера традиционно выступает источником пополнения общеупотребительной лексики и фразеологии, однако специфика прагматических трансформаций фразеологических единиц при их переходе в повседневную коммуникацию остается недостаточно освещенной в научной литературе». Следовательно, научная новизна работы состоит в «разработке комплексной методики анализа речевых формул военного происхождения на основе их дискурсивных функций и контекстуальных ограничений». На мой взгляд, точность формулировок дает возможность исследователю создать логически выверенный текст, решить ряд поставленных задач, в целом же достичь цели работы. Стиль данного сочинения соотносится с научным типом: например, «в теории фразеологии к основным экстралингвистическим факторам, благодаря которым свободное словосочетание становится устойчивым, традиционно относят расширение сфер функционирования подъязыков. Влияние военного подъязыка на развитие общеупотребительного фразеологического фонда прослеживается в широком круге устойчивых словосочетаний, в семантике которых заключены представления о войне и ее участниках, событиях, инструментах и методах ведения» и т.д. Стоит заметить, что «методология исследования включает процедуру отбора речевых формул и критерии их идентификации – методом сплошной выборки, семантического и этимологического анализа из общих одноязычных и двуязычных фразеологических словарей были отобраны фразеологизмы, содержащие в своей семантике военный компонент или имеющие этимологическую связь с военной сферой». Это, на мой взгляд, верно; вариант сплошной выборки более объективен. Материал дифференцирован на смысловые блоки, дробность также оправдана, она дает возможность читателю переходить от собственно формальной грани к содержательной. Текст самостоятелен, оригинален; ссылки и цитации выверены; автору удается систематизировать имеющийся ряд источников, далее же обозначить свою точку зрения / свою позицию. Иллюстративный фон достаточен: «Так, идиома либо / или грудь в крестах, либо / или голова в кустах употребляется как речевой комментарий к действиям участников ситуации общения «оценивая данную ситуацию, говорящий характеризует ее участника как смелого человека, ставящего свою честь выше жизни, или указывает на стоящий

перед ним критический выбор – проявить смелость и получить заслуженную награду или проиграть, потеряв все»: «Тебе это сделать! Или грудь в крестах, или... Понял меня, Сергуненков?..» (НКРЯ // Юрий Бондарев. Горячий снег (1969)». Для лингвистических изысканий важна статистика, точность, это тоже свойственно данной работе: «В результате применения данных фильтров было отобрано 77 идиом (42 русских и 35 английских), которые можно обозначить как речевые формулы военного происхождения. На основании классификации А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [18, с. 81-95] в корпусе военных фразеологизмов выделяются следующие типы речевых формул...». Формальные требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной доработке. Итоги по работе академически точны: «Анализ материала позволяет выделить шесть функциональных типов речевых формул (формулы-комментарии, формулы-перформативы, стабилизаторы эмоционального состояния, формулы вопроса, формулы ответа, формулы эпистемической модальности), которые демонстрируют различные механизмы дискурсивной зависимости и реализуют специфические коммуникативные функции, выходящие за рамки традиционной номинативной функции фразеологизмов, что свидетельствует о необходимости интеграции методов фразеологии и теории речевых актов». Работа имеет законченный вид, тема раскрыта, материал уместно использовать в вузовской практике. Список источников полновесен, он фактически используется по ходу сложения текста. Рекомендую статью «Военная фразеология в коммуникативном измерении: типология и функционирование речевых формул» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ковешникова А.В. Способы выражения компаративной семантики в художественных произведениях В.

Пелевина // Филология: научные исследования. 2025. № 5. С. 52-68. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.74561 EDN:

CXSXBO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74561

Способы выражения компаративной семантики в художественных произведениях В. Пелевина

Ковешникова Анна Владимировна

ORCID: 0009-0005-7561-2532

преподаватель; кафедра русского языка; Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище им. В.Ф. Маргелова
аспирант; факультет русской филологии и национальной культуры; Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

390005, Россия, Рязанская обл., г. Рязань, ул. Дзержинского, д. 18, кв. 12

✉ anutka.rodckina@yandex.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.74561

EDN:

CXSXBO

Дата направления статьи в редакцию:

17-05-2025

Дата публикации:

24-05-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования являются способы и языковые средства выражения компаративной семантики. Объектом исследования выступает язык художественной прозы В. Пелевина. Цель исследования заключается в выявлении способов выражения компаративной семантики и определении специфики их употребления в прозе В. Пелевина. Автор подробно рассматривает способы выражения семантики сравнения, соответствующие лексическому морфологическому, словообразовательному и синтаксическому уровню языка. Особое внимание уделяется лексическим единицам с компаративной семантикой, предложно-падежным сочетаниям и формам творительного, родительного и винительного падежа, продуктивным словообразовательным способам, устойчивым сочетаниям и выражениям с семантикой

сравнения, а также синтаксическим средствам выражения сравнительного значения на уровне простого и сложного предложения. Материалом для исследования послужили художественные прозаические произведения В. Пелевина, охватывающие период с 2015 года по 2024 год. Нами применялись методы анализа, тематической классификации и систематизации языкового материала, метод контекстуального анализа, описательно-аналитический метод. Методологическую базу работы составили труды В. В. Виноградова, В. П. Вомперского, М. Н. Крыловой, А. Е. Шевченко, А. В. Трегубчак, Е. В. Пашковой, посвященные вопросам изучения сравнения, способов и средств его выражения. В результате исследования выявлены способы, разноуровневые средства выражения компаративной семантики и определена специфика их употребления в прозе В. Пелевина. Установлено, что сравнительное значение реализуется на лексическом, морфологическом, словообразовательном и синтаксическом уровне. Определены и подробно описаны языковые средства, соответствующие каждому из указанных уровней. Основные выводы проведенного исследования заключаются в том, что сравнение в прозе В. Пелевина выражается различными способами и средствами, отражает восприятие действительности и репрезентует в тексте авторскую картину мира, подчеркивает его творческое своеобразие. Специфика использования языковых единиц с семантикой сравнения заключается в выборе структурных компонентов сравнения, их семантического наполнения и контекстуального употребления в соответствии с авторскими задачами построения текста и смысла. Научная новизна данного исследования состоит в комплексном изучении и описании способов и языковых средств выражения компаративной семантики как одной из наиболее проявленных особенностей языка художественных произведений В. Пелевина.

Ключевые слова:

сравнение, компаративная семантика, сравнительное значение, семантика сравнения, метафора, структура сравнения, художественные произведения, способы выражения сравнения, средства выражения сравнения, проза В. Пелевина

Введение

В настоящее время в филологической науке наблюдается особый интерес к изучению художественного текста в антропоцентрическом аспекте как «продукта речевой деятельности человека, отражающего действительность через ее преломление в сознании индивидуума» [\[1, с. 3\]](#). В связи с этим в центре внимания исследователей в последние десятилетия все чаще оказываются выбранные автором языковые средства разных уровней и реализованные с помощью них смыслы. Одной из форм познания действительности, которая находит свое отражение в языке художественных произведений и иллюстрирует восприятие и понимание предметов в авторском сознании, является сравнение. Оно занимает особое место в структурно-семантической организации текста, а также в создании художественной образности и выразительности. М. Н. Крылова отмечает, что «сравнительные конструкции особо выделяются из всего многообразия языковых средств, способных раскрыть перед читателем автора произведения как личность с оригинальным внутренним миром», а художественный текст определяет как «сложную систему, создаваемую языковой личностью, характеризующейся своим менталитетом, эмоциональными и психологическими особенностями восприятия действительности» [\[2, с. 3\]](#).

Для современных исследований характерной чертой является изучение сравнения в контексте языковой личности автора и его индивидуального стиля (А. Е. Шевченко ^[3], Е. В. Пашкова ^[4] и др.), так как данный феномен служит одной из наиболее проявленных и реализованных разнообразными способами идиостилевых доминант. Помимо этого, в работах исследователей сравнение нередко становится критерием для сопоставления художественных текстов и идиостилей различных авторов: М. Н. Крылова ^[2] исследует средства выражения и функции сравнений в произведениях И. А. Бунина и С. А. Есенина; Е. В. Пашкова ^[4] анализирует компаративные единицы в когнитивном аспекте на материале прозы Л. Н. Толстого и И. А. Бунина; работа Х. К. М. Драйсави ^[5] посвящена выявлению сходств и различий в поэтическом идиостиле С. Есенина и В. Маяковского.

Несмотря на внимание исследователей к обозначенному нами явлению, складывается не совсем полная научная картина, так как способы выражения и функции сравнений на материале произведений современных авторов изучены недостаточно. Одним из наиболее заметных и оригинальных в плане творческой реализации и языкового своеобразия считаем писателя-постмодерниста В. Пелевина. В данной работе мы исследуем способы и средства выражения компаративной семантики и специфику их употребления в художественном пространстве прозаических произведений писателя. Анализ собранных нами языковых фактов позволит определить средства разных уровней языка, с помощью которых автором реализуется сравнительное значение, и выявить специфику употребления единиц с компаративной семантикой в художественной прозе В. Пелевина.

Цель, материал и методы исследования

Цель исследования – выявить способы и средства выражения компаративной семантики и определить специфику их употребления в прозе В. Пелевина.

Материалом для данного исследования послужили художественные произведения В. Пелевина, в частности «Смотритель» (2015), «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами» (2016), «iPhuck 10» (2017), «Тайные виды на гору Фудзи» (2018), «Искусство легких касаний» (2019), «TRANSHUMANISM. INC.» (2021), «KGBT+» (2022), «Круть» (2024).

В исследовании использованы методы сплошной выборки, анализа, тематической классификации и систематизации языкового материала, метод контекстуального анализа, описательно-аналитический метод. Методологическую базу работы составили труды В. В. Виноградова, В. П. Вомперского, М. Н. Крыловой, А. Е. Шевченко, А. В. Трегубчак, Е. В. Пашковой, Х. К. М. Драйсави, посвященные различным аспектам изучения категории сравнения и средств ее выражения

Результаты и обсуждение

Сравнение выступает в качестве объекта исследований в разных областях науки, что обуславливает различия подходов к изучению и трактовке данного явления. В трудах по филологии также отмечается наличие разных точек зрения на природу, сущность и определение обозначенного нами понятия. В «Энциклопедическом словаре-справочнике» под редакцией А. П. Сковородникова отражены мнения исследователей по поводу статуса сравнения: Л. В. Зубова, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова и др. рассматривают сравнение как троп; Г. С. Дроняева, Т. Г. Хазаггеров и др. – как фигуру речи; А. В. Ваганов, Т. Б. Попова и др. считают «не-тропом», «образным средством»; С.

В. Никитина, Н. В. Васильева – «грамматически оформленным образным сопоставлением»; С. В. Лопаткина, И. А. Тарханова определяют как «образное средство гибридного характера»; В. И. Корольков – как «способ косвенной характеристики явления» [6, с. 307]. В данном исследовании мы опираемся на определение из «Полного словаря лингвистических терминов» Т. В. Матвеевой и рассматриваем сравнение в качестве «грамматически оформленного образного сопоставления двух явлений, целью которого является выделение важного для говорящего признака объекта речи» [7, с. 454]

Следует отметить, что в научных работах сравнение изучается преимущественно в контексте выразительности и образности художественного текста. Сравнение как языковой феномен рассматривается в лингвистических исследованиях с точки зрения разных подходов: функционально-стилистического (В. В. Виноградов [8] и др.), лингвоструктурного (В. М. Огольцев [9], И. А. Марфунина [10] и др.), структурно-семантического (Ф. В. Даутия [11] и др.) и проч. Дискуссионным в научных кругах является также вопрос, связанный с компонентным составом сравнения. Мы ориентируемся на наиболее распространенную в трудах исследователей трехкомпонентную структуру, описанную В. П. Вомперским [12]: предмет (что сравнивается), образ (то, с чем сравнивается), признак (то, на основании чего сравнивается).

В ходе изучения научных источников было установлено, что на сегодняшний день не выработано единой универсальной классификации языковых способов и средств выражения сравнительного значения. В частности, Кузнецова Н. Н. отмечает многообразие критериев для классификаций и приводит три варианта: 1) по образованию (в соответствии с частями речи, синтаксическими конструкциями и сложными по семантике текстами); 2) по структуре (полные и неполные); 3) по соотношению с другими тропами (метафорические и метонимические сравнения) [13]. В данной работе за основу взята классификация, которая используется в трудах Е. В. Пашковой [4], А. В. Трегубчак [14], Х. К. М. Драйсави [5] и др. Она представляет собой распределение средств выражения компаративной семантики в соответствии с четырьмя основными уровнями языка: лексическим, морфологическим, словообразовательным и синтаксическим. Следует подчеркнуть, что сравнительное значение «реализуется не только на лексическом уровне: сравнение может быть выражено и словом, и словосочетанием, и сравнительным оборотом, и придаточным, и даже самостоятельным предложением или сложным синтаксическим целым» [15, с. 326].

Результаты данной работы показали, что, несмотря на интерес у исследователей к творческому своеобразие и особенностям языка произведений В. Пелевина (Е. А. Осокина [16] и др.), категория сравнения, способы и средства его выражения малоизучены. В научных работах внимание уделено преимущественно метафоре, которая «содержит в себе сравнение» и представляет собой «троп, состоящий в переносном употреблении слов и выражений на основе сходства сопоставляемых явлений» [7, с. 206]. С. Л. Михеева анализирует метафору как средство создания многомерного художественного мира в романе В. Пелевина «Шлем ужаса» [17]; О. А. Дмитриева исследует компаративные тропы в романе «Непобедимое солнце» [18]; Д. В. Дроздова рассматривает типы и функции метафор в прозе В. Пелевина [19]. В других исследованиях заявленная нами тематика представлена фрагментарно: специфику сравнений ольфакторного модуса перцепции в творчестве В. Пелевина изучает П. С.

Иванова [20]; описывая текстовые функции культурно-коннотированной лексики в рассказе В. Пелевина «Спи» и его английском переводе, В. В. Скворцова и А. В. Уржа выделяют «метафоры и сравнительные обороты с национально-культурным фоновым компонентом» [21, с. 89]; исследуя лексико-риторические особенности языка В. Пелевина, Е. А. Осокина отмечает «метонимичность и метафоричность языка» [16, с. 99] и проч. Трудов, посвященных комплексному изучению способов и средств выражения семантики сравнения, а также специфике их употребления в прозе В. Пелевина, нами не было найдено.

Сравнение используется писателем в художественном тексте как стилистический прием, как средство создания образности, выразительности и экспрессивности, а также как способ выражения авторской картины мира и творческого своеобразия. Разноуровневые единицы с компаративной семантикой служат для описания предметов, явлений и образов, уточнения их свойств и характеристик через сопоставление с другими, выявление сходств и различий между ними. С помощью обозначенного нами явления передаются эмоции и чувства героев, описывается их внешность, конструируется пространство, время и место действия, передается интенсивность того или иного признака. Способы выражения сравнительного значения в прозе В. Пелевина разнообразны и представлены средствами лексического, морфологического, словообразовательного и синтаксического уровней языка. Рассмотрим наиболее характерные для художественных произведений писателя способы и средства.

Лексический способ подразумевает использование слов различных частей речи, сравнительное значение которых выражено имплицитно (то есть без формально-грамматических признаков) и передается «вне зависимости от синтаксических конструкций, членами которых они являются, речевого окружения или морфем, присоединяемых к слову» [14, с. 14].

1. Глаголы и причастия с компаративной семантикой. С одной стороны, они несут в себе семантику сравнения, с другой – выполняют функцию субъективного отражения условной реальности в восприятии какого-либо героя и/или повествователя: «Оранжевые вуали старушек дрожали под ветерком и цветом **напоминали** кленовую осень. А их редкие седые ежики, наоборот, **походили** на майские одуванчики, заблудившиеся в потоке времени» [22, с. 347]; «Парковый крэп **считался** зеленой музыкой, и за это его не то чтобы уважали, но терпели» [22, с. 299]; «В таких случаях можно было разве что **уподобиться** воде, обтекающей камень – и ждать, как рассудит Провидение» [22, с. 360]; «Многие духовидцы говорили, что для праведника Абсолют **выглядит** ярким и приветливым солнцем, для грешника же – черной бездной, куда затягивает безмерная тяжесть» [23, с. 234]; «О н **казался** расплавленным металлом, залитым в тонкую стеклянную форму» [23, с. 253]; «Разъемы в ноги вставили, чтобы она **за петуха сошла**» [24, с. 304]; «Все сопутствующие движения, **кажущиеся** профану случайными и неважными, были исполнены горпиной великолепно» [22, с. 210]; «На полу возле стола лежал высохший древний труп, очень **напоминающий** мумию Лаэрта» [22, с. 591].

2. Лексические единицы с семантикой тождества, различия, подобия, сходства, равенства, а также с основой *сравн-*. Данная группа может быть реализована в тексте с помощью разных частей речи: а) глаголов: «Комики **сравнивали** его с домом престарелых, переехавшим в виртуалку...» [22, с. 61]; «Алюминиевый кейс **ничем не отличался** от большого дорожного чемодана [22, с. 144]; б) полных и кратких имен

прилагательных: «Маня просто не смогла себе в этом отказать – **ничего равноценного** прежде с ней не происходило» [22, с. 164]; «Через эту иллюзию Невыразимый тебя и создает, и твоя обманутость **тождественна** твоей онтологии» [22, с. 259]; в) имен существительных: «Все было в точном **соответствии** с каноном» [22, с. 188]; «В механических куклах программа добивалась **сходства** их движений с человеческим телом» [22, с. 207]; г) наречий с семантикой сравнения: «По виду это пузатый алюминиевый чемодан. <...> И при этом легкий и **сравнительно** маленький» [22, с. 142]; «“Зеро” означало, что Кадзиро и Мусаси **одинаково** велики...» [22, с. 241]; д) производных предлогов в составе сравнительных конструкций: «Сперва филокоуч рассказал про историю анекдота – короткой смешной байки, которая <...> служила как бы фольклорной валютой, имевшей хождение **наравне с** “девальвированными медийными нарративами”» [22, с. 109]; «У него теперь был контракт на банку второго таера – но в мир иной, **в отличие от** некоторых, Сасаки не спешил...» [22, с. 199]; «Любой бескукушник будет искусным воином **по сравнению с** остальными» [24, с. 84].

К данной группе мы относим также сочетание *нечто (что-то) среднее между*, поскольку оно имеет компаративную семантику. Особенностью сочетания является сравнение не с конкретным предметом, признаком или явлением, а с неким собирательным образом, к конструированию которого привлекается читатель: «Не берусь перевести это на русский – **что-то среднее между** мозговой хлопушкой и мозговыми же щипцами» [25, с. 164]; «Его надменная морда, покрытая блестящим темным мехом, напоминала **нечто среднее между** человеком, кабаном и бульдогом» [22, с. 575].

3. Имена прилагательные *похожий, подобный* в полной и краткой форме. Лексема *похожий* в разных формах рода, числа и падежа может использоваться в качестве обособленного или необособленного определения с предлогом *на* + В.п.: «Художник работал торопливо, пока не высохла стена, и картина получилась **похожей** на рисунок из древнего комикса» [22, с. 55]; Самым интересным мне показалось то место, где в атаку на сказочную Герду идут снежные хлопья, **похожие** на злых медвежат и безобразных ежей...» [25, с. 273]. Краткие формы в составе сказуемых также распространены: «Но главное в том, что организм хелпера **похож** на человеческий только внешне» [22, с. 107]; «Офа **была похожа** на одну хулиганку, с которой Маня дружила несколько лет назад во время южного отдыха» [22, с. 132]. Степень сходства/различия или усиление/ослабление признака может быть передано автором с помощью наречий *слишком, очень, совсем, местоимений нечто, что-то* и частицы *так*: «Раздался зуммер – нежный, мелодичный, **совсем не похожий** на резкие военные звуки» [25, с. 88]; «Внутри был свиток из **чего-то похожего** на тонкую прозрачную слюду с запечатанными внутри пятнами черного пепла...» [23, с. 255]; «Коуч стер свиную голову, окончательно похоронив надежды на перемены, и нарисовал на ее месте **нечто похожее** на ломтик сыра» [22, с. 28]; «Не зря слова «врач» и «врать» **так похожи**» [22, с. 90].

Особенность употребления лексемы *подобный* в полной и краткой форме с различными показателями рода, числа и падежа состоит в том, что ей в обязательном порядке предшествуют предложения или словосочетания с разъяснением. Данная лексема может использоваться: а) с главным словом именем существительным: «Банкиру с живой семьей и натуральными детьми полагалась серьезная скидка в налогах <...> Чтобы **подобные браки** не заключались фиктивно, банкиры должны были регулярно

доказывать семейный статус делом» [22, с. 50]; б) с главным словом неопределенным или отрицательным местоимением *нечто, что-то, ничего*: «Они испытывают радость даже от переломов и голода. Пережить **нечто подобное** могут разве что некоторые банкиры с верхних таеров...» [22, с. 107]; «Но советские писатели хотя бы пытались сохранить себя <...> они создавали обитаемые острова духа. Западные художники не делали **ничего подобного**» [курсив Пелевина; 22, с. 128]. Также имя прилагательное *подобный* может служить для образования производных предлогов и употребляться в составе сравнительных конструкций: «Вокруг, **подобно хору в греческой драме**, выли и бормотали сенаторы с кинжалами в руках» [24, с. 9]; «Для этого между ними должна существовать какая-то связь **наподобие** второсигнальной» [22, с. 529]. Особое внимание обращает на себя имя существительное *подобие*, которое мы рассматриваем в данной группе из-за одинаковой основы и которое сочетается с именем существительным в Р.п.: «Из банки откачивали жидкость, руки в резиновых перчатках вынимали мозг из его гнезда и запаковывали **в подобие пластмассовой коробки** от бургера...» [22, с. 69]; «Она отмылась, переделалась в реквизит, постригла волосы **в какое-то грубое подобие каре** ...» [22, с. 503].

4. Лексические единицы *эдакий, какой-то, а-ля, всякий, свой*, которые в сочетании с прецедентными именами собственными наиболее ярко выражают художественное своеобразие автора: «И через это он видит все и вся, причем сразу со всех сторон, как **эдакий Лев Толстой**» [26, с. 144]; «Есть намек на недоброе око **а-ля Толкиен**» [27, с. 159]; «Хоть в классе к ней не приставали, у Тани, как у каждой серьезной школьной красавицы, был личный рыцарь печального образа, **свой Пьеро**...» [28, с. 30], «**Какой-то Эсхил**, "Персы"» [28, с. 321]. В приведенных нами примерах наблюдается ослабление семантической связи с первоисточником, выведение прецедентных имен из разряда неповторимых, оригинальных в своем роде либо смещение акцента с субъекта на связанный с ним объект (например, *а-ля Толкиен* выражает сопоставление не с писателем, а со всевидящим оком Мордора как частью созданного автором мира трилогии «Властелин колец»). Данная группа заслуживает особого внимания, так как, с одной стороны, выражает семантику сравнения, с другой – отражает авторское изменение графического оформления и структурно-семантические преобразования прецедентных имен собственных: «**Какой-то гэндальф**», – подумал Валентин» [29, с. 20]. Имя персонажа пишется со строчной буквы – *гэндальф*, основанием сравнения служит внешний облик, прецедентное имя теряет свою субъектность. «Непонятно, почему он до сих пор не поднят на прогрессивные знамена и штандарты в качестве одного из благородных профилей **а-ля Маркс-Энгельс-Ленин**...» [29, с. 215]. Окказионализм *Маркс-Энгельс-Ленин*, образованный автором путем сложения слов представляет собой некий собирательный образ лидера, приобретает коннотативное значение и имеет идеологический подтекст, нежели акцентирует внимание на индивидуальном наборе характеристик указанных личностей. «Владеет всеми таерами, кроме нулевого, Прекрасный Гольденштерн <...> – личность легендарная и, скорее всего, мифическая: **эдакий корпоративный хай-тек-Санта-Клаус**» [25, с. 112]. Окказионализм *хай-тек-Санта-Клаус*, созданный по той же модели и имеющий такое же написание, как и в предыдущем примере, в сочетании с определением *корпоративный* и лексемой *эдакий*, указывает, с одной стороны, на совокупность признаков, с другой – на ослабление связи с первоисточником, переосмысление и выражение нового, нехарактерного для имени собственного нюанса семантики. «Я предполагаю, что методы де Сада были отвергнуты именно потому, что неизбежно оставляли живых свидетелей – **всяких Либерте и**

Эгалите... » [29, с. 230]. Имена собственные употребляются в несвойственной для них форме множественного числа, что влечет за собой переход субъекта в объект из ряда подобных).

Следует добавить, что обозначенные нами лексические единицы сочетаются в тексте не только с собственными, но и нарицательными именами существительными: «Зона «центр» всегда казалась Ивану своего рода кунсткамерой, **эдаким** музеем человеческой глупости» [22, с. 273]; «Она и правда уже начинала вонять **какой-то** едкой химией...» [22, с. 310]; «Вполне в духе Павла. **Эдакий** небесный плац, духовная субординация, казарма в облаках...» [23, с. 236].

Морфологический способ выражения семантики сравнения представлен в прозе В. Пелевина с помощью прилагательных и наречий в сравнительной степени, предложно-падежных сочетаний с производными предлогами *вроде, в виде, под видом, типа* + Р.п., творительного сравнения, родительного сравнения, винительного сравнения.

1. Имена прилагательные и наречия в форме сравнительной степени. Анализ языковых единиц показал, что для прозы писателя наиболее предпочтительной является простая сравнительная степень, которая зачастую сопровождается лексемами *гораздо, еще, чуть, даже, всего, в десять раз* и проч. для ослабления/усиления того или иного признака либо для выделения одного из сопоставляемых предметов, признаков или явлений на фоне другого: «А потом гики пошутили **еще веселее**... » [22, с. 77]; «... продать окропленную ею империю на металлолом, чтобы начать строительство новой, близкой по духу, но **слабее в десять раз**, и все из тех же самых кабинетов...» [22, с. 115]; «Но мясо сохраняется **чуть дольше**, потому что оно **суше**» [22, с. 232]. Наряду с суффиксом -ее, в тексте встречаются случаи употребления суффикса -ей: «Лай делался ближе и громче, а мое отчаяние – **острей и невыносимей**» [24, с. 14]; «Ты **осторожней**, барышня, что ли, – сказал скоморох, оставшийся ее сторожить. <...> Прекрасный жалил мозг **все яростней**...» [22, с. 173]. Для выражения наибольшей экспрессивности автором могут использоваться повторы, например, «чаще и чаще», «ближе и ближе», «дальше и дальше».

2. Предложно-падежные сочетания с производными предлогами *вроде, в виде, под видом, типа* + Р.п.: «На ней было короткое сиреневое платье со складками **в виде** крылышек на спине» [23, с. 245]; «У дороги – стрелка **типа** дорожного указателя» [22, с. 402]; «Ковчег тебе доставят домой **под видом** аквариума в течение дня» [22, с. 143]. Предлог *типа* может использоваться не только с именем существительным в Р.п., но и с союзом *как*: «Некоторые верят в Прекрасного как в Невыразимого. Ну **типа как** в бога. А некоторые просто надеются, что им на этой дорожке банка обломится, **типа как** в лотерею» [22, с. 320]. В качестве особенности употребления предлога *вроде* можно отметить довольно часто встречающееся в текстах В. Пелевина сочетание с неопределенным или определительным местоимениями *что-то* и *нечто*: «Коуч подрисовал к мозгу **что-то вроде** воткнутого в него детонатора» [22, с. 30]; «Заросли вокруг скульптуры были безлюдны, но с высоты видно было **нечто вроде** городища неподалеку»

3. Форма творительного падежа имени существительного (творительный сравнения) с главным словом: а) глаголом: «Зато иконы висели **гроздьями** на каждой стенке...» [22, с. 231]; «Но мозгу не казалось, что он **медузой** плавает в подогретом цереброспинальном

растворе» [22, с. 47]; б) причастием (в приведенных нами примерах курсив Пелевина): «Удивительно, как великий русский прозаик сумел сжать эту сложную концепцию до одной певучей, щелкающей **соловьиными трелями** фразы» [22, с. 125]; «Но этот короткий текст не потерял актуальности и за прошедшие столетия – нас до сих пор трогает гуманистический пафос, **красной нитью** проходящий через слово классика к молодежи...» [22, с. 151]; в) деепричастием: «Это был юноша с пылающей короной на голове – прогнувшись **ласточкой**, он возносился к небу...» [22, с. 355].

4. Форма родительного падежа имени существительного (родительный сравнения). В данной группе выделяем две основные разновидности:

а) имя существительное в И.п. + имя существительное в Р.п.: «А на щеках – выколотые зеленым и черным **уши хищного зверя**» [22, с. 355]; «А стоило им сказать “Стазис!”, как они тут же залезали в свои собачьи контейнеры и принимали **позу зародыша** до следующей кормежки» [22, с. 209]; «Так растет великий **коралл искусства**» [25, с. 81]. Как правило, в соответствии с подобной структурной моделью В. Пелевиным создаются метафоры, которые, на наш взгляд, требуют отдельного более детального рассмотрения.

б) сравнительная степень имени прилагательного или наречия + имя существительное или местоимение в Р.п.: «Я люблю их, и луч любви согревает мое сердце, освещая мою пустую избу **ярче лучины** [курсив Пелевина]» [25, с. 295]; «Хелпер **сильнее человека**, но не так живуч» [22, с. 108]; «Я понимаю это **не хуже тебя**» [22, с. 219]; «Как человек <...> может оказаться **проворнее** настроенного на поединок **мастера?**» [22, с. 223].

5. Форма винительного падежа имени существительного (винительный сравнения). Данная группа является наиболее разнородной по сравнению с другими в плане языковой реализации: «Его девайс был лучше – он мимикрировал **под цвет тела** в зависимости от загара...» [22, с. 58]; «Очки сами подключились к кукухе, узнали Маню и показали ей приветствие, – гирлянда рассыпающихся **в фейерверк** цветов нарисовала в небе ее денежное имя» [22, с. 89]; «Со всех сторон к небу поднимались огромные цветущие вишни **в несколько обхватов**...» [22, с. 254]; «Шейх хлопнул в ладоши, и из золотой листвы выплыла огромная – **размером с диван** – продолговатая жемчужина с двумя углублениями» [22, с. 388].

К словообразовательному способу выражения сравнительного значения мы относим имена прилагательные, образованные суффиксальным и бессуффиксальным способом; имена существительные, образованные путем сложения слов; сложные прилагательные и наречия с компаративной семантикой, образованные от прилагательных.

1. Имена существительные, образованные путем сложения слов: «Поверхность краски была неровной – просто так найти на ней **клопа-хамелеона**, конечно, не вышло бы» [22, с. 55]; «Как будто он вслушивался через стальные **горошины-наушники** в вечную тишину» [22, с. 225]; «Публика на Манеже собралась разношерстная – курсанты претория в черных комбезах, <...>, барышни в разноцветных **платьях-колоколах**...» [22, с. 278]; «Небо почернело, над всей сушей прошла гигантская волна-цунами и так далее» [24, с. 45]; «Грубо говоря, **человек-оркестр**» [25, с. 158]; «**Голос-громовержец**, в общем, не требовал ничего чрезмерного...» [26, с. 52]. Данные примеры относим к наиболее ярким в плане творческого своеобразия писателя, так как они являются лаконичными, но,

вместе с тем, выразительными и запоминающимися.

2. Имена прилагательные, образованные:

а) с помощью суффиксов *-оват-*, *-аст-*, *-ист-*: «Старший из скоморохов, здоровый детина с **цыганистыми** усами, действительно походил в этом наряде на военного» [22, с. 12]; «Вокруг было много дорогих колясок и **франтоватых** верховых...» [22, с. 272]; «Смех у нее был **жутковатый**» [22, с. 310]; «Граф Толстой на грузовых гондолах "Ивана да Марьи" зорко следил за общественной нравственностью из-под своих **кустистых** бровей» [22, с. 511];

б) от имен собственных с помощью суффикса *-ск-*: «Уверенная улыбка, высокий **сократовский** лоб, черные волосы и борода...» [28, с. 10]; «Важно было постоянно модифицировать сам "переход через Альпы", поддерживая изумление Игоря Андреевича, а для этого нужна была поистине **суворовская** смекалка» [28, с. 38]; «Жизель **ленинским** жестом подняла руку к экрану...» [28, с. 177]; «... (обратите внимание, как гармонично уживаются в одном моем предложении голубоватый **шагальский** прищур и пять смешных зверюшек – мастерство не пропьешь)» [24, с. 402];

в) на основе словосочетаний или сложения основ (сложные прилагательные): «Похоже, она относилась к той же **кукольно-фарфоровой** расе, что и я сам» [25, с. 95]; «... все решили, что скоро нам будут прислуживать **человекоподобные** механические куклы, так называемые андроиды» [22, с. 103];

г) бессуффиксальным способом: «Маняша, конечно, знала, что говорить, и даже чувствовала молодое **кобылье** нетерпение» [22, с. 12]; «Слышал еще до банки, – тут же отозвался хриплым **волчьим** басом Шарабан-Мухлюев» [22, с. 351]; «Холопы же суть <...> бездушные, выращенные в рассоле сугубо для безмозглой работы – но имеют образ **человечий**...» [22, с. 486-487].

3. Наречия с компаративной семантикой, образованные:

а) приставочно-суффиксальным способом с помощью приставки *по-* и суффиксов *-ому*, *-ему*, *-и*: «... он только жалел, что упустил момент первым взять ее за руку, чтобы было **по-мужски**» [22, с. 278]; «Мяукал он хрипло и низко, очень протяжно, как-то не **по-кошачьи**...» [22, с. 426]; «Вспоминая крэперов со станции, Дмитрий даже не пытался решить вопрос **по-столичному**» [22, с. 482]; «Значит, вопрос придется решать **попетушиному**» [24, с. 217];

б) суффиксальным способом с помощью:

- суффикса *-ск*: «... юморист на экране делал **клоунски** серьезное лицо...» [22, с. 69]; «... и воскреснет былая сила, да не остановится на ста тридцати, а махнет **богатырски** аж до ста пятидесяти...» [22, с. 300-301]; «Они **зверски** расправились с обитателями поместья...» [22, с. 510];

- суффикса *-о*: «Сасаки-сан вылепил эту куклу почти **пародийно**...» [22, с. 196]; «Вы не верите нашим шифровальщикам? – **картинно** поднял бровь Судопланов» [22, с. 359]; «Витые серебряные провода, **празднично** поблескивая, взбегали к трем висющим на

стене иконам» [22, с. 378];

- суффикса -оват: «Коуч **виновато** и понимающе улыбнулся...» [22, с. 34]; «В общем, издеваться над верхними таерами юмористам было **трудновато** несмотря на разрешение властей» [22, с. 61]; «Выглядело это **жутковато**, но страшнее всего было то, как парень держался...» [22, с. 191];

в) от нарицательных имен существительных с помощью суффиксального способа: «Под ударами трескались зеркальные очки, **арбузно** лопались головы...» [22, с. 235]; «В пяти из них даже стояли гемодиализ-машины полного цикла – для богатых господ, желающих позволить себе все и выйти утром на службу **огуречно** свежими» [25, с. 181]. Второй пример заслуживает особого внимания, так как является авторским фразеологическим дериватом от устойчивого сочетания «как (огурец) огурчик» [30].

г) от собственных имен существительных с помощью суффиксального и приставочно-суффиксального способа: «...Дмитрий **вольтерьянски** улыбался...» [22, с. 482]; «Они были зачищены безжалостно и грубо; говоря **по-шекспировски**, трон был в крови» [27, с. 290].

Синтаксический способ выражения сравнительного значения представляет собой употребление сравнительных оборотов, сложных предложений с придаточной сравнения, бессоюзных предложений с компаративной семантикой, двукомпаративных предложений [4], синтаксических структур особого типа, отрицательных сравнений и устойчивых сочетаний с компаративным значением.

1. Сравнительные обороты с союзами *как, словно, будто*. Данная группа средств синтаксиса является наиболее распространенной в художественных произведениях В. Пелевина: «... текст нашептывала кукуха, диктуя с допотопной **как сам Шарабан!Мухлюев** шпоры» [22, с. 124]; «И тогда в голове у Мани **словно взорвалась бомба**» [22, с. 173]; «Ангел опять засмеялся, и в этот раз смеялся долго, поглядывая на меня со своей высоты – и каждый раз **будто заряжаясь весельем**» [23, с. 255]. Особое место занимает союз *как*, поскольку встречается в тексте чаще других и является нейтральным, в то время как *словно, будто* относятся к книжному стилю. Одной из особенностей построения сравнительных конструкций в прозе писателя является, прежде всего, употребление союза *как* в сочетании с лексемами *примерно, в точности, совсем, прямо* либо использование частицы *бы* вместе со сравнительными союзами: «... Маня ощутила, как где-то глубоко внутри просыпается темный, беспричинный и **словно бы забытый давным-давно** страх» [22, с. 137]; «Обученная таким образом кукла выполняла формы кендо **в точности как он сам**» [22, с. 187]; «Зеленый дощатый забор был ровным, гипсовый лев у крыльца катил белый шар лапой в вечность **совсем как в лучших домах...**» [22, с. 52]. Другой особенностью считаем обращение писателя к парцеллированным конструкциям с целью выделения того или иного смыслового компонента: «А почему у них постоянно такая улыбка на лице? <...> **Прямо как у Джоконды**» [22, с. 106]; «Мне некомфортно. **Как будто меня вывернули наизнанку**, чтобы я могла туда заглянуть» [22, с. 155-156]; «Человек, так сказать, добровольно отвергает свою второсигнальную божественность... **В точности как животное**» [24, с. 37]; «Маня поняла, что видит большого черного кота, но не в обычном поле своего зрения (там был старик), а сзади. **Словно бы** у нее на затылке вырос глаз» [22, с. 152].

2. Сложноподчиненные предложения с придаточными сравнения (с союзами *как, словно, будто, как будто*): «Затем по лицу пошли буроватые пятна – **как будто** проступили синяки от удара» [25, с. 45]; «Осталось только слегка саднящее ощущение – **словно** лопнули схватившие меня перед этим за солнечное сплетение мягкие щупальца – но и оно тут же прошло» [25, с. 42]; «Оябун еще мог понять, что он не рассчитывал на выигрыш, а хотел сжечь все свои деньги у ног великих мастеров – **как** герои китайской древности перерезали когда-то собственное горло...» [22, с. 241]; «... Нобуцуна отвернулся, **словно** ему наскучило происходящее, шагнул прочь – и Есицунэ все-таки бросился на врага» [22, с. 211][212]. В случае с придаточными предложениями отмечаем, прежде всего, наибольшую распространенность союза *словно*, а также предпочтительное использование тире между главной и придаточной частью вместо запятой.

3. Бессоюзные сложные предложения с компаративной семантикой: «**Твои глаза – фары**. А Прекрасный у тебя шофер. Ну или кучер» [22, с. 97]; «**Жизнь – это гонка** на ведущем к смерти серпантине, и почивать на лаврах следует на бегу» [22, с. 194]; Ему представилось, что **небо над Москвой** – это **стеклянный купол** над одной из лафетных банок, а сам он – **розовый мозг**, плавающий в дымном московском воздухе» [22, с. 285]; «Может быть, конечно, что **мои слова – последний мазок**, накладываемый Жуком на его *пергамент* [курсив Пелевина]» [26, с. 173].

4. Сравнительные конструкции с именем прилагательным или наречием в сравнительной степени и союзом *чем*: «Мы мчались по пустым улицам, и сердце моё стучало в груди **громче, чем копыта коня**» [25, с. 170]; «Слово “банка” было чисто русским замещением – “сыграть в банку” звучало **оптимистичнее, чем “сыграть в ящик”**» [22, с. 75]; «...было решено сделать этих существ субъективно **гораздо более счастливыми, чем люди**» [22, с. 106].

5. Двухкомпаративные предложения [4]: «**Чем выше** они поднимались, **тем сильнее** кривлялось и корчилось зеркало от гримас...» [25, с. 285]; «...он же рептилоид, ему **чем страшнее, тем лучше**» [25, с. 341]; «**Чем дольше** я всматривался, **тем реальнее** становилась эта дорога, а потом я решился и сделал шаг по ней» [24, с. 268]; «Чем больше народу крутит, тем быстрее идет винт» [24, с. 276]; «**Чем сильнее** я старался передать ей свой ужас, **тем больше** она веселилась» [23, с. 246].

6. Сравнительные конструкции с сочетаниями *то же, так же, такое же, такое* + союзы *как, что*. Для указания степени проявления подобия, сходства в данных конструкциях писателем нередко используются лексемы *точно, почти, примерно, практически*: «В раннем карбоне вместо электронной почты люди обменивались *телеграммами*. Это было почти **то же самое, что** электронная почта [курсив Пелевина]» [22, с. 110]; «А потом ужас прошел **так же** внезапно, **как** начался» [22, с. 139]; «В этом была насмешка – и одновременно **такая** грозная красота, **такая** песнь судьбы, **что** Сасаки-сан испытал несколько мгновений пронзительнейшего счастья» [22, с. 196]; «Клипы были настоящие – **таких** за последние два века люди наснимали про себя более чем достаточно» [22, с. 205].

7. Синтаксические структуры особого типа. К ним относятся сравнительные конструкции, в состав которых входит наречное выражение *своего рода*. Структуры особого типа

выражают в художественном тексте В. Пелевина степень подобия, тождества сравниваемых предметов, признаков и явлений: «... для духов, думал Сасаки-сан, заново принимать человеческий облик хлопотно, а кукла – временное пристанище, **своего рода** гостиница на день...» [22, с. 189]; «Ветробашня <...> – **своего рода** реверсивный ветрогенератор...» [24, с. 63]; «Даже если он мне сперва не верит, в нем просыпается **своего рода** инстинкт разрушения» [23, с. 240].

8. Отрицательные сравнения: «Это было **не сияние, не музыка – а что-то совсем иное**» [26, с. 237]; «Вот тут Маня и почувствовала тоску – **не обычную лицейскую скуку, а какую-то не знакомую прежде** пронзительную, почти физическую боль в груди» [22, с. 111]; «...банка для тебя – **не просто мечта, а надежда**, обещающая стать возможностью» [22, с. 262]. Особый интерес вызывают следующие примеры, в которых отрицательные сравнения представлены в виде парцелированных конструкций: «По американским законам это **не люди. Просто тела**» [22, с. 216]; «Тян **не просто вышли на арену с поклоном**, как подобало бы воинам. Нет. **Они профланировали в октагон...**» [22, с. 226]. Данные конструкции не имеют союза *а*, но основаны на противопоставлении, поэтому относятся нами к данной группе.

9. Устойчивые сочетания и выражения с компаративным значением. К данной группе относим узуальные фразеологические единицы, которые используются писателем без изменений, а также фразеологизмы, которые подвергаются структурным и/или семантическим преобразованиям: «Юра **как в воду глядел...**» [28, с. 136]; «Спрятать их сложно даже с помощью лучших мозгопромывательных технологий, потому что привилегия – **как шило в мешке**» [25, с. 520]; «Не могла бы она без меня ни жить, ни быть, ни есть, ни пить, **как белая рыба без воды...**» [29, с. 47] – ср.: «как рыба без воды»; «Скандал рос **снежным комом**» [25, с. 514] – ср.: «как снежный ком».

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что в художественной прозе В. Пелевина используются различные способы и разноуровневые средства выражения компаративной семантики. Специфика их использования состоит, с одной стороны, в конструировании художественного пространства произведений, описании эмоций и чувств героев, их внешности через сопоставление с другими образами, предметами и явлениями, через усиление/ослабление интенсивности того или иного признака. Языковые средства реализации сравнительного значения показывают восприятие условной реальности героями и/или повествователем, позволяют выразить в том числе их речевые особенности. Сравнение используется В. Пелевиным в художественном тексте как стилистический прием, как средство создания образности, выразительности, экспрессивности, для репрезентации оценочной семантики, реализации в тексте иронии и сарказма, а также в качестве способа выражения авторской картины мира и творческого своеобразия писателя. Благодаря использованию сравнений создается оригинальный и неповторимый почерк автора, проявляется виртуозное обращение с языковыми единицами разных уровней и выражаемыми с помощью них смыслами. Следует отметить, что специфика использования языковых единиц с семантикой сравнения заключается также в индивидуально-авторском выборе структурных компонентов сравнения (что сравнивается, с чем и на каком основании) и окружающего их контекста.

В ходе исследования были определены основные способы выражения компаративной семантики, которые соотносятся с уровнями языка: лексическим, морфологическим, словообразовательным и синтаксическим. Было установлено, что для каждого способа характерны свои особенности и свой набор средств, которые мы проанализировали и описали. В прозе В. Пелевина на лексическом уровне семантика сравнения выражается глаголами и причастиями, именами прилагательными *похожий, подобный*, собственными и нарицательными именами существительными в сочетании с лексемами *эдакий, какой-то, а-ля, всякий, свой* и другими языковыми единицами с семантикой тождества, различия, подобия, сходства, выраженными имплицитно. К морфологическому способу мы относим имена прилагательные и наречия в сравнительной степени, предложно-падежные сочетания с производными предлогами *вроде, в виде, под видом, типа*, формы творительного, родительного и винительного падежа. На словообразовательном уровне мы отметили основные и наиболее продуктивные способы образования слов (приставочно-суффиксальный, суффиксальный и бессуффиксальный) для выражения семантики сравнения. Особое внимание было уделено образованию имен прилагательных и наречий от собственных имен существительных. Синтаксический способ реализуется с помощью сравнительных оборотов, придаточных сравнения, бессоюзных сложных предложений с компаративной семантикой, двукомпаративных предложений, сравнительных конструкций, синтаксических структур особого типа, отрицательных сравнений, устойчивых сочетаний и выражений.

Следует отметить, что представленные нами способы и средства выражения компаративной семантики в прозе В. Пелевина не являются исчерпывающими. Приведенные примеры языковых единиц использованы как наиболее яркие и отчетливо демонстрирующие обозначенные способы. В качестве перспектив дальнейшего изучения заявленной тематики может быть предложено более детальное рассмотрение и описание компонентного состава сравнений – предмета, образа и признака сравнения. Кроме того, дальнейшие исследования могут быть связаны с расширением материала исследования – например, анализом произведений В. Пелевина более раннего периода творчества.

Библиография

1. Чурилина Л. Н. Антропоцентризм художественного текста как принцип организации его лексической структуры: автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Санкт-Петербург, 2003. 44 с. EDN: NJPDZJ.
2. Крылова М. Н. Разноуровневые средства выражения сравнения, их функции в языке поэзии и прозы И. А. Бунина и С. А. Есенина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 18 с. EDN: VPMQDN.
3. Шевченко А. Е. Сравнение как компонент идиостиля писателя-билингва В. Набокова: На материале русско-и англоязычных произведений автора: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 24 с. EDN: ZMSNPB.
4. Пашкова Е. В. Компаративные единицы в когнитивном аспекте в произведениях Л. Н. Толстого и И. А. Бунина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 24 с. EDN: NHLQEX.
5. Драйсави Х. К. М. Сравнение в поэтическом идиостиле (на материале поэзии С. Есенина и В. Маяковского): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2014. 24 с.
6. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты [Электронный ресурс] / под ред. А. П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2011. 480 с.
7. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. Ростов-на-Дону: Феникс,

2010. 562 с.

8. Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 654 с.

9. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978. 158 с.

10. Марфунина И. А. Семантическая категория сравнения и ее синтаксическое воплощение: (На материале романа В. Набокова "Другие берега") // Вопросы русского языкознания. М., 2000. Вып. 8. С. 173-181.

11. Даутия Ф. В. Сравнительные конструкции, переходные между сложными и простыми предложениями с показателем сравнения "как": автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 22 с. EDN: NLIHWN.

12. Вомперский В. В. К характеристике стиля М. Ю. Лермонтова: стилистические функции сравнения // Русский язык в школе. 1964. № 5. С. 25-32.

13. Кузнецова Н. Н. Классификации сравнений // Филологический аспект. 2022. № 2 (82). С. 83-92. EDN: HFHWLW.

14. Трегубчак А. В. Семантика сравнения и способы ее выражения: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2008. 23 с. EDN: NKNKJJ.

15. Куликова О. Ф. Авторские сравнения в художественном тексте // Эпоха науки. 2021. № 28. С. 325-328. EDN: BYKKAZ.

16. Осокина Е. А. Некоторые особенности идиостиля Достоевского, Платонова, Пелевина: степень объективности при описании и толковании текста // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 96-109. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-45-3-96-109 EDN: ITUCBM.

17. Михеева С. Л. Метафора как средство создания многомерного художественного мира (на основе романа В. Пелевина "Шлем ужаса") // Метафорическая картина мира современной художественной прозы: сборник научных трудов: материалы Международной научной конференции, Москва, 10-11 марта 2021 года / Под общей редакцией З. Ю. Петровой и Н. А. Фатеевой. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Аквилон", 2021. С. 117-129. EDN: MFVELL.

18. Димитриева О. А. Метафорическое осмысление жизненного пути и поиска смысла жизни в романе В. Пелевина "Непобедимое Солнце" // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 5. С. 68-76. DOI: 10.30515/0131-6141-2022-83-5-68-76. EDN: YBFIWV.

19. Дозорова Д. В. Типы и функции метафор в прозе В. Пелевина // Слово. Словесность. Словесник: материалы международной научно-практической конференции преподавателей и студентов, посвященной Году педагога и наставника и Году русского языка как языка межнационального общения СНГ, Рязань, 20 апреля 2023 года / Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина. Том Выпуск IX. Рязань: Индивидуальный предприниматель Коняхин Александр Викторович, 2023. С. 211-215. EDN: KONVUT.

20. Иванова П. С. Особенности сравнений ольфакторного модуса перцепции в творчестве В. Пелевина // Развитие образования. 2019. № 4 (6). С. 102-105. DOI: 10.31483/r-43542. EDN: ENPRMN.

21. Скворцова В. В., Уржа А. В. Текстовые функции культурно-коннотированной лексики в рассказе В. Пелевина "Спи" и его англоязычном переводе // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 85-96. EDN: XAKRYF.

22. Пелевин В. О. TRANSHUMANISM. INC. М.: Эксмо, 2021. 608 с.

23. Пелевин В. О. Смотритель. М.: ООО "Агентство ФТМ, Лтд.", 2021. 550 с.

24. Пелевин В. О. Круть. М.: Эксмо, 2024. 496 с.

25. Пелевин В. О. KGBT+. М.: Эксмо, 2022. 560 с.

26. Пелевин В. О. Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами. М.: Издательство "Э", 2018. 416 с.

27. Пелевин В. О. iPhuck 10. М.: Эксмо, 2018. 480 с.
28. Пелевин В. О. Тайные виды на гору Фудзи. М.: Эксмо, 2019. 416 с.
29. Пелевин В. О. Искусство лёгких касаний. М.: Эксмо, 2021. 416 с.
30. Ковешникова А.В. Специфика использования фразеологических единиц в художественной прозе В. Пелевина // Litera. 2025. № 4. С. 219-233. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.74186 EDN: MJYPGR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74186

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают способы выражения компаративной семантики в художественных произведениях В. Пелевина. Актуальность работы не вызывает сомнения и обоснованно аргументируется тем, что «в центре внимания исследователей в последние десятилетия все чаще оказываются выбранные автором языковые средства разных уровней и реализованные с помощью них смыслы. Одной из форм познания действительности, которая находит свое отражение в языке художественных произведений и иллюстрирует восприятие и понимание предметов в авторском сознании, является сравнение. Оно занимает особое место в структурно-семантической организации текста, а также в создании художественной образности и выразительности». Материалом для данного исследования послужили художественные произведения В. Пелевина, в частности «Смотритель» (2015), «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами» (2016), «iPhuck 10» (2017), «Тайные виды на гору Фудзи» (2018), «Искусство легких касаний» (2019), «TRANSHUMANISM. INC.» (2021) «KGBT+» (2022), «Круть» (2024). Выбор творчества Пелевина в качестве эмпирической базы определяется тем, что этот писатель-постмодернист считается автором(ами) одним из наиболее заметных и оригинальных в плане творческой реализации и языкового своеобразия.

Теоретической основой работы выступили труды, посвященные антропоцентризму художественного текста; различным аспектам категории сравнения, в том числе классификации сравнений, семантике сравнения, разноуровневым средствам выражения сравнения, сравнению в поэтическом идиостиле; особенностям идиостиля В. Пелевина, специфике использования фразеологических единиц, метафоры, сравнения в художественной прозе В. Пелевина и др. Библиография насчитывает 30 источников, в том числе литературные и лексикографические, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью («выявить способы и средства выражения компаративной семантики и определить специфику их употребления в прозе В. Пелевина»), задачами и носит комплексный характер. В ее основе обоснованно лежат общенаучные методы анализа и синтеза, методы сплошной выборки, анализа, тематической классификации и систематизации языкового материала, метод контекстуального анализа, описательно-аналитический метод.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования определены основные способы выражения компаративной семантики, которые соотносятся с уровнями языка: лексическим, морфологическим, словообразовательным и синтаксическим. Установлено, что для каждого способа характерны свои особенности и

свой набор средств. Сформулированы обоснованные выводы о том, что «специфика использования различных способов и разноуровневых средств выражения компаративной семантики состоит в конструировании художественного пространства произведений, описании эмоций и чувств героев, их внешности через сопоставление с другими образами, предметами и явлениями, через усиление/ослабление интенсивности того или иного признака. Языковые средства реализации сравнительного значения показывают восприятие условной реальности героями и/или повествователем, позволяют выразить в том числе их речевые особенности» и др.

Теоретическая значимость работы заключается в описании и изучении способов и средств выражения компаративной семантики и определении специфики их употребления в прозе В. Пелевина. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов как в исследованиях по теории языка, теории дискурса, дискурсивной лингвистике, так и в процессе преподавания вузовских курсов по лингвокультурологии, медиалингвистике и социалингвистике, в спецкурсах по творчеству Виктора Пелевина.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сюй Л. Лексика насекомых, отображающая обитание насекомых в русском и китайском языках: лексическая интерпретация // Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.74347 EDN: CQXPXH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74347

Лексика насекомых, отображающая обитание насекомых в русском и китайском языках: лексическая интерпретация

Сюй Линьлин

ORCID: 0000-0003-0890-8278

аспирант; кафедра фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения; УрФУ

620078, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51

✉ 792680883@qq.com

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.74347

EDN:

CQXPXH

Дата направления статьи в редакцию:

06-05-2025

Дата публикации:

24-05-2025

Аннотация: Цель настоящей статьи заключается в сопоставительном анализе лексики, отражающей особенности обитания насекомых в русском и китайском языках. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к сопоставительному изучению разноструктурных языков и недостаточной изученностью энтомологической лексики в компаративном аспекте. Теоретической базой исследования послужили работы в области сопоставительной лингвистики, лексической семантики и лингвокультурологии. Обращаясь к сформированному посредством словарной выборки корпусу энтомонимов, автор статьи объектом исследования избирает 26 русских и 31 китайскую лексическую единицу с дифференциальной семой «обитание насекомых». Предметом исследования становятся дифференциальные признаки аспектов «способ

обитания насекомых» и «специфика распространения насекомых», отраженные в русских и китайских дефинициях. Научная новизна работы заключается в комплексном анализе семантических особенностей энтомологической лексики двух типологически различных языков, который впервые осуществляется на материале лексем, характеризующих обитание насекомых. В исследовании применяется комплексная методология, включающая как общенаучные методы (описательный метод, метод анализа и синтеза, метод классификации, метод сплошной выборки из материала), так и специальные лингвистические методы: семантический, компонентный и сопоставительный анализ для изучения семем лексики и их репрезентаций и выявления различия и сходства в представлении изучаемых материалах. Отмечается, что в русском языке дефиниции 37,68% лексем, обозначающих насекомых, из сформированного корпуса дают общие характеристики обитания насекомых, в китайском языке это число составляет 34,07%. Обнаружено, что в русском языке акцент делается на социальных и экологических аспектах обитания насекомых, в то время как в китайском языке более подробно отражается разнообразие мест и условий их обитания. В обоих языках прослеживается взаимосвязь между группами дифференциальных сем, дифференциальных признаков, лексическими конструкциями и биологическими особенностями насекомых, что подчёркивает интеграцию научных знаний в общеязыковую картину мира и особенности национального мировосприятия. Полученные результаты могут найти применение в лексикографической практике, в преподавании русского и китайского языков, а также в дальнейших сопоставительных исследованиях.

Ключевые слова:

насекомое, энтонимы, аспект, дифференциальная сема, дифференциальный признак, семантический анализ, способ обитания насекомых, распространение обитания насекомых, русский язык, китайский язык

Введение

Исследование лексического значения слов и их лексикографические интерпретации имеют фундаментальное значение для понимания процессов человеческого познания и развития языка. Категоризация словарных дефиниций отражает текущее состояние языка и демонстрирует особенности национального мировосприятия, что наиболее отчетливо и ярко выражается в сопоставительных исследованиях [\[1, 2\]](#). В этом контексте особый интерес представляет лексическая интерпретация энтомологической лексики (лексики, обозначающей насекомых), которая позволяет проследить, как научные знания о насекомых интегрируются в общеязыковую картину мира [\[3\]](#).

Российские исследования, посвященные изучению энтонимов, в основном фокусируются на лингвокультурологическом, когнитивном, семантическом, сопоставительном аспектах. В них раскрывается специфика энтомологических метафор в русском языке (Т.Б. Белевцова, И.В. Чекулай, О.Н. Прохорова, Т.А. Трипольская, Е.Ю. Булыгина и др.), в том числе в сопоставлении с другими языками (В.Л. Мусси, Е.С. Ражева, Ю.Г. Завалишина, М.Ю. Александрова, Л. Сюй и др.), оценивается семантический и словообразовательный потенциал лексики, называющей насекомых (В.Л. Мусси, Т.А. Трипольская, Е.Ю. Булыгина и др.).

Одним из значимых российских исследований энтонимов стала работа Е.Ю. Булыгиной и Т.А. Трипольской, рассмотревших энтомологические метафорические номинации,

интегрированные в русскую наивную картину мира, в сравнении с итальянскими номинациями, основанными на метафорическом переносе. Обращаясь к данным дефиниций, ассоциативного словаря, речевой практики и художественного контекста, авторы выявили и сформулировали совпадающие и уникальные семантические компоненты метафорических номинаций «стрекоза» и «муравей» в русском и итальянском языках [\[4\]](#).

В дальнейшем изучение энтомологической лексики развивается в трудах названных выше ученых. Результаты этих научных изысканий послужили базой данных прагматически маркированной лексики русского языка, на основе которой «разрабатывается концепция лексикографической интерпретации прагматически маркированных фрагментов лексической системы языка», в том числе в сопоставительном аспекте, а также составляется словарь эмотивно-оценочной лексики [\[5, с. 70\]](#); [\[6\]](#). В одном из последних исследований Е.Ю. Булыгиной и Т.А. Трипольской некоторые энтомонимы включаются в прагматически маркированную лексику как слова, включающие в свою семантику национально-культурный компонент [\[16\]](#).

В.Л. Мусси были представлены исследования по семантической и словообразовательной деривации, порождающей наименования насекомых в русском и итальянском языках. В одной из последних работ автора, сочетающей семасиологический и лингвокультурный подходы, обобщены и систематизированы механизмы порождения энтомологической метафоризации, представлены метафорические модели с русской и итальянской лексикой, обозначающей насекомых. Сопоставляя энтомологические метафоры в двух языковых картинах мира, исследователь дает «портрет человека, рисуемый энтоморфизмами», формируемый внешними признаками и внутренними качествами [\[8, с. 181\]](#).

Изучению метафоризации на материале русских энтомонимов посвящено и диссертационное исследование Т.Б. Белевцовой, в котором иллюстрируется, как культурно маркированные энтоморфологические единицы «репрезентируют национальную стратегию описания человека», входя в зооморфный культурный код [\[9, с. 8\]](#).

Таким образом, метафоризация на основе сходства различных признаков насекомых и человека – тема, привлекающая внимание ученых. Вместе с тем, изучение энтомонимов в сопоставительном аспекте на материале русского и китайского языков еще не столь основательно, нуждается в анализе и тщательной разработке.

В китайской лексикологии и лексикографической деятельности относительно недавно было представлено систематическое исследование, обобщающее методы анализа и описания лексического значения слов: исследователем Фу Хуайцин был проведен глубокий семантический анализ китайской лексики [\[10\]](#). Позже, исследователем Ху Чуньтао, была развита и упрочнена идея о национально-культурной специфике семантических компонентов лексического значения некоторых слов. Он представил словарные дефиниции в зеркале национальной культуры и отметил необходимость сопоставления культурно маркированной лексики в разных языках [\[11\]](#).

Сегодня работы в сфере лексикологии и лексикографии в Китае достаточно распространены и посвящены изучению дефиниций некоторых групп лексики, (Фэн Хайся, Чжао Хунмэй, Чжао Сюэфэн, Син Лу, Чжао Сюлин) [\[12, 13\]](#), специфики словарной

дефиниции в китайском языке (Ли Ся, Линь Тяньи) [\[14, 15\]](#). Отдельно стоит отметить исследования, посвященные сопоставлению китайских и русских лексических единиц на предмет их культурных коннотаций. Так, например, в работе Хуэй Хуэй кратко представлен анализ русских и китайских фитонимов, которые, будучи отражением природного ландшафта и интегрируясь в картину мира человека, становятся элементами растительного кода национальной культуры [\[16, 17\]](#).

Несмотря на взаимный интерес к сопоставительным исследованиям, в российской и китайской лингвистической науке энтомологическая лексика еще не изучалась с точки зрения описания в словарной дефиниции обитания насекомых.

Настоящая статья посвящена сопоставительному анализу лексики, обозначающей насекомых в русском и китайском языках, с акцентом на дифференциальной семе «обитание насекомых». Для этого применяются методы классификации, семантического, компонентного и сопоставительного анализа. Предметом исследования является лексика, описывающая насекомых и отражающая их способы обитания и особенности распространения в обоих языках.

В рамках данного исследования особое значение имеют два ключевых понятия. Первое – аспект, который в лингвистике понимается как совокупность однотипных сем, характеризующих особенности объекта номинации в заданной перспективе [\[19, с. 21\]](#). Второе – энтоним, под которым понимается лексическая единица, служащая для номинации различных видов насекомых, их разновидностей и стадий метаморфоза [\[20\]](#).

Предварительно была отобрана энтомологическая лексика и составлен корпус из 69 русских и 91 китайского энтонима. Для этого выполнена словарная выборка по следующим словарям: «Большой толковый словарь русских существительных» под редакцией Л.Г. Бабенко [\[21\]](#), «Большой толковой словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова [\[22\]](#), «Словарь современного китайского языка» под редакцией Люй Шусян и Дин Шэншу [\[23\]](#) и «Большой словарь современного китайского языка» под редакцией Гун Сюэшэн [\[24\]](#).

Объектом исследования являются 26 русских и 31 китайская лексическая единица, содержащие дифференциальный признак аспекта «обитание насекомых».

Русская энтомологическая лексика в зеркале дифференциальной семы «обитание насекомых»

Энтомологическая лексика, содержащаяся в толковых словарях русского языка, включает в себя 69 лексических единиц, относящихся к номинациям насекомых с точки зрения их биологической номенклатуры (в том числе отношения насекомых к семействам, отрядам, видам и стадии развития), особенностей жизнедеятельности (в том числе питания, обитания, распространения, взаимодействия с другими видами) и пр.

Семантический и компонентный анализ дефиниций слов в составленном корпусе позволяет выделить 26 русских энтонимов (37,68% от общего числа исследуемых русских слов), в которых упоминается среда обитания и специфика распространения насекомых в разных стадиях его развития. Руководствуясь этим, мы выделяем дифференциальную сему (далее – ДС) «обитание насекомых», включающую дифференциальные признаки (далее – ДП) аспектов «способ обитания насекомых» и «специфика распространения насекомых».

Дальнейший анализ показывает, что в 22 случаях из 26 (31,88% от общего числа исследуемых русских слов) указан ДП аспекта «специфика распространения насекомых». ДП аспекта «способ обитания насекомых» представлен в 9 лексемах (13,04% от общего числа исследуемых русских слов). Стоит отметить, что в дефинициях русских энтонимов нередко ДП обоих аспектов пересекаются, рассматриваются вместе.

Обратимся к русским энтонимам, значение которых включает ДП аспекта «способ обитания насекомых» и ДП аспекта «специфика распространения насекомых» и представим результаты анализа.

ДП аспекта «способ обитания насекомых» в русском языке

Анализ ДП аспекта «способ обитания насекомых» русских энтонимов показал, что большинство насекомых, входящих в составленный корпус, относятся к паразитам или ведут паразитический образ жизни, возлагая на другие живые организмы функцию регуляции отношений со средой обитания, живя и питаясь за их счет.

Таковы насекомые *блоха*, *вошь*, *тля*, *пухоед*, *теленомус*, *яйцеед*. В их лексикографическом описании преобладают слова с корнем «паразит-»: «паразитирующее», «паразитическое», «паразитируют», «паразит», «паразитно». Так, *блоха* и *вошь* определяются как насекомые, «**паразитирующие на теле животного, человека**». *Пухоед* также паразитирует на теле млекопитающих и птиц. *Теленомус* – насекомое, «**паразитирующее в яйцах насекомых**».

Как видно из дефиниций, эти лексические единицы часто сопровождаются предложными конструкциями, уточняющими место паразитирования: «на теле животного, человека» или «в яйцах насекомых». В этих уточнениях обнаруживается пересечение ДП аспекта «способ обитания насекомых» и ДП аспекта «специфика распространения насекомых». Прекрасной иллюстрацией в этом отношении служит дефиниция энтонима «яйцеед»: «*паразитическое насекомое, откладывающее яйца в яйца других насекомых*». Подобная деятельность, присущая паразитам, описывает не только способ их обитания, но и особенности численного и географического распространения.

Помимо паразитирования как способа обитания, в выделенных энтонимах указывается способ взаимодействия особей между собой, иллюстрирующий их специфику жизни и обитания. Так, насекомые *муравей*, *пчела* и *саранча* живут в крупных сообществах или роях, муравейниках, что характерно для их способа обитания. В определении энтонима *муравей* указывается, что это – насекомое, «**живущее большими сообществами**» [22]. В то время как *саранча* – «**стадное**» насекомое [21]. *Пчёлы* живут «**большими семьями**» [22]. Примечательно, что такие лексемы и сочетания, как «живущее большими сообществами» и «стадное», указывают на совместное проживание насекомых одного вида и высвечивают социальный аспект их жизнедеятельности.

Во входящих в составленный корпус русских энтонимах, в дефиниции которых содержится ДП аспекта «способ обитания», таким образом, делается акцент на особой паразитической форме взаимодействия насекомых с другими видами, а также на взаимодействии насекомых внутри одного вида.

ДП аспекта «специфика распространения насекомых» в русском языке

За длительное время существования и эволюционного развития насекомые адаптировались почти ко всем природным и антропогенным средам обитания, что отражается в их лексических описаниях в русском языке. Наиболее распространены

насекомые в тропиках и областях с теплым умеренным климатом [25].

Выделяются три лексемы, в семантических определениях которых указывается на географическое распространение насекомых. Так, **муха** – «**широко** распространённое» [21] насекомое. В толкованиях слов *москит* и *жук-олень* указаны конкретные регионы их обитания: *москит* – «насекомое **южных стран**» [22], *жук-олень* – «распространен **в широколиственных лесах** Северной Африки, Южной и Средней Европы (в том числе на Украине, Дону, Северном Кавказе)» [26]. В данных определениях подчеркивается обусловленность распространения насекомых экологическими и климатическими факторами окружающей среды.

Анализ русских энтомонимов, вошедших в выделенный корпус, позволяет описать специфику распространения насекомых посредством классификации сред их обитания. Эти среды можно разделить на природную (включающую водный и наземный ландшафт, а также подземную среду), паразитическую и искусственную или полуискусственную среду.

Природная среда обитания насекомых, согласно анализируемым дефинициям русских энтомонимов, делится на водную, а также околотоводную и наземную и подземную. Для насекомых, обитающих в водной среде, семантическое выражение обычно осуществляется через конструкцию со словом «живущий». Например, *плавунец* – насекомое, «живущее в стоячей или медленно текущей **воде**» [27], *стрекоза* – «живущее вблизи **водоемов**» [22], *мотыль* – «живущее **в иле**» [там же]. Стоит отметить, что в дефиниции слова *ручейник* подчёркивается изменение среды обитания на разных стадиях жизни насекомого: «в стадии личинки и куколки развивающееся **в воде**, а во взрослом состоянии обитающее в зелени **около воды**» [28]. Обращают на себя внимание уточнения относительно типа воды как среды обитания: «стоячая», «медленно текущая», также «текучая». Это обогащает ДП аспекта «специфика распространения насекомых» представлениями об условиях выживания вида.

Семантическое выражение в группе энтомонимов русского языка, описывающих наземную и подземную среды обитания, более разнообразно. В дефинициях указывается на конкретные места обитания в наземном ландшафте и подземной среде, включая почву, древесину, растения и пр. Передается конструкцией с различными формами глагола «жить». Так, *медведка* – насекомое, «живущее **в земле**» [22]. *Короед* – насекомое, «живущее **в коре и древесине деревьев**» [29]. *Пчела* – насекомое, «живущее **в дуплах деревьев**» [21]. Такими дефинициями передается информация не только о потенциальном ареале распространения насекомых, но и о специфике их взаимодействия с окружающей средой.

В некоторых словарных дефинициях приведены дополнительные уточнения, касающиеся специфики распространения насекомых в определенных стадиях развития или в соответствии с суточным циклом. Например, в стадии гусеницы *крапивницы* «живут **на крапиве**» [27]. *Жужелицы* «днём прячутся **под камнями и в листве**» [22], где лексема «днём» обозначает конкретное время суток.

Помимо природной среды, включающей водные, наземные и подземные ареалы обитания, некоторые насекомые, как отмечалось выше, ведут паразитический образ жизни, выбирая в качестве среды обитания живых организмов других видов. Семантическое выражение паразитической среды для насекомых имеет в русских

энтонимах ярко выраженные особенности: главным образом иллюстрируется словами с корнем «паразит-», отражающими паразитические свойства насекомого. Это совпадает с группой ДП аспекта «способ обитания насекомых».

Паразитизм делится на два типа: животный и растительный. В соответствии с этим может быть классифицирована паразитическая среда, описывающая ДП аспекта «специфика распространения насекомых».

Насекомые, паразитирующие на животных, средой обитания выбирают тела человека и других млекопитающих, птиц или насекомых. Среди выделенных русских энтонимов к данной группе можно отнести следующие лексические единицы: *овод*, *пухоед*, *блоха*, *вошь*, *теленормус*, *яйцеед*. В лексикографическом описании этих насекомых есть указание не только на способ обитания, но и на конкретную среду обитания, в паразитические отношения с которой вступает насекомое. Так, *блоха* и *вошь* – насекомые, «паразитирующие **на теле животного, человека**» [27]. *Пухоед* – насекомое, «паразитирующее **на птицах и млекопитающих**» [22]; *теленормус*, как и *яйцеед*, – насекомое, «паразитирующее **в яйцах насекомых**» [27]. *Овод* – насекомое, «личинки которого паразитируют **в теле животных**» [21]. Репрезентанты «тело животного, человека», «птицы и млекопитающие» и «яйца насекомых» указывают на объекты паразитизма насекомых. Репрезентант «личинки» подчеркивает стадию развития насекомых, на которой проявляется такой способ обитания.

Примечательно, что в определении энтонима *теленормус* имеется значимое уточнение: это насекомое, паразитирующее в яйцах вредоносных для сельскохозяйственных культур насекомых. Здесь не уточняется, способны ли теленормусы быть энтомофагами, однако дефиниция обогащается коннотативным смыслом: теленормус может быть полезен для одних видов и вреден для других.

Насекомые, паразитирующие на растениях, выбирают их средой своего обитания. К таким насекомым можно отнести вошедшие в составленный корпус энтонимы *клоп* и *червец*. ДП аспекта «специфика распространения насекомых», указывающий на паразитический образ жизни насекомых, способствующий их распространению, выражается через такие репрезентанты, как «**паразит растений**» [27] или «**живущее паразитно на растениях**» [21].

В искусственной или полуискусственной среде обитает меньше насекомых. Под искусственной средой понимаются ареалы антропогенной природы, созданные человеком. Полуискусственная среда подразумевает, что насекомое может приспосабливаться и к естественным условиям, и к созданным человеком. К таким насекомым относятся *пчела* и *сверчок*. *Пчела* демонстрирует двойственность среды обитания, живя как в естественных условиях (дупла деревьев), так и в искусственных (ульях), что отражает её адаптацию к антропогенной среде. В дефиниции энтонима *сверчок* указывается на место обитания определенных видов сверчков, которые «**обитают вблизи человеческого жилья**» [21].

Резюмируя, необходимо подчеркнуть, что в русском языке ДС «обитание насекомых» показывает, что у значительной части энтонимов дефиниция связана с обитанием насекомых, включая аспекты их распространения, способов проживания и адаптации к различным условиям. Лексемы отражают разнообразие сред обитания: насекомые обитают в природной (водной, околородной, наземной, подземной), паразитической (животной и растительной), искусственной и полуискусственной средах.

Особое внимание в лексикографическом описании выделенных русских энтономимов уделяется паразитизму, поведению и географическому распространению, что подчёркивает адаптивные стратегии насекомых. Лексические конструкции часто уточняют место, стадию развития и время обитания, демонстрируя сложные лексико-семантические связи между языком и биологическими особенностями насекомых.

Китайская энтомологическая лексика в зеркале дифференциальной семы «обитание насекомых»

Китайская энтомологическая лексика, вошедшая в корпус отобранных нами энтономимов, составляет 91 лексическую единицу, что, безусловно, указывает на особое положение насекомых в китайской национальной и общезыковой картине мира. В словарных определениях также выделяются различные дифференциальные семы, включая специфику строения, размножения, питания, взаимодействия с природным ландшафтом и другими живыми видами и т.д.

Выполняя семантический и компонентный анализ китайских энтономимов на предмет поиска в дефиниции ДС «обитание насекомых», мы выделили 31 лексическую единицу (34,07% от общего числа исследуемых энтономимов). Сопоставляя структуры значений китайских единиц с русскими энтомологическими единицами в составленных корпусах, мы пришли к выводу, что китайская энтомологическая лексика также содержит ДП аспекта «способ обитания насекомых» и ДП аспекта «специфика распространения насекомых».

Дальнейший анализ показал, что из выделенных лексических единиц 6 слов (6,59% от общего числа исследуемых энтономимов) содержат ДП аспекта «способ обитания насекомых», значение 28 лексем (30,77% от общего числа исследуемых энтономимов) включает ДП аспекта «специфика распространения насекомых».

Далее обратимся к конкретным дефинициям в китайском языке и проиллюстрируем сделанные выводы.

ДП аспекта «способ обитания насекомых» в китайском языке

Эта группа лексики немногочисленна. Анализ дефиниций демонстрирует сходство с русскими энтономимами в этом аспекте. В китайской энтомологической лексике, вошедшей в составленный корпус, выделяется два основных типа семантического выражения: речь идет о паразитирующей форме существования насекомых, а также о специфике коллективного проживания насекомых одного вида.

Паразитизм в китайских словарных дефинициях представлен репрезентантом «寄生» (паразитирующее). В определениях энтономимов *вошь* (虱子), *бычий овод* (牛蝇) и *тепличная белокрылка* (白粉虱) этот репрезентант оказывается ведущим, он указывает на специфику жизнедеятельности данных насекомых и их взаимодействие с окружающей средой. Стоит отметить, что ДП аспекта «способ обитания насекомых» в указанных энтономимах пересекается с ДП аспекта «специфика распространения насекомых», иллюстрируя не только способ существования, но и характер этого паразитизма.

Помимо насекомых, ведущих паразитический образ жизни, к энтономимам, в значении которых репрезентируется ДП аспекта «способ обитания насекомых», мы относим следующие единицы: *термит* (白蚁), *пчела* (蜜蜂) и *рубцовая циксия* (白蜡虫). Эти насекомые характеризуются коллективным образом жизни, существуя в социальных образованиях, называемых «стадо», «рой» и пр. (群), взаимодействуя с представителями

своего вида. В дефинициях эта идея выражается при помощи репрезентанта «群居» (буквально «жить вместе», жизнь в рое).

Исходя из этих наблюдений, стоит сказать, что ДС «обитание насекомых» в русском и китайском языке имеют сходства, демонстрируя в семантическом выражении ДП аспекта «способ обитания» не только собственно способ, но и характер взаимодействия насекомых с другими видами и окружающей природой и представителями своего вида.

ДП аспекта «специфика распространения насекомых» в китайском языке

Насекомые являются одним из самых распространенных классов животных в мире. Это объясняется их высокой способностью адаптироваться к окружающей среде [25]. Среди выделенных в корпус китайских энтомонимов также представлены дефиниции, отражающие широкую, в том числе географическую, распространённость конкретных видов насекомых.

Это иллюстрируется следующими примерами: жужелица (步甲虫) и пяденица (尺蠖) – насекомые, которые «**широко распространены**» [23]. Белокрылка тепличная (白粉虱), отличающаяся паразитическим образом жизни, «**имеет широкий спектр хозяев**» [24]. Оса (马蜂) – насекомое, «**распространенное в тропических и умеренных регионах**» [там же]. Лексема «широкий» подчёркивает характер распространения насекомых и их многочисленность, лексема «хозяева» указывает на паразитическую характеристику насекомых. Лексемы «тропический и умеренный регионы» отражают области обитания насекомого, указывая на широту географического распространения и его зависимость от экологических условий.

В дефинициях других китайских энтомонимов, вошедших в эту группу, содержатся указания на тип среды обитания. Семантический и компонентный анализ позволяет классифицировать эти среды следующим образом: водная и околотоводная среда (в том числе влажные места), подземная (почвенная), наземная (растительная), а также паразитическая, искусственная среда [30-32].

В представленных далее лексических единицах содержится ДП аспекта «специфика распространения насекомых», иллюстрирующий проживание в водной среде: личинка комара (蛭蟥), плавунец (龙虱), водяной скорпион (水蝎), стрекоза (蜻蜓), овод бычий (牛蝇) и *Kirkaldyia deyrollei* (田鳖, вид гигантского водяного клопа).

Дефиниции этих китайских энтомонимов содержат сему «вода», которая является указанием на место обитания и специфику распространения насекомых.

Так, стрекоза «**живет около воды**» [24], а ее личинки «**живут в воде**» [23]. Уточняется при этом, что, как правило, речь идет о пресноводных водоемах. Комары в стадии личинки и куколки «**живут в воде**» [там же]. *Kirkaldyia deyrollei* – насекомое, «**живущее в прудах**» [там же]. Репрезентанты «в воде» и «в прудах» указывают на специфику ареала обитания, а лексемы «личинки» и «куколки» уточняют, на какой стадии жизненного цикла насекомые обитают в воде. Стоит подчеркнуть, что это связывает данный аспект с аспектом «стадия роста».

Плавунец – насекомое, которое «**часто обитает в прудах и болотах**» [там же]. Лексема «часто» подчёркивает регулярность обитания этого вида в водной среде. Водяные скорпионы «**обитают в пресноводных водоемах**» [24]. Лексема «пресноводных» указывает на тип водоема в качестве требования к месту обитания и фактора,

определяющего выживаемость вида. Овод бычий «часто появляется летом **у воды**» [23]. Лексема «часто» указывает на частотность распространения насекомого в ареалах с водной средой, в то время как лексема «летом» подчёркивает временной аспект, указывающий на ограниченность распространения и перемещения данного вида насекомого.

Анализ китайских энтомонимов, включающих сему «вода» позволяет выделить небольшую подгруппу насекомых, предпочитающих влажные места в качестве места обитания. Дефиниция включает репрезентант «влажное место» (潮湿的地方). Так, *сверчки* (蟋蟀), *древнечелюстные* (石蛎), большинство *уховёрток* (蠼蛄) и *бокоплавы* (水虱) характеризуются как насекомые, «обитающие **во влажных местах**» [24].

К насекомым, средой обитания которых является почва, относятся следующие виды, представленные китайскими энтомонимами: *ночница* (также озимая совка, 地老虎), *песчаная черепашка* (地鳖). К наземным насекомым относят *кузнечика* (螽斯). Выбор почвенной и наземной среды обитания отражен в дефинициях. Так, *ночница* и *озимая совка* – насекомые, которые «**живут в почве**» [там же]; *кузнечик* обитает «**на земле, на короткой траве или в кустах**» [там же]; *песчаная черепашка* обитает «**часто в грунте жилых стен**» [23]. Такие признаки, как «почва», «трава», «куст», «грунт», указывают на конкретные места обитания насекомых, и подчёркивают их адаптацию к почвенной среде. Стоит отметить, что в дефиниции «песчаной черепашки» наблюдаются пересечения с идеей об адаптивности насекомого к антропогенной среде, а в дефиниции «кузнечика» указывается на разнообразие сред его обитания. Однако при этом в дефиниции слова *кузнечик* также указывается на его принадлежность к группе «немигрирующих насекомых». Они «**часто обитают на одном участке и не мигрируют**» [там же], что подчёркивает фиксированность их места обитания.

Растения также являются местом обитания для таких видов, как *капустная моль* (菜蛾), *рубцовая циксия* (白蜡虫), *сезонное насекомое* (候虫), *светлячок* (萤火虫) и *кузнечик* (螽斯). Эти виды насекомых используют деревья, овощи или траву как источник питания и укрытие. Такой природный ландшафт становится для них наиболее благоприятной средой обитания, обуславливая специфику распространения видов. В дефинициях указывается не только на вид растений, избираемых для обитания, но и на специфику пребывания насекомых в этих средах, обусловленную сезонным циклом.

Например, *капустная моль* живёт «**в овощах**» [там же], в чем проявляется зависимость жизнеобеспечения насекомого от определённых видов растений. *Рубцовая циксия* – насекомое, «**живущее на ясене или бирючине**» [там же]. Дефиниция указывает на избирательность этого вида в выборе растений, а также на ограниченность распространения. *Сезонные насекомые*, *кузнечики* и *светлячки* населяют «**траву**» [там же], но отмечается, что *светлячок* «**днём лежит в траве, а ночью вылетает**» [там же]. Репрезентанты «днём» и «ночью» подчёркивают цикличность в выборе места обитания данного насекомого.

В дефинициях следующей группы насекомых ДП аспекта «специфика распространения насекомых» пересекается с ранее описанным ДП аспекта «способ обитания насекомых». Речь идет о насекомых, ведущих паразитический образ жизни, вредоносных для других живых организмов и растений. Паразитические насекомые полностью зависят от своих хозяев, как отмечает Тобиас В.И. в своей работе [34]. Однако лексические единицы, входящие в эту группу, также указывают на распределение мест паразитирования. Например, *блоха* «**паразитирует на телах** людей, млекопитающих или птиц» [23], а

личинки овода бычьего: **«паразитируют в корове»** [там же]. Упоминание слова «личинки» подчёркивает, что насекомое в определённой стадии своего жизненного цикла находится в паразитической среде, что пересекается с группой «стадия роста насекомых», поскольку паразитирование часто связано с определёнными стадиями жизненного цикла.

Наконец, в качестве еще одной среды обитания насекомых выделяется искусственная среда, описывающая специфику распространения вида. В эту группу вошла только одна лексическая единица – клоп (椿象). Это насекомое, согласно дефиниции, **«предпочитает сухие места»** [там же] и **«часто прячется между трещинами в стенах, циновках и других укромных местах»** [22]. Упоминание «сухих мест» отражает зависимость клопа от уровня влажности воздуха, а слово «стена» указывает на то, что его среда обитания является искусственной, а также на адаптивность данного вида к антропогенной среде.

Подводя итоги, отметим, что в китайском языке ДС «обитание насекомых» в дефинициях выделенных в корпус энтонимов демонстрирует, что лексемы, связанные с этой группой, отражают разнообразие сред и способов обитания насекомых, включая водную (в том числе влажную), почвенную, растительную, паразитическую, искусственную среды. Лексико-семантические признаки подчёркивают адаптационные стратегии насекомых, жизненные циклы и зависимость от экологических факторов, а также широкое географическое распространение, что свидетельствует о значительном внимании к данному аспекту в языке.

Выводы

Сопоставительный анализ лексической интерпретации энтомологической лексики в русском и китайском языках позволяет выявить как общие черты, так и различия в отражении ДС «обитание насекомых». Оба языка демонстрируют значительное внимание к теме обитания насекомых, что выражается в лексемах, описывающих их способы проживания, распространение и адаптацию к различным средам обитания.

В русском языке особое внимание уделяется паразитизму, социальному поведению насекомых (например, совместному проживанию в сообществах) и их географическому распространению. Лексемы часто уточняют место, стадию развития и время обитания. Основные среды обитания включают природную (водную и наземную), паразитическую и искусственную среды, причём паразитизм занимает центральное место в описаниях.

В китайском языке наблюдается более детализированное описание различных сред обитания, включая водную и влажную, почвенную, растительную, паразитическую, искусственную среды. Лексемы подчёркивают адаптационные стратегии насекомых, их жизненные циклы, экологическую зависимость и широкое географическое распространение.

Сопоставительный анализ показывает, что русский язык акцентирует внимание на социальных и экологических аспектах обитания насекомых, в то время как китайский язык более подробно отражает разнообразие мест и условий их обитания. Оба языка демонстрируют взаимосвязь между группами ДС, ДП, лексическими конструкциями и биологическими особенностями насекомых, что подчёркивает интеграцию научных знаний в общеязыковую картину мира.

Таким образом, лексико-семантический анализ энтомологической лексики не только раскрывает особенности национального мировосприятия, но и углубляет понимание процессов категоризации окружающего мира в языке.

Библиография

1. Мишанкина Н.А. Лексикология русского языка. Русский язык как иностранный: профессиональная сфера общения: учебное пособие. Изд. 2-е доп. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2017.
2. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. EDN: UDBLDL.
3. Бабенко, Л.Г. Интерпретация категоризации мира в идеографическом словаре как способ выявления скрытых смыслов // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2006. С. 8-21. EDN: YKHOBD.
4. Булыгина, Е.Ю. Национально-культурный компонент в семантике наименований насекомых в русском и итальянском языках. Новосибирск, Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2009. С. 261-270. EDN: SPKZCJ.
5. Булыгина, Е.Ю. База данных прагматически маркированной лексики русского языка: материал, принципы описания, возможности использования // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6(34). С. 70-85. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.06 EDN: XDXZLT.
6. Булыгина, Е.Ю. Словарь эмотивно-оценочной лексики в парадигме активной лексикографии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 9. С. 11-21. DOI: 10.25205/1818-7919-2017-16-9-11-21 EDN: YNSGWR.
7. Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Национально-культурный компонент в семантике прагматически маркированного слова: способы выявления и лексикографирования в словаре активного типа // Филология: научные исследования. 2024. № 11. С. 99-109. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.11.72372 EDN: PRNFLJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72372
8. Мусси, В.Л. Энтомологические метафоры в русской и итальянской языковых картинах мира: монография. М.: ФЛИНТА, 2019. С. 208.
9. Белевцова, Т.Б. Когнитивная зооморфная метафора в русском литературном языке (на материале энтонимов). Автореферат канд. дисс. Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. Ставрополь, 2022. С. 29. EDN: DLMJZS.
10. 符淮青. 词义的分析 and 描写. 北京: 外语教学与研究出版社, 2006. С. 97-100. Фу Хуайцин. Анализ и описание лексического значения. Пекин: Издательство обучения и исследования иностранных языков, 2006. С. 97-100.
11. 胡春涛. 文化映照下的词典释义. 湖北开放职业学院学报, № 13. 2023. (Ху Чуньтао. Словарные определения в зеркале культуры // Вестник Хубэйского открытого профессионального колледжа. № 13. 2023.)
12. 冯海霞, 赵红梅, 赵学峰. 语文词典中体育词汇的释义研究: 基于《现代汉语词典》与《现代汉语规范词典》的比较. 山东理工大学学报(社会科学版), № 2. 2013. (Фэн Хайся, Чжао Хунмэй, Чжао Сюэфэн. Исследование дефиниций спортивной лексики в лингвистических словарях: на основе сравнения "Словаря современного китайского языка" и "Нормативного словаря современного китайского языка" // Вестник Шаньдунского политехнического университета (серия общественных наук). № 2. 2013.)
13. 邢璐, 赵秀玲. 中俄林业词汇对比研究 // 品位·经典. 2023. № 2. 57-59. (Син Лу, Чжао Сюлин. Сопоставительный анализ лесохозяйственной лексики в китайском и русском языках // Пиньвэй цзиндянь. 2023. № 2. С. 57-59.)
14. 林添翼. 词汇化及其研究与词典释义的关联关系 // 黑河学院学报. № 2. 2020. (Линь Тяньи. Взаимосвязь между лексикализацией, её исследованием и словарными определениями // Вестник Хэйхэского института. № 2. 2020.)

15. 李侠. 配位结构、词汇语义与词典释义. 外语学刊, № 6. 2012. (Ли Ся. Диатеза, семантика и словарные дефиниция // Журнал иностранных языков. № 6. 2012.)
16. 胡春涛. 文化映照下的词典释义. 湖北开放职业学院学报, № 13. 2023. (Ху Чуньтао. Словарные определения в зеркале культуры // Вестник Хубэйского открытого профессионального колледжа. № 13. 2023.)
17. 惠慧. 俄汉语植物词文化内涵差异对比研究 // 当代教育实践与教学研究. 2017. 238-239. (Хуэй Хуэй. Сопоставительный анализ культурной коннотации фитонимов в русском и китайском языках // Современная образовательная практика и педагогические исследования. 2017. С. 238-239.)
18. 张静. 俄语语言世界图景中的“заодно”观念场. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版), № 3. 2023. (Чжан Цзин. Концептуальное поле "заодно" в русской языковой картине мира // Вестник Цицикарского университета (серия философских и социальных наук). № 3. 2023.)
19. Бабенко, Л.Г. Учебно-методический комплекс дисциплины "Лексикология русского языка": учебное пособие. Екатеринбург, 2008. 126 с.
20. Мусси, В. Русские и итальянские энтомологические метафоры в сопоставлении с зооморфными: отличительные черты // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 45-53. DOI: 10.17223/15617793/419/5 EDN: ZAOYMT.
21. Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15 000 имен существ., идеограф. описание, синонимы, антонимы / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Москва: АСТ-Пресс Книга, 2005.
22. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.
23. Люй Шусян, Дин Шэншу. Словарь современного китайского языка. Пекин: Коммерческое издательство, 2017.
24. Большой словарь современного китайского языка / под ред. Гун Сюешэн. Пекин: Коммерческое издательство, 2015.
25. Энциклопедия Кольера. Насекомые. [Электронный ресурс] // URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/collier/articles/1624/nasekomye.htm> (дата обращения: 15.05.2025).
26. Современный толковый словарь изд. "Большая Советская Энциклопедия". [Электронный ресурс] // URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl.htm?ysclid=m6y0cjuyia907097715> (дата обращения: 20.05.2025).
27. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс] // URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 10.05.2025).
28. Ефремова, Т.Ф. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 17.09.2024).
29. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс] // URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения: 05.05.2025).
30. Chapman A., H.A., Chapman, H.A., et al. Numbers of Living Species in Australia and the World. 2009.
31. Стернин, И.А. Методы описания семантики слова. Ярославль: Истоки, 2013. С. 34. EDN: YQXGMJ.
32. Захваткин, Ю.А. Курс общей энтомологии. М.: Колос, 2001. С. 20-22.
33. Jackson H. The Bloomsbury Handbook of Lexicography. // Bloomsbury Academic. 2022. P. 456.
34. Тобиас, В.И. Паразитические насекомые-энтомофаги, их особенности. Зоологический институт РАН. [Электронный ресурс] // URL: https://www.zin.ru/societies/res/rus/periodicals/horae/75/res.75.2_tobias.pdf (дата обращения: 06.04.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Лексика насекомых, отображающая обитание насекомых в русском и китайском языках: лексическая интерпретация».

Предмет исследования – лексика, описывающая насекомых, отражающая способы их обитания и распространение их обитания в русском и китайском языках.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением метода сплошной выборки, семантического, компонентного и сопоставительного анализа, метода классификации, интерпретации, обобщения и синтеза.

Актуальность работы обусловлена тем, что исследование лексического значения слов позволяет раскрыть системные связи слов, что важно для изучения языка и его функционирования. Категоризация словарных дефиниций отражает текущее состояние языка и демонстрирует особенности национального мировосприятия, а сопоставительные исследования лексической интерпретации лексики на материале различных языков позволяют выявить как общие черты, так и различия отражения культуры этноса в языковом сознании носителей лингвокультуры.

Научная новизна исследования заключается в его сопоставительном характере, проведенный контрастивный анализ позволяет продемонстрировать национально-специфичную структуру русского и китайского языков через призму лексической интерпретации энтомологической лексики, описывающей способы проживания насекомых, их распространение и адаптацию к различным средам.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор аргументирует актуальность выбранной темы, сформулированы объект и предмет исследования, перечислены использованные методы, дана характеристика эмпирического материала); результаты анализа дифференциальной семы «обитание насекомых» в русском языке, результаты анализа ДП аспекта «способы обитания насекомых» в русском языке, результаты анализа ДП аспекта «распространение обитания насекомых» в русском языке (в указанных разделах описаны результаты комплексного анализа русских энтомонимов, содержащих выбранные для исследования дифференциальные семы и дифференциальные признаки); результаты анализа ДС «обитания насекомых» в китайском языке, результаты анализа ДП аспекта «способы обитания насекомых» в китайском языке, результаты анализа ДП аспекта «распространение обитания насекомых» в китайском языке (в указанных разделах описаны результаты комплексного анализа китайских энтомонимов, содержащих выбранные для исследования дифференциальные семы и дифференциальные признаки); заключение (автор делает общие выводы); библиография (включает 18 источника).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Исследование будет интересна тем, что занимается лексико-семантическим анализом энтомологической лексики, что позволяет не только раскрыть особенности национального мировосприятия, но и углубить понимание процессов категоризации окружающего мира в языке.

Рекомендации автору:

1. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников также является недостаточным.
2. Было бы уместно привести большее количество иллюстративных примеров как

подкрепление теоретические измышлений автора статьи, особенно, в части, затрагивающей китайский язык.

3. Возможно, стоит ввести подзаголовки для обозначения частей, затрагивающих русский и китайский языки. Нужно проверить корректность отображения статьи (формат подзаголовков) и библиографии (в конце описания источника отображается порядковый номер следующего источника: 2. Попова, З.Д., Стернин, И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. 191 с. EDN: UDBLDL 3.) после загрузки.

4. Следуют перепроверить текст на предмет опечаток, описок и пропусков символов (отражающая их способы и распространения обитания в обоих языках).

5. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена сопоставительному анализу лексики, обозначающей обитание насекомых в русском и китайском языках. Актуальность работы продиктована как интересом лингвистов к энтомологической лексике в силу ее специфики и способности отражать культурные, этнолингвистические и когнитивные особенности конкретного народа («особый интерес представляет лексическая интерпретация энтомологической лексики (лексики, обозначающей насекомых), которая позволяет проследить, как научные знания о насекомых интегрируются в общеязыковую картину мира»), так и необходимостью в дополнительных сопоставительных исследованиях лексико-семантической группы «Насекомые» в языковых системах русского и китайского языков («в российской и китайской лингвистической науке энтомологическая лексика еще не изучалась с точки зрения описания в словарной дефиниции обитания насекомых»). Материалом исследования послужил корпус энтомологической лексики в русском и китайском языках, составленный автором(ами) по «Большому толковому словарю русских существительных» под редакцией Л. Г. Бабенко, «Большому толковому словарю русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова, «Словарю современного китайского языка» под редакцией Люй Шусяна и Дин Шэншу и «Большому словарю современного китайского языка» под редакцией Гун Сюэшэн. Объектом исследования явились 31 китаеязычная и 26 русскоязычных лексических единиц, содержащие дифференциальный признак аспекта «обитание насекомых».

Теоретической основой научной работы послужили как фундаментальные, так и актуальные труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам когнитологии и когнитивной лингвистики, семасиологии, лексикологии, прагматически маркированной лексики, категоризации мира в идеографическом словаре, методам описания семантики слова, особенностям энтомологической лексики, энтомологическим метафорам в языковых картинах мира, национально-культурному компоненту в семантике наименований насекомых в языках и др. Библиография насчитывает 34 источника, в том числе лексикографические, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза,

описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; сравнительно-сопоставительный и статистический методы; семантический и компонентный анализ и др.

В ходе исследования проведен теоретический обзор изучаемой проблематики, на практическом материале рассмотрена энтомологическая лексика в зеркале дифференциальной семы «обитание насекомых»/ «специфика распространения насекомых» в русском и китайском языках. Сформулированы обоснованные выводы о том, что «оба языка демонстрируют значительное внимание к теме обитания насекомых, что выражается в лексемах, описывающих их способы проживания, распространение и адаптацию к различным средам обитания», «русский язык акцентирует внимание на социальных и экологических аспектах обитания насекомых, в то время как китайский язык более подробно отражает разнообразие мест и условий их обитания», «лексико-семантический анализ энтомологической лексики не только раскрывает особенности национального мировосприятия, но и углубляет понимание процессов категоризации окружающего мира в языке» и др.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие таких современных научных направлений, как когнитивная лингвистика, прагматика, лингвокультурология; в комплексное изучение концепта «Насекомые» и энтомологической лексики с дифференциальным признаком «обитание насекомых». Практическая значимость заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по лексикологии, лингвокультурологии, сопоставительной лингвистике и переводоведению.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стил ь изложения тяготеет к научному типу. Рукопись имеет законченный вид; она вполне самостоятельна и оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Луговской А.В., Пышненко О.А. Дальневосточная инсулярность в свете теории фронта // Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.74502 EDN: LKOUON URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74502

Дальневосточная инсулярность в свете теории фронта

Луговской Александр Витальевич

ORCID: 0000-0003-1846-4316

кандидат филологических наук

доцент; высшая школа европейской лингвистики и межкультурной коммуникации; Тихоокеанский государственный университет

680042, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134, каб. 320

✉ lugovskoy_2004@mail.ru

Пышненко Ольга Алексеевна

ассистент; высшая школа европейской лингвистики и межкультурной коммуникации; Тихоокеанский государственный университет

680042, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134, каб. 353

✉ 013268@togudv.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.74502

EDN:

LKOUON

Дата направления статьи в редакцию:

19-05-2025

Аннотация: Цель исследования – определить специфику инсулярности как концептуальной категории в свете теории дальневосточного фронта. Объектом исследования выступает инсулярность как сложная концептуальная категория, определяющая структурно-содержательные характеристики дальневосточного фронта. Предмет исследования составило концептуальное содержание инсулярности, в котором отражены признаки дальневосточной фронтности. На материале историографических источников отечественных и зарубежных авторов (А. И. Крушанов, М. С. Высоков, Г. Ф.

Миллер, Ж. Ф. Лаперуз, Т. Моррис-Сузуки) были проанализированы характеристики инсулярности в диахроническом и синхроническом представлении. Был проведен историко-генетический анализ в отношении освоения островных территорий Дальнего Востока, в частности, о. Сахалина и Курильских островов, определены исторические предпосылки географической и культурной неоднородности островов, проявляющиеся, в частности, в вариативных репрезентациях данных островов в языковых картинах мира различных этносов. При помощи концептуального анализа произведения «On the Frontiers of History» Т. Моррис-Сузуки стало возможным выделить признаки дальневосточной фронтирности и определить сущностные характеристики дальневосточной инсулярности, среди которых были выделены мультикультурализм и многоязычие, подвижность границ, наличие множественности номинаций, особое чувство идентичности, наличие цивилизационного раздела и др. Новизна исследования определяется тем, что проведенный анализ позволил описать инсулярность в многоаспектности ее географического, культурного и политического содержания. В результате проведенной работы были сделаны ценные выводы о том, что предпосылкой для формирования дальневосточной инсулярности является географический фактор, который предопределяет социально-культурное и политическое наполнение термина. Дальневосточная инсулярность представляет собой особый тип идентичности, слагаемый из отдельно взятых инсулярных сообществ, которые объединены территориально. Важным представляется и вывод об амбивалентности инсулярности в структуре дальневосточного фронта, определяющей разнополярность аксиологического содержания категории, включающего как положительные, так и отрицательные признаки. Исследование позволило сделать вывод о том, что инсулярность является имманентной характеристикой дальневосточного фронта, образуя его концептуальное основание.

Ключевые слова:

инсулярность, дальневосточный фронт, концептуальная категория, пространство, вербализация, когнитивные признаки, амбивалентность, инсулоним, картина мира, граница

Публикация подготовлена в рамках научного проекта «Лингвокультурные особенности дальневосточной инсулярности (на материале лингво-этнографического исследования о. Сахалин)» при поддержке Тихоокеанского государственного университета, грант 6.24–ТОГУ.

Введение

Проблема соотношения географического пространства и его отражения в литературе является одним из актуальных вопросов гуманитаристики на современном этапе ее развития. Междисциплинарный характер исследований, ведущихся в данном направлении, получил свое название – гуманитарная география, или область исследования, занимающаяся тем, «как конкретное географическое пространство отображается в нематериальных конструктах – в художественных образах, сложившихся пространственных стереотипах, в местной идентичности <...>» [\[1, с. 9\]](#). Особенность русского пространства состоит в том, что оно, согласно Д. Н. Замятину, «повсеместно находится, пребывает в стадии перманентного освоения», потому представляется как «пространство перехода и как лиминальное, пограничное, фронтирное пространство» [\[2,](#)

[с. 161](#).

Изучение дальневосточного фронта как особого типа географического, политического и культурного формирования может представлять особый интерес для гуманитарной науки, так как данная территория, находящаяся на российском пограничье и являющаяся центром взаимодействия различных этносов, культур и дискурсивных практик, с давних времен привлекала исследователей различных областей. Уникальность территории, ее пограничный характер и особый тип хозяйственных и культурных отношений позволяет вести речь о ее инсультарном статусе, или определенном «островном эффекте», при котором географическое пространство отграничено физически или концептуально и вырабатывает особый тип ментальности, формирующий отношение к себе и к окружающей действительности. Учитывая и наличие реальных островов, входящих в дальневосточный регион и сыгравших значительную историческую роль в формировании дальневосточной фронтальности, можно вести речь о центральном положении инсультарности в дальневосточном фронте. Подобное понимание определило актуальность настоящего исследования, обусловленную необходимостью изучить лингвокогнитивные и лингвокультурные основания дальневосточной инсультарности в свете теории фронта.

Объектом настоящего исследования является инсультарность как сложная концептуальная категория, определяющая структурно-содержательные характеристики дальневосточного фронта.

Предмет составляет концептуальное наполнение инсультарности, отражающей признаки дальневосточной фронтальности.

В качестве материалов исследования были использованы историографические источники отечественных (А. И. Крушанов, М. С. Высоков и др.) и зарубежных (Г. Ф. Миллер, Ж. Ф. Лаперуз и др.) авторов. Более детально анализируется книга австралийского автора Тессы Моррис-Сузуки «On the Frontiers of History: Rethinking East Asian Borders». Данная работа рассматривает отношение разных народов и культур территорий Восточной Азии, в частности России и Японии, к границам между государствами и территориями с точки зрения исторической ретроспективы, а также понимание фронта в их картинах мира.

Для достижения обозначенной выше цели были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть понятия «фронт» и «дальневосточный фронт»;
2. Изучить специфику развития островных территорий Дальнего Востока России;
3. Определить основные признаки «дальневосточной фронтальности»;
4. Описать содержание понятие «инсультарность» в многоаспектности его трактовки.

Для решения поставленных задач в работе применялись следующие методы исследования: историко-генетический метод, метод сплошной выборки, концептуальный анализ, интерпретативный анализ.

Теоретическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных авторов по гуманитарной географии (И. И. Митин, Д. Н. Замятин), по фронту и дальневосточному фронту (Ф. Д. Тёрнер, Л. Н. Синельникова, И. П. Басалаева, А. А. Забияко, И. Л. Иванова, О. Н. Александрова-Осокина).

Концептуальные основания фронтирности. Дальневосточный фронтир

Понятие фронта было введено в гуманитаристику Ф. Д. Тёрнером и связано с процессом освоения североамериканского континента с востока на запад. Согласно американскому исследователю, фронтир представляет собой границу между освоенными и неосвоенными землями, между цивилизацией и дикостью [\[3\]](#).

В настоящее время термин «фронтир» получил распространение в гуманитарной науке и рассматривается в его соотношении с такими понятиями, как «край», «окраина», «рубеж», «порубежье», «пограничная область» и др. Как отмечает Л. Н. Синельникова, «фронтир как классическое американское понятие (расширение и освоение территорий) на российской почве получил многовекторное развитие и превратился в междисциплинарный концепт, вобравший представление об онтологии границы, граничности, пограничья» [\[4, с. 469\]](#).

Междисциплинарность теории фронта позволяет рассматривать данное понятие на стыке естественных и гуманитарных наук, увязывая в едином комплексе сложные взаимоотношения между географической и культурной средой, определяя проблемные области на шкале бинарной оппозиции «natura-cultura». При этом роль географического фактора не может быть преуменьшена: природно-климатические условия и территория фронтирной области создают предпосылки для формирования определенного типа социальных и хозяйственных отношений, структурно и содержательно усложненных за счет включения в полидискурсивность.

В отношении определения концептуального наполнения понятия «фронтир» И. П. Басалаевой осуществлена попытка представить и описать основные характеристики, слагающие содержание фронтирного концепта. К таковым относятся этнокультурная неоднородность групп, неравная численность групп, амбивалентно-конфликтное взаимодействие фронтирных групп, изначальная гендерная диспропорция, «окраинное» геополитическое расположение фронтирной территории, квазиграничность (наличие естественных границ, являющихся центром притяжения фронта), де-факто колониальный статус территории, рыхлость административно-управленческой структуры, более высокая степень горизонтальной и вертикальной мобильности населения и ряд других характеристик [\[5\]](#). Вероятнее всего, актуализации всех признаков происходит неравномерно и имеет скорее диахронический, чем синхронический характер.

Проблема дальневосточного фронта поднимается в работах таких исследователей, как А. А. Забияко, И. Л. Иванова, О. Н. Александрова-Осокина и др. Так, А. А. Забияко определяет понятие «дальневосточный фронтир» как контактную зону («порубежье») в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в которой «сформировались психологические, языковые и культурные границы совместимости этносов» [\[6, с. 11\]](#), в частности, русского, китайского, корейского, маньчжурского.

И. Л. Иванова подчеркивает особенность дальневосточного фронтирного сознания, характеризуемого представлением людей «как мобилизованных для решения государственных задач», а также открытостью к другим культурам [\[7, с. 259\]](#).

О. Н. Александрова-Осокина акцентирует внимание на художественной роли фронтирного пространства, выступающего в качестве «внелитературного источника», который оказывает влияние на построение художественного мира произведения [\[8\]](#). При таком понимании фронтир перестает осмысливаться только в сугубо географических или

политических терминах: физические пространства и территория становятся пространствами воображенными и отраженными, выступающими экспериментальными художественными площадками для отражения индивидуально-авторских художественных картин мира.

В этой связи целесообразно рассматривать фронтир в качестве компонента концептуальной категории инсулярности как языкового продукта освоения исследуемым лингвокультурным сообществом окружающей действительности. Исследование данного явления с точки зрения категоризации дает возможность установить роль социокультурных факторов в формировании языкового сознания представителей Восточной Азии, а также характер познания и восприятия окружающего мира, выраженный в языках данных народов.

Таким образом, понятие фронтаира имеет различные трактовки, отражающие те или иные аспекты (географический, политический, социальный, культурный, художественный) бытования данного термина и имеющие методологическую значимость в зависимости от исследовательского предмета.

История освоения дальневосточного фронтаира России (на материале историографических данных об освоении Сахалина и Курильских островов)

Исторически освоение Россией территорий на самом востоке страны, начавшееся еще в XVII в. и связанное с именами С. И. Дежнева, И. Ю. Москвитина, В. Я. Пояркова и других землепроходцев, играло большую геополитическую роль, так как позволяло стране заявить права на новые земли, осваивать ее богатства, подчинять местное население, что в совокупности укрепляло влияние страны и ее обороноспособность вдоль восточных границ. В первую очередь внимание первооткрывателей было направлено на покорение материковой суши, но острова никогда не выпадали из поля зрения путешественников.

Освоение северных островов страной – это особые страницы отечественной истории. В каком-то смысле сама география и природа инсулярных образований исторически содержат в себе определенный мистический и мифопоэтический потенциал: испокон веков люди стремились к островам, искали через них край света или райский уголок, наделяли их особыми статусами и выстраивали отношения, отличные от тех, которые возможны через освоение материковой суши.

Не явились исключениями северные и восточные острова России, занимающие особое место в «мистической географии» русских. Еще в 30-е гг. XVII в. русские люди впервые слышали от эвенков, что если двигаться «встреч солнцу», то можно добраться до «большого моря Ламу» [9, с. 7]. Этим и воспользовались русские казаки под предводительством И. Ю. Москвитина, выйдя к морю в октябре 1639 года, а в 1640 году, пленив после боя местных ламутов (эвенов), узнали от тунгусского князька, что «направо, в летнюю (т. е. южную) сторону на море по островам живут тунгусы, гиляки сидячие, а у них медведи кормленные» [там же, с. 9]. Речь шла о Сахалине, который жители охотского побережья называли в то время островом Янкур. Снарядив в том же году экспедицию «на острова Гилятцкой орды», И. Ю. Москвитин с отрядом казаков вышел в море и достиг устья Амура, предположительно (согласно отдельным историкам) увидев и берег Сахалина. Несмотря на спорность данной теории, историки сходятся на том, что поход И. Ю. Москвитина положил начало освоению северо-востока Евразии.

Более подробные сведения о Сахалине были собраны в 1643–1645 гг. участниками экспедиции В. Д. Пояркова, наблюдавшими остров и собравшими с местного населения

ценные сведения.

Следующей вехой в исследовании восточных островных территорий можно назвать начало XVIII в., пробудившего очередную волну интереса к недоступным на тот момент островам Охотского моря. Из Сибирского приказа В. В. Атласова, русского землепроходца, узнаем: «против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть <...>» [Цит. по: 10, с. 92]. Через несколько лет, 17 марта 1710 г., комендантом Якутска В. И. Гагариным будет издан указ: «Стараться всеми мерами о проведывании островов, находящихся против устья Колымы-реки и земли Камчатки, какие на оных живут люди и под чьим владением, чем питаются, и сколь те острова велики и много ль морем от материка разстояния <...>» [Цит. по: 11, с. 30–31].

В период с 1711 г. по 1715 г. И. П. Козыревским были осуществлены несколько экспедиций, позволивших путешественнику собрать сведения о большинстве Курильских островов и японском острове Хоккайдо (в то время Матмай), отраженные в собрании его заметок «Чертеж морским островам».

Что касается Сахалина, примерно в то же время (1709 г.) его изучение было продолжено маньчжурской экспедицией, отправившейся по указу китайского императора Канси на Нижний Амур. На тот момент остров оставался неисследованным, что отражалось и в неясности его географических контуров, и даже в наименовании. О последнем участники экспедиции писали следующее: «Жители континента называют его по-разному, в зависимости от деревень, куда они обычно ездят, но общее название, которое ему подошло бы, – «Сагальен Анга Хата», остров в устье Черной реки <...> Название «Хюйе», данное ему некоторыми жителями Пекина, совершенно неизвестно континентальным татарам, а также островитянам» [Цит. по: 12, с. 289]. В результате маньчжурского проникновения на остров многие племена попали в зависимость от пришельцев и были вынуждены платить дань либо вести торговлю на невыгодных условиях.

Во второй половине XVIII в. на остров Сахалин обратили внимание японцы. В течение нескольких десятилетий им удалось не только систематически изучить остров, но и колонизировать его, организовав там рыболовные участки, торговые склады и основав на рубеже XVIII и XIX столетий сторожевые посты. Сами японцы называли остров Карафуто.

Параллельно азиатскому влиянию Сахалин вызывал интерес у двух европейских держав, для которых историческое соперничество на море было делом чести, – у Великобритании и Франции. Представителем первой нации явился У. Р. Броутон, исследовавший Курильские острова и Сахалин в 1796–1797 гг., но не сумевший достичь значительных успехов. Более того, в связи с особенностями климата и погоды английский мореплаватель не смог обнаружить проход между островом и материком, тем самым подпитав мнение о полуостровном положении Сахалина. Что касается французского мореплователя, Ж. Ф. Лаперуза, его экспедиция 1787 г. оказалась более успешной. Сумев высадиться на остров и войдя в контакт с местным населением, французы получили подробные сведения о Сегальене, как они называли Сахалин, и смогли более точно изобразить его на картах. Как писал Лаперуз в своих заметках, сделанных у мыса Крильон (название было дано самим путешественником и сохраняется поныне), «здесь обрывается один из самых протяженных с севера на юг островов мира, отделенный от Татарии проливом, который оканчивается песчаными отмелями <...>» [13, с. 315].

В первой половине XIX в. происходило усиление интереса к островам, находившимся в северной части Тихого океана, что объясняется историками несколькими причинами. Во-первых, это было обусловлено активизацией российской колонизационной политики на Дальнем Востоке, что проявлялось, в частности, в создании Российской–Американской кампании, организации кругосветных экспедиций и т. д. Второй причиной явилось намерение Российской Империи наладить политические и торговые связи с Японией, находившейся долгое время в самоизоляции от остального мира. В-третьих, отмечался и возросший интерес русского общества к самой тематике путешествий к незнакомым землям, навеянный различными публикациями о приключениях зарубежных мореплавателей, в частности, упомянутого выше Ж. Ф. Лаперуза [\[12, с. 27–28\]](#).

В 1803 г. к восточным берегам отправилась дипломатическая миссия, целью которой ставилось «открыть торг с Японией». К сожалению, японцы не приняли делегатов, после чего экспедиция отправилась на Сахалин и в течение весны и лета 1805 г. занималась исследованием острова и населявших его народностей.

Год спустя на Сахалин отправилась военная экспедиция Н. А. Хвостова и Г. И. Давыдова. По прибытии на остров русские моряки разорили японские магазины, сожгли постройки и провозгласили 8 октября 1806 г. Сахалин российским владением. Весной 1807 г. экспедиция продолжила свою разрушительную деятельность на Курильских островах, в результате чего Япония была на грани объявления войны России, но ограничилась возвращением на разграбленные территории и усилением своего военного присутствия на островах.

Дальнейшие исследования связаны с именами Г. И. Невельского, Н. К. Бошняка, Н. В. Рудановского, исследовавших остров и его окрестности в середине XIX в. и подтвердивших островное положение Сахалина и доступность Амура для морских судов. Подписанный в 1855 г. между Россией и Японией договор оставил Сахалин неразграниченным, что придавало острову неопределенный статус.

Дальнейшая история островов была связана с разделом политического влияния России и Японии в Тихоокеанском регионе и периодической «перекройкой» границ либо мирными (Санкт-Петербургский договор 1875 г.), либо военными путями (русско-японская война 1905 г. и оккупация южного Сахалина Японией). Лишь в результате разгрома милитаристской Японии в 1945 г. южная часть острова Сахалин, а также Курильские острова снова стали частью русской территории.

Таким образом, можно заключить, что остров Сахалин и Курильские острова исторически представляют собой особые фронтальные образования, местом географической и культурной неоднородности. Представляя собой пограничные территории между большим материком и водами Тихого океана, острова оказались на перекрестке культурных ландшафтов и национальных интересов различных держав. Частным проявлением фронтальности оказывается и употребление различных топонимических наименований (инсулонимов) для обозначения одного географического объекта: Сахалин, Карафуто, Сагальен Анга Хата, Хюйе, Сегальен, Янкур и проч.

Вербализация инсулярности в книге «On the Frontiers of History: Rethinking East Asian Borders»

В анализируемом произведении Т. Моррис-Сузуки дальневосточный фронт и инсулярность вербализованы следующими языковыми единицами: *Sakhalin* (183 словоупотребления), *Sakhalin Island/the Island of Sakhalin* (15 словоупотреблений),

Karafuto (73 словоупотребления), *Ezo-chi* (японское слово для обозначения территорий к северу от о. Хонсю, включая Хоккайдо, Сахалин и Курильские острова, 5 словоупотреблений), *Tartary* (East ~, Asiatic~, Far Eastern ~) (4 словоупотребления), *East Asia* (53 словоупотребления), *Northeast Asia* (6 словоупотреблений), *Asia-Pacific* (2 словоупотребления), а также единожды употреблялись такие единицы, как *Far Eastern Russia*, *Pacific Rim*, *Pacific coast of Siberia*, *Pacific coast of Russia*.

Анализ работы позволил выделить ряд признаков дальневосточной фронтирности, вербализованных в тексте:

1 . Мультикультурализм и многоязычие. Автор отмечает, что Сахалин стал центром сложных взаимодействий между многочисленными культурными и языковыми группами: «<...> *the focus of complex interactions between multiple cultural and linguistic groups* <...> » [14, p. 169], а также подчеркивает наличие разных национальных общностей и языковых сообществ на Дальнем Востоке России, в частности, в Охотском регионе: «*it has been <...> home to many small societies and language groups*» [ibid., p. 72].

2 . Низкая плотность населения как следствие суровых климатических условий. Автор подчеркивает, что «природная среда с ее морозами и сезонными крайностями может удержать лишь немного людей, способных адаптироваться к суровым условиям»: «*This environment, with its bitter cold and extreme seasonal variations, sustains only a sparse population of people able to adjust to its rigours*» [ibid., p. 72].

3 . Создание межэтнических брачных союзов. Автор ссылается на польского ученого-этнографа Б. О. Пилсудского, политического ссыльнокаторжного на Сахалине, который писал, что 10% сахалинских айнов имели русские, японские, корейские и маньчжурские корни [ibid., p. 169].

4 . Разделенность между национальными и социальными группами как следствие проведения политических границ. Описывая усложнение либо прерывание торговых маршрутов между Японией и Россией, проложенных через Сахалин и Курильские острова, Т. Моррис-Сузуки отмечает физическую разделенность между семьями, торговыми партнерами и соседями, которые были «принудительно и безвозвратно отделены друг от друга»: «*Relatives, trading partners and former neighbours on either side of the border were involuntarily and irrevocably separated from one another <...>*» [ibid., p. 170].

5 . Подвижность границы. Автор замечает, что определение фронтирных границ Дальнего Востока может свидетельствовать о неоднородности и изменчивости фронтирности как на концептуальном, так и на политическом уровнях, отражая исторические процессы и роль «произвольных сил» (*arbitrary forces*): «*By observing the ways in which conceptual and political boundaries have been redrawn over time, we become aware of the sometimes arbitrary forces that determine how frontier lines are defined*» [ibid., p. 22].

6 . Использование фронта в качестве экспериментальной зоны. Согласно автору, фронтир является местом, в котором «национальные правительства реализуют или оспаривают географические пределы своей власти: «*The frontier is a place where national governments negotiate or contest the geographical limits of their power <...>*» [ibid., p. 163]. В случае с Сахалином подобным проявлением служило использование острова в качестве места ссылки каторжников, так детально описанным А. П. Чеховым в своем знаменитом произведении «Остров Сахалин».

7 . Установление физических границ между государствами. Как пишет автор, в связи с усилившейся конфронтацией между СССР и Японией в 1930-е гг. границы территорий в

том числе обозначались бетонными блоками и просеками: *«The frontier acquired a physical presence that cut through the everyday lives of the region's inhabitants. Wooden boundary-posts were replaced by concrete blocks; a cleared space, like a wide straight road, was gouged out of the forest <...>»* [Ibid., p. 170].

8 . Использование естественных географических границ как одновременно места разъединения, так и места контактов между разными народами и странами. В частности, таковой естественной границей на Дальнем Востоке является Охотское море, служившее амбивалентной цели разграничения и соединения различных общностей: *«Okhotsk is a sea that links as much as it separates human communities»* [Ibid., p. 76].

9. Наличие множественности номинаций фронтальных территорий. Ранее были приведены инсูลонимы для обозначения острова Сахалин в различных языках (русском, японском, французском и др.). В качестве другого примера можно привести Южные Курильские острова – предмет территориального спора между Россией и Японией. Отказ Японией в признании данной территорией российской проявляется в наименовании японцами этих островов, называемых «Северными территориями» (Hoppō Ryōdo) [Ibid., p. 139].

10 . Особое чувство идентичности населяющих фронтальную территорию людей. Проявлением такового может явиться концептуализация действительности на «Мы» и «другие» и построение бинарных оппозиций между своим (нашим) и чужим. В своей книге Т. Моррис-Сузуки в качестве примера приводит восприятие фронта (региона Эдзо) как чуждого, инакового региона [Ibid., p. 144]. Подобное можно объяснить инсулярным расположением самой Японии и делением мира на «культурный центр» и «варварскую периферию», поэтому даже близлежащие территории и населяющие их племена наподобие хаято на юге Японии или айну на севере страны уже считались варварскими [\[15, с. 57\]](#).

11. Наличие цивилизационного раздела внутри фронта. В отношении Дальнего Востока это раздел между Европой и Азией. Как подчеркивает автор, граница между Японией и Россией – это точка схождения между Европой и Азией – *«a point where Europe and Asia meet»* [\[14, p. 140\]](#), что также может быть подтверждено исторически, в частности, событиями Второй мировой войны, завершившейся на Дальнем Востоке 2 сентября 1945 г. через подписание Японией Акта о капитуляции.

12. Мифологизация фронтальных пространств. С одной стороны, может идти речь о мифологизировании территории в аспекте отражения культурных представлений народности об определенном географическом регионе. Т. Моррис-Сузуки приводит интересный пример из японской культуры в отношении Эдзо: данная территория долгое время считалась населенной монстрами и злой магией. Автор упоминает записи, датированные XIV в., в которых территория называлась «тысячи островов Эдзо» (Ezo-ga-chishima) и была населена каннибалами, оборотнями и демоническими существами [Ibid., p. 144]. С другой стороны, речь может идти о современном мифологизме, в том числе политическом, связанным с распространением идеологием о принадлежности территорий и историческом праве на их владение.

Выделение указанных выше признаков фронтальности, представленных в исследуемой работе, свидетельствует о многозначности трактовки данного термина, а также о том, что инсулярность занимает не периферийное, а центральное место в понятийном содержании концепта «дальневосточный фронт».

Прежде всего, это непосредственно связано с географией: Дальний Восток (в широком

понимании этого географического образования) включает в себя ряд островов, сыгравших значительную роль в социокультурном и политическом развитии данного региона. К таковым прежде всего относятся остров Сахалин, Курильские острова и островное государство Япония. Острова в определенном смысле оформляют фронтирные границы и, более того, могут даже сокращать их. В последнем случае примерами могут служить два острова – о. Ратманова (Большой Диомид, Россия) и о. Крузенштерна (Малый Диомид, США), расположенные в Беринговом проливе и разделенные примерно четырьмя километрами. При этом официальная длина русско-американской водной границы в Беринговом проливе составляет 49 км.

Во-вторых, инсулярность обеспечивается социально-культурным наполнением. Предопределенные географически, этнические и национальные общности исторически формировали специфичные типы идентичности, определяя свою «самость» как субъектов, помещенных в физический мир и в определенной степени «инсулированные», то есть отграниченные от него на физическом и концептуальном уровнях. В этом смысле Дальний Восток может представлять инсулированное образование, некий конгломерат, или более образно, архипелаг, состоящий из отдельно взятых инсулярных сообществ, объединенных территориально.

В-третьих, инсулярность предопределяется политически. С одной стороны, физические острова стали центром встречи политических сил различных держав, местом соприкосновения национальных интересов. Показательным в этом смысле становится существование таких исторических субъектов на территории российского Дальнего Востока, как ДВР – буферной республики, просуществовавшей в период 1920–1922 гг., или «Красного острова» – зоны большевистского сопротивления белогвардейцам с центром в г. Благовещенске. С другой стороны, весь дальневосточный регион стал местом цивилизационного разлома между морскими и континентальными державами (см. работы А. Т. Мэхэна и Х. Маккиндера), тем самым обнаружив различное восприятие пространства со стороны европейских, азиатских держав и России как особого промежуточного типа цивилизационного устройства.

В-четвертых, дальневосточная инсулярность – это особая концептуальная категория, находящая свое выражение в мифологических и поэтических картинах. Амбивалентность инсулярности как места разграничения и схождения, пограничность инсулярности как места взаимодействия стихий и культур и особое образное и ценностное наполнение термина (как аксиологически положительное, так и отрицательное) вербализовано в мифологиях проживающих на Дальнем Востоке народностей и художественном творчестве. Яркими примерами произведений могут послужить книги «Остров Сахалин» А. П. Чехова, «Легенды Ых-мифа» В. М. Санги, в которых остров используется как центральный образ, как место развертывания повествования.

Заключение

Таким образом, проанализировав исследовательский материал, можно сформулировать следующие выводы:

1. Понятия «фронт» и «дальневосточный фронт» являются комплексными и многоаспектными понятиями, включающими различное наполнение.

2. Острова сыграли существенную роль в освоении дальневосточного фронта, став местом схождения различных культур, социальных и политических образований. Остров Сахалин представляет собой уникальный географический объект, фронтирный инсулярный центр, что проявляется как диахронически (история освоения), так и

синхронически (культурное многообразие, наличие наименований острова в разных этнических и национальных картинах мира).

3. Дальневосточный фронтير включает в свое концептуальное содержание различные признаки, среди которых выделяются мультикультурализм и многоязычие, подвижность границ, наличие множественности номинаций, особое чувство идентичности.

4. Дальневосточная инсулярность понимается как сложная концептуальная категория, в которой находят выражение географические, культурные, социальные и политические стороны.

Проведенное исследование позволяет заключить, что инсулярность является неотъемлемой характеристикой дальневосточного фронта, его концептуальным основанием.

Перспектива исследования состоит в более углубленном изучении каждой из сторон дальневосточной инсулярности и детальном описании ее структуры и содержания.

Библиография

1. Митин И. И. Введение. О проекте // Россия: воображение пространства / пространство воображения / Отв. ред. И. И. Митин. М.: Аграф, 2009. С. 7-10.
2. Замятин Д. Н. Вообразить Россию. Географические образы и пространственная идентичность в Северной Евразии // Россия: воображение пространства / пространство воображения / Отв. ред. И. И. Митин. М.: Аграф, 2009. С. 13-23.
3. Тернер Ф. Д. Фронтир в американской истории. М.: Весь Мир, 2009. 304 с.
4. Синельникова Л. Н. Концептуальная среда фронтального дискурса в гуманитарных науках // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 2. С. 467-492.
5. Басалаева И. П. Критерии фронта: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46-49.
6. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: Монография. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. 437 с.
7. Иванова Л. М. Концепция дальневосточного фронта в современной российской историографии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сб. материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции. Новосибирск: Апельсин; Институт истории СО РАН, 2016. 276 с.
8. Александрова-Осокина О. Н. Образ "дальневосточного фронта" в лирике П. С. Комарова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 10. С. 3622-3627.
9. Полевой Б. П. Первооткрыватели Сахалина. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 1958. 120 с.
10. История Дальнего Востока в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) / Под ред. А. И. Крушанова. М.: Наука, 1990. 471 с.
11. Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных // Сочинения по истории России. Избранное / Г. Ф. Миллер. М.: Наука, 1996. С. 19-126.
12. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия: Учеб. пос. для студ. высш. учеб. завед. / М. С. Высоков, А. А. Василевский, А. И. Костанов, М. И. Ищенко / Отв. ред. М. С. Высоков. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2008. 712 с.
13. Лаперуз Ж. Ф. Путешествие по всему миру на "Буссоли" и "Астролябии". М.: Эксмо, 2014. 448 с.

14. Morris-Suzuki T. On the Frontiers of History: Rethinking East Asian Borders. Canberra: ANU Press, 2020. 236 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv1bvnd85> (дата обращения: 25.04.2025).
15. Луговской А. В., Пестушко Ю. С., Савелова Е. В. Инсулярность как ядро этнокультурной идентичности (на примере сравнительно-сопоставительного анализа Великобритании и Японии) // Японские исследования. 2023. № 3. С. 49-62. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-49-62.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию дальневосточной инсулярности в свете теории фронта. Актуальность работы аргументируется необходимостью изучить лингвокогнитивные и лингвокультурные основания дальневосточной инсулярности в свете теории фронта: «изучение дальневосточного фронта как особого типа географического, политического и культурного формирования может представлять особый интерес для гуманитарной науки, так как данная территория, находящаяся на российском пограничье и являющаяся центром взаимодействия различных этносов, культур и дискурсивных практик, с давних времен привлекала исследователей различных областей».

Теоретической основой исследования выступили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные концепции фронта и дальневосточного фронта; концептуальной среде фронтирного дискурса в гуманитарных науках; географическим образам и пространственной идентичности в Северной Евразии; инсулярности как ядру этнокультурной идентичности и др. Библиография статьи составила 15 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методологическую базу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и историко-генетический методы, метод сплошной выборки, концептуальный и интерпретативный анализы.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи: рассмотрены понятия «фронт» и «дальневосточный фронт»; изучена специфика развития островных территорий Дальнего Востока России; определены основные признаки «дальневосточной фронтирности»; описано содержание понятия «инсулярность» в многоаспектности его трактовки. Особый интерес представляет анализ вербализации инсулярности в книге Т. Моррис-Сузуки «On the Frontiers of History: Rethinking East Asian Borders», в рамках которого выделены признаки дальневосточной фронтирности, вербализованные в тексте, которые свидетельствуют о многозначности трактовки данного термина, а также о том, что инсулярность занимает не периферийное, а центральное место в понятийном содержании концепта «дальневосточный фронт». Результаты исследования позволили автору(ам) сделать ряд обоснованных выводов: «понятия «фронт» и «дальневосточный фронт» являются комплексными и многоаспектными понятиями, включающими различное наполнение»; «острова сыграли существенную роль в освоении дальневосточного фронта, став местом схождения различных культур, социальных и политических образований»; «дальневосточная инсулярность понимается

как сложная концептуальная категория, в которой находят выражение географические, культурные, социальные и политические стороны» и т. д.

Таким образом, автор(ы) провели достаточно серьезный анализ состояния исследуемой проблемы. Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в развитие теории фронта и инсularity как сложной концептуальной категории, определяющей структурно-содержательные характеристики дальневосточного фронта. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике. Определена перспектива исследования, которая состоит в более углубленном изучении каждой из сторон дальневосточной инсularity и детальном описании ее структуры и содержания.

Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика исследования четкая. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Аникина Т.В. Отражение традиций и обычаев английского и русского народа во фразеологических единицах // Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.74235 EDN: KXQRDU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74235

Отражение традиций и обычаев английского и русского народа во фразеологических единицах

Аникина Татьяна Вячеславовна

кандидат филологических наук

доцент; кафедра иностранных языков и русской филологии; Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал Уральского государственного педагогического университета

622031, Россия, Свердловская область, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57

✉ anikishna@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.74235

EDN:

KXQRDU

Дата направления статьи в редакцию:

27-04-2025

Аннотация: Данная статья посвящена изучению фразеологических единиц английского и русского языков, отражающих традиции и обычаи народов. В работе рассматриваются определение фразеологической единицы, подходы к классификации фразеологизмов, далее выделяются четыре тематические подгруппы: жизнь, старость и смерть; любовные отношения, брак, свадьба; еда и напитки; путешествия. Отдельно выделяется подгруппа "Другие", в которую отнесены интересные фразеологические обороты, которые не вошли в основные подгруппы. Практически каждая фразеологическая единица хранит информацию об исторических событиях, о духовном состоянии общества, о быте народа. Знания о фразеологизмах помогают в полной мере понимать язык и культуру народа. Материалом исследования послужили 80 фразеологических единиц, отобранных из фразеологических словарей английского и русского языков. Теоретической базой исследования послужили работы: 1) А. В. Кунина, В. В. Виноградова, Н. Н. Амосовой, Н. А. Самарец в области определения понятия фразеологизм и основных подходов к их классификациям; 2) Л. П. Смит, Е. Г. Котовой, Е. В. Годуновой в области классификации

фразеологизмов с национально-культурным компонентом в языках. Научная новизна исследования заключается в том, что фразеологические единицы русского и английского языков анализируются с точки зрения наличия национально-культурного компонента, что позволяет определить, какие фразеологические единицы обладают наиболее яркой национально-культурной спецификой на примере двух языков. Анализ отобранных фразеологических единиц показал, что фразеологизмы отражают особенности и уникальность конкретного народа и нации. Такие особенности можно рассматривать посредством происхождения того или иного фразеологического оборота. При отборе материала исследования мы обнаружили, что многие выражения произошли из традиций и обычаев когда-либо существовавших среди людей. Данная специфика позволяет проследить уникальность и своеобразие культуры, а также определить национально-культурный компонент в составе фразеологической единицы.

Ключевые слова:

фразеологическая единица, идиома, менталитет, традиции народа, обычаи народа, национальная культура, национально-культурный компонент, фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания

Фразеологизмы свойственны многим языкам мира, так как именно они передают национальный характер общества, обогащают, оживляют и делают речь более выразительной. Практически каждая фразеологическая единица хранит информацию об исторических событиях, о духовном состоянии общества, о быте народа. А. В. Кунин писал: «Фразеологизмы – одна из языковых универсалий, так как нет языков без фразеологизмов» [\[1, с. 5\]](#). Не зная фразеологических выражений, мы в полной мере не поймем язык и культуру народа. Г. Т. Тулабоева и Ш. Ф. Фахриддинхужаева отмечают в своей статье, что «на конкретном этапе освоения языка начинает остро ощущаться потребность освоения фразеологизмов – речь без них, даже правильная, сухая, а также безжизненная, зачастую принимается равно как ученическая» [\[2, с. 37\]](#).

В настоящее время для обозначения понятия «фразеологизм» используется множество разных терминов, таких как фразеологическая единица, фразеологический оборот, фразеологическое выражение, устойчивое словосочетание, идиома и другие.

Основоположителем фразеологической теории является Шарль Балли, его трактовка фразеологизма звучит так: «словосочетания, компоненты которых, постоянно употребляемые в данных сочетаниях для выражения одной и той же мысли, утратили всякое самостоятельное значение» [\[1, с. 6; 3\]](#).

Академик В. В. Виноградов даёт следующие определение фразеологического оборота: «Фразеологическими единицами являются «устойчивые» словесные комплексы, противопоставляемые «свободным» синтаксическим словосочетаниям как готовые языковые образования, не создаваемые, а лишь воспроизводимые в процессе речи» [\[4, с. 8\]](#).

В своей статье «Фразеологические единицы как объект исследования в трудах отечественных исследователей» Ф. Ф. Ганиева говорит о том, что «фразеологические единицы служат отражением национальной самобытности народа, и поэтому фразеологизмы часто носят ярко национальный характер» [\[5, с. 39\]](#).

Н. Н. Суворова в статье «Фразеология русского языка в истории и современности» характеризует фразеологизм, как «богатое стилистическое средство, обладающие высокой образностью, эмоциональностью и экспрессивностью» [\[6, с. 134\]](#).

Таким образом, можно сделать вывод, что существует огромное количество определений фразеологизма, которые зачастую перекликаются или дополняют друг друга. Многие лингвисты сходятся во мнениях, так, например, В. В. Виноградов, А. В. Кунин и Н. Н. Амосова считают, что фразеологизм – устойчивое, неделимое словосочетание, в котором невозможно заменить ни один из имеющихся компонентов, не утратив смысл высказывания.

На данный момент существует множество классификаций фразеологизмов, которые опираются на разные критерии.

Советский лингвист В. В. Виноградов опирался на классификацию Ш. Балли. В. В. Виноградов систематизировал фразеологизмы на основе русского языка и выделил следующие группы [\[7\]](#):

1) Фразеологические сращения – неизменные сочетания слов, являющиеся неделимым целым, смысл которых нельзя понять из отдельных слов. Семантическая самостоятельность слов компонентов утрачена полностью.

2) Фразеологические единства – устойчивые, образные словосочетания, общий смысл которых, можно понять из значения отдельных слов, т. е. общий смысл фразеологических единств в какой-то мере проявляется через совокупности значений составляющих их слов.

3) Фразеологические сочетания – устойчивые словосочетания, общий смысл которых мотивирован семантикой составляющих компонентов, т.е. фразеологические сочетания по смыслу членимы, их общие значения состоят из суммы значений слов, входящих в их состав [\[8\]](#).

Таким образом, классификация В. В. Виноградова стала наиболее полной и распространённой. Тем не менее, данная систематизация вызывает вопросы, так как в ее состав не входят поговорки, пословицы и крылатые выражения, поскольку лингвист относится к сторонникам узкого понимания фразеологизма.

А. В. Кунин представил другую классификацию. Лингвист взял за основу систематизацию В. В. Виноградова, но объяснил почему актуальна новая классификация. Английская фразеология не может рассматриваться по методу В. В. Виноградова, так как он рассматривал свою классификацию с точки зрения русского языка. А. В. Кунин наоборот проводил своё исследование на базе английского языка.

Таким образом, А. В. Кунин выделил следующие разделы фразеологии, которые основаны на различных типах фразеологизмов: идиоматика, идиофразеоматика и фразеоматика.

В раздел идиоматики А. В. Кунин включает фразеологические единицы, или идиомы, т. е. «устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением» [\[1, с. 15\]](#). Так, например, к данной группе можно отнести следующие фразеологические единицы: "a man of iron" имеет значение «человек железной воли». В данном фразеологизме первый компонент употребляется в буквальном смысле, а второй имеет переосмысленное значение. Также, довольно часто переосмысленный компонент

занимает первое место: "gilded youth" переводится как, «золотая молодежь» [1, с. 129].

В раздел идиофразеоматики входят идиофразеоматические единицы, или идиофразеоматизмы, т. е. устойчивые словосочетания, компоненты которых в случае употребления идиофразеоматизма в первом значении имеют «буквальные, но осложненные значения», а в случае употребления во втором значении – полностью переосмысленные [1, с. 15]. К данной группе можно отнести следующие фразеологические единицы морского происхождения: "the high-water mark" имеет значение «высшая точка прилива», «высшая точка» или «вершина»; "the low-water mark" имеет значение «низкая точка отлива», «самый низкий уровень» [1, с. 136].

В раздел фразеоматики входят фразеоматические единицы, т. е. фразеологизмы не идиоматического характера, но с осложненным значением. Также А. В. Кунин относит сюда пословицы с буквальным значением [11]. В этой группе можно выделить следующий оборот: "brown paper". В данном случае имеется в виду оберточная бумага, а не просто бумага коричневого цвета [1, с. 136].

Таким образом, на данный момент в языке функционируют две ведущие классификации, основанные на семантической слитности. Первая – это классификация В. В. Виноградова, которая используется для русского языка. Классификация А. В. Кунина интересна для английского языка.

Язык – это отражение национальной культуры. Он сохраняет, выражает и несет культурную информацию об определённой стране. Таким образом, язык является не просто средством общения и передачи информации, но также и источником хранения всего жизненного опыта той или иной нации [9]. Следовательно, фразеологические единицы русского и английского языков в своем составе отражают особенности конкретного народа. Такие особенности можно рассматривать посредством происхождения того или иного фразеологического оборота. При отборе материала исследования мы обнаружили, что многие выражения произошли из традиций и обычаев. Данная специфика позволяет проследить уникальность и своеобразие культуры, а также определить национально-культурный компонент.

В данном исследовании мы сравним фразеологические единицы русского и английского языков, связанные с традициями и обычаями. В нашей работе мы разделили данные фразеологизмы на четыре тематические подгруппы: *жизнь, старость и смерть; любовные отношения, брак, свадьба; еда и напитки; путешествия*. Отдельно мы выделили подгруппу, в которую отнесли интересные фразеологические обороты, которые не вошли в основные подгруппы – *другие*.

Обратимся к фразеологическим оборотам, которые отражают **жизнь, старость и смерть**. Проанализируем английские фразеологические единицы:

in clover – «жить в достатке», иметь достаточно денег, чтобы иметь возможность жить очень комфортной жизнью. "Clover" – означает клевер, в данной фразе клевер является отсылкой тому, что этот вид растения является особенно привлекательна для домашнего скота. Также есть следующее выражение: *happy as a pig in clover*;

hope is a good breakfast, but a bad supper – надежда – хороший завтрак, но плохой ужин. Данная поговорка означает, что большинство людей продолжают надеяться на лучшую жизнь. И их надежды, как правило, умирают вместе с ними. Стоит отметить, что в данном выражении встречаются приемы пищи, а именно: breakfast, supper. Как

известно, англичане традиционно соблюдают приемы пищи и уделяют этому достаточно большое значение;

over the hill – старый человек, не способный сделать что-либо, что мог сделать раньше, уже не те годы. Возникло данное выражение в Англии с начала 1900-х годов. Идей для такого фразеологизма послужило верование людей в то, что человек в первые сорок лет своей жизни продвигается вверх по холму, но, когда ему исполняется сорок, он начинает спускаться с этого холма;

go to your reward – «умереть». Данное выражение основано на идее, что люди получают по заслугам после смерти.

Рассмотрим фразеологические обороты русского языка, связанные с жизнью, старостью и смертью:

Етишкина жизнь – жизнь без радости. Данный фразеологизм возник из верования в домовых. На Руси домовых звали Тимофеями, а Етишка – это уменьшительно-ласкательное от данного имени;

не житьё, а масленица – веселая, беззаботная жизнь. Масленица является также одной из самых интересных традиций русского народа. Праздник проводится неделю накануне Великого поста. Масленица проводится с плясками, песнями, играми и является олицетворением окончания зимы и начала весны [\[10\]](#);

сиять как медный самовар – быть счастливым и довольным жизнью, какой-либо ситуацией. Чаепитие на Руси обладало своими особенностями. Несмотря на то, что чай появился лишь в XVII веке, люди успели привнести в этот процесс свои традиции. Так, например, главной традицией русского чаепития стал до блеска начищенный самовар. Люди украшали и оформляли красиво стол, а к чаю подавали разнообразные угощения [\[11\]](#);

перебиваться с хлеба на квас / на воду – нуждаться в чем-либо, жить в нужде. Как известно, хлеб и квас являются традиционными атрибутами русского стола, поэтому часто фигурируют в устойчивых выражениях;

идти под гору – становиться старым, слабым, неспособным что-либо делать. Данный фразеологизм возник из верования, что человеческая жизнь близится к закату и уходит за гору, будто солнце.

В ходе исследования русских фразеологических единиц нами было обнаружено несколько выражений в составе, которых есть компонент, отражающий старость и смерть, но значения данные выражения имеют другие. Например,

на миру и смерть красна – дружно, вместе любое дело можно выполнить, любые трудности преодолеть. Данная пословица появилась в русском языке из представлений солдат, которые издревле считали, что героический поступок – это погибнуть за честь Родины.

При анализе фразеологических оборотов, связанных со старостью, мы обнаружили устойчивые выраженные с компонентом «бабушка». Например,

бабушкины сказки – рассказывать небылицы, что-то нереальное, неправдивое, преувеличивать. Это выражение возникло из старой русской традиции, когда бабушки читали своим внукам сказки. Часто послушать сказки собирались не только внуки, но и

дети со всех уголков деревни;

бабушка надвое сказала – что-то неопределённое, двоякое. В старину люди часто ходили к бабушкам, которые предсказывали будущие их часто называли бабки-ведуньи. Они предсказывали иносказательно и неопределенно, такие предсказания можно было трактовать двояко. Это подтверждает и следующий фразеологизм: *бабушка ворожит* – о человеке, которому все удастся, успех и везение сопутствуют ему.

В ходе исследования фразеологических единиц, связанных с традициями и обычаями в английском и русском языках, можно подтвердить, что фразеологизмов, отражающих жизнь, старость, смерть больше в русском языке, чем в английском. Устойчивые выражения русского языка тесно связаны с традиционными праздниками, традиционной едой, напитками. Кроме того, в русских выражениях используется компонент «бабушка», который отражает старость. Английские фразеологизмы выражают традиционные приемы пищи англичан.

В ходе анализа английских фразеологических единиц мы выявили следующие национально-культурные компоненты: *breakfast, supper, hill*. В русском языке мы выделили следующие национально-культурные компоненты: *масленица, самовар, хлеб, квас, бабушка*, а также имя собственное: *Етишка*.

Любовные отношения, брак, свадьба также отражаются во фразеологическом фонде любого языка. Любовь прослеживается во всех культурах и составляет значительный объем фразеологических единиц [\[12\]](#).

Рассмотрим фразеологические обороты английского языка, отражающие любовные отношения, брак и свадьбу:

wear heart on sleeve – не скрывать своих чувств, чувства нараспашку. Это выражение происходит от старого обычая, согласно которому женщина привязывает свое благословение к рукаву мужчины. Это благословение считалось знаком их любви друг к другу;

every Jack has his Jill – у каждого человека есть своя пара, каждый сможет найти себе партнера. Данный фразеологизм произошел из традиционной английской песни;

tie the knot – «завязать узел», скрепить любовь браком, заключить брак. Это выражение произошло из церемонии кельтов. Церемония проходила следующим образом: молодожёнам завязывали руки шнурами и различными лентами с целью продемонстрировать их верность друг другу;

the posher the wedding, the more hats – дословный перевод «чем лучше свадьба, тем больше шляп». Данное выражения пришло из традиции праздновать свадьбу. На торжество гости могли прийти в необычных шляпах, что считалось хорошей приметой.

Рассмотрим фразеологические обороты русского языка, связанные с любовными отношениями, свадьбой, браком. В ходе исследования мы смогли обнаружить только устойчивые выражения, относящиеся к свадьбе и браку. Вступление в брак праздновали на широкую ногу. С давних времен, принято праздновать свадьбу на протяжении трех дней с плясками, весельем, с вкусными угощениями [\[13\]](#). Рассмотрим фразеологические обороты с компонентом «свадьба». При анализе таких выражений нам удалось найти только поговорки и пословицы, отражающие данную традицию. Например:

всякую свадьбу три дня хвалят да три дня хают – данная пословица указывает на

продолжительность свадьбы. Как уже отмечалось выше, свадьбу принято праздновать долго и на «широкую ногу». Это доказывает и еще одна пословица: *добрая свадьба – неделю*. На свадьбе также принято много есть и пить, одна из пословиц гласит: *быть на свадьбе, да не быть пьяну – грешно*. Более того, если человек женился, то его разгульная жизнь должна закончиться. Такой человек становится семьянином, что подтверждается в следующих пословицах: *женатые на посиделки не ходят; женатый связан, на цепь привязан*.

При анализе русских и английских фразеологических единиц в данном значении, мы обнаружили, что фразеологизмы английского языка раскрывают различные особенности любовных отношений, а именно: свадьбу, брак, любовь. Русские пословицы и поговорки в большинстве случаев связаны со свадебными обрядами и традициями. В устойчивых выражениях русского языка не удалось выявить национально-культурный компонент, такие выражения обладают лишь национально-культурной спецификой посредством которой передают особенности, своеобразие и уникальность данной страны.

В результате исследования мы смогли определить следующие национально-культурные компоненты в английских фразеологизмах: *sleeve, knot, hat*, а также национально-культурные имена собственные: *Jack, Jill*.

В ходе исследования фразеологических единиц русского и английского языков мы также обнаружили большое количество фразеологизмов, связанных с **едой и напитками**. Рассмотрим английские фразеологические единицы.

Приемы пищи в Англии занимают особую роль. У Англичан все по порядку сначала breakfast (до 11 часов утра), brunch (поздний завтрак, между завтраком и обедом), lunch (13-16 часов), dinner (18-19 часов), supper (поздний ужин) ^[14]. Данным приемам пищи посвящены некоторые фразеологизмы:

there's no such thing as a free lunch – нет такой вещи как бесплатный ланч (Бесплатный сыр бывает только в мышеловке);

no song, no supper – нет песни, нет ужина (Кто не работает, тот не ест);

ladies who lunch – данный фразеологизм относится к женщинам, которые проводят много времени в общении (например, ходят вместе обедать), потому что они богаты и у них много свободного времени.

В Англии самым употребляемым напитком является **чай** ^[14]. Поэтому в английском языке существует выражение "cup of tea" – дословно переводится как чашка чая, но, например, выражение "to be one's cup of tea" означает – делать что-то хорошо, делать то, что получается лучше всего, заниматься любимым делом. Отсюда появляются следующие фразеологические обороты с компонентом чай:

an old cup of tea – означает женщина преклонного возраста, т. е. старушка;

an unpleasant cup of tea – неприятный человек. Данные фразеологические обороты имеют совершенно другой смысл.

Обратимся к фразеологическим единицам русского языка, имеющих в своем составе компоненты еды и напитков. Символом Масленицы являются блины. Рассмотрим несколько пословиц с компонентом «блин»:

и блинов испечь требуется время – любое дело требует времени и сил;

первый блин комом – не все получается сделать с первого раза, требуется время на овладение какими-либо навыками и умениями.

Проанализируем некоторые фразеологизмы русского языка, которые восходят к другим традициям и обычаям:

заварить кашу – создать какую-либо сложную, трудную ситуацию. На Руси каша сопровождала человека во всех семейных обрядах. Ее готовили на все важные семейные праздники, а именно: на роды, свадьбу, крестины, поминки. Изначально данное выражение отражало подготовку к празднику, но со временем его стали использовать как синоним к словам: суматоха, беспорядок, неразбериха, с которыми приходится человеку справляться. Из этого вытекает и следующий фразеологизм: *расхлёбывать кашу* – разбираться в сложном, трудном, хлопотливом деле. Кроме того, в данном значении используется и такое выражение: *пива не сваришь* – о человеке, с которым трудно иметь какое-либо дело. Этот фразеологизм также произошел из традиции варить алкогольный напиток на различные праздники;

водить хлеб-соль – дружить, иметь дружеские отношения с кем-либо. Как нам уже известно, на Руси встречали гостей с хлебом и солью от этого обычая и произошел данный фразеологизм. Также к данному обычаю можно отнести следующий фразеологизм: *встречать хлебом и солью* – встречать гостей как полагается, радушно.

В ходе исследования фразеологических единиц с компонентом «еда и напитки» мы обнаружили, что фразеологизмы английского и русского языков преобладают в равной степени. Данная подгруппа является одной из самых наполненных и широко представленных. Большинство английских выражений связано с приемами пищи и традиционным напитком – чаем. Русские устойчивые выражения отражают народные празднования, например, масленицу, а также традиционную еду и традиционные напитки, а именно: блины, кашу, хлеб, соль, пиво. Следовательно, можно установить и национально-культурные компоненты: *блин, каша, хлеб, соль, пиво*. В английском языке: *lunch, supper, tea*.

Путешествия находят своё отражение и в английском, и в русском языках. Проанализируем английские фразеологические единицы, связанные с путешествиями и возникшие из традиций или обычаев:

a rolling stone – человек, который часто и подолгу странствует или путешествует, не останавливаясь на какой-либо значительный период времени. Основано на пословице “a rolling stone gathers no moss” – «катящийся камень мхом не обрастает», т. е. люди верили, что человек, который всегда движется вперед, не будет накапливать богатство или статус, ответственность или обязательства;

youth likes to wander – молодые люди предпочитают путешествовать, странствовать. Данная пословица возникла из традиции британцев брать “gar year”, что означает год после окончания школы и перед поступлением в колледж или университет. Предполагается, что за этот год человек много путешествует, определяется со своими ценностями и убеждениями и обдумывает, чем бы он хотел заниматься в жизни дальше.

Проанализировав фразеологические обороты английского языка, связанные с путешествиями и возникшие из традиций или обычаев, нам не удалось найти достаточного количества примеров. В русском языке таких выражений гораздо больше. Можно предположить, что это связано с тем, что традиций, обрядов, обычаев, посвящённых путешествиям, на Руси было больше. По крайней мере, это подтверждает

фразеологический фонд русского языка.

В русском языке существуют пословицы и поговорки, отражающие отношения к путешествиям. Например,

едешь на день, а хлеба бери на неделю – нужно всегда брать про запас, так как в дороге могут случиться неожиданные ситуации. В данной пословице используется компонент «хлеб», который относится к российской символике. В русском языке есть еще одна пословица, подтверждающая вышесказанное: *хлеб в пути не тягость* – лучше взять побольше еды, чем потом голодать;

избным теплом недалеко уедешь – человек, находящийся в поездке, путешествие должен забыть на некоторое время о доме, о трудностях, что остались там, так он сможет совершить путешествие благополучно. В данной пословице содержится компонент «изба», что также соответствует русской символике. Выделим несколько пословиц со схожим смыслом, например, *домашняя дума в дорогу не годится* – все трудности, заботы, проблемы на время путешествия нужно оставить дома; *ночлега с собой не возят* – человек, находящийся в длительной поездке должен обходиться только самым необходимым;

за семь верст киселя хлебать – ехать или идти куда-либо в пустую. Данная поговорка возникла из традиции варить кисель. Этот напиток был в каждой избе, поэтому люди и придумали такое выражение: зачем ходить куда-либо за чем-то, если это, итак, есть дома.

Проанализировав фразеологические единицы со значением «путешествие», связанные с традициями и обычаями, можно подтвердить, что такие выражения преобладают в русском языке. Мы предполагаем, что это связано с тем, что традиций, обрядов, обычаев, верований, посвященных путешествиям, на Руси было больше. Следовательно, определить национально-культурный компонент фразеологических единиц английского языка сложно, но они обладают национально-культурной спецификой и отражают в той или иной степени национальные особенности англичан.

Во фразеологизмах русского языка особое внимание уделяется подготовке к путешествию, русские готовятся тщательно, основательно к поездке, оставляют все плохое дома и отправляются в странствования с чистыми мыслями и свободной душой. Выделим национально-культурные компоненты русских фразеологизмов в данном значении: *хлеб, изба, душа, семь, верста, кисель*.

Рассмотрим подгруппу **другие**.

Обратимся к фразеологическим единицам английского языка, связанным с погодными условиями:

Jack Frost – Ледяной Джек. Это таинственный дух из мифологии англосаксов, который отвечает за холод, снег и зиму в целом;

weather the storm – пережить трудные ситуации, сложный этап в жизни. Это выражение пришло из морской тематики. Корабль пережил сильный шторм и в результате уцелел, так и возник данный фразеологизм. Однако слово “weather” используется в данном случае, так как у британцев есть традиция говорить о погоде, поэтому само собой разумеется, что существует несколько идиом, в которых она присутствует;

to go round the table – собрание или дискуссия, где все равны, на равных условиях и в

равных положениях. Данный фразеологизм связан как с легендой о Короле Артуре, так и с традицией. Известно, что все рыцари Короля Артура сидели за круглым столом. Это означало, что все были равны, не было человека, который по той или иной причине превосходил бы других.

Рассмотрим фразеологические обороты русского языка. Обратимся к некоторым поверьям русского народа. В давние времена люди считали, что душа человека находится в ямочке, которая располагается между ключицами на шее. Такое поверье стало причиной возникновения фразеологического оборота «*душа нараспашку*». Раньше такое выражение означало человека, который ходит с расстёгнутой рубашкой и его «душа» была открытой и люди часто говорили: «ходит с душой нараспашку». Сейчас мы используем данную фразеологическую единицу в значении открытый, искренний человек.

На Руси считалось, что дом и двор охраняет дух, который отвечает за сохранение семейного очага, обеспечивает хорошую и спокойную жизнь хозяевам – домовый. От верований в такой дух возник следующий фразеологизм «*не ко двору*». Если что-то не нравилось домовому, например, новая корова, то такое животное могло не прижиться и вскоре умереть и тогда говорили: «не ко двору пришлось», то есть не понравилось домовому. В настоящее время данный фразеологизм используется в значении «неподходящий».

Обратимся к фразеологизмам со значением «время»:

вставать с петухами – вставать очень рано, перед самым рассветом. Такое выражение возникло на Руси, когда люди вставали из-за крика петуха, так как не было будильников. После крика петуха люди шли на работу и занимались делами по хозяйству.

Во фразеологических единицах данной группы в английском языке встречаются национально-культурные компоненты *weather, round table*, собственное *Jack Frost*. В ходе исследования русских фразеологических оборотов можно выделить следующие национально-культурные компоненты: *нараспашку, петух*.

Проанализировав 40 английских фразеологических единиц и 40 русских фразеологических единиц, связанных с традициями и обычаями, мы пришли к выводу, что фразеологических оборотов русского языка больше, чем английских. Скорее всего, такие особенности связаны с тем, что русские традиции и обычаи по сей день соседствуют с человеком и используются в повседневной жизни. Стоит выделить тематическую подгруппу «еда и напитки», так как именно в ней представлено наибольшее количество фразеологизмов в языках. Наименьшее количество фразеологизмов английского языка представлено в тематической подгруппе «путешествия». Отметим, что английские фразеологические единицы, связанные с любовными отношениями, свадьбой и браком, лучше раскрывают особенности любовных отношений, а именно: свадьбу, брак, любовь. Русские пословицы и поговорки в большинстве случаев связаны со свадебными обрядами и традициями, но не затрагивают любовные отношения и сам брак.

В ходе исследования фразеологизмов, связанных с традициями и обычаями, нами выделены следующие национально-культурные компоненты английского языка: *breakfast, supper, hill, sleeve, knot, hat, lunch, tea, weather, round table*. При анализе русских фразеологических оборотов мы обнаружили следующие национально-культурные компоненты: *масленица, самовар, хлеб, квас, бабушка, блин, каша, соль, пиво, изба*,

душа, семья, верста, кисель, нараспашку, петух.

Национально-культурный компонент часто представлен именем собственным, например, в английском языке: *Jack, Jill, Jack Frost*. В русском языке нам не удалось найти национально-культурный компонент, представленный именем собственным во фразеологических оборотах, связанных с традициями и обычаями.

Таким образом, данные особенности помогают наиболее точно понять и изучить менталитет и культуру английской и русской наций через призму языка. Национально-культурный компонент и национально-культурная специфика отражается во фразеологических оборотах через исторические, литературные события, а также традиции, обычаи и верования данных стран.

Библиография

1. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Феникс, 1996.
2. Тулабоева Г. Т. Место фразеологизмов в английском языке // *Academy*. 2021. № 6. С. 37-38. EDN: IBTGQU.
3. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
4. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
5. Ганиева Ф. Ф. Фразеологические единицы как объект исследования в трудах отечественных исследователей // *Lingua mobilis*. 2015. № 1. С. 38-47. EDN: U MVPCT.
6. Суворова Н.Н. Фразеология русского языка в истории и современности // *Litera*. 2017. № 1. С. 129-134. DOI: 10.7256/2409-8698.2017.1.22097 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22097
7. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
8. Самарец Н. А. К вопросу о классификации английских фразеологизмов // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016. № 11. С. 43-47. EDN: WYOBML.
9. Чуньли Л. Национально-культурная специфика фразеологизмов, описывающих характер человека, в русском и китайском языках // *Преподаватель XXI век*. 2013. № 4. С. 345-349. EDN: SAZLPZ.
10. Руделев В. Г. Прощай, масленица... // *Вестник ТГУ*. 1999. № 3. С. 48-54.
11. Коваль К. С. Культурные традиции русского чаепития // *Аналитика культурологии*. 2014. № 28. С. 181-185. EDN: SATOYJ.
12. Гулбекова М. Д. Особенности выражения концепта "Любовь" во фразеологических единицах с соматизмом "Сердце" в разноструктурных языках // *Вестник ТГУПБП*. 2014. № 3. С. 268-273. EDN: SZLJKL.
13. Колкова Н. А. Русская фразеология в контексте свадебной обрядности // *Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика*. 2010. № 1. С. 86-91. EDN: LALFAN.
14. Саид Р. Англичане, их еда и традиции // *Форум молодых ученых*. 2018. № 12. С. 1137-1141.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой статьи выступает отражение традиций и обычаев английского и русского народов во фразеологических единицах. Актуальность работы не вызывает сомнения: фразеологические единицы аккумулируют знания культуры и наиболее ярко отражают культурно-исторический опыт народа и особенности развития любого языка. Изучение лингвокультурологического аспекта

фразеологических единиц подразумевает выявление способов и средств воплощения «языка» культуры в их содержание и позволяет лучше узнать картину мира того или иного народа. Сопоставительные исследования фразеологизмов разных языков помогают расширить представление об идиоматике того или иного языка и, тем самым, вносят определенный вклад в изучение цивилизации и культуры народов.

Теоретической основой научной статьи обоснованно выступили труды по фразеологии современного русского и английского языков, национально-культурной специфике фразеологизмов, лексикологии и лексикографии таких российских и зарубежных ученых, как В. В. Виноградов, А. В. Кунин, Н. Н. Амосова, Г. Т. Тулабоева, Ф. Ф. Ганиева, Н. Н. Суворова, Н. А. Самарец, Л. Чуньли, Р. Саид, Ш. Балли и др. Библиография насчитывает 14 источников, что в целом представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако в данном случае достаточно сложно судить об актуальных достижениях научного сообщества в данной области знания.

Методология проведенного исследования в работе не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, научный поиск, описательный и сравнительно-сопоставительный метод, фразеологический анализ и лингвокультурологический анализ, подразумевающий выявление, анализ и описание разноуровневых языковых единиц, соотнесённых с определённым этнокультурным пространством.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования рассмотрены основные классификации фразеологических единиц («на данный момент в языке функционируют две ведущие классификации, основанные на семантической слитности»: В. В. Виноградова - для русского языка; А. В. Кунина - для английского языка); проведено сравнение фразеологических единиц русского и английского языков, связанных с традициями и обычаями, четырех тематических подгрупп (жизнь, старость и смерть; любовные отношения, брак, свадьба; еда и напитки; путешествия), позволившее автору(ам) выделить национально-культурные компоненты изучаемых языков, в т. ч. имена собственные в английском языке. Сделан вывод о том, что национально-культурный компонент и национально-культурная специфика отражается во фразеологических оборотах через исторические, литературные события, а также традиции, обычаи и верования данных стран.

Теоретическая значимость работы заключается в ее вкладе в сопоставительные исследования разноструктурных языков, в изучение национально-культурной специфики фразеологических единиц русского и английского языков. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по лингвопрагматике, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, фразеологии и лексикографии.

Обращаем внимание на следующие языковые недочеты: см «Академик В. В. Виноградов даёт следующие определение фразеологического оборота», «Лингвист взял за основу систематизацию В. В. Виноградова, но объяснил почему актуальна новая классификация», «такие выражения обладают лишь национально-культурной спецификой посредством которой передают особенности, своеобразие и уникальность данной страны», «за семь верст киселя хлебать – ехать или идти куда-либо в пустую».

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стил изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дубаков Л.В., Вагнер Д.Д. Роман Анны Старобинец «Первый отряд. Истина»: оккультные теории и разноуровневая система мотивных оппозиций // Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.71042 EDN: MIMNAO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71042

Роман Анны Старобинец «Первый отряд. Истина»: оккультные теории и разноуровневая система мотивных оппозиций

Дубаков Леонид Викторович

ORCID: 0000-0003-1172-7435

кандидат филологических наук

доцент, филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, Китай, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Вагнер Дарья Дмитриевна

магистр, филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне

518172, Китай, Гуандун область, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ dariawagner@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.71042

EDN:

MIMNAO

Дата направления статьи в редакцию:

17-06-2024

Аннотация: Статья посвящена анализу романа А. А. Старобинец «Первый отряд. Истина» как произведению, которое осваивает оккультные теории, образы и мотивы. Доктрины Полой Земли Мигеля Серрано и Вечного льда Ганса Гёрбигера повлияли на сюжет, хронотоп, систему мотивов, систему персонажей, портреты, пейзажи, предметный мир, экстерьеры, интерьеры и т. д. романа А. А. Старобинец. Эти оккультные теории

обуславливают также обращение писательницы к мотивам диссолюции, ликвефакции, анимализации. Разрушающаяся, плотская, звериная реальность Земли становится таковой из-за космической борьбы льда и огня и из-за воздействия Луны как физического и метафизического ледового спутника нашей планеты. Полая Земля выступает в качестве места битвы между представителями льда и огня и в качестве пространства посмертного бытия. Составляющие художественной реальности романа, различные его мотивы находятся в оппозиции, соотносясь со льдом или с огнём, и при этом содержат в себе зачатки своих противоположностей. Такая двойственность, связанная с внешним и внутренним двойничеством – героев и мира, – позволяет преодолеть вечное разрушительное противоречие. Сражающихся героев книги, и в целом Запад и Россию, примиряет любовь, она же снимает оппозицию Вечного возвращения одного и того же и ледяной вечности, пространства Земли и Земли Полной. Методологию статьи составляют работы, посвящённые анализу влияния оккультных идей, образов и мотивов на русскую литературу разных периодов. Актуальность статьи определяется активным интересом современного отечественного литературоведения к пограничным явлениям в сфере литературных жанров («Первый отряд. Истина» А. А. Старобинец – это текст, принадлежащий к «большой» литературе и одновременно к беллетристике, к жанру хоррора или оккультного романа). Кроме того, актуальность статьи исходит из интереса науки и широкого читателя к художественному осмыслению причин, следствий и характера давнего геополитического и культурного противостояния между Западом и Россией, а также к поиску возможностей его разрешения. Новизна работы определяется впервые произведённым анализом влияния оккультных теорий Мигеля Серрано и Ганса Гёрбигера на роман «Первый отряд. Истина», прежде всего – на его образную и мотивную структуру.

Ключевые слова:

Анна Старобинец, оккультизм, Мигель Серрано, Ганс Гёрбигер, Полая Земля, доктрина Вечного льда, анимализация, мотивные оппозиции, двойничество, диссолюция

Роман Анны Старобинец «Первый отряд. Истина» (2010), хотя может быть отнесён к разряду жанровой или развлекательной литературы, тем не менее представляет собой сложно организованное произведение с идейной точки зрения и с точки зрения своей поэтики. Так, В. О. Кубышкина в статье «Время и Вечность как категории гностического учения в романе А. Старобинец "Первый отряд. Истина"» [\[4\]](#) рассматривает его как текст, реализующий конкретный набор гностических мифов, но только в аспекте истолкования ими сущности и характера земного времени. Однако роман «Первый отряд. Истина» может быть также проанализирован как произведение, содержащее конкретные оккультные мотивы, связанные с идеями Ганса Гёрбигера и Мигеля Серрано. Эти мотивы определяют временную организацию текста, влияют на систему персонажей, на их портреты, определяют особенности пейзажей, экстерьеров, интерьеров, то есть всё, что связано с внешним пространством.

В основу сюжета романа положены две оккультные теории – теория Полной Земли и доктрина Вечного льда. Теория Полной Земли имеет давнее происхождение, но в творчестве Мигеля Серрано она стала частью оригинальной концепции появления и существования Вселенной. Эта теория имеет своим истоком гностические представления о Творении как катастрофе. Вселенная создана персонификацией зла – Демиургом, что пленил «трансцендентные энергии, зоны» [\[3, с. 81\]](#), среди которых – Герда, или Земля, и

первочеловек Адам. На помощь человеку пришли сверхчеловеческие эоны, посланцы Венеры, дети Люцифера (у которых «астральная, синяя кровь, гиперборейская, которая несёт в себе солнце льда» [\[7, с. 133\]](#)), чтобы освободить его от «вечного возвращения одного и того же» [\[3, с. 82\]](#). Демиург делает все, чтобы «"анимализировать" Адама, приблизить его к статусу животных» [\[3, с. 82\]](#). Человек обретает материальное тело, вслед за ним в материальность падают и «дети Люцифера». Их потомки – арийцы, что стараются создать «сверхцивилизацию, чтобы проложить путь за пределы "концентрационной вселенной", освободить от плена материализованный эон земли, Герды (превратить пространство во время...)» [\[3, с. 83\]](#). Последняя такая попытка – деятельность организации «Аненербе». После поражения немецкие арийцы, люцифериты, скрылись в пещерах в Антарктиде, где имеются входы в Полую Землю – подземное пространство, другую Землю, скрылись, чтобы однажды вернуться и в духовной сфере одержать победу над «человеко-зверьми», когда «Последний батальон вступит в бой в апогее наступающей Великой катастрофы» [\[7, с. 43\]](#), ведь «То, что здесь проиграно, выигрывается там» [\[7, с. 333\]](#). При этом Серрано рассматривает Полую Землю не только как физическую реальность, но и как символическое и духовное явление. В его мировоззрении Полая Земля является метафорой для внутреннего мира и скрытых знаний, доступных лишь избранным.

Ганс Гёрбигер исповедует доктрину о противостоянии льда и огня во Вселенной, создаёт свою ледовую космогонию [\[2, с. 46\]](#). Солнечная система образовалась из столкновения пылающего небесного тела и планеты, состоящей из льда. Сверхсолнце, в которое проник лёд, взорвалось, и его части образовали планеты [\[1, с. 215\]](#). В Земле продолжается борьба льда и пламени. Нынешняя ледовая Луна – четвёртый по счёту спутник Земли. Приближение Луны к нашей планете порождает мутации в организмах и гигантизм [\[2, с. 229\]](#). Падение Луны на Землю, а затем гибель Солнца погрузит Солнечную систему в неподвижность, но спустя время противостояние льда и огня запустит новый цикл жизни.

Жак Бержье и Луи Повель замечают, что «невозможно верить в мироздание, представляющее собой одновременно арену извечной борьбы льда и огня, и полый шар, заключённый в бесконечную скалу», но для авторов этих теорий имели значение «не связность и единство взглядов, а разрушение систем, вытекающих из логики рационального образа мышления», для них был «важен мистический динамизм и взрывчатая сила интуиции» [\[1, с. 255\]](#).

Анна Старобинец в художественной реальности романа «Первый отряд. Истина» свободно соединяет, осваивает обе эти концепции. Согласно сюжету книги, идёт и не останавливается, хотя принимает разные формы, война между Германией и шире – западным миром и Советским Союзом, а затем Россией. После исчезновения Советского Союза война происходит на оккультном плане – на Земле и в Полую Землю. Грета Раух, одна из сестёр-близнецов, член общества «Аненербе», рассказывает своим внукам-оборотням сказки, фактически содержащие идеи Ганса Гёрбигера и Мигеля Серрано. Одна из этих сказок – про пленённую Демиургом Герду, которая стала «тошнотворно вращающейся тёплой звездой» [\[8, с. 166\]](#), на которой постепенно оказалось много «воспроизводящейся из праха, растущей, умирающей и разлагающейся в прах плоти» [\[8, с. 166\]](#). Герда пыталась себя заморозить, как и люцифериты, чья «кровь все еще была голубая, холодная и голубая, как дрожащий морозный воздух» [\[8, с. 166\]](#). Но люцифериты смешали свою кровь с кровью дочерей человеко-зверей, и «Лед растаял, растекся по

плененной земле потоками влаги и грязи, заполнил ее впадины океанами, морями и реками, кишшими плотью всевозможных размеров и форм» [8, с. 167].

Анна Старобинец, отталкиваясь от этих идей и картин, создаёт образ Земли, реальности, в которой преобладают мотивы разрушения – гниения, окисления, болезни, распада. У Клауса Йегера, Охотника, волосы «цвета ржавчины» [8, с. 24] и «ржавые брови» [8, с. 30]. У Старухи, Греты Раух, глаза были «цвета плесени» [8, с. 29]. Волосы Подбельского, руководителя отряда советских, а затем российских детей-воинов, «торчат в стороны клочьями, как слипшиеся перья на боках у больного голубя» [8, с. 42]. Мадина – «зашпаклеванная белой пудрой <...> с окровавленным ртом» [8, с. 85]. Дыхание Зинаиды Ткачёвой «становится частым и душным.словно мята сначала сгнила на жаре и смешалась с землей, и только потом ее добавили в леденцы» [8, с. 177].

При этом главный образ распада в романе, диссолютивный образ-камертон – это образ червивой Луны, которая появляется в видениях Ники. Она видит «огромную и червивую, как шляпа гигантского гриба, гнойно-желтую луну во все небо, источенную черными пятнами океанов» [8, с. 9]. И именно эта оккультная Луна, своим приближением провоцирует мутации и искажения земной реальности.

Портреты многих персонажей романа содержат также звериные черты или намёки на «анимализацию» (Анна Старобинец во многих своих произведениях обращается к «зоологической» образности [5], однако в этом тексте, как и, например, в «Лисьих Бродях», романе 2023 года, такой подход оказывается у неё концептуально обоснован). Ника, главная героиня, девочка-воин, для её воспитателя и начальника является куколкой – прежде всего в значении промежуточной стадии развития её сознания. Она та, кто должна быть способна общаться с миром мёртвых, и та, кто должна победить оккультного и геополитического противника. О Старухе: её глаза «цвета паутины» [8, с. 75], а «Седые волосы стянуты в конский хвост» [8, с. 29]. Эрвин, один из Оборотней, «похож на валета червей из сувенирной колоды» [8, с. 35]. У него «щиколотки. Изящные, как у цапли» [8, с. 46]. Подбельский смотрит на Нику «глазами-медузами», а его «Крохотные зрачки подрагивали и слегка шевелились, как мошки в желе» [8, с. 36]. Монах-японец улыбается «щелястым заячьим ртом» [8, с. 68]. Пальцы Георгия Грефа «напоминали связку мучных червей» [8, с. 206]. В зрачках Никиной сестры «свернулись бесцветные эмбрионы будущей скуки» [8, с. 262].

«Анимализация» затрагивает речь персонажей: немецкий язык Мдины «гремит сочленениями, как заржавевший товарный состав» [8, с. 80]. Голос Старухи «звучал, как стон больной старой птицы» [8, с. 75].

Звериными чертами и образами разрушения отмечены также предметы и природа. О кредитной карте: «Как будто ползет по бумаге скользкое насекомое...» [8, с. 77]. Зинаида Ткачёва, рассказывая о своём предательстве, «комкает конец своего рассказа как заляпанную жиром салфетку» [8, с. 212]. Об ордене: «орден Отечественной войны первой степени, насаженный под стеклом на булавку, как сушеная коллекционная бабочка» [8, с. 134]. О доме: «В нашем доме всегда пахнет гнилью и старостью. Ее гнилью и старостью» [8, с. 309]. О небе: «больное баварское небо, покрытое фиолетовыми гематомами туч» [8, с. 128]; «небо все равно плотное и отечное, точно укушенное

огромным заоблачным слепнем» [8, с. 155]; «Набухшее небо лопается дождем, как гнойник» [8, с. 129]. О тумане: «туман вдруг рассеивается – резко, будто лопаются пузырь с серой желчью» [8, с. 244].

Реальность романа, кроме того, характеризуется мотивами текучести: «Мы все, официанты и посетители, сочимся липкой пахучей влагой, как полопавшиеся на жаре фрукты» [8, с. 155]. Глаза привратника в Полной Земле «точно узкие щелки, заполненные чем-то темным и маслянистым, как нефть» [8, с. 246]. У Грефа «Бурые усики стекали узкой полоской от носа к нижней губе» [8, с. 205]. Лицо матери Ники «напоминает блин с обрезанным верхом. Поверхность блина основательно промаслена потом, а при помощи дешевой косметики на блине нарисован малиновый рот, круглые розовые щеки, изогнутые тонкими домиками брови и средних размеров фиолетовые глаза» [8, с. 258]. Пот на лице Никиной матери «липкий и теплый, он пахнет увядшей стареющей бабой» [8, с. 262]. «Монастырский двор залит солнцем, словно горячим топленным маслом» [8, с. 67]. Страх «сочится из переговорного устройства вместе с <...> надтреснутым голосом» [8, с. 132]. (О специфике понимания и изображения страха в творчестве А. А. Старобинец см. работы А. П. Трушкиной [9; 10], А. Г. Мендагалиевой [5], Е. В. Пономарёвой [6].)

Мир оплотнён, даже абстрактные явления как будто обладают телесностью. Буквы на стене комнаты, где погибли друзья Ники, это буквы из крови. Ника видит, как «твердые пузатые тельца букв слабеют и истончаются к хвостикам и разбегаются по странице» [8, с. 103].

Важный мотив романа – мотив фальши, проявляющийся не только в смене внутреннего образа, но и в попытках спрятать внутреннюю пустоту. Мир находится в состоянии распада, но старается это скрыть. Зинаида Ткачёва притворяется Надей Руслановой. Мадина хочет быть похожа на немку. Мама Ники при помощи косметики прячет неживое, усталое лицо. Клаус Йегер подаёт себя миру как добропорядочного бизнесмена, но создаёт оружие массового поражения.

Мотив фальши сближен в романе с мотивом двойничества. В романе есть герои-двойники, находящиеся по разным сторонам войны, двойники по своим функциям. Например, руководители Подбельский и Мартин Линц, учёные А. П. Варченко и Георг Греф, животные-проводники – олень Мяндаш и дельфин Амиго (образ которого отсылает к мультфильму «Девочка и дельфин»). Ника отчасти повторяет судьбу Нади Руслановой. Есть герои – двойники по своей природе. Генерал Подбельский несколько раз меняет, наследует свою биографию: Белюстин – Белов – Подбельский. У сестёр Раух два одинаковых тела с одной душой. Эрвин и Эрик – близнецы-оборотни, они «Как согнутая пополам карта со сросшимся валетом червей» [8, с. 374]. Неслучайно Ника обладает даром распознавать ложь. В мире, где всё построено на лжи, она способна слышать неправду, обнаруживать через синестезию дурную природу реальности: «Ее ложь – точно азиатский деликатес. Перегнвшая, скользкая, вязкая, с запахом щелочи» [8, с. 137].

В реальности происходит противостояние льда и огня. Западный, немецкий мир обращается к холоду. Грета Раух принимает холодную ванну: «Игра длилась, пока кожа не становилась чуть синеватой – такой, точно в жилах текла голубая холодная кровь люциферитов» [8, с. 228]. Русский мир – к теплоте и огню: когда Мартин Линц убивает

пионеров-воинов, Зина слышит звук – «как будто раскололи орех. И шипение – точно орех теперь жарят в костре. <...> Удар меча показался ей укусом осы с ледяным тонким жалом» [8, с. 184]. Это противостояние проявляется в том числе во взаимоотношениях героев книги: у Эрвина «холодные руки, чувствуется даже через ткань майки, но мне жарко, и этот холод у меня на спине, это так приятно...» [8, с. 93]. Но при этом обе стороны противостояния имеют противоположные черты. Взгляд Подбельского – «как холодный сквозняк. Как прикосновение мокрых пальцев к горячей коже на шее...» [8, с. 35], «У него прозрачные глаза <...> и самую малость в голубой, как пластиковая бутылка из-под Аква-минерале» [8, с. 7]. У Эрвина «губы холодные, но внутри, во рту, горячо» [8, с. 157]. У Ники на спине родинки в форме Большой Медведицы, что намекает на её связь с люциферитами, помнящими о своём космическом происхождении, у них «астральная, синяя кровь, гиперборейская, которая несёт в себе солнце льда» [7, с. 133]. Эрвин, влюбившийся в Нику, шутя, соглашается с пивом и сосисками как с жизненным выбором, отвергая героический оккультный холод. В «Магическом мире героев» Чезаре делла Ривьера о Кае из сказки Г. Х. Андерсена сказано так: «Вместо ангела он стал впоследствии краснощеким скандинавским бургером – с пивом и сардельками» [3, с. 274]. У Старобинец: мать Эрвина была похожа на фальшивую, «подлую Герду, которая подсунет ему вместо вечности сосиски и пиво, и свое теплое тело... Из мальчика, который мог бы стать ангелом, она сделает краснощекого бургера с пивным животом» [8, с. 219].

В финале романа в главе «Момент истины» представители Запада и России сходятся в Полной Земле. Эрик настроен воинственно, Подбельский программирует Нику на разрушение возможного примирения. Но примирение всё-таки происходит. Сын Рыцаря, уродливый великан, выкладывает из кубиков льда слово «Ewigkeit» («вечность»), но после примирения время продолжает идти. Вечное возвращение одного и того же оказывается не мучительным возвращением земного распада, но возвращением любви. Надя Русланова и Лёня Голышев, перед его гибелью видящиеся в последний раз, расходятся, но встречаются снова в обликах Эрвина и Ники. Ника представляет Надю Русланову на встрече двух миров в Полной Земле, а у Лёни и Эрвина есть объединяющий образ – щиколотки: Надя видит, как «мелькают в траве <...> детские щиколотки» [8, с. 404]. Лёни, у Эрвина «Трогательные щиколотки. Изящные, как у цапли» [8, с. 46]. Последние слова Лёни Голышева, обращённые к Наде: «Не забудь влюбиться в меня с первого взгляда!» [8, с. 404]. Круг делает не только любовный сюжет, но и общая композиция книги – от последнего слова «взгляд» к первому слову «Увидишь».

Итак, в романе Анны Старобинец «Первый отряд. Истина» находят воплощение оккультные теории Ганса Гёрбигера и Мигеля Серрано. Эпиграфы из книг этих мыслителей и писателей наталкивают на прочтение сюжета романа и различных его мотивов сквозь призму доктрин о Полной Земле и о Вечном льде. Так, разрушающаяся, плотская, звериная реальность Земли, изображённая в романе, обуславливается космической борьбой льда и огня, воздействием на Землю, пленённую огнём и материальной телесностью, Луны как её ледового спутника. Полная Земля у Анны Старобинец оказывается местом вечной битвы между представителями льда и огня, пространством посмертной и засмертной реальности. Пять пионеров-воинов воплощают «число пять – полярное, число Крайнего Севера» [7, с. 74], что «символизирует <...> внутреннего, духовного человека или же божественного, цельного и совершенного человека» [7, с. 92]. Ребёнок-гигант Мартина Линца, новый Кай, складывающий из

ледяных кубиков слово «вечность», – это образ детей тех, кто проиграл в последней войне, детей, что остановились в своём развитии и которым лишь осталось «играть у стены» [\[7, с. 9\]](#). И т. д.

Герои и шире – художественная реальность, различные мотивы романа «Первый отряд. Истина» находятся в оппозиции друг к другу, соотносясь либо со льдом, либо с теплом, но одновременно они содержат в себе зачатки противоположностей. Эта их двойственность, спровоцированная внешним и внутренним двойничеством, позволяет найти решение в ситуации вечного разрушительного противоречия, преодолеть его. Способом такого преодоления Анна Старобинец видит любовь, которая не только примиряет сражающихся героев книги, в целом Запад и Россию, но и снимает оппозицию ницшеанского Вечного возвращения одного и того же и ледяной неземной вечности, пространства шалаша, где прячутся возлюбленные Надя и Лёня, и подземного грота и Полрой Земли, где совершается космическое примирение.

Библиография

1. Бержье Ж., Повель Л. Утро магов. Посвящение в фантастический реализм. М.: Родина, 2020. 400 с.
2. Дубаков Л. В. Русская постмодернистская литература и оккультизм: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ярославль, 2010. 214 с.
3. Дугин А. Г. Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне). М.: РОФ "Евразия", 2005. 624 с.
4. Кубышкина В. О. Время и Вечность как категории гностического учения в романе А. Старобинец «Первый отряд. Истина» / В. О. Кубышкина // Филологические науки в России и за рубежом: Материалы III Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 20–23 июля 2015 года. Санкт-Петербург: Свое издательство, 2015. С. 43-46.
5. Мендагалиева А. Г. Реализация эмоциональных концептов тревоги и страха в прозе Анны Старобинец. // Жанрово-стилевые искания в мировой литературе. 2020. С. 207-210.
6. Пономарева Е. В. «Автобус милосердия» Анны Старобинец: традиция литературного нуара в современной отечественной малой прозе // Вестник ТГГПУ. 2022. №2 (68). С. 116-125.
7. Серрано М. Золотая цепь / Перевод с немецкого. Тамбов, 2007. 320 с.
8. Старобинец А. А. Первый отряд. Истина. М.: Астрель, АСТ, Харвест, Жанры, 2010. 400 с.
9. Трушкина А. П. Творчество А. Старобинец в контексте неоготики (на примере повести «Переходный возраст») // Современные проблемы и перспективные направления инновационного развития филологической науки. 2022. С. 44-47.
10. Трушкина А. П. Хоррор-мотивы в творчестве А. Старобинец (на материале сборника «Икарова железа») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. С. 64-69.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Анна Старобинец – лауреат и финалист множества российских и европейских премий, «Лучший писатель Европы» по мнению Европейского общества научной фантастики (конвент фантастики «Еврокон»-2018). Ее книги переведены на большинство

европейских языков, изданы также в США, Японии, Турции. Основной / ведущий жанр ее творчества – это хоррор, однако, Анна Старобинец создает книжки и для детей, которые полные счастья. Рецензируемая статья предметно касается романа «Первый отряд. Истина» (2010). Как отмечает автор, он «может быть отнесён к разряду жанровой или развлекательной литературы, тем не менее представляет собой сложно организованное произведение с идейной точки зрения и с точки зрения своей поэтики». В целом статья имеет конструктивно-завершенный вид, позиций исследователя вполне конкретизирована; стоит отметить, что работу отличает должная аналитическая канва с детельным погружением в литературный материал. Базовые уровни текста – сюжет, образный ряд и т.д. – освещены, прокомментированы. Даже неподготовленный читатель получает должную информационную подпитку: например, «в основу сюжета романа положены две оккультные теории – теория Полной Земли и доктрина Вечного льда. Теория Полной Земли имеет давнее происхождение, но в творчестве Мигеля Серрано она стала частью оригинальной концепции появления и существования Вселенной. Эта теория имеет своим истоком гностические представления о Творении как катастрофе. Вселенная создана персонификацией зла – Демургом, что пленил «трансцендентные энергии, зоны» [3, с. 81], среди которых – Герда, или Земля, и первочеловек Адам», или «Анна Старобинец в художественной реальности романа «Первый отряд. Истина» свободно соединяет, осваивает обе эти концепции. Согласно сюжету книги, идёт и не останавливается, хотя принимает разные формы, война между Германией и шире – западным миром и Советским Союзом, а затем Россией. После исчезновения Советского Союза война происходит на оккультном плане – на Земле и в Полной Земле. Грета Раух, одна из сестёр-близнецов, член общества «Аненербе», рассказывает своим внукам-оборотням сказки, фактически содержащие идеи Ганса Гёрбигера и Мигеля Серрано» и т.д. Считаю, что вектор оккультных составляющих романа Анна Старобинец дешифрован и объяснен, цель, следовательно, как таковая достигнута. Стиль тяготеет к собственно научному типу, термины и понятия водятся с учетом унификаций: «При этом главный образ распада в романе, диссольвентный образ-камертон – это образ червивой Луны, которая появляется в видениях Ники. Она видит «огромную и червивую, как шляпа гигантского гриба, гнойно-желтую луну во все небо, источенную черными пятнами океанов» [8, с. 9]. И именно эта оккультная Луна, своим приближением провоцирует мутации и искажения земной реальности». Цитаты даны в режиме выверенной схемы, фактическая правка излишня. Финал по факту связан с основной частью, таким образом, логика цикла завершена. Автор отмечает в итоге, что «герои и шире – художественная реальность, различные мотивы романа «Первый отряд. Истина» находятся в оппозиции друг к другу, соотносясь либо со льдом, либо с теплом, но одновременно они содержат в себе зачатки противоположностей. Эта их двойственность, спровоцированная внешним и внутренним двойничеством, позволяет найти решение в ситуации вечного разрушительного противоречия, преодолеть его. Способом такого преодоления Анна Старобинец видит любовь, которая не только примиряет сражающихся героев книги, в целом Запад и Россию, но и снимает оппозицию ницшеанского Вечного возвращения одного и того же и ледяной неземной вечности, пространства шалаша, где прячутся возлюбленные Надя и Лёня, и подземного грота и Полной Земли, где совершается космическое примирение». Материал интересен, по-своему нов, актуален; его можно использовать в рамках изучения новейшей русской прозы. Рекомендую статью «Роман Анны Старобинец «Первый отряд. Истина»: оккультные теории и разноуровневая система мотивных оппозиций» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дуктова Л.Г. Особенности рецепции растительного кода в романах белорусского писателя Владимира Гниломедова «Война», «Васильки на рубеже» // Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.74466 EDN: MIYKSA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74466

Особенности рецепции растительного кода в романах белорусского писателя Владимира Гниломедова «Война», «Васильки на рубеже»

Дуктова Любовь Георгиевна

ORCID: 0009-0003-5401-7932

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник; Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси

220072, Беларусь, Минская область, г. Минск, ул. Сурганова, 1/2

✉ docent2020@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.74466

EDN:

MIYKSA

Дата направления статьи в редакцию:

15-05-2025

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению растительного кода, под которым целесообразно рассматривать код, связанный с семиотизацией флоры, в современной прозе. Цель исследования: выявить особенности рецепции растительного кода в романах В. Гниломедова. Задачи исследования: 1) рассмотреть особенности дендрологического кода в романе «Война» В.Гниломедова; 2) выявить специфику фитонимического кода, планом выражения которого являются образы льна, василька, в романе «Васильки на рубеже» В.Гниломедова. Предмет исследования: восприятие кодов вишни, льна, василька в романах В. Гниломедова. Культурный код рассматривается как в структуре художественно-изобразительных средств, так и в при акцентировании внимания на идейную направленность художественного произведения, что позволяет по-новому посмотреть на творчество белорусского писателя. При проведении исследования автором использовались методы сравнительного и семиотического

анализа для выявления философских подтекстов и их источников. Автор также применяет историко-культурный контекст для интерпретации образа василька в романе В.Гниломедова. Методологической основой исследования послужили работы В.Лещинской, В.Халипова, И.Швед, Д.Щукиной, М.Эпштейна, и др. Научная новизна заключается, в подробном рассмотрении роли растительного кода в романах современного белорусского писателя. Уникальность и значимость исследования в выделении ключевого кода при анализе романного цикла В.Гниломедова. В результате исследования установлено, что в романах В. Гниломедова «Война», «Васильки на рубеже» растительный код связан с образами вишни, льна, василька. Автор приходит к выводу о роли дендрологического кода в романе «Война», где сломанное вишневое дерево символизирует трагическое положение, в котором оказалась белорусская земля в начале Великой Отечественной войны. В выводах указано, что код, транслируемый с помощью образа василька подчеркивает стойкость, жизнелюбность, духовное начало белорусов. Код льна, связанный с этническим артефактом куделем, отнесен к ключевому в раскрытии идейного содержания романного цикла писателя. Результаты исследования могут быть применены для дальнейшего рассмотрения особенностей рецепции культурных кодов в белорусской литературе, а также в образовательном процессе при разработке планов семинаров, ученых программ по истории литературы стран СНГ, например, при рассмотрении национальных символов в литературах разных государств.

Ключевые слова:

культурный код, роман, эпос, образ, фитонимический код, дендрологический код, растительный код, белорусская литература, проза, код

Введение

Растительный код состоит из совокупности культурных значений, связанных с представлениями об их свойствах и характеристиках. Данный культурный код в различных классификациях имеет следующие названия: вегетативный, фитоморфный, ботанический, флористический. Это один из основных кодов, который отмечен в классификациях Н. Степановой, С. Санько, В. Телии, В. Лещинской, В. Масловой, М. Пименовой и др. В. Лещинская отмечает: «Растительный, или флористический, код культуры представляет собой совокупность культурно обусловленных стереотипных представлений о растениях, их свойствах, признаках или отличительных признаках растений, которые, помимо своих природных свойств, несут функционально значимые для культуры значения» [\[1, с. 167\]](#). Г. Васильева, Ю. Ли утверждают: «Именно тот факт, что фитонимы содержат не только информацию о морально-этических нормах, ценностных представлениях, менталитете, особенностях художественного творчества народа, а также являются основой для возникновения образных средств языка (эпитетов, устойчивых сравнений, метафор, идиом) свидетельствует о том, что заключенная в них национально-культурная информация не лежит на поверхности языка, а закодирована в сложном коннотативном содержании слова. Именно это обстоятельство позволяет исследователям говорить о существовании особого вегетативного, или растительного кода культуры. Такой код является одним из универсальных способов познания мира и его фрагментов, обусловленный важной ролью дикорастущих и культурных растений, способствующей мифологизации всего, что с ними связано, начиная с природных, биологических свойств и кончая категориями экзистенциального характера (например, любовь, жизнь, смерть)» [\[2, с. 8\]](#).

Исследователи обращают внимание на символическое значение изображений растений: цветение и плодородие растений символизируют возрождение и жизненную силу, а увядание – упадок и смерть. Кроме того, культурные смыслы, транслируемые с помощью кодов, вбирают в себя семантику, заложенную литературной и фольклорной традиции. Представляет интерес рассмотрение одного из базовых культурных кодов – растительного – в национальной литературе.

Культурный код в художественном тексте: от выразительности художественно-изобразительных средств до ключа к пониманию идейной направленности литературного произведения

Следует отметить, что в литературоведении существует два подхода по функциональной значимости культурных кодов в литературном произведении. С одной стороны, речь идет о рассмотрении культурных кодов как элементов поэтики, их символической и знаковой сущности в системе художественно-изобразительных средств текста; с другой – акцент делается на восприятие ключевого образа и кода, с ним связанного, в раскрытии главной мысли, идейной направленности одного или нескольких произведений автора.

В рассказе русского писателя Ф. Сологуба «Ничего не вышло» растительный код замечен в именах персонажей (Ежевикин (от растения ежевики) Сабельников (от сабельника), Лабазников (от лабазника)). Действия героев как бы ограничиваются отсылкой к исходной точке в каждом из трех сюжетов, которые рассказываются одним из героев и заканчиваются фразой «ничего не вышло». Царство растений, где сорная и ядовитая флора оказывает негативное воздействие на окружающих, служит аллегорией манипулятивных отношений в обществе, растительный код используется для демонстрации определенных социальных пороков.

Растительный код связан с символическими образами культурных плодоносящих растений, маркирующих ту или иную страну в мировом художественном пространстве и находящих отражение в произведениях мировой литературы. В романе К. Гамсахурдия «Цветение виноградной лозы» (1955), повествующем о новой жизни в советский период республики, таков образ винограда – символа Грузии. Построение нового государственного уклада сравнивается с цветущим виноградником: благодаря труду крестьянства колхозного хозрасчета возрождаются заброшенные, бесплодные земли Гвелети в Грузии. Таков образ граната – символа Армении – в повести У. Сарояна «Гранатовая роща» (1940), где изображена история гранатового сада, посаженного армянскими переселенцами в американской пустыне. Четыре года, когда гранатовый сад разросся, расцвел и начал плодоносить, были счастливым временем для Арама и его дяди Мелика, но они не смогли продать урожай, и поэтому им пришлось отказаться от мечты об армянском гранатовом уголке на чужбине. Выявление культурных кодов позволяет более точно определить идейную направленность произведения.

Среди растений, которые отождествляются с Беларусью и ее жителями, особенно ярко выделяется картофель ("бульба"). Следует отметить, что в литературных произведениях этот образ уместно учитывать при расшифровке гастрономического кода. Образ картофеля как одного из символов Беларуси представлен в одноименных произведениях П. Панченко, И. Чигринова, И. Науменко.

Дендрологический код в романе "Война" В. Гниломедова

По мнению исследователей Г. Васильевой, М. Виноградовой, И. Швед целесообразно выделить следующие разновидности растительного кода: фитонимический (травянистые растения) и дендрологический (деревья, кустарники). Вопрос функционирования

дендрологического кода в фольклорной традиции белорусов подробно разработан И. Швед, которая, говоря о дендрологических образах в произведениях устного поэтического творчества, выделяет позитивную (береза, яблоня, сосна, дуб и др.) и негативную (осина, кипарис, калина и др.) их коннотацию, связанную с рецепцией образов деревьев в белорусской народной традиции. Исследователь отмечает, что дендрологический код относится к числу универсальных кодов, рассматриваемых в контексте фольклорной картины мира белорусов [\[3, с. 46\]](#).

Образы растений, сохранившиеся в народной славянской традиции, нашли отражение в художественной литературе. Среди деревьев уместно выделить художественное отображение ивы, вишни, дуба. Для образа ивы характерна дуалистическая символика. С одной стороны, молодое дерево с гибкими ветвями считалось священным. Ритуальные действия с освященными ветвями вербы во время православного праздника Вербного воскресенья символизируют возрождение, здоровье, плодородие и процветание. Пронзительные минорные ноты, связанные с образом вербы, нашли отражение в образе молодого деревца, рассказывающего ручью о своей сломанной судьбе в стихотворении Я. Коласа «Верба». С другой стороны, образ старой вербы в белорусских сказках и легендах ассоциируется с inferнальными существами. Этот подтекст отражен в образе этого дерева в стихотворении Я. Купалы «Верба».

Дендрологический код в ряде произведений современной белорусской военной прозы связан с семантикой угнетения, порабощения (образ сломанной вишни в романе «Война» В. Гниломедова), стойкости и непоколебимости защитников (образ сосны в романах И. Науменко).

В романе В. Гниломедова «Война» в сцене наступления противника рассказывается о том, как немецкие солдаты ломают молодое вишневое дерево, после чего его искалеченный ствол лежит на земле: «Около погреба разрослась вишня. Она пошла на десерт. Ягоды еще не поспели, но кислинка, должно быть, была соответствующей, потому что солдаты навалились на вишню одновременно и все вместе. Дружно, суетливо они обрывали нижние ветки, однако до верхних никак не могли дотянуться. А вишни наверху были самые спелые. Немцы переглянулись, фыркнули и стали с бесстыдной наглостью гнуть все дерево. Хватались за ветки, за ствол. Дерево упорно не поддавалось. <...> Повар принес топор. Они начали рубить его под корень. Наконец они сломали вишневое дерево и, весело смеясь, разобрали его на куски. Срубленное деревце осталось лежать на песке, нагое, оскверненное, измученное» [\[4, с. 29\]](#). Сломанная вишня – олицетворенный образ поработанной девушки – символизирует молодую и прекрасную Беларусь в ее трагическом существовании в начале Великой Отечественной войны.

Особенности фитонимического кода в романе В. Гниломедова «Васильки на рубеже»

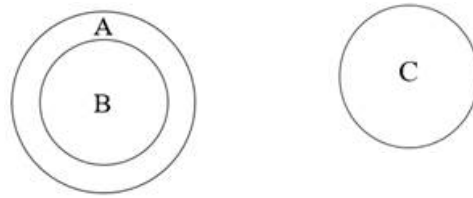
Растительная символика, отождествляемая с Родиной, представлена в литературном и медийном дискурсе образами льна, шиповника, чабреца, клевера. Лен относится к числу национальных символов Беларуси, широко представлен в фольклорной традиции белорусов. Искреннее отношение к этому растению отмечено в ряде литературных произведений, стихотворения под названием «Лен» присутствует в творчестве классиков и современников (Я. Купалы, Э. Акулина, А. Сыса и др.). С. Мусиенко отмечает: «Белорусы всегда уважительно относились ко льну. В текстах народных песен его ласково называли «ленок», «кужелек». Для характеристики использовали эпитеты

«беленький», «шелковый», что подчеркивало красоту и ценность льна. В белорусской народной песне «Ох і сеяла Ульяніца лянok» есть такие строки: «Ох, сэрца лянok, мая радасць ты, лянok! Усё бялюсенькі кужалёк!» <...> Несмотря на большие посевы льна в нашей стране, увидеть его цветение – большая удача, ведь длится оно чуть больше недели. Нежный бело-голубой цветок льна распускается всего на несколько часов, уступая место другим цветкам» [5, с. 39–41]. В романе «Война» В. Гниломедова подробно описан весь процесс работы по созданию кудельного полотна, в котором участвовали женщины: «Одни терли при зажжённой лампе, другие трепали, готовили волчок. Особенно старались Света и Анна Бочка, однако работа спорилась и у других. Делали как замороженные. За кудели, запустив певучие волчки, сели Прося с Гелькой Видерко, да и Шведова Люба. Другие, в том числе и Фёкла, делали основу» [4, с. 437–438]. В романе «Васильки на рубеже» присутствуют сцены, где описан процесс беления льняного полотна: «Осенью белили полотна. Прося складывала полотно гармошкой на коленях, и сложив, несла к реке, мочила, а потом била пряником, расстилала на траве, мяла ногами. Варила луг из древесного пепла и отбеливала в нем полотно, после чего снова слала его на росу, сушила» [6, с. 427].

Анализируя гептологию В. Гниломедова, в которую входят романы «Улис из Пруски», «Россия», «Возвращение», «Васильки на рубеже», «Война», «После войны», «Правда живет посередине», отметим, что образ этнического артефакта куделя (полотна з льняных ниток) выступает ключевым кодом к пониманию идейной направленности всего романного цикла писателя. С помощью такого сквозного кода показана специфика замысла автора, это своеобразный ключевой аккорд в прочтении художественной логики при интерпретации произведения. С символом куделя – ткани из местной растительной культуры льна – в гептологии связаны понятия рода, родной земли, белорусской истории.

В белорусском художественном пространстве одним из самых распространенных является образ василька – травянистого растения, произрастающего на злаковых полях и цветущего синими цветами. В белорусской литературе XX – начала XXI веков образ символизирует красоту родной земли и жизнеутверждающую сущность белорусов. Заслуживает внимания рассмотрение художественного воплощения данного образа в романе В. Гниломедова «Васильки на рубеже», в котором показана жизнь Западной Беларуси в межвоенные двадцатые годы XX столетия. На пороге важных общественно-политических перемен, в своеобразном эпицентре военного противостояния и экономических преобразований показана история белорусской семьи и деревни Пруски.

Рассматривая генезис этого образа, отметим, что в фольклорной традиции образ василька встречается в народных песнях, связанных с сюжетом о мальчике с голубыми глазами Васильке, которого на Русальной неделе заманили в рожь и погубили русалки, превратив его в цветок; это растение упоминается в ряде цветов для свадебного венка невесты. В то же время этнографы и фольклористы, а также литературоведы подчеркивают, что для рассмотрения восприятия образа василька следует обратиться к традиции восприятия этого образа, заложенной в белорусской литературе первой трети XX века. В этом контексте образы колоса и василька показаны в рассказе М. Богдановича «Апокриф» (1913), в котором образ василька характеризует такие черты как жизнерадостность, романтичность, образ колоса – терпение и трудолюбие. В романе «Васильки на рубеже» растительный код связан с семантикой, сформированной в литературной традиции, которая включает символику образа василька в творчестве М. Богдановича. Уместно также отметить отсутствие взаимодействия кодов в романе В. Гниломедова и в фольклорной традиции белорусов (рисунок 1).

Типы «включенности» и «невключенности», где «А» – образ василька в белорусской литературе XX – начала XXI вв.; «В» – включенный код – образ василька в творчестве М. Богдановича, «С» – образ василька в фольклорной традиции белорусов

Рисунок 1. Пример рассмотрения образа василька как плана выражения национального кода в романе «Васильки на рубеже»

Образ василька широко используется в произведениях белорусских писателей (Ядвигин Ш. («Васильки»), М. Богданович («Слуцкие ткачихи»), Я. Пуца («Зоська и Антосик»), М. Лыньков («Васильки»), В. Лукша («Рожь и василек»), А. Зеков («Волошки»), М. Чернявский («Белорусский василек», «Василек»). Смысловую объемность образа василька отмечает Т. Шамякина, утверждая следующее: «Мировые символы вызывают множество ассоциаций, но и национальные символы богаты содержанием. Из них прежде всего – цветок василька («Слуцкие ткачихи»). Василек – вестник голубого неба в золотистом ржаном поле, его небесное происхождение определило и название, которое связано с именем святого Василия, с которого начинался Новый год у православных крестьян <...> слово «василек», по нашей этимологии, означает «сила души»» [\[7, с. 365\]](#).

Культурные коды связаны не только с устоявшимися в коллективном сознании доминантами, их культурными смыслами, но и с яркими образами, которые возникают в процессе творчества. Известно, что акцент на идейную направленность произведения может присутствовать в его названии. Потенциал номинации, представляющей название произведения, направлен на подчеркивание многомерности художественного пространства, репрезентацию ментальной модели в памяти реципиента, насыщение номинации новыми смыслами. Д. Щукина отмечает: «Структурная и семантическая целостность заглавия, обеспечивая существование максимально сжатого представления о прецедентном тексте и минимизированного инварианта его восприятия, апеллирует к прецедентному имени, высказыванию, ситуации. Название начинает функционировать как сложный иконический знак. В результате происходит наложение прецедентного образа, ситуации, моделируемых в рамках художественного текста, и стереотипного представления на основе национально детерминированного образа» [\[8, с. 48\]](#).

Роман В. Гниломедова «Васильки на рубеже» посвящен событиям лета 1930 года – весны 1941 года. В нем показана общественно-политическая жизнь Западной Беларуси в межвоенное десятилетие в условиях польской санации, начала Второй мировой войны, в период объединения Западной и Восточной Беларуси в 1939 году. Название произведения «Васильки на рубеже» символично и многогранно. Территория современной Беларуси с 1921 года, когда был подписан Рижский мирный договор между СССР и Польшей, до 1939 года была разделена границей, и население оказалось в ситуации неопределенности. Васильки, растущие на рубеже, являются олицетворением белорусов, которые чувствуют себя неуютно в приграничной ситуации. В романе показано, что население в этот сложный период оказалось в ситуации бесправия, существовала дискриминация по признаку религиозной принадлежности: православные белорусы имели препятствия в получении земли, им запрещалось занимать государственные должности и работать учителями, белорусский язык не имел

официального статуса и т. д.

Писатель довольно выразительно показывает, что события, разворачивавшиеся на территории западнобелорусских земель, наложили отпечаток на жизнь и повлияли на судьбы жителей Пруски. В вихре событий государственно-политической жизни показан повседневный труд жителей западнобелорусской деревни, не прекращавшийся и в трудное время: люди работали в поле и по хозяйству. Определенные параллели можно провести между изображением васильков во ржи на границе и жизнью белорусов-прусковцев на стыке общественно-политических и социально-экономических интересов. В романе В. Гниломедова «Васильки на рубеже» интерпретация исторических событий показана через изображение жизни крестьянской семьи Леона Кужаля. Мечта о владении собственной землей для него является одной из самых волнующих и важных проблем, ради чего он проходит через ряд жизненных испытаний. Со временем трудолюбивая семья Кужаль получила во владение довольно зажиточную ферму с гумном. Всю свою жизнь Леон трудился ради своей семьи и лучшего будущего для своих родственников (пусть даже не родного по крови своего сына Василя и любимого внука Володика). Работа на земле – основа жизни простого крестьянина. Жизнь в гармонии с землей-кормилицей, сохранение лучших человеческих качеств (трудолюбие, рассудительность, чувство справедливости и достоинства, терпение, сострадание, благоразумие, верность, преданность любви, уважение к ближним, сострадание к попавшим в беду) – основа мировоззрения героя произведения, что созвучно символическому звучанию названия романа «Васильки на рубеже». Писатель подчеркивает, что не только труд на земле и преодоление препятствий объединяют людей, под духовным куполом Отечества воспитывается чувство единства и солидарности на уровне семьи, деревни, белорусского края. Василек символизирует красоту и жизненную силу, дарит надежду на лучшее будущее, олицетворяет белорусов как миролюбивый и трудолюбивый народ.

Выводы

Растительный код относится к одному из базовых культурных кодов, представленных в различных классификациях кодов культуры. Исследователи выделяют следующие его разновидности: дендрологический и фитонимический.

В романах В. Гниломедова «Война», «Васильки на рубеже» растительный код связан с образами вишни, льна, василька, кодовое значение которых продиктовано белорусской литературной традицией. В романе «Война» сломанное вишневое дерево символизирует трагическое положение, в котором оказалась белорусская земля в начале Великой Отечественной войны. Со льном, одним из национальных символов Беларуси, связан образ льняного полотна, символизирующего в романном цикле В. Гниломедова историю семьи, судьбу деревни, исторический путь народа. Код, транслируемый с помощью образа василька в романе «Васильки на рубеже», подчеркивает стойкость, жизнерадостность, духовное начало белорусов.

Библиография

1. Ляшчынская, В.А. Ідыяматыка беларускай мовы ў лінгвакультуралагічным асвятленні. Мінск: РІВШ, 2019. 249 с.
2. Ли Ю., Васильева Г.М. Растительный код культуры в лексике языка (фитонимы). Санкт-Петербург: РГПУ имени А.И. Герцена, 2020. 66 с.
3. Швед І.А. Дэндралагічны код беларускага традыцыйнага фальклору. Брэст: БрДУ імя А. С. Пушкіна, 2004. 301 с.

4. Гніламёдаў У.В. Вайна. Мінск: Беларуская навука, 2014. 628 с.
5. Мусиенко С.Г. Символы суверенной Беларуси. Минск: Беларусь, 2025. 144 с.
6. Гніламёдаў У.В. Валошкі на мяжы. Мінск: Мастацкая літаратура, 2014. 574 с.
7. Шамякіна Т.І. Міфалогія і беларуская літаратура. Мінск: Мастацкая літаратура, 2008. 391 с.
8. Щукина, Д.А. Русская литература XXI века (фрагмент пространства художественного текста). Санкт-Петербург: ЛЕМА, 2019. 158 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет анализа рецензируемой статьи – растительный код в романах В. Гниломедова. Автор вначале туда отмечает, что «растительный код состоит из совокупности культурных значений, связанных с представлениями об их свойствах и характеристиках», «Растительный, или флористический, код культуры представляет собой совокупность культурно обусловленных стереотипных представлений о растениях, их свойствах, признаках или отличительных признаках растений, которые, помимо своих природных свойств, несут функционально значимые для культуры значения». Должная отсылка на имеющиеся источники есть, фактические данные вводятся верно. Автор стремится раскрыть тему объективно, точно, непротиворечиво. Термины введены в текст без искажения коннотаций: например, «Исследователи обращают внимание на символическое значение изображений растений: цветение и плодородие растений символизируют возрождение и жизненную силу, а увядание – упадок и смерть. Кроме того, культурные смыслы, транслируемые с помощью кодов, вбирают в себя семантику, заложенную литературной и фольклорной традиции. Представляет интерес рассмотрение одного из базовых культурных кодов – растительного – в национальной литературе». Стиль работы соотносится с научным стилем, но текст нужно вычитать, устранить недочеты и опечатки: «Следует отметить, что в литературоведении существует два подхода по функциональной значимости культурных кодов в литературном произведении...» и т.д. Примечательно, что в работе не исключается, а сознательно манифестируется литературный контекст; творчество В. Гниломедова сопоставляется не случайно с рядом других авторов, ибо влияние белорусских традиций, связность с родным краем, собственно родной землей открыто и ощутимо. Суждения по ходу работы фактически выверены: например, «дендрологический код в ряде произведений современной белорусской военной прозы связан с семантикой угнетения, порабощения (образ сломанной вишни в романе «Война» В. Гниломедова), стойкости и непоколебимости защитников (образ сосны в романах И. Науменко)», или «сломанная вишня – олицетворенный образ порабощенной девушки – символизирует молодую и прекрасную Беларусь в ее трагическом существовании в начале Великой Отечественной войны» и т.д. Таким образом тема раскрывается полновесно и цельно; задачи исследовательского ключа решаются логически точно. Примеров достаточно, иллюстративный фон объемён: «В романе «Васильки на рубеже» присутствуют сцены, где описан процесс беления льняного полотна: «Осенью белили полотна. Прося складывала полотно гармошкой на коленях, и сложив, несла к реке, мочила, а потом била пряником, расстилала на траве, мяла ногами. Варила луг из древесного пепла и отбеливала в нем полотно, после чего снова слала его на росу, сушила», или «Образ василька широко используется в произведениях белорусских писателей (Ядвигин Ш. («Васильки»), М. Богданович («Слуцкие ткачихи»), Я. Пуца («Зоська и Антосик»), М.

Лыньков («Васильки»), В. Лукша («Рожь и василек»), А. Зеков («Волошки»), М. Чернявский («Белорусский василек», «Василек»). Смысловую объемность образа василька отмечает Т. Шамякина, утверждая следующее: «Мировые символы вызывают множество ассоциаций, но и национальные символы богаты содержанием» и т.д. На мой взгляд, материал целен, самостоятелен, оригинален; его можно использовать в вузовской практике. Выводы по тексту связаны с основной частью: автор обозначает, что «В романах В. Гниломедова «Война», «Васильки на рубеже» растительный код связан с образами вишни, льна, василька, кодовое значение которых продиктовано белорусской литературной традицией. В романе «Война» сломанное вишневое дерево символизирует трагическое положение, в котором оказалась белорусская земля в начале Великой Отечественной войны» и т.д. Общие требования издания учтены, список источников достаточен. Считаю, что статья «Особенности рецепции растительного кода в романах белорусского писателя Владимира Гниломедова «Война», «Васильки на рубеже» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Корнилова А.А., Северина Е.М. Риторика страха в английской литературе XVI–XVII веков на примере выражения great fear: цифровой подход // Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.74387 EDN: MNQXFK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74387

Риторика страха в английской литературе XVI–XVII веков на примере выражения great fear: цифровой подход

Корнилова Александра Андреевна

ORCID: 0009-0009-9822-9295

магистр; институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации; Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, Университетский пер., д. 93

✉ algoncharova@sfedu.ru

Северина Елена Михайловна

ORCID: 0000-0001-6518-2771

доктор философских наук

профессор; кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации; Южный федеральный университет

344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93

✉ emkovalenko@sfedu.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.74387

EDN:

MNQXFK

Дата направления статьи в редакцию:

10-05-2025

Аннотация: В статье исследуется употребление выражения great fear («великий страх») в текстах английской литературы XVI–XVII веков. Анализ сосредоточен на выявлении религиозных и секулярных контекстов, в которых это словосочетание функционировало, а также на осмыслении его значения в английской культуре раннего Нового времени. Исследование основано на материалах корпуса Early English Books Online (EEBO),

охватывающем тысячи англоязычных печатных источников XVI–XVII вв., которые представляют собой проповеди, богословские трактаты, исторические хроники, травелоги, памфлеты, художественные произведения. Такое жанровое разнообразие позволяет проследить диапазон значений выражения *great fear* в текстах как религиозного, так и секулярного характера и выявить закономерности его употребления в культурно-историческом контексте раннего Нового времени. Для выявления особенностей функционирования выражения *great fear* применяются цифровые методы, включая корпусный подход и алгоритмы машинного обучения, что позволяет выделить основные темы и нарративы, связанные с данным выражением. Результаты исследования демонстрируют, что выражение *great fear* употреблялось не только в религиозных текстах, но и в произведениях различных секулярных жанров. Это указывает на то, что выражение приобрело статус устойчивой формулы, применяемой для описания как индивидуальных, так и коллективных переживаний страха в самых разных ситуациях: от реакции на чудо или Божие вмешательство до описания страха перед военной угрозой или личным выбором. В таком широком контекстуальном диапазоне *great fear* начинает функционировать как маркер кризисного состояния, в котором сакральное и светское переплетены. Анализ с применением цифровых методов позволил выявить наиболее частотные библейские ссылки, ассоциируемые с «великим страхом» и тематические кластеры, в которых выражение встречается наиболее часто. Использование цифровых методов для анализа текстов раннего Нового времени представляет новые возможности для исследования динамики религиозного языка и его связи с социо-политическим контекстом эпохи.

Ключевые слова:

великий страх, *great fear*, ЕЕВО, страх Божий, раннее Новое время, христианская культура, цифровые методы, корпусные методы, кластеризация, машинное обучение

«Начало мудрости – страх Господень» (Притч. 1:7) – эта библейская цитата легла в основу одного из главных тезисов христианского богословия: глубокое благоговение перед Богом и признание полной зависимости человека от Него рассматриваются как отправная точка для постижения мира [\[7, p. 96\]](#). Однако теологический статус страха перед Богом двойствен: с одной стороны, страх трактуется как проявление греховного состояния – страх наказания (рабский страх), с другой – как необходимое условие богопознания и выражение благоговения (сыновний страх) [\[1; 5\]](#). В истории христианской мысли страх Божий неоднократно становился предметом переосмысления: от мистического трепета перед «нуминозным» [\[31\]](#) и экзистенциального ужаса перед абсолютным небытием [\[4, с. 39\]](#) до структурирующего принципа веры [\[30\]](#). Таким образом, страх перед Богом глубоко укоренен в христианской этике.

Учитывая значение страха Божия в христианской традиции, мы обратились к новозаветным апокрифам – произведениям христианской литературы, не включенным в канон Нового Завета, как к важному источнику формирования христианского мировоззрения. Несмотря на неканонический статус, новозаветные апокрифы на протяжении веков сохраняли влияние в христианской культуре [\[10, p. 90\]](#).

Для анализа лексической репрезентации понятия «страх Божий» были изучены 43 текста переводов новозаветных апокрифов (I–XIV вв.) на английский язык, выполненных в XIX–XXI вв. Тексты были отобраны с использованием базы данных e-Clavis: Christian

Апросуфа (ЕССА) [\[16\]](#). Каждая запись в базе сопровождается метаданными, включая краткое содержание произведения, информацию о вариантах названия, и др. Английские переводы, отобранные для анализа, были выполнены с греческого (13), коптского (9), латинского (5), сирийского (5), эфиопского (5), грузинского (2), арабского (1), армянского (1), ирландского (1), староанглийского (1) языков.

Для предварительного корпусного анализа и выявления устойчивых словосочетаний в текстах использован корпус-менеджер Voyant Tools [\[32\]](#). Всего обнаружено 28 случаев использования словосочетания *great fear* («великий страх»). При этом в большинстве контекстов (20) употребление данного словосочетания связано с проявлением Божественной силы, когда описываются сверхъестественные явления, чаще всего чудеса, внушающие страх врагам и вызывающие благоговейный страх у верующих.

Примеры:

*"And when those virgins saw the Angel of God talking to Mary they were afraid with **greatfear**"* («И когда те девы увидели Ангела Божьего, говорящего с Марией, то убоялись великим страхом» (прим. здесь и далее перевод автора)) [\[34\]](#)

*"...it came to pass that a **great fear** at first came over them and they were smitten with blindness and afterwards the Lord sent fire from heaven upon them and they were consumed withal"* («... и было так: великий страх сначала нашел на них, и поразило их слепотой, и потом наслал на них Господь огонь с неба, и тот поглотил их») [\[29\]](#).

Однако словосочетание *great fear* также употребляется в контексте, связанном с угрозой жизни (8):

*"And Matthew said, say that whilst was in ship, in **greatfear** by reason of the great waves and billows of violent sea, cloud snatched me from among the billows and set me here"* («И сказал Матфей, что, когда он находился в лодке, в великом страхе от больших волн бурного моря, облако подняло его среди волн, и он оказался здесь») [\[34\]](#)

*"He answered in **great fear** of death, saying to me, 'Hail many times, my beloved son ...'"* («Он, объятый великим смертным страхом, ответил мне: «Радуйся многократно, сын мой возлюбленный...») [\[17\]](#)

Таким образом, в текстах апокрифов выявлены два основных тематических направления, связанных со страхом: страх перед проявлением Божественного (чудеса) и страх смерти.

Для исследования контекстов употребления данного словосочетания за пределами религиозного дискурса были проанализированы несколько английских корпусов. Особый интерес вызвал корпус Early English Books Online (EEBO) – собрание англоязычных текстов с 1475 по 1700 гг. – в этом корпусе выражение *great fear* оказалось не только частотным, но и функционально значимым. Это особенно проявилось в текстах английской литературы XVI–XVII вв. – художественных, религиозных, политических, – когда конфессиональные конфликты, гражданские войны и поиски национальной идентичности актуализировали язык Библии как язык легитимации власти и морали и как код интерпретации реальности для различных социальных групп [\[22, p. 34; p. 52\]](#).

Цель исследования – изучить семантико-прагматические особенности употребления выражения *great fear* в текстах английской литературы раннего Нового времени и выявить его роль в формировании религиозного, политического и социального

дискурсов эпохи.

Методы исследования:

- для работы с корпусом ЕЕВО использовалась платформа Corpus Query Processor (CQRweb) [\[11, 15\]](#), посредством которой были выгружены данные в формате таблицы, включая контекст искомой фразы (200 слов до и после), имя автора, библиографическую ссылку, век и предполагаемую дату публикации, издателя, ключевые тематические термины, место публикации, и др.;
- для обработки и анализа данных использовались библиотеки языка программирования Python (pandas, numpy, spaCy, nltk и др.), что позволило осуществить лемматизацию контекстов и статистический анализ;
- векторизация текстов производилась с использованием статистической меры TF-IDF [\[2, с. 115\]](#); для кластеризации был использован алгоритм машинного обучения K-Means [\[20\]](#); семантические различия между контекстами были визуализированы с помощью алгоритма снижения размерности t-SNE [\[3\]](#).

Анализ корпуса ЕЕВО

В корпус ЕЕВО (v2), поддерживаемый CQRweb, включено 12 284 текста с общим числом токенов – 624 277 146. Для выгрузки данных из корпуса ЕЕВО использовался поисковый запрос *great* fear**, что позволило учесть вариативные орфографические формы, характерные для раннего Нового времени. Использование такой формулы включало иные выражения, например, *greatly fear*, которые также являются значимыми для исследования.

Всего было найдено 3661 вхождение в 1396 текстах. Анализ тематического распределения словосочетания *great* fear** показывает, что наиболее частотным контекстом его употребления становятся исторические хроники Османской (160) и Римской империй (140), Великобритании (96), описания путешествий (144), а также проповеди (53) и труды о христианской аскетике (43).

Анализ контекстов показал, что выражение чаще всего встречается в текстах, описывающих политических врагов христианства, а также в травелогах, в которых речь идет о «чужих мирах». Таким образом, словосочетание *great* fear** чаще употреблялось не столько в религиозных контекстах, сколько в контексте столкновения человека с некоторой угрозой, в качестве которой чаще всего выступали другие религии, общества, формы правления, считавшиеся в Англии раннего Нового несовершенными [\[34, p. 58\]](#). Риторика страха в этих текстах соединяется с идеей *providential history*, где исторические события трактуются как проявление Божьего плана – в протестантской культуре XVI–XVII вв. «история была холстом, на котором Господь запечатлел Свои цели и намерения» [\[35, p. 3\]](#). Диахронический анализ контекстов корпуса ЕЕВО показал, что в исторических хрониках и травелогах выражение *great fear* появляется эпизодически – преимущественно за счет крупных по объему текстов и концентрированных всплесков, а в христианской литературе, в том числе в проповедях, оно характеризуется достаточно последовательным употреблением на протяжении XVI–XVII вв.

Таким образом, выражение *great fear* оказывается формулой страха одновременно и религиозного, и историографического дискурса.

Тематические сдвиги в использовании формулы *greatfear*

Первое употребление *greate feare* в корпусе зафиксировано в переводе с французского Маргарет Бофорт, матери Генриха VII, аскетической книги «The Mirroure of Golde for the Sinfull Soule» (1506), где страх упоминается в контексте страха вечных мук:

*"Beholde my dere frende: of howe greate parell thou myghtest delyuer the: and howe **greatefeare** thou myghtest flee: yf in this worlde: thou be fearefull and thynkyng of deth: study to lyfe soo in this worlde that at the houre of deth: thou mayste haue more cause to reioyse thenne to drede"* («Узри, мой дорогой друг: сколь великой беды ты мог бы избежать и от какого великого страха мог бы освободиться, если бы ты, пребывая в сем мире, страшась кончины и памятуя о ней, подвизался устроить жизнь свою, дабы в час смертный имел ты более причин для ликования, нежели для трепета и ужаса») [23]

В 1520-е гг. *great feare* достаточно часто употребляется в исторических хрониках, например, в книге «Here begynneth the first volum of sir Iohan Froyssart of the cronycles of Englande, Fraunce, Spayne, Portyngale, Scotlande, Bretayne, Flau[n]ders: and other places adioynunge» (1523, перевод с французского) эта формула используется для описания страха за жизнь:

*"other in the power of theyr frendis / or in the power of theyr ennemies: on the: iiii: day they toke forth theyr way in the aduenture of god / and of saynt george / as suche people as hadde suffred great disease of colde by nyght and hunger and **great feare**"* («Будучи то ли во власти своих друзей, то ли преданными в руки врагов, на четвертый день они отправились в путь, вверив себя на милость Бога и святого Георгия, как люди, потерпевшие великие тяготы от ночной стужи, голода и великого страха») [18]

Однако с публикацией Библии Уильяма Тиндейла (1534) и Майлса Ковердейла (1538) выражение приобретает явно религиозный оттенок. М. Ковердейл использовал *great fear* в своих переводах – например, в трактате, в котором говорится о страхе врагов Бога:

*"but be rather peyered, peruerse, & myndlesse: Yee and they become enemies of god by the lawe: whereby they be broughte to **greater feare**, than can wel be swaged and redressed againe by gods worde"* («но напротив, они ослеплены, развращены, безрассудны. Да, они становятся врагами Божиими через Закон, который вместо спасения приводит к столь великому страху, что их уже не утешить и не исцелить словом Божиим») [12]

В Женевской Библии (издание 1599) – самой популярной Библии елизаветинской эпохи [25, p. 67] – *great fear* встречается 15 раз: 7 – в самом тексте (Сон Исаака (Быт. 27:33), о казнях Египетских (Втор. 4:34), страх перед Богом (Втор. 34:12, Дан. 10:7), страх перед Божьим чудом (Лк. 8:37), страх после лицемерия Божьего наказания (Деян. 5:5, 5:11), страх Божьих врагов (Откр.11:11)); 8 из них – в комментариях и заголовках переводчиков.

Итак, на первый взгляд *great fear* ассоциируется с темами смерти, чуда и наказания в рассматриваемом корпусе текстов. Однако его употребление демонстрирует не прямой перенос религиозной риторики в секулярный контекст, а сложное переплетение сакрального и светского прочтения истории, в котором события продолжают трактоваться как проявления Провидения.

Использование словосочетания *greatfear* в религиозном контексте

Чтобы проследить, как использовалась формула *great* fear** для обозначения

религиозного страха, использованы регулярные выражения для обнаружения ссылок на Библию, которые цитировались или перефразировались в непосредственной близости от выражения *great* fear** в контексте.

Женевская Библия стала первым английским изданием, в котором текст был систематически разделен на стихи для облегчения работы с конкордансами; кроме того, в нее были включены краткие заголовки и протестантские комментарии [27, p. 456]. В 1640-х, после падения цензуры, радикальные религиозные группы получили неограниченный доступ к печати [22, p.19] и использование библейских цитат значительно увеличилось.

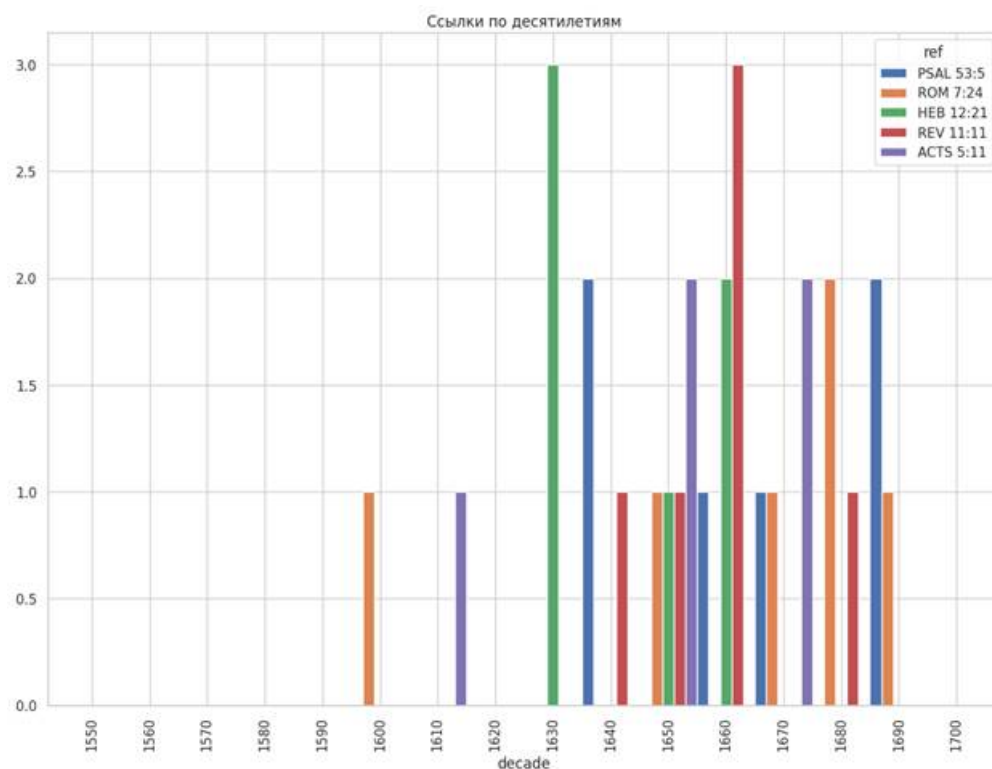

рис.2

Наиболее часто цитируемыми текстами оказались следующие (рис. 2):

- Пс. 53:5 (7 упоминаний) (в греческой нумерации – 52:6) – стих о страхе нечестивцев перед наказанием Божьим, согласно толкованиям Женевской Библии [19, p. 577]. Его популярность возрастает в периоды политических и религиозных кризисов с 1630–1680-е годы.
- Откр. 11:11 (6 упоминаний) – стих, описывающий воскресение двух Свидетелей. В Англии середины XVII века этот стих приобрел особую значимость благодаря движению магглтонцев: в начале 1650-х годов портные Джон Рив и Лодовик Магглтон объявили себя двумя последними Свидетелями, предсказанными в Откр. 11:11 [22, p. 241]. Пик цитирования данного стиха приходится на 1660-е годы. Возможно, это связано как с отложенным отражением события в литературе, так и с трудностями выявления упоминаний в 1650-х годах из-за вариативного правописания в текстах того времени.
- Рим. 7:24 (6 упоминаний) – плач о «теле смерти», выражающий внутреннюю борьбу с грехом. Всплеск цитирований приходится на конец 1670-х годов, что может быть связано с публикацией произведения Джона Буньяна «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» (1678), в которой автор не раз ссылается на этот стих.

· Евр.12:21 (6 упоминаний) – описание трепета Моисея на горе Синай, упоминаемое в контексте сопоставления Ветхого и Нового Заветов. Понятие завета занимало центральное место в реформатском богословии Англии XVII века, в котором заключение завета как знак избранности народа [22, p. 273-274]. Цитирование данного стиха повышается накануне гражданской войны в 1630-х годах.

· Деян. 5:11 (5 упоминаний) – описание благоговейного страха, охватившего членов ранней Церкви после проявления Божественного суда – так интерпретировала этот фрагмент Женевская Библия [19, p. 1099]. Этот стих впервые появляется в библейском словаре 1610-х годов и затем стабильно цитируется в 1650–1670-х годах.

Анализ графика распределения библейских ссылок по десятилетиям показывает, что наибольшее количество цитирований сосредоточено в период религиозной и политической нестабильности – с десятилетия перед гражданской войной (1630-е) до окончания кризисного периода – Славной Революции (конец 1680-х).

Семантическая кластеризация контекстов употребления словосочетания *greatfear*

Для более глубокого понимания типов контекстов, в которых встречается выражение *great* fear**, была проведена кластеризация текстовых данных методом K-means на основе векторизации TF-IDF. Всего было выделено пять кластеров, для каждого были выделены первые десять слов, отражающие доминирующие темы и библейские ссылки, использующиеся в контекстах. Для визуализации семантических различий между контекстами применено снижение размерности с помощью алгоритма t-SNE. На графике (рис. 3) каждая точка представляет отдельный контекст, а ее цвет отражает принадлежность к соответствующему кластеру.

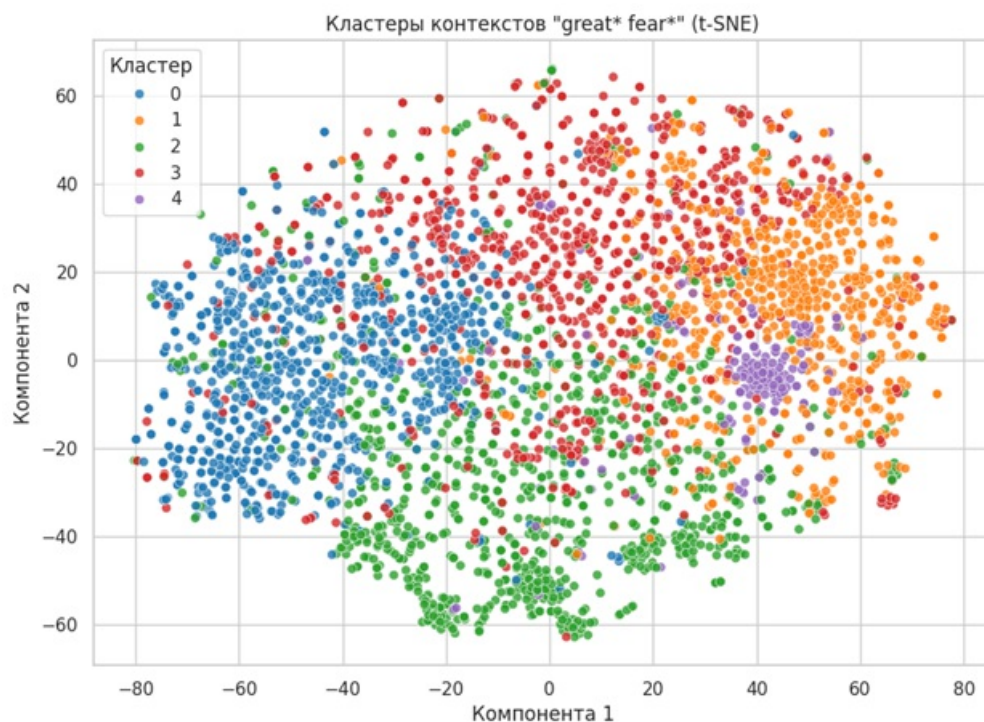

рис. 3

· Кластер 0 (военная угроза):

Лексика кластера указывает на описание военных действий: *king* (король), *army* (армия), *city* (город), *enemy* (враг), *soldier* (солдат), *war* (война), *turks* (турки), *town* (город).

Контексты отражают ситуации сражений, осад и борьбы за территории: "...if the enemy had not retired from the walles in **great feare**, we could not, but with great hazard, have entred..." («...если бы враг в великом страхе не отступил от стен, мы не вошли бы, не подвергнув себя величайшей опасности...») [28]

"...Now when the Turks were come to the foot of the mountaine, they were in that **great feare** and disorder..." («...Когда же турки достигли подножия горы, их охватил столь великий страх и смятение...») [24]

Библейские отсылки, встречающийся в этих контекстах отсылают к ветхозаветным войнам: Исх. 17:8 (битва с амаликитянами), Исх. 11:1 (объединение царей против Израиля), 1 Царств. 5:1 (пленения Ковчега Завета).

· Кластер 1 (Божий страх):

Кластер, расположенный в крайней правой части графика, отличается высокой однородностью. Лексемы *god* (Бог), *lord* (Господь), *sin* (грех), *faith* (вера), *heart* (сердце), *holy* (святой) указывают на проповеднические тексты:

"When the Lord appeared unto the Patriarchs, Prophets, and Apostles... he used commonly to send before some **great fear**..." («Когда Господь являлся патриархам, пророкам и апостолам... Он, как правило, предварял Свое явление великим страхом...») [6]

"...the office of the lawe... to teache vs our offences and to set before our eyes the **great feare** of God..." («...предназначение Закона... обличать нас в наших согрешениях и явить нашему взору великий страх Божий...») [13]

Частотные библейские ссылки, упоминавшиеся выше, (Рим. 7:24, Евр. 12:21, Откр. 11:11, Деян. 5:11) отражают темы осознания греховности, необходимости благочестия, что характерно для проповедей.

· Кластер 2 (экзистенциальный страх):

На графике – центральная часть с большой дисперсией точек, отражающая разнообразные контексты использования выражения *great fear* – от травелогов до куртуазных романов. Здесь слова связаны с самым разным контекстом: *come* (приходить), *sea* (море), *ship* (корабль), *knight* (рыцарь), *place* (место), *time* (время), и скорее отражает канву повествования романа.

"...how can any of vs liue but in **great feare**, seeing that so many waies and times we are deceived by you..." («...как может кто-либо из нас жить иначе, как не в великом страхе, видя, сколь столькими путями и столь часто мы бываем обмануты вами...») [14]

"the Watch-man came to the Seasid ... hee was in great feare of loosing of his life" («Страж подошел к морскому берегу...его объял великий страх за свою жизнь...») [9]

В контекстах данного кластера есть разнообразные одиночные ссылки на Библию: преследование врагов (Пс. 69:4), притча о блудном сыне (Лк. 15:25), описание землетрясения (Откр.16:20), что свидетельствует о включении религиозных тем в более секулярные нарративы.

· Кластер 3 (личный страх):

На графике смешивается с предыдущими классами. Здесь страх скорее является

ответной реакцией на сильные внутренние переживания: *man* (человек), *think* (думать), *love* (любить), *know* (знать), *life* (жизнь).

"*Great things are attended with great Cares, and **great Fears**.*" («Великим делам сопутствуют великие тревоги и великие страхи») [\[8\]](#)

"...now was I in **greater fear** then before, for I had lately escaped hanging for theft..." («И охватил меня страх еще более великий, чем прежде, ибо лишь недавно я избежал виселицы за воровство») [\[21\]](#)

Связанные библейские ссылки – житейские наставления из книги Притч (6:27, 20:25), ужас Иова (Иов. 3:25), призыв к Богу избавить от врагов (Пс. 141:5), просьба Авраама к Богу не истреблять Содом (Быт.18:27), что подчеркивает темы страха перед личной ответственностью и моральным выбором.

· Кластер 4 (страх перед будущим):

На графике – маленький кластер «внутри» кластера 1. Вероятнее всего, контексты из проповеднических текстов с акцентом на пророчества, эсхатологические ожидания.

"How shall not euery creature then shake and stand in **great feare**? And if then the floud of fyre did not ouerflow the worlde..." («Как же не содрогнется и не встанет в великом страхе вся тварь? И если в тот час пламенный потоп не поглотил вселенную...»)

[Holsome and catholyke doctryne concerninge the seuen Sacramentes of Chrystes Church expedient to be knowen of all men, 1558]

"some of them shall be stricken with so **great feare** and trembling , and shall be so destitute of all hope and trust , that they shall suppose themselves to be reprobate , and vtterly excluded from the diuine mercy" («Некоторые из них были поражены столь великим страхом и трепетом, и лишатся всякой надежды и упования, что сочтут себя отверженными и всецело отлученными от божественного милосердия») [\[26\]](#)

Наиболее частотные ссылки – Иез. 37:4, Рим. 7:19, 2 Пет. 3:9, Ис. 9:6 – связаны с темами будущего воскресения, покаяния и ожидания Мессии.

Кластеризация показала, что использование выражения *great* fear** в английских текстах XVI–XVII вв. охватывает широкий спектр тем – от коллективного страха перед врагами до экзистенциальных переживаний верующих. Это отражает сложное использование риторики страха в религиозных и секулярных нарративах.

Выводы

Проведенное исследование показало, что выражение *great fear* («великий страх») в английских текстах XVI–XVII веков использовалось в различных нарративах – переводах и комментариях Библии, проповедях, травелогах, исторических хрониках, т. е. становилось неотъемлемым элементом риторики страха. Если на уровне переводов апокрифической литературы *great* fear** преимущественно маркирует Божественное присутствие, объединяя страх наказания с благоговейным трепетом, то в корпусе ЕЕВО данное выражение интегрируется в светские нарративы.

Кластеризация контекстов показала использование словосочетания *great* fear** в следующих нарративах: описания военных конфликтов, текстах проповедей секулярных сюжетах, переживаниях о личной ответственности, а также эсхатологических ожиданиях.

Таким образом, анализ *great fear* продемонстрировал сложное взаимодействие религиозных и светских нарративов. Использование цифровых методов открывает новые пути для междисциплинарного изучения религиозного дискурса, позволяя глубже понять его роль в социокультурных трансформациях в историческом контексте.

Библиография

1. Августин Блаженный. Тракта́т на Евангелие от Иоанна.
2. Осипова Ю.А., Лавров Д.Н. Применение кластерного анализа методом k-средних для классификации текстов научной направленности // Математические структуры и моделирование. 2017. № 3 (43). С. 108-121. DOI: 10.24147/2222-8772.2017.3.108-121 EDN: ZIAIKN.
3. Соболева Е.Д., Попова И.А., Попова А.А. Визуализация многомерных наборов данных при помощи алгоритмов снижения пространства признаков PCA и T-SNE // StudNet. 2020. № 11. С. 982-1004. EDN: QHYDHY.
4. Тиллих П. Мужество быть / пер. с англ. О. Седаковой. М.: Дух и Литера, 2013. 200 с.
5. Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II-II. Вопросы 1-46 / пер. и комм. С.И. Еремеева. Киев: Ника-Центр, 2011. 576 с.
6. Allestree R. The whole duty of mourning and the great concern of preparing our selves for death, practically considered. 1695.
7. Bartholomew C.G., Goheen M.W. The Drama of Scripture: Finding Our Place in the Biblical Story. 2nd ed. Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2014. 272 p.
8. Baxter R. A posing question. London, 1662.
9. Berners J.B. The ancient, honorable, famous, and delighfull historie of Huon of Bourdeaux. 1601.
10. Cameron A. Christianity and the Rhetoric of Empire: The Development of Christian Discourse. Berkeley: University of California Press, 1992. 275 p.
11. Corpus Query Processor (CQPweb) [Электронный ресурс]. URL: <https://cqweb.lancs.ac.uk/> (дата обращения: 05.05.2025).
12. Coverdale M. A goodly treatise of faith, hope, and charite. 1537.
13. Cranmer T. Catechismus, that is to say, a shorte instruction into Christian religion. 1548.
14. Diego Ortúñez de Calahorra. The third part of the first booke, of the Mirrour of knighthood. Trans. R. P. 1586.
15. Early English Books Online (EEBO V2): powered by CQPweb [Электронный ресурс]. URL: https://cqweb.lancs.ac.uk/eebo_v2/ (дата обращения: 05.05.2025).
16. e-Clavis: Christian Apocrypha [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nasscal.com/e-clavis-christian-аpocrypha/> (дата обращения: 05.05.2025).
17. Ehrman B.D., Pleše Z. The Apocryphal Gospels: Texts and Translations. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. 624 p.
18. Froissart J. Here begynneth the first volum of sir Iohan Froyssart. Trans. Berners J.B. 1523.
19. Geneva Bible: 1599 Edition. Patriot's Edition. Tolle Lege Press, 2010. [Reprint].
20. Hamed M.A.R. Application of Surface Water Quality Classification Models Using Principal Components Analysis and Cluster Analysis // Journal of Geoscience and Environment Protection. 2019. № 7. С. 26-41.
21. Head R. The English rogue continued in the life of Meriton Latroon. 1680.
22. Hill C. The English Bible and the Seventeenth-Century Revolution. London: Penguin Books, 1995. 480 p.
23. Jacobus de Gruytrode. The mirroure of golde for the synfull soule. Trans. Margaret Beaufort. 1506.

24. Knolles R. The generall historie of the Turkes. 1603.
25. Long L. Vernacular Bibles and Prayer Books // The Oxford Handbook of English Literature and Theology / Eds. R. MacSwain, E. Jay. Oxford: Oxford University Press, 2007. С. 67-83.
26. Luis de Granada. The sinners guyde. Trans. Meres Francis. 1598.
27. McMullin B.J. The Bible Trade // B: The Cambridge History of the Book in Britain. Vol. 4: 1557–1695 / Eds. J. Barnard, D.F. McKenzie. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. С. 140-166.
28. Monro R. Monro his expedition vvith the vvorthy Scots Regiment. 1637.
29. Morris R., ed. The Blickling Homilies. Early English Text Society, o.s. 58, 63, 73. London: Oxford University Press, 1874–1880; repr. в 1 томе 1967. 392 с.
30. Murray J. Principles of Conduct: Aspects of Biblical Ethics. Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1957. 272 p.
31. Otto R. The Idea of the Holy. Trans. by J.W. Harvey. Oxford: Oxford University Press, 1958. 239 p.
32. Rockwell G., Sinclair S. Voyant Tools [Электронный ресурс]. 2016. URL: <http://voyant-tools.org/> (дата обращения: 05.05.2025).
33. Sharpe K. Remapping Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 496 p.
34. Wallis Budge E.A., ed. Legends of Our Lady Mary, The Perpetual Virgin and Her Mother, Hanna. London: Martin Hopkinson and company, Ltd., 1922. 317 p.
35. Walsham A. Providence in Early Modern England. Oxford: Oxford University Press, 2001. 406 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи - риторика страха в английской литературе XVI–XVII веков. На мой взгляд, данная тема достаточно интересна, актуальна, да и исследований в этой области не так много. Точечно ориентир сделан на выражение *great fear*. Автор отмечает, что «для анализа лексической репрезентации понятия «страх Божий» были изучены 43 текста переводов новозаветных апокрифов (I–XIV вв.) на английский язык, выполненных в XIX–XXI вв. Тексты были отобраны с использованием базы данных e-Clavis: Christian Apocrypha (ECCA)». В целом работа академически верна, жанровые позиции выдержаны; привлекает внимание умелая аналитическая оценка наработанных примеров, которых тоже достаточно. Например, «*And when those virgins saw the Angel of God talking to Mary they were afraid with greatfear*» («И когда те девы увидели Ангела Божьего, говорящего с Марией, то убоялись великим страхом» (прим. здесь и далее перевод автора)) [34] или «*...it came to pass that a great fear at first came over them and they were smitten with blindness and afterwards the Lord sent fire from heaven upon them and they were consumed withal*» («... и было так: великий страх сначала нашел на них, и поразило их слепотой, и потом наслал на них Господь огонь с неба, и тот поглотил их») [29]» и т.д. Цель исследования достигается планомерно, с учетом выбранной методологии: «для обработки и анализа данных использовались библиотеки языка программирования Python (*pandas*, *numpy*, *spaCy*, *nlTK* и др.), что позволило осуществить лемматизацию контекстов и статистический анализ; векторизация текстов производилась с использованием статистической меры TF-IDF [2, с. 115]; для кластеризации был использован алгоритм машинного обучения K-Means [20]; семантические различия между контекстами были визуализированы с помощью

алгоритма снижения размерности t-SNE [3]». На мой взгляд, работа может быть примером активной работы с языковым материалом в рамках цифровых принципов. Собственно этим и определяется научная новизна исследования. Стиль статьи соотносится с научным типом: например, «анализ контекстов показал, что выражение чаще всего встречается в текстах, описывающих политических врагов христианства, а также в травелогах, в которых речь идет о «чужих мирах». Таким образом, словосочетание *great* fear** чаще употреблялось не столько в религиозных контекстах, сколько в контексте столкновения человека с некоторой угрозой, в качестве которой чаще всего выступали другие религии, общества, формы правления, считавшиеся в Англии раннего Нового несовершенными [34, р. 58]. Риторика страха в этих текстах соединяется с идеей *providential history*, где исторические события трактуются как проявление Божьего плана – в протестантской культуре XVI–XVII вв. «история была холстом, на котором Господь запечатлел Свои цели и намерения», или «для более глубокого понимания типов контекстов, в которых встречается выражение *great* fear**, была проведена кластеризация текстовых данных методом K-means на основе векторизации TF-IDF. Всего было выделено пять кластеров, для каждого были выделены первые десять слов, отражающие доминирующие темы и библейские ссылки, использующиеся в контекстах. Для визуализации семантических различий между контекстами применено снижение размерности с помощью алгоритма t-SNE. На графике (рис. 3) каждая точка представляет отдельный контекст, а ее цвет отражает принадлежность к соответствующему кластеру» и т.д. Обобщение полученных данных автор «укладывает» в графики, схемы. На мой взгляд, для лингвистической работы это весьма уместно. В целом структура работы имеет законченный вид, содержательный уровень информативен и точен. Аналитическая составляющая данного труда высока; варианты комментария даются научно, объективно: например, «на графике смешивается с предыдущими классами. Здесь страх скорее является ответной реакцией на сильные внутренние переживания: *man* (человек), *think* (думать), *love* (любить), *know* (знать), *life* (жизнь). „Great things are attended with great Cares, and great Fears.“ («Великим делам сопутствуют великие тревоги и великие страхи») [8] „...now was I in greater fear then before, for I had lately escaped hanging for theft...“ («И охватил меня страх еще более великий, чем прежде, ибо лишь недавно я избежал виселицы за воровство»)». Выводы по текстам созвучны основной части, противоречия не выявлены. В финале автор отмечает, что «анализ *great fear* продемонстрировал сложное взаимодействие религиозных и светских нарративов. Использование цифровых методов открывает новые пути для междисциплинарного изучения религиозного дискурса, позволяя глубже понять его роль в социокультурных трансформациях в историческом контексте». Основные требования издания учтены, материал можно использовать на практике. Рекомендую статью «Риторика страха в английской литературе XVI–XVII веков на примере выражения *great fear*: цифровой подход» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Минова М.В., Казимирова И.С., Копылова Е.В., Желамская В.А., Шмарев Д.С. Фразеологическая продуктивность: способы образования новых фразеологизмов на базе существующих единиц в современных французском и испанском языках // Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.74284 EDN: MQNCOY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74284

Фразеологическая продуктивность: способы образования новых фразеологизмов на базе существующих единиц в современных французском и испанском языках

Минова Мария Владимировна

ORCID: 0000-0003-3554-1272

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иностранных языков; Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36

✉ mariaminova543@gmail.com

Казимирова Ирина Сергеевна

кандидат педагогических наук

доцент кафедры иностранных языков № 3; Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

117997, Россия, г. Москва, пер. Стремянный, 36

✉ irinacasimirova@yandex.ru

Копылова Елена Викторовна

ORCID: 0000-0003-4818-0453

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных языков № 3; Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

117997, Россия, г. Москва, пер. Стремянный, 36

✉ kopylova_ev@mail.ru

Желамская Вера Анатольевна

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3; Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

117997, Россия, Москва, г. Москва, пер. Стремянный, 36

✉ zhelamskaya.va@rea.ru

Шмарев Дмитрий Сергеевич

старший преподаватель кафедры иностранных языков № 3; Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

117997, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36

✉ SHmarev.DS@rea.ru

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.74284

EDN:

MQNCOY

Дата направления статьи в редакцию:

30-04-2025

Аннотация: Целью данной статьи является систематизация и анализ основных механизмов, посредством которых происходит расширение фразеологического состава языка. Актуальность исследования обусловлена динамичным характером фразеологической системы и ее способностью к адаптации к изменяющимся социокультурным условиям. В статье рассматривается феномен фразеологической продуктивности в современных французском и испанском языках. Фразеологическая продуктивность понимается как способность языка создавать новые устойчивые выражения, обогащая словарный состав и отражая динамичные изменения в культуре и обществе. Предметом исследования в работе выступают способы образования новых фразеологизмов на базе уже существующих единиц. На конкретных примерах из современных французского и испанского языков демонстрируется, как эти процессы приводят к появлению новых фразеологизмов, отражающих современные реалии и тенденции. В ходе проводимого исследования использовались такие методы, как анализ теоретической литературы, дескриптивный метод, метод сплошной выборки, метод анализа словарных дефиниций, компонентный анализ лексических единиц, а также наблюдение и обобщение. Научная новизна исследования заключается в выявлении того, как процессы фразеологической деривации отражают динамику социокультурных изменений и способствуют актуализации языковых стереотипов в массовом сознании. Проведенный анализ демонстрирует, что фразеологическая продуктивность является важным индикатором креативности и гибкости современных французского и испанского языков, а также свидетельствует об их способности быстро реагировать на вызовы времени. Статья также затрагивает вопросы нормативности и стилистической окраски новых фразеологизмов. Результаты исследования вносят вклад в понимание механизмов языковой динамики и процессов, определяющих развитие фразеологии французского и испанского языков, и могут быть использованы в лексикографии, лексикологии и переводоведении, а также в практике преподавания французского и испанского языков как иностранных.

Ключевые слова:

фразеологизмы, фразеологические единицы, фразеологическая продуктивность, фразеологизмы-дериваты, фразеологическая неологизация, способы образования

фразеологизмов, третичная номинация, языковые прототипы, французский язык, испанский язык

Настоящая статья посвящена исследованию динамики развития фразеологического фонда современных французского и испанского языков с акцентом на способах образования новых фразеологических единиц на базе уже существующих.

В своей работе мы опираемся на определение фразеологизмов А. В. Кунина, согласно которому фразеологическими единицами являются «устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением, то есть с осложненной семантикой, и не образующиеся по порождающей структурно-семантической модели переменных сочетаний» [\[1, с. 89\]](#).

Ввиду того, что новые фразеологизмы не образуются по определенным структурно-семантическим моделям, исследование фразеологической продуктивности представляется достаточно сложной лингвистической проблемой. Действительно, семантика фразеологизмов не бывает заранее задана по определенной модели, каждое новообразованное словосочетание фразеологического характера, характеризующееся обобщенно-образным переосмыслением, потенциально может иметь несколько положительных или отрицательных коннотированных значений. В этом смысле можно сказать, что «они немоделируемые образования» [\[2, с. 46\]](#).

Фразеологизмы могут быть близки по структуре и компонентному составу, но отличаться по семантике, поскольку заданность содержания в их структуре отсутствует. В этой связи А. Г. Назарян справедливо отмечает: «Непрогнозируемость значения в данном случае объясняется тем, что переосмысление как форма семантического преобразования связанная с прямым смысловым сдвигом, не позволяет предугадать семантический результат фразеологизации, ибо он является, как правило, произвольным» [\[3, с. 47\]](#).

Фразеологическая продуктивность представляет собой способность слов и словосочетаний образовывать фразеологизмы, обогащая словарный состав языка и отражая динамичные изменения в культуре и обществе.

При этом, как подчеркивают Л. К. Парсиева и Л. Б. Гацалова, «отличие фразеологической неологизации от лексической состоит во вторичности номинации» [\[4, с. 171\]](#). Действительно, в отличие от лексических неологизмов и новых словосочетаний, возникающих в терминологических системах, фразеологические неологизмы называют в большинстве случаев не новое, а уже давно известное понятие.

Вместе с тем иногда происходит даже третичная номинация. Сущность ее заключается в том, что от фразеологизмов, уже являющихся единицами вторичной номинации, образуются фразеологизмы-дериваты, значения которых зачастую не детерминированы значениями их фразеологических прототипов.

Особенности образования новых устойчивых словосочетаний фразеологического и нефразеологического характера неоднократно привлекали внимание лингвистов на материале разных языков: английского [\[5; 6; 7\]](#), французского [\[2; 8; 9; 10\]](#), испанского [\[11\]](#), русского [\[12; 13; 14\]](#) и других.

Однако проблема образования новых фразеологизмов третичной номинации на базе уже существующих единиц до настоящего времени не получила достаточного освещения в

современной лингвистике.

В качестве материала для сопоставительного анализа способов образования новых фразеологизмов на базе существующих единиц были выбраны два родственных, но культурно и структурно различных языка – французский и испанский. Выбор данных языков позволяет выявить как универсальные, так и уникальные механизмы фразеологической деривации в рамках романских языков. Кроме того, современные французский и испанский языки представляют собой две крупные и влиятельные романские языковые системы, каждая из которых обладает богатейшей фразеологической традицией и высокой степенью фразеологической продуктивности, что создает широкую эмпирическую базу для анализа.

Представляется важным отметить, что «несмотря на оригинальность фразеологизмов, их образование в языке опирается на определенные образцы» [\[15, с. 41\]](#).

Проведенный нами анализ фактического материала, полученного методом сплошной выборки из текстов художественных произведений, Интернет-СМИ, периодических изданий, словарей, текстов песен, блогов и сайтов, позволил выявить наиболее продуктивные способы образования новых фразеологизмов на основе уже существующих единиц в современных французском и испанском языках.

К первому способу образования новых фразеологизмов мы относим образование с заменой одного или нескольких компонентов фразеологической единицы другими, связанными между собой по смыслу.

Так, фразеологический неологизм **guerre chaude** /досл. с фр. горячая война/, что обозначает 'вооруженный конфликт в активной стадии противостояния', образовался по аналогии с унилатеральным фразеологизмом **guerre froide** /досл. с фр. холодная война/ – 'состояние враждебности между двумя государствами, которое, однако, не доходит до вооруженного столкновения', путем замены компонента, выраженного прилагательным **froide** /фр. холодная/, другим связанным с ним по смыслу компонентом **chaude** /фр. горячая/, который является его антонимом. Например:

- *Ils anticipent les contours de la «guerre chaude» qui s'annonce en analysant les défis auxquels les forces armées seront confrontées et la façon dont elles pourront contribuer à le relever.* (Cairn.info: Sciences Humaines et Sociales, <https://shs.cairn.info/la-guerre-chaude--9782724638103?lang=fr>)

- *Corne d'Afrique: la nouvelle guerre chaude?* (Les Yeux du Monde: Actualité internationale et géopolitique, 02/05/2018)

Несколько позднее по аналогии с данными фразеологизмами образовался другой унилатеральный фразеологизм **guerre tiède** /досл. с фр. теплая война/ – переходное состояние между «холодной» и «горячей» войнами, то есть 'назревающий конфликт'. Например:

- *Après la «guerre froide», bienvenue dans l'ère de la «guerre tiède».* (Le Points, 23/09/2023)

- *La «guerre tiède» entre autocraties et «Occident collectif».* (Le Monde, 10/11/2023)

При этом все три компонента (*froide, chaude, tiède*) связаны между собой по смыслу, обозначая температурное восприятие.

В испанском языке с середины XIX века, когда в Европе появились первые поезда, существовал фразеологизм ***estar como para parar un tren*** /досл. с исп. *быть таким, что поезд остановится*/ в значении 'обладать чем-то в большом количестве, быть наделенным чем-то в избытке' (например, *Me has puesto mucha comida en el plato! Hay comida como para parar un tren!*), от которого образовался новый фразеологизм ***estar como un tren*** /досл. с исп. *быть как поезд*/, который стал означать 'быть очень привлекательным внешне (о человеке)'. Данный новый фразеологизм возник в испанском языке в середине 2000-ых годов по аналогии с уже существовавшим испанским фразеологизмом, также содержащим название транспортного средства, ***estar como una moto*** /досл. с исп. *быть как мотоцикл*/, который означает 'быть вздрюченным, быть на нервах' по аналогии с газующим мотоциклом. Возникает вопрос, каким образом произошло данное образное переосмысление, поскольку очевидно, что в большинстве случаев грязные, неприятно пахнущие поезда дальнего следования и чрезвычайная внешняя привлекательность плохо коррелируются между собой. На наш взгляд, появление этого образного сравнения объясняется тем, что именно в 2001 году сеть испанских высокоскоростных железных дорог AVE /сокращение от исп. *Alta Velocidad Española*/ – аббревиатура, которая одновременно обыгрывает слово *Ave* /исп. *ave* – птица/, изображенное на логотипе компании, и содержит имплицитную метафору «высокоскоростные поезда – быстрые и прекрасные как птицы в полете», заказала у немецкой фирмы Siemens поезда AVE Серии 103. Высокоскоростные поезда новой серии пришли на замену поездам AVE Серии 102 (или Тальго 350), имевшими не слишком презентабельный вид из-за своего необычного аэродинамического дизайна — передняя часть локомотива напоминает утиный клюв, за что эти поезда даже были прозваны испанцами Пато (исп. *pato* – утка). В отличие от них поезда нового поколения имеют очень эффектный и привлекательный внешний вид, что и послужило основанием для метафорического переноса значения. Новый фразеологизм ***estar como un tren***/досл. с исп. *быть как поезд*/ со значением 'быть очень привлекательным внешне (о человеке)' был впервые зарегистрирован испаноязычными словарями в 2004 году [16, p. 648].

Второй способ заключается в образовании новых фразеологизмов путем замены одного из компонентов фразеологической единицы другим, не связанным с ним по смыслу.

Новообразованный фразеологизм ***bain de foule*** /досл. с фр. *ванна из толпы*/ 'непосредственный контакт государственного деятеля с народом во время его официальных поездок по стране' затем послужил отправной точкой для образования фразеологизма-деривата ***bain de langue*** /досл. с фр. *языковая ванна*/ в значении 'погружение в языковую среду', речь идет о поездках по обмену в страну изучаемого языка с целью совершенствования владения иностранным языком через общение с его носителями, а также так обозначается методика обучения иностранному языку без опоры на родной язык, когда даже новая лексика дается без перевода с помощью картинок-иллюстраций, либо дефиниций. Например:

- *Le prochain bain de langue se déroulera dans les locaux de l'EAV, 1, rue basse, samedi 11 décembre.* (École des Arts Vivants, <https://www.artsvivants.info/blog/prochain-bain-de-langue-eav>)

- *Dans ce deuxième article de cette série nommée: «Pour un bain de langue optimal en classe», nous allons aborder des thématiques qui concernent le professeur: la programmation et l'emploi du temps de classe.* (Occitan classe bilingüe, <https://occitanclassebilingue.wordpress.com/2020/07/06/pour-un-bain-de-langue-optimal-en-classe-2-amenager-le-temps-et-les-apprentissages/>)

- *Un bain de langue permettra non seulement d'améliorer son accent, mais aussi son vocabulaire et surtout son écoute.* (Blog no made, <http://blognomade.com>europe/nomade-grande-bretagne/>)

В основе как фразеологизма **bain d e foule**, так и возникшего с ним по аналогии устойчивого выражения **bain d e langue**, лежит образ, вызванный метафорическим переосмыслением первого компонента *bain/ фр . ванна/*. Этот образ вызывает представление о ванне, в которую погружаются ради купания или лечения. Потенциальная сема «погружение» актуализируется и выдвигается в этих фразеологизмах на первый план, происходит сдвиг денотативной соотнесенности на основе ассоциативного признака (*погружение*) с объекта первичной номинации (*ванна*) на объект вторичной номинации (*толпа и языковая среда* соответственно). Происходит замена архисемы и сдвиг денотативной соотнесенности сходных понятий, в результате чего каждый раз актуализируется сема «погружение, соприкосновение».

В настоящее время мы наблюдаем, как фразеологизм-дериват **bain de langue** претерпевает различные виды трансформаций, включающие:

а) расширение его состава, например:

- *Pendant une semaine, les enfants sont plongés dans unbaintotaldelangueanglaise à travers des activités culturelles, sportives et artistiques.* (Ville de Paris, 03/01/2025)

- *Un grand bain de langue salée. La chronique théâtre de Jean-Pierre Léonardini. Nous voici de retour à la source du théâtre, dans son bel et simple appareil.* (l'Humanité, 25/06/2018)

б) замену компонента *de langue* на схожее по значению прилагательное *linguistique* (**le bain linguistique**) или на название конкретного языка (**le bain du français, le bain de l'anglais, etc.**), например:

- *Le bain linguistique était donc offert au rythme d'une demi-journée en français langue seconde, pendant toute l'année scolaire.* (Revue canadienne des langues vivantes, 1997. Vol. 60, n° 3, p. 373)

- *Il est vrai que la maîtrise d'une langue étrangère nécessite du temps et de la patience. Cependant, l'efficacité d'un bain linguistique n'est plus à prouver.* (Fan Education Agency, <https://faneducation.com/sejours-linguistiques-a-letranger/>)

- *Se mettre dans le bain du français... L'Institut international d'études françaises (IIEF) s'adresse à des étudiants internationaux.* (Savoir(s), 02/05/2017, <https://savoirs-archives.unistra.fr/formation/objectif-langues/se-mettre-dans-le-bain-du-francais/index.html>)

Отметим, что вышеупомянутые трансформации фразеологизма **bain de langue** затрагивают лишь его форму, но не содержание, поскольку принципиально не видоизменяют его основное значение 'погружение в языковую среду'.

В качестве испаноязычного примера образования новых фразеологизмов путем замены одного из компонентов ФЕ другим, не связанным с ним по смыслу, можно привести поговорку **Al mal tiempo, buena casa** /досл. с исп. В плохое время (имей) хороший дом/, образованную в 2020 году от классической испанской поговорки **Al mal tiempo, buena cara** /досл. с исп. В плохое время (делай) хорошее лицо/ - 'Делать хорошую мину при плохой игре', когда весь мир в целом и испанцы в частности сидели по своим домам и квартирам на локдауне из-за эпидемии Covid-19. Новый фразеологизм был образован

путем замены последнего компонента *cara* /исп. *лицо*/ в испанской паремии ***Al mal tiempo, buena cara*** на созвучное с ним слово *casa* /исп. *дом*/, и таким образом значение паремии изменилось на 'Мой дом – моя крепость, в плохие времена – свой дом лучше всего'. Например:

- #EstamosContigo. *Al mal tiempo, buena cara y ibuena casa!* (AD México y Latinoamérica, 03/01/2020)

Другой пример – одноименный подкаст на платформе Deezer *Al Mal Tiempo Buena Casa* (Al Mal Tiempo Buena Casa, <https://www.deezer.com/ru/show/2597102>)

Также сидевшие в то время на карантине жизнелюбивые латиноамериканцы придумали по аналогии с ***Al mal tiempo buena casa*** другой новый фразеологизм – ***Al mal tiempo buena salsa*** /досл. с исп. *В плохие времена (будем танцевать) сальсу*/ в значении 'В плохие времена не нужно унывать, а лучше танцевать сальсу', заменив компонент *cara* на *salsa* /исп. (латиноамериканский танец) *сальса*/. Эта новая паремия, например, нашла отражение в словах одноименной песни популярной испаноязычной группы *Orchestra Fuego* – ***Al Mal Tiempo, Buena Salsa*** – из их альбома 2021 года *Baila Mi Salsa* (Orchestra Fuego, <https://orchestrafuego.bandcamp.com/track/al-mal-tiempo-buena-salsa>).

К третьему способу относится образование новых фразеологизмов путем добавления компонентов к устойчивым словосочетаниям нефразеологического характера с их дальнейшей фразеологизацией.

Так, на базе устойчивого словосочетания ***machine à voter*** /досл. с фр. *машина, аппарат для голосования*/, означающего 'электронное устройство для голосования и подсчета голосов на выборах', появился фразеологизм ***machine à habiter*** /досл. с фр. *машина для жилья*/ – 'комплекс высотных многоэтажных зданий, не предоставляющий условий для нормальной человеческой жизни' – путем структурной замены компонента *voter* /фр. *голосовать*/ в устойчивом словосочетании ***machine à voter*** другим компонентом *habiter* /фр. *жить, обитать*/. Первоначально устойчивое словосочетание ***machine à habiter*** было введено в обиход знаменитым французским архитектором первой половины XX века, пионером архитектурного модернизма и функционализма, Ле Корбюзье /фр. *Le Corbusier*/, который провозгласил: "*Une maison est une machine à habiter La maison doit être l'écrin de la vie, la machine du bonheur*" [17] как отражение его концепции идеального жилья, и носило ярко выраженную положительную коннотацию. Однако в процессе употребления этого нового фразеологизма произошла трансформация его переносного метафорического значения: если в начале XX века дом, представляющий собой целый жилой комплекс, представлялся архитекторам и обывателям идеальным местом для удобной жизни, то впоследствии значение фразеологизма ***machine à habiter*** стало ассоциироваться на основе общности понятийного признака с 'человекином, местом без минимального комфорта, в котором жить долго невозможно'. И здесь легко прослеживается уже отрицательное оценочное значение. Например:

- *Maisons de rêves ou machines à habiter* (Persée, 1994, https://www.persee.fr/doc/keryl_1275-6229_1994_act_3_1_886)

Унилатеральный фразеологизм ***vivre en circuit fermé*** /досл. с фр. *жить в замкнутом кругу*/ со значением 'жить за счет собственных (или местных) средств, довольствоваться малым' появился на основе устойчивого словосочетания нефразеологического характера ***circuit fermé*** /пер. с фр. *замкнутый круг, замкнутый контур (какой-либо системы)*/ путем добавления к нему компонента *vivre* /фр. *жить*/. Данный фразеологизм получил во французском языке резко отрицательное коннотативное значение.

- *Du moment qu'on avait l'habitude de vivre et de se mourir en circuit fermé donc de se contenter de peu, on n'était guère plus touché par des restrictions que ce qu'on avait été nantis, jadis par l'abondance.* (J. Carrière, L'épervier de Maheux, 1972)

- *C'est le fameux matheux qui nous suggérait de vivre en circuit fermé.* (Business News TN, 07/03/2023)

Испанское устойчивое словосочетание **dar el brazo** /исп. подать руку, дать руку/ после прибавления к нему компонента **a torcer** /исп. крутить, скручивать, перекручивать, выкручивать/ стало базой для образования нового фразеологизма **dar el brazo a torcer** /досл. с исп. дать руку, чтобы ее повернули, вывернули/ в значении 'сдаться; поддаться давлению; не устоять перед трудностями' на основе образного переосмысления спортивной реалии из армреслинга. Действительно, в данном виде спорта соперники ставят локти на стол, сцепляют ладони и стараются пересилить друг друга, а проигравшим считается тот из двух участников соревнования, которому соперник смог так надавить на руку и выкрутить ее, чтобы уложить ее на поверхность стола. Также в испанском языке существует вариант данного фразеологизма с отрицательной частицей *no* /исп. не/ и с антонимичным ему значением – **no dar el brazo a torcer** /досл. с исп. не дать кому-л. повернуть, вывернуть себе руку/ в значении 'не сдаться; не поддаться давлению; устоять перед трудностями; гнуть свою линию, стоять на своем'. Например:

- *A José le encanta conducir, pero le convencí de viajar a Granada en tren y finalmente dio su brazo a torcer. ¡Ya tenemos los billetes!* (Como pez en el habla, <https://comopezenelhabla.com/podcast/180-dar-el-brazo-a-torcer/>)

- *Se fue sin dar el brazo a torcer, protestando inocencia, y todavía tratando de convencer al yerno de que había sido víctima de una confabulación política.* (Gabriel García Márquez, El amor en los tiempos del cólera)

- *No dan el brazo a torcer; siguen adelante con el plan previsto.* (Revista Digital Para Estudiantes de Español Avanzado, <https://www.espanolavanzado.com/significados/3382-dar-el-brazo-a-torcer-significado>)

- *¿Y vosotros de qué bando sois, de los que dáis vuestro brazo a torcer o de los que no? Espero vuestros comentarios!* (Vlogger: Expresiones españolas para Erasmus en apuros, 10/12/2007, <https://expresionesyrefranes.com/2007/12/10/>)

Четвертый способ сводится к образованию новых фразеологизмов путем заимствования фразеологических единиц из других языков.

Фразеологические заимствования – это результат взаимовлияния и взаимообогащения различных языков. Они являются важным, хотя и не основным, источником пополнения фразеологического фонда современных французского и испанского языков.

Образование новых словосочетаний фразеологического характера путем заимствования из других языков связано с калькированием, то есть «буквальным пословным переводом иноязычного оборота, воспроизводящего его внутреннюю форму и смысл» [3, с. 274]. Калькирование новых словосочетаний фразеологического характера может быть полным и частичным.

Однако специфика образования новых фразеологизмов путем калькирования состоит в том, что их перенесение в систему французского и испанского языков «сопровождается обобщенно-образным семантическим переосмыслением всего словосочетания» [9, с. 10].

Анализ фактического материала показал, что наибольшее число калькированных фразеологизмов заимствуется современными французским и испанским языками из английского языка. Это обусловлено тем, что «ярко выраженной тенденцией последних десятилетий является заимствование англоязычной лексики другими языками в условиях социальноэкономической, политической и культурной интеграции, происходящей в процессе глобализации в современном мире» [18, с. 130]. При этом «большинство публикаций, посвященных теме глобализации в языке, рассматривают данную проблему с позиции экспансии доминирующего языка в мировые лингвокультуры» [19, с. 51]. Как следствие, возникает вопрос о том, «что собой представляют особенности лингвокультурных взаимодействий в условиях глобализации: языковую экспансию или естественное развитие языка» [20, с. 440].

Интересно отметить, что английские фразеологизмы практически всегда заимствуются обоими рассматриваемыми романскими языками.

Так, например, в результате буквального перевода с английского фразеологизма **the cherry on the cake** /досл. с англ. вишенка на торте/ во французском языке образовалась калька **la cerise sur le gâteau**, а в испанском – **la guinda del pastel**, которые используются в значении 'бонус, дополнительное преимущество; финал какой-либо ситуации, работы; последние, завершающие штрихи; приятное (или неприятное) дополнение к чему-либо'. Например:

- *Ce week-end, vous recevrez deux fois plus de points de sublimation sur Neverwinter. Et, cerise sur le gâteau, nous vous offrons également une réduction de 15% sur tous les objets de Sublimation du ZEN Market!* (Arc Games, 09/02/2017)

- *Il y a un de tes cousins qui te propose de partir en week-end. Il te dit: «Ah, ça va être cool ! On a réservé un chalet à la montagne, on a prévu plein d'activités. On va faire du vélo, il va faire super beau. On est un groupe de cinq très bons amis. Ça va être génial. Et la cerise sur le gâteau, c'est qu'il y a une piscine près du chalet».* (Français Authentique, 24/05/2020, <https://www.francaisauthentique.com/la-cerise-sur-le-gateau/>)

- *Incluyo en ese acervo atractivo el legado artístico de Gaudí, que es, casi literalmente, la guinda del pastel urbanístico barcelonés.* (Barcelona Metropolis, <http://www.barcelonametropolis.cat/es/page.asp?id=21&ui=68>)

- *La novedosa función de lectura web es la guinda del pastel, un signo de innovación y de asistencia técnica Knowhow.* (LinguaTec, 2019, <http://www.linguatec.es/lectura-web/>)

При этом в испанском языке имеется свой собственный фразеологизм исп. **la miel sobre hojuelas** /досл. с исп. мед на блинчиках/ с аналогичным значением – “para expresar que una cosa añade a otra nuevo realce o atractivo” [21, <https://dle.rae.es/miel?m=form>].

Также приведем в качестве примера англоязычный авторский фразеологизм **the Global Village**, /досл. с англ. глобальная деревня/. Образное переосмысление данного устойчивого словосочетания отражает гипотезу канадского социолога и культуролога Герберта Маршалла Мак-Льюэна /англ. Herbert Marshall McLuhan/ о мире как о «глобальной деревне» (“Global Village”), которую он выдвинул еще в 1968 году [22], предсказав, задолго до появления Интернета и мобильной связи, развитие коммуникации в современном обществе в сторону глобализации. Данный англоязычный фразеологизм со значением 'планета Земля как взаимосвязанный и глобализованный

мир' послужил базой для образования во французском языке фразеологизма **le village mondial** и в испанском языке **la aldea global**. Например:

- *Comment nous sommes devenus les idiots du village mondial* (Causeur, 30/06/ 2022)
- *La desinformación en la aldea global como forma de conocimiento* (El Credo de la Aldea Global, 2016, <https://core.ac.uk/download/pdf/71054802.pdf>)
- *En la aldea global, incluso, las cuestiones simbólicas pueden tener más valor que las reales.* (Definicion.de, <https://definicion.de/aldea-global/>)

С английского фразеологизма **the zero growth** /досл. с англ. нулевое развитие/, означающего 'сознательное сдерживание темпов все возрастающего технического и экономического прогресса во имя сохранения существующего порядка вещей и во избежание серьезных кризисов и социальных конфликтов', скалькировано французское устойчивое словосочетание фразеологического характера **la croissance zéro** и испанский фразеологизм **el crecimiento cero**. Например:

- *La croissance zéro est fille des politiques de relance, de déficits, de dettes souveraines.* (Contrepoints, 07/09/ 2011)
- *Croissance zéro? Pas pour tout le monde!* (Jacques Attali, 17/02/2014, <https://www.attali.com/economie-positive/croissance-zero-pas-pour-tout-le-monde/>)
- *Por otro lado, las posibilidades reales de una economía de crecimiento cero y sus implicaciones prácticas parecen, hoy por hoy, una quimera.* (Utrans, 19/05/2016, <https://www.utrans.global/es/desarrollo-economico-local-crecimiento-cero/>)
- *En lugar de buscar el crecimiento económico continuo, la teoría del crecimiento cero busca una economía estable y sostenible.* (Teoría Online, <https://teoriaonline.com/teoria-crecimiento-cero/>)

По сравнению с полными фразеологическими кальками нам встретилось сравнительно небольшое количество фразеологических полукалек.

В качестве примера можно привести французский фразеологизм **faire un come-back (/comeback)** и испанский фразеологизм **hacer un comeback**, образованные с помощью полукальки от англ. **make a come back** в значении 'оправляться после неудачи, взять реванш', в котором англицизм *come back* выступает в своей оригинальной форме. Например:

- *7 façons de faire son come-back en chanson* (Les Echos, 29/04/2016)
- *Pour un artiste ou un groupe, faire un comeback est généralement très risqué.* (Hedayat Music, 07/02/2020)
- *Claro está, debemos evitar llegar a tener que hacer un comeback a toda costa, y vivir una vida activa y saludable por siempre.* (WordPress.com, 08/06/2018)

Заимствованные из английского языка с помощью калек и полукалек новые фразеологизмы несомненно способствуют развитию и обогащению системы современных французского и испанского языков. Появление большого количества фразеологических калек объясняется тем, что они выражают необходимые понятия, которые раньше могли выражаться во французском и испанском языках только пространственными объяснениями или англицизмами.

Наряду со словосочетаниями очень часто английскими прототипами фразеологизмов во французском языке являются сложные слова, что свидетельствует о том, что калькирование теснейшим образом связано со спецификой языка, например, **count-down** /досл. с англ. счет по убывающей, обратный отсчет/ > **compte à rebours** в значении 'последние приготовления перед важным, решающим событием'; **brainwash** /досл. с англ. промывка мозгов/ > **laver le cerveau** в значении 'заставить кого-то поверить во что-то, многократно повторяя ему, что это правда, и не давая другой информации дойти до него'; **brain-drain** /досл. с англ. утечка мозгов/ > **la fuite des cerveaux** в значении 'процесс массовой эмиграции, при которой из страны или региона уезжают высококвалифицированные специалисты по политическим, экономическим, религиозным или иным причинам'. Например:

- *19 organisations de défense des droits humain: Le «compte à rebours» des décideuses européennes pour sauver le droit d'asile* (EuroMed Rights, 06/12/2023)

- *"Comment un homme peut se faire laver le cerveau en si peu de temps ?" Un ancien camarade d'université de Najim Laachraoui, qui s'est fait exploser à l'aéroport de Bruxelles mardi, a exprimé son incompréhension, décrivant un jeune homme qui n'était ni "un tueur" ni "débile".* (France 3 Régions, 25/03/2016)

- *Alors que les superpuissances américaine et chinoise, les États-nations anglo-saxons et est-asiatiques ainsi que les multinationales se livrent une guerre mondiale des cerveaux, notre pays en déclin éducatif n'arrive pas à enrayer la fuite de ses cerveaux.* (La Revue Politique et Parlementaire, 07/07/2023)

- *La fuite des cerveaux français: un tissu de mensonges ou un phénomène très sérieux?* (Figaro Emploi, 10/02/2024)

- *L'Europe peine à enrayer la fuite des cerveaux* (Le Monde, 18/12/2024)

Представляется важным отметить выявленную нами тенденцию, когда появившиеся в русском языке фразеологические неологизмы заимствуются современными французским и испанским языками не напрямую, а опосредованно – через английский язык.

Например, вошедший в обиход в России начала 2000-х фразеологизм **офисный планктон** с ярко выраженной негативной коннотацией, с помощью которого в отечественных СМИ стали обозначать 'особый тип офисных работников, которые вместо того, чтобы развиваться как специалисты, обучаться, реализовывать заложенный потенциал, добиваться новых целей и достигать трудовых рекордов, на работе просто убивают время, создавая лишь видимость профессиональной деятельности', было калькировано английским языком в начале 2010-х как **office plankton** и официально зарегистрировано с аналогичным значением британским словарем "Collins Dictionary" в 2013 [23, <https://www.collinsdictionary.com/submission/11243/Office+plankton>].

Вскоре после этого данный калькированный фразеологизм стал употребляться в том же значении и во французском языке – фр. **plancton de bureau**, например:

- *Alors, quel type d'employés ne sera jamais promu: 1) Le "plancton de bureau". Le travailleur de bureau passif est un l'est régulier de nombreuses organisations. Ces personnes errent d'une entreprise à l'autre, sans s'arrêter nulle part plus d'un an. Mais certaines sous-espèces de "plancton" peuvent rester au même endroit pendant des décennies.* (CleverControl, 03/12/2016, <https://clevercontrol.com/fr/7-types-employees-never-get-promoted/>)

Описание картинок на французских сайтах фотостоков:

- *Plancton de bureau. La crevette drôle en verres travaille sur un ordinateur portable* (Dreamstime, <https://fr.dreamstime.com/image-stock-plancton-bureau-image31600561>)
- *Modèle Sans Couture De Plancton De Bureau. Fonctionnaires Stupides* (https://fr.123rf.xn--comphoto_97218282_modle-sans-couture-de-plancton-de-bureau-fonctionnaires-stupides-dans-l-illustration-vectorielle-de-ibk.html/)

Мем на картинке с сайта *iStock*:

- *Évolution Du Bureau: LePlanctonDeBureau Se Transforme En Patron Crevettes En Bourdonnement* (iStock, <https://www.istockphoto.com/fr/vectoriel/%C3%A9volution-du-bureau-le-plancton-de-bureau-se-transforme-en-patron-crevettes-en-gm619087014-107918117>)

В современном испанском языке нам также встретился данный опосредованно калькированный из русского языка через английский язык фразеологизм – исп. **plancton de oficina**, например:

- *Búsqueda de empleo y cómo entrar en las filas del plancton de oficina* (r/vyrai, 2024, <https://www.reddit.com/r/vyrai/comments/1c7qd8o/es/>)
- *Multicooker es el mejor amigo del plancton de oficina* (<https://style.techinfus.com/es/1469>)

Также, на наш взгляд, особый интерес в рамках данного исследования представляют кальки французских фразеологизмов в современном испанском языке и, наоборот, вошедшие во французский язык кальки испанских фразеологизмов.

Так, в качестве примера калькирования французских фразеологизмов испанским языком можно привести исп. **alegría de vivir** /от фр. *joie de vivre* – досл. *радость жизни*/ – 'искусство наслаждаться жизнью; жить в моменте, замечая каждую счастливую деталь'. Первоначально широкую известность во французском языке данный фразеологизм-прототип получил в конце XIX века благодаря одноименному роману Эмиля Золя /фр. *Émile Zola*/ из серии «Ругон-Маккары». Например:

- *La alegría de vivir: El gozo de disfrutar la vida al máximo* (Colegio de Psicólogos, 20/04/2025, <https://colegiodepsicologossj.com.ar/la-alegria-de-vivir-psicologia/>)
- *La alegría de vivir se encuentra en la capacidad de apreciar y valorar cada momento, de enfrentar la adversidad con esperanza y de conectar genuinamente con nosotros mismos y con los demás.* (Federación Kamira: Federación de Asociaciones de Mujeres Gitanas, 05/12/2024, <https://federacionkamira.es/la-alegria-de-vivir/10-claves-para-encontrar-la-felicidad/>)
- *La alegría de vivir. Todos los caminos conducen a lidiar con la forma de ver el mundo de los otros y aceptarlo en buena lid es la base de la socialización sana y la vida en equilibrio en el contexto de una sociedad* (El Universal, 05/05/2020, <https://www.eluniversal.com/el-universal/69370/la-alegria-de-vivir>)

Другой пример образования новых фразеологизмов в испанском языке путем калькирования французских фразеологизмов – это исп. **niño terrible** /от фр. *enfant terrible* – досл. *ужасный ребенок*/ в значении 'человек, который ведет себя как несносный ребенок; человек, выходящий за рамки общепринятого поведения, делающий

неуместные замечания, ставящий других в неловкое положение своей бестактной непосредственностью'. Во Франции широкое распространение данное выражение получило после публикации художником-карикатуристом Полем Гаварни /фр. Paul Gavarni/ серии литографий «Ужасные дети» /фр. «Les Enfants Terribles», 1838-1842/, однако в этот период оно употреблялось в прямом значении и представляло собой устойчивое словосочетание нефразеологического характера. Фразеологизации данного устойчивого словосочетания способствовал роман «Les Enfants Terribles» 1929 года французского сюрреалиста Жан Кокто /фр. Jean Cocteau/. Например:

- «*Nadie podía creerlo, hijita, anulamos al mejor jugador del mundo y todo gracias al Niño Terrible», añadió mi papá al devolverme esta foto. Cuando mencionó al Niño Terrible pensé que se refería a Jaime Bayly, pero luego supe que hablaba de Roberto Challe, el entrenador de Perú en las eliminatorias para México* 86. (El Comercio, 21/05/2024)

- *Las mejores travesuras de Roberto Chale iel niño terrible del fútbol peruano!* (Liberio, 2023, <https://youtu.be/-T1qfxsfNb0?si=e8OMtgXUp9dGu2Kf>)

- *La trágica historia de Canserbero, el "niño terrible" del rap que fue asesinado por su exmánager* (Opinión, 30/12/2023)

Еще один испанский фразеологизм – исп. **el monstruo sagrado** – заимствован из французского языка путем калькирования фразеологизма фр. **monstre sacré** /досл. с фр. *священное чудовище, священный монстр*/. Так во Франции называют 'известную личность, достигшую выдающихся успехов в определенной области и которую немногие осмеливаются критиковать'. Обычно речь идет о людях с долгой карьерой и уникальной личностью. Данный фразеологизм обязан своим возникновением французскому поэту и драматургу Жану Кокто /фр. Jean Cocteau/, который ввел его в обиход благодаря своей комедийной пьесе «Les Monstres Sacrés», впервые поставленной в 1940 году. Например:

- R.W. Fassbinder, *el monstruo sagrado* (Historia Hoy, 10/06/2023)

- *Depardieu, el monstruo sagrado del cine que divide Francia políticamente* (El Debate, 31/12/2023)

Также приведем примеры образования во французском языке новых фразеологизмов путем заимствования через калькирование испанских фразеологизмов

Так, например, французский фразеологизм **le sang bleu** – калька с испанского **la sangre azul** /досл. с исп. *голубая кровь*/ в значении 'люди/человек благородного, дворянского, аристократического происхождения; элита'. Первоначально так называли себя аристократические семьи испанской провинции Кастилии, гордившиеся тем, что их предки никогда не вступали в смешанные браки с маврами и другими народами со смуглым оттенком кожи. Также полагают, что в выражении **la sangre azul** подразумевается, что у людей со светлым оттенком кожи вены, просвечивая сквозь кожу, имеют голубоватый цвет, отчего создается впечатление, что у них по венам бежит не красная, как у всех, голубая кровь. Этого не наблюдается у людей со смуглой кожей как, например, у простолюдинов, которые, в отличие от испанской знати, были вынуждены много работать под открытым солнцем и, как следствие, были очень сильно загорелыми. Отсюда возник метонимический перенос значения с частного на целое, в результате которого в испанском языке образовался данный фразеологизм. Например:

- *Ainsi lui Jacques l'Aumône se trouvait être de sang non seulement bleu mais royal. À sa majorité, il hérite du château d'Amboise et ne tarde pas à se marier avec la fille du roi*

d'Italie. (R. Queneau, Loin de Rueil, 1944)

– *Bien sûr, acquiesça Pia. Quand on a du sang bleu, on apprend ces détails primordiaux par cœur, en même temps que le gotha*. (N. Neuhaus, Flétrissure, 2011)

Другой пример калек испанских фразеологизмов во французском языке – это ***la cinquième colonne***, образованный через калькирование испанской фразеологической единицы ***la quinta columna*** /досл. с исп. *пятая колонна*/ с переносным значением 'внутренний противник или враг; «ждуны», затаившиеся предатели'. Происхождение данного фразеологизма в испанском языке восходит к временам Гражданской войны в Испании 1936-1939 гг. Наступая со своей армией на республиканский Мадрид, генерал франкистской армии Эмилио Мола /исп. Emilio Mola/, передал по радио обращение к населению испанской столицы. Он сказал в нем, что помимо имеющихся в его распоряжении четырех армейских колонн, он располагает еще пятой колонной, в самом Мадриде, которая в решающий момент ударит с тыла. Эта пятая колонна состояла из высокомотивированных сочувствующих генералу Франко граждан, проживающих в Мадриде. Эти граждане из пятой колонны, как свидетельствует история, внесли такое смещение в ряды обороняющихся в Мадриде республиканцев, что нанесли им вреда больше, чем четыре армейские колонны франкистов. В результате франкистами была одержана стремительная победа, предопределившая итог данной войны [25, p. 317]. Например:

– *La cinquième colonne israélienne* (Réseau International, 15/09/ 2018)

– *Or cette prétendue cinquième colonne de la démocratie occidentale est fortement hétéroclite* (PhB Web, 2024, <https://phbweb.eu/les-cinquiemes-colonnes/>)

Как видно из вышеприведенных примеров, все заимствованные этими двумя языками друг у друга фразеологизмы этимологически носят ярко выраженный культурно-обусловленный характер.

Как уже отмечалось выше, спецификой фразеологизмов является то, что они могут одновременно образно именовать и эмоционально характеризовать предмет или явление, именно поэтому они образно экспрессивны и в большинстве своем эмоционально оценочны, то есть одни из них могут выражать отрицательное отношение говорящего к объекту речи или явлению действительности, другие выражают положительное отношение.

Фразеологическая система современных французского и испанского языков находится в постоянном развитии, а процессы образования новых фразеологизмов отражают не только внутренние законы языка, но и внешние культурные и социальные изменения. Изучение этих процессов позволяет глубже понять как динамику языка, так и механизмы языкового мышления

Таким образом, проведенное исследование основных механизмов деривации новых фразеологизмов на базе существующих единиц показало, что фразеологическая продуктивность в современных французском и испанском языках является сложным и многогранным процессом. На материале франкоязычных и испаноязычных печатных и электронных СМИ, художественных произведений, текстов песен, а также различных Интернет-ресурсов были выявлены наиболее продуктивные способы образования новых фразеологических единиц на основе уже существующих, среди которых доминируют: замена одного или нескольких компонентов фразеологизма другими, связанными между собой по смыслу; замена одного компонента фразеологизма другим, не связанным по

смыслу с предыдущим; добавление компонентов к различного рода устойчивым словосочетаниям; образование новых фразеологизмов путем заимствования из других языков через калькирование. Основное внимание уделяется выявлению и классификации механизмов, посредством которых происходит трансформация и модификация исходных фразеологических единиц, отражающих как сохранение традиционных факторов, способствующих активному пополнению фразеологического фонда современных французского и испанского языков, так и адаптацию к современным тенденциям. Среди рассматриваемых способов фразеологической продуктивности – семантический сдвиг, когда существующее выражение приобретает новое значение, часто метафорическое или метонимическое; фразеологическое калькирование, подразумевающее заимствование структуры и значения из другого языка; использование элементов интертекстуальности (аллюзии, цитирование), а также различные виды трансформаций, включающие расширение или сокращение состава, замену ключевых компонентов на актуальные реалии и переосмысление внутренней формы. Новые фразеологизмы зачастую приобретают значения, которые не всегда предсказуемы на основе прототипа. Это связано с метафорическим переосмыслением и переносом значений, а также с влиянием культурных и социальных реалий. Все новые фразеологизмы обладают большой выразительной силой. В большинстве своем фразеологизмы оценочны, хотя и имеются фразеологизмы с невыраженной оценкой, служащие лишь для образной номинации, причем для анализируемых фразеологизмов характерна социально-эмоциональная оценочность. Сопоставительный анализ французского и испанского языков выявил как универсальные, так и уникальные механизмы фразеологической деривации, что подчеркивает богатство и разнообразие фразеологической системы романских языков. Результаты исследования важны для лексикографии, преподавания иностранных языков, а также для понимания процессов языкового творчества и культурной динамики.

Библиография

1. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд., стер. / А. В. Кунин. Дубна: Феникс+, 2005. 479 с. EDN: QRSDHN.
2. Минова Н. П. Новообразованные устойчивые словосочетания во французском языке: дис. ... канд. филол. наук. / Н. П. Минова. М., 1987. 169 с.
3. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. / А. Г. Назарян. М.: ЁЁ Медиа, 2012. 288 с.
4. Парсиева Л. К., Гацалова Л. Б. Особенности фразеологических неологизмов / Л. К. Парсиева, Л. Б. Гацалова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 9-3. С. 171-172. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=5910> EDN: SMFLDF.
5. Ковальчук С. С. К вопросу о продуктивных способах образования фразеологических единиц в английском языке / С. С. Ковальчук // Language & Science. 2015. № 4. URL: <https://elib.utmn.ru/jspui/handle/ru-tsu/21333>.
6. Рахматуллаева Н. Г. Фразеологическая неология: о концептуализации новых явлений в политической жизни (на материале английского языка) / Н. Г. Рахматуллаева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 8 (799). С. 134-141. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37100880> EDN: РРҮКҮР.
7. Рыжкина Е. В. Некоторые особенности терминологической и фразеологической номинаций в аспекте неологии (на материале современного английского языка) / Е. В. Рыжкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета.

2011. № 625. С. 19-28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17335251> EDN: OPJ AQF.
8. Кирсанова М. М. К вопросу об интерпретации образных неологических сочетаний публицистических текстов (на материале французского языка) / М. М. Кирсанова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 1. С. 80-87. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42572040> DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-80-87 EDN: FRPICV.
9. Минова Н.П., Казимирова И.С., Мамукина Г.И., Федорова А.В., Супрунов С.Е. Калькирование англоязычных устойчивых словосочетаний как один из продуктивных способов заимствования в современном французском языке // Филология: научные исследования. 2020. № 2. С. 1-14. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.2.32352 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32352
10. Соколова Г. Г., Харитонов И. В. Фразеобразование в современном французском языке. / Г. Г. Соколова, И. В. Харитонов. М.: МПГУ, 2020. 244 с. EDN: OODUJO.
11. Гончаренко Т. В. Новые фразеологизмы как средство экспрессии в языке испанской молодежи / Т. В. Гончаренко // Современные гуманитарные исследования. 2006. № 2 (9). С. 164-171. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11662199> EDN: JVFHTD.
12. Баско Н. В. Фразеологические инновации русского языка в эпоху коронавируса // Преподаватель XXI век. 2022. № 2. Часть 2. С. 395-408. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-395-408 URL: <http://prepodavatel-xxi.ru/sites/default/files/395408.pdf> EDN: QCIFLU.
13. Достонов Д. Фразеологическая неология: особенности и роль в современном русском языке / Д. Достонов // Молодая наука: актуальные вопросы экономики и управления, права, психологии и образования. сборник научных статей ежегодной Всерос. научно-пр. конф. молодых ученых "Дни науки БГИ" (с междунар. участием). С.-Пб., 2024. С. 77-79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80325184>.
14. Цицкун В. В. Потенциальные фразеологизмы в аспекте синхронного фразеобразования (на материале русского языка) / В. В. Цицкун // Пушкинские чтения - 2021. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Мат. XXVI Междунар. научн. конф. Отв. ред. Т. В. Мальцева. С.-Пб., 2021. С. 303-313. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46424433> EDN: ZYDKVT.
15. Минова М.В., Мамукина Г.И., Казимирова И.С., Долгова Е.Г., Федорова А.В. Образование новых фразеологизмов как словотворчество // Филология: научные исследования. 2022. № 6. С. 40-53. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.6.38232 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38232
16. Diccionario de la lengua española. Madrid: ESPASA Calpe, S. A., 2004. 695 p.
17. Agostini L. Le Corbusier, père de la machine à habiter / L. Agostini // IDEAT. 01/10/2023 URL: <https://ideat.fr/le-corbusier-pere-de-la-machine-a-habiter/>.
18. Минова М.В. Морфологическая ассимиляция англицизмов в процессе их интеграции в современный французский язык // Филология: научные исследования. 2019. № 1. С. 129-143. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.1.29271 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29271
19. Гуревич Л. С. Глобальные процессы в языке: предрекают ли они скорую гибель классического английского? / Л. С. Гуревич // Языковые процессы в эпоху глобализации: материалы международного научного семинара. 2016. С. 51-56. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27482357> EDN: XDKHTH.
20. Гуревич Л. С. Особенности лингвокультурных взаимодействий в условиях глобализации: языковая экспансия или естественное развитие языка / Л. С. Гуревич // Язык. Коммуникация. Перевод. Материалы X Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. 2016. С. 440-449. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37147827> EDN: ZAILGP.
21. DLE.RAE: Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española. Madrid ©

- Real Academia Española, 2025. URL: <https://dle.rae.es/contenido/actualización-2025>.
22. McLuhan M., Fiore Q. War and Peace in the Global Village. / M. McLuhan, Q. Fiore. N.Y.: Bantam, 1968.
23. Collins Dictionary. Copyright © HarperCollins Publishers, 2025. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>.
24. Le Petit Robert de la langue française. Paris: © Le Robert, 2025. URL: <https://www.lerobert.com/dictionnaires/francais/langue/dictionnaire-le-petit-robert-de-la-langue-francaise-2025-et-sa-version-numerique/>.
25. Thomas H. The Spanish Civil War. / H. Thomas. NY: Harper & Brothers, 1961. 1136 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рецензируемой статьи выступают способы образования новых фразеологизмов на базе существующих единиц в современных французском и испанском языках. Актуальность работы не вызывает сомнения: фразеологические единицы аккумулируют знания культуры и наиболее ярко отражают культурно-исторический опыт народа и особенности развития любого языка. Как верно отмечают автор(ы), «особенности образования новых устойчивых словосочетаний фразеологического и нефразеологического характера неоднократно привлекали внимание лингвистов на материале разных языков», однако «проблема образования новых фразеологизмов третичной номинации на базе уже существующих единиц до настоящего времени не получила достаточного освещения в современной лингвистике». Теоретической основой научной работы обоснованно выступили труды по фразеологии современного французского, испанского, английского, русского языков; по продуктивным способам образования фразеологических единиц в языках; фразеологической неологии таких российских и зарубежных ученых, как, А. В. Кунин, Н. П. Минова, Л. С. Гуревич, А. Г. Назарян, С. С. Ковальчук, Н. Г. Рахматуллаева, Е. В. Рыжкина, Г. Г. Соколова, И. В. Харитоновна, М. McLuhan, Q. Fiore и др. Библиография насчитывает 25 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. С учётом специфики предмета, объекта, цели и задач работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза; научный поиск; описательный и сравнительно-сопоставительный методы; фразеологический анализ; метод сплошной выборки из текстов художественных произведений, Интернет-СМИ, периодических изданий, словарей, текстов песен, блогов и сайтов, который позволил выявить наиболее продуктивные способы образования новых фразеологизмов на основе уже существующих единиц в современных французском и испанском языках. В качестве материала для сопоставительного анализа были выбраны два родственных, но культурно и структурно различных языка – французский и испанский. Выбор данных языков позволил выявить как универсальные, так и уникальные механизмы фразеологической деривации в рамках романских языков. Кроме того, современные французский и испанский языки представляют собой две крупные и влиятельные романские языковые системы, каждая из которых обладает богатейшей фразеологической традицией и высокой степенью фразеологической продуктивности, что создает широкую эмпирическую базу для анализа.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования рассмотрены основные способы образования новых фразеологизмов (замена одного или нескольких компонентов фразеологической единицы другими, связанными между собой по смыслу; замена одного из компонентов фразеологической единицы другим, не связанным с ним по смыслу; добавление компонентов к устойчивым словосочетаниям нефразеологического характера с их дальнейшей фразеологизацией; заимствование фразеологических единиц из других языков). Сделан вывод о том, что фразеологическая система современных французского и испанского языков находится в постоянном развитии, а процессы образования новых фразеологизмов отражают не только внутренние законы языка, но и внешние культурные и социальные изменения. Изучение этих процессов позволяет глубже понять как динамику языка, так и механизмы языкового мышления.

Теоретическая значимость работы заключается в ее вкладе в сопоставительные исследования динамики развития фразеологического фонда современных французского и испанского языков с акцентом на способах образования новых фразеологических единиц на базе уже существующих. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по лингвопрагматике, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации; лексикологии и словообразованию французского и испанского языков; фразеологии и лексикографии. Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Передриенко Т.Ю. Звук vs шум: лингвокогнитивный аспект // Филология: научные исследования. 2025. № 5.
DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.71028 EDN: LNMKIH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71028

Звук vs шум: лингвокогнитивный аспект

Передриенко Татьяна Юрьевна

ORCID: 0000-0001-8747-3692

кандидат филологических наук

доцент; кафедра "Иностранные языки"; Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)

454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд. 464

✉ peredrienkoti@susu.ru

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.71028

EDN:

LNMKIH

Дата направления статьи в редакцию:

15-06-2024

Аннотация: Изменения, происходящие в звуковом пространстве, окружающем людей, стали причиной возросшего интереса к его изучению. В наше время «звуковое направление» научных исследований набирает популярность, что вызвано, развитием технологий, расширяющих возможности звука. Каждое научное направление сосредотачивает свое внимание на изучении его разных аспектов. Лингвисты занимаются звуковым строем языка, классификацией звуков, закономерностями их изменений, они изучают роль звука в выражении определенных смыслов, звукосимволизмом, способами языковой вербализации и анализом звуковой картины мира. Цель написания данной работы заключается в выявлении смыслового содержания концептов звук и шум для определения их общих и дифференцирующих признаков в русской лингвокультуре. Объектом исследования являются концепты звук и шум, а предметом – их общие и дифференцирующие признаки. В исследовании применялись методы обобщения словарных дефиниций, анализ сочетаемости и контекстуальный анализ данных Национального корпуса русского языка. Результаты работы показали, что звуковая среда, в которой мы существуем состоит из звуков и шумов, а разница между

ними в бытовом употреблении определяется окружающими условиями и культурной принадлежностью. Звук и шум одновременно являются терминами и общеупотребительной лексикой. Они сходятся в таких значениях как «физическое явление», «минимальный элемент звучащей речи», однако дифференцируются в значениях «ощущение», «минимальный музыкальный структурный элемент» и «характеристика человеческого общения». Анализ коллокаций показал, что звук и шум отличаются информационным потенциалом, и потому по-разному дифференцируются ухом человека, что приводит к противоположной оценке данных явлений. Звук и шум могут формировать акустические образы при помощи метафор. Действия, совершаемые звуком и шумом идентичны, однако наблюдаются отличия в реакциях на них, когда люди стараются услышать и сохранить звук, но и игнорировать или защищаться от шума.

Ключевые слова:

лингвосенсорика, слуховое восприятие, звук, шум, перцептивная лексика, звуковой образ, звуковое пространство, русский язык, звуковое направление, лингвокогнитивный аспект

Введение

Люди живут в мире, наполненном различными звуками, которые оказывают на них воздействие с самого рождения. Ученые отмечают, что человеческое ухо способно дифференцировать около 300 000 разнообразных звуков, которые по источнику звучания классифицируются на «звуки живой природы, звуки, производимые человеком, а также звуки неживой природы и артефактов» [2; 9, с. 17]. Последнее время характер воздействия значительно меняется, так как технический прогресс «заглушает» звуки природы искусственно созданным перманентным шумом.

В физике звук трактуется как «колебательные движения частиц упругой среды, распространяющиеся в виде волн, которые воспринимаются органами слуха человека и животных» [14]. Звук подвижен и не имеет четких границ [15, с. 418]. Шум также является результатом колебательных движений, но отличающихся беспорядочностью. Под акустическим шумом принято понимать различные помехи, которые мешают слуховому восприятию звуковой информации [14]. Таким образом, звук ассоциируется с «комфортным состоянием акустической реальности», тогда как шум представляется нежелательным звуком [13, с. 116].

Границы между понятиями звук и шум, как полагает Н. В. Тимофеева, «устанавливаются с учётом аксиологически различающегося восприятия звукового пространства» [13, с. 116]. Люди слышат одинаковые звуки, но воспринимают их по-разному под влиянием окружающих условий, социальной и культурной принадлежности, в зависимости от возраста, состояния здоровья и эмоционального настроения, а также ряда других факторов. Интерпретация звуков мозгом на приятные и неприятные, важные и второстепенные обусловлена аудиальным опытом людей.

В наше время «звуковое направление» научных исследований набирает популярность, что вызвано, по мнению А. В. Нагорной, изменением «естественной акустической среды» и развитием технологий, расширяющих возможности звука [7, с. 37]. Каждое научное направление сосредотачивает свое внимание на изучении разных аспектов звука. В

физике анализируется возбуждение и распространение звуковых волн, а также их свойства, в психологии рассматривается распознавание звуков и их влияние на психику человека, в рамках архитектурной акустики прорабатываются вопросы распространения и поглощения звука в помещениях, в культурологии звук исследуется в пространстве культуры, а в медицине изучается перкуссия и влияние звука на здоровье и реабилитацию людей.

В лингвистике подходы к изучению звука также разнообразны. Ученые занимаются звуковым строем языка, классификацией звуков, закономерностями их изменений, они изучают роль звука в выражении определенных смыслов, звукосимволизмом и способами языковой вербализации звуков [\[2, 9, 16, 18 и др.\]](#). Как объект лингвистической науки, звук изучается через семантику, репрезентирующих единиц [\[4, 5, 17, 19 и др.\]](#). Лингвисты анализируют звуковую картину мира определенных лингвокультур, а также отдельных ее представителей [\[3, 5, 11, 20 и др.\]](#).

Материал и методы исследования

Целью написания статьи является лингвокогнитивное исследование смыслового содержания концептов *звук* / *шум* для определения их общих и дифференцирующих признаков в русской лингвокультуре. Для достижения вышеозначенной цели требуется решение ряда задач:

- изучение семантических свойств лексических единиц *звук* и *шум* по лексикографическим источникам;
- уточнение семантических свойств лексических единиц *звук* и *шум* через анализ сочетаемости;
- определение образных составляющих концептов через контекстуальный анализ данных Национального корпуса русского языка;
- характеристика общих и дифференцирующих признаков изучаемых концептов.

Лингвокогнитивный подход, используемый в работе, предполагает изучение как общелингвистической составляющей, так и национально-культурного компонента изучаемых концептов. В статье используются метод обобщения словарных дефиниций, контекстуальный анализ, анализ сочетаемости лексических единиц, вербализующих концепты, и элементы статистического анализа.

Результаты

Для выявления понятийной составляющей концептов обратимся к этимологическому анализу и методу обобщения словарных дефиниций. Согласно данным этимологического словаря А. В. Семёнова слова *звук* и *шум* являются исконно славянскими. *Звук* образовался от общеславянского *zvokъ* и имеет одинаковый корень со словом *звон*. *Шум* произошел от древнерусского *шумъ*, обозначающего бурю, однако в основе лежало не звукоподражание, а причина шума – буря, дождь, шквал [\[10\]](#).

Метод обобщения словарных дефиниций позволяет дать более полное описание семантики лексических единиц, поскольку дефиниции нескольких лексикографических источников дополняют друг друга и часто актуализируют большее количество признаков концепта. Обобщение дефиниций лексической единицы показывает, что *звук* является не только физическим термином, а также общеупотребительным многозначным словом.

Звук называется ощущение, которое воспринимается органами слуха субъекта восприятия; минимальный музыкальный структурный элемент; отдельный различимый элемент звучащего слова (речи) [1, 8, 11]. Таким образом, *звук* воспринимается физическим явлением, минимальным элементом звучащей материи (музыки или речи) и ощущением.

Шум также является и термином, и многозначным общеупотребительным словом. В

качестве термина лексическая единица используется в физике и медицине для обозначения звука «с неясно выраженной тональностью», который является помехой или показателем аномалии. В лингвистике *шумом* называется «звук речи, образующийся в полости рта, без участия голоса». Лексическая единица *шум* служит для обозначения многочисленных звуков, которые создают однородное звучание, гул. Кроме того, *шумом* называют ссоры и споры, а также массовое обсуждение темы, вызвавшей повышенный интерес [1, 8, 11]. Обобщение дефиниций показывает, что лексическая единица *шум* может использоваться как для обозначения единичного звука, так и их совокупности, она может выражать нейтральную или отрицательную коннотацию. Значения, приводимые в словарях, характеризуют шум как физическое явление, минимальный элемент звучащей материи (звук без участия голоса) и характеристика человеческого общения (спор или массовое обсуждение).

Анализ сочетаемости лексических единиц *звук* и *шум* позволяет уточнить их общие и дифференцирующие характеристики, которые актуализируются в русской лингвокультуре. Прилагательные выражают такие физические свойства как громкость (*громкий, негромкий, приглушенный, оглушительный, нарастающий*) и частота (*высокий, низкий, высокочастотный*). У концепта *шум* также вербализуется продолжительность звучания (*постоянный, неумолкающий, бесконечный, вечный, непрестанный*), которая приводит к раздражающему воздействию этого физического явления на человека. В русском языке также актуализируются виды *шума* как физического явления (*фоновый, эмпирический, акустический*).

Звук и *шум* могут быть четкими, легко определяемыми ухом человека (*четкий, отчетливый, понятный, чистый, стандартный*), они могут оказывать благоприятное воздействие и получать положительную оценку (*лучший, приятный, дивный, божественный, радостно зовущий, ласковый, соблазнительный, сладостный*). Неопределенность и непонятность звука и шума, выражаются прилагательными *странный, таинственный, неясный, неопределенный, непонятный, невнятный*, звуки и шумы с данными характеристиками приводят к неблагоприятному воздействию на человека (*оглушающий, пугающий*) и приобретают отрицательную оценку (*неприятный, несносный, страшный, зловещий, адский, ужасный, дикий*). Положительная и отрицательная оценка *звука* и *шума* вербализуется также прилагательными *свой (родной)* и *чужой (посторонний)*. Семантическая оппозиция *свой::чужой* показывает принятие или непринятие какого-либо объекта или явления по параметру его близости или чуждости определенной культуре.

Среди прилагательных, характеризующих *звук* и *шум* выделяется группа лексических единиц, имитирующих звучание (*чавкающий, взвизгивающий, лязгающий, чмокающий, хлопающий*). Прилагательные *природный, животный* и *человеческий* называют объекты, производящие *звуки* или *шумы*. Время производства *звуков* и *шумов* актуализируется прилагательными *утренний, вечерний* и *ночной*, называющие время суток, когда темп жизни замедляется, все затихает, и отдельные *звуки* или *шумы* становятся особенно заметными. Сочетаний с прилагательным *дневной*, в корпусе отмечено не было, что

объясняется привычной избыточной озвученностью пространства в это время суток. Интересно отметить, что в русском языке существительное *шум* образует коллокации с прилагательными, называющими место распространения шума (*дорожный, городской, больничный, уличный, столичный, офисный*), однако, коллокаций этих прилагательных с лексической единицей *звук* отмечено не было.

Как речевая единица *звук* определяется прилагательными *гласный, согласный, речевой, первый* (о первых звуках, производимых детьми). *Шум*, в отличие от звука, представляет собой не отдельную речевую единицу, а многочисленные звуки жизнедеятельности человека. Существительное *шум* образует коллокации с прилагательными *бытовой и житейский*, а также *информационным и форумным*, что показывает коррелируется с тенденцией переноса человеческого общения в виртуальное пространство.

Ряд прилагательных, номинирующих характеристики *звук* и *шума*, употребляются в переносном значении. Особого внимания заслуживает группа синестетических метафор, под которыми понимается описание характеристик *звук* и *шума* через лексику, ассоциируемую с другими перцептивными модусами. Традиционно прилагательные *мягкий, шелковистый, резиновый, твердый, острый* используются для описания осязательных впечатлений, однако в коллокациях с лексическими единицами *звук* и *шум*, они выражают новые оттенки чувственных слуховых впечатлений. Прилагательные, описывающие размер и форму *звук* (*большой, круглый*), а также цвет *шума* (*белый, серый, синий, розовый*) представляют зрительное восприятие, что говорит о том, что при характеристике *звук* и *шума* создаются синестетические метафоры. Прилагательное *сладкий* ассоциируется с вкусовым восприятием, но может также метафорически использоваться для описания *звук*. Кроме того, для определения *звук* и *шума* применяются прилагательные, актуализирующие характеристики человека (*суетливый, сознательный, мужественный*) или его действия (*крадущийся, обманывающий, вальсирующий*), то есть образуются антропоморфные метафоры.

Коллокации, образуемые лексическими единицами *звук* и *шум* с существительными, вербализуют ощущения, которые воспринимаются органами слуха человека и идентифицируются по источнику звучания (*звук выстрела / пощечины / фортепьяно / шагов; шум моря / ветра / дождя*), иногда источником *звук* и *шума* выступает собирательный образ (*звуки ночи, шум большого города*). Через словосочетания *звук / шум + существительное* передаются их характеристики как физических явлений (*сила / громкость / качество звука; коэффициент шума*), фазы их существования (*нарастание / затухание звука; появление шума*) и метафорические образы их восприятия (*мистерия звука, рой / игра звуков; шум идей / славы / мыслей* и др.). В коллокациях *звуки речи, набор звуков, произнесение звуков* раскрывается значение «отдельный различимый элемент звучащего слова (речи)». Примечательно, что лексическая единица *шум* в отличии от *звук* часто используется как однородные члены с другими существительными, обозначающими громкое звучание (*шум и гам, шум и треск, грохот и шум, шум и лязг, шум и звон*), что подчеркивает их особую шумность.

Анализ глаголов, употребляющихся в функции сказуемого с существительными *звук* и *шум*, показывает, что в языке вербализуются 3 фазы их существования – начало (*раздаваться, начинаться, рождаться*), продолжительность (*переходить, нарастать, меняться, продолжаться, возобновляться*), окончание (*затухать, умолкать, исчезать,глохнуть, смолкать, пропадать, стихать*). Способы распространения *звук* и *шума* передаются глаголами называющими способность перемещаться в воздушном (*лететь, долетать*), водном (*плыть, струиться, литься*) и наземном пространстве (*качаться, идти (по рядам), гулять*), проникать в недоступные места (*сочиться, проникать*), а также

терять свое направление (*блуждать, метаться, застревать, теряться*). И звук, и шум могут существовать не только в реальности, но и «звучать» в сознании людей, данная характеристика передается глаголами *послышаться, показаться, почудиться*. Глаголы актуализируют воздействие изучаемых концептов на человека от приятного и даже магнетического (*успокаивать, ласкать, завораживать*), до раздражающего (*беспокоить, раздражать, врываться, причинять страдания*). Таким образом, действия, совершаемые звуком и шумом, идентичны и выражаются одинаковыми глаголами.

Предложения, в которых звук и шум выполняют функцию дополнения, можно разделить на 4 группы, в одну из которых входят глаголы, обозначающие их создание (*издавать, извлекать, произносить, производить*), в другую – восприятие (*слышать, услышать, прислушиваться, улавливать, внимать*), в третью – их воздействие на человека (*вздрагнуть, содрогнуться, проснуться от звука / шума; испугаться, наслаждаться звуком / шумом; выносить, терпеть звук / шум*) и в четвертую – реакция на звук и шум (*заглушать, выключать, записывать, настраивать, защищаться*). Реакция людей, на звук и шум не всегда совпадает. Звук, в отличие от шума, включают, настраивают и записывают, что говорит о желании слышать и сохранить его, в то время как шум стараются перекричать, заглушить, то есть игнорировать или защищаться от него.

Заключение

Звук и шум относятся одновременно и к терминам, и к общеупотребительным словам. Они определяются как физические явления и минимальные элементы звучащей речи, но они расходятся в значениях ощущение и минимальный музыкальный структурный элемент для звука, а также характеристика человеческого общения для шума. Кроме того, лексическая единица шум служит для обозначения многочисленных звуков, которые создают однородное звучание, гул.

В коллокациях, образуемых изучаемыми лексическими единицами с прилагательными, вербализуются физические свойства (громкость, частота, а также вид и продолжительность для шума). Звук и шум обладают информативным потенциалом и могут по-разному дифференцироваться ухом человека. Они способны оказывать благоприятное воздействие и получать положительную оценку, но также могут неблагоприятно влиять на человека и приобретать отрицательную оценку, что чаще отмечается у лексической единицы шум. Среди прилагательных, характеризующих изучаемые концепты, выделяется группа лексики, имитирующей звучание. Семантика звучания связана с временем и местом распространения звука и шума. Актуализация места распространения характерна больше для шума, происходящего не только в реальном, но и виртуальном пространстве. Ряд прилагательных, которые номинируют признаки звука и шума употребляются в переносном значении, образуя антропоморфные и синестетические метафоры.

Коллокации, образуемые с существительными, вербализуют объект, который издает звук или шум. Иногда объектом может выступать собирательный образ. В словосочетаниях *звук / шум + существительное* передаются фазы существования этих физических явлений и их характеристики, а для создания акустического образа также образуются метафоры.

Действия, которые совершают звук и шум выражаются одинаковыми глаголами, что говорит об идентичности действий. Глаголы вербализуют фазы существования, способы распространения в различных средах, они указывают на способность проникать в недоступные места, терять направление и оказывать влияние на человека. Глаголы,

называющие действия, которые совершаются со звуком и шумом обозначают их создание, восприятие, их воздействие на человека и человеческую реакцию на них. Некоторые отличия наблюдаются в реакции, когда люди стараются услышать и сохранить звук, но игнорировать или защищаться от шума.

Библиография

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Голубев А. П., Смирнова И. Б. Практическая фонетика: сравнительная фонетика английского, немецкого и французского языков. М.: Высшее образование, 2022. 201 с.
3. Дашиева Л. Д. Антропология звука в традиционной культуре монгольских народов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3 (33). С. 118-126.
4. Лаенко Л. В. Перцептивный признак как объект номинации: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2005. 39 с.
5. Максимов В. Д. Способы вербализации и категоризации звуковой материи в современном английском языке: монография. Барнаул: Издательство Алтайского ун-та, 2013. 158 с.
6. Мышьякова Н. М., Кипнес Л. В. Акустическая картина мира в мифологии Коми // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2 (105). С. 406-408.
7. Нагорная А. В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: аналитический обзор. М.: РАН, 2017. 86 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2008. 944 с.
9. Рузин И. Г. Природные звуки в семантике языка (когнитивные стратегии наименования) // Вопросы языкознания. 1993. № 6. С. 17-27.
10. Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНВЕС, 2003. 704 с.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas>
12. Сузрюкова Е. Л. Звуковые образы в поэме А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин» // Вестник Воронежского государственного университета. 2022. № 2. С. 80-85.
13. Тимофеева Н. В. Акустическая амбивалентность городской среды // Состояние и перспективы научного обеспечения АПК. Великие Луки, 2023. С. 116-118.
14. Физический энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров [Электронный ресурс]. URL: <http://es.niv.ru/doc/dictionary/physical/index.htm>
15. Badauod S., Deniz Topcu K. Audiovisual perception of a historical route in Konya city // Journal of Human Sciences. 2022. No. 3 (19), pp. 417-440.
16. Dwinata E. Language and Perception // BRIGHT: Journal of English Language Teaching, Linguistics and Literature. 2017. No. 1, pp. 71-77.
17. Hartman J., Paradis C. The language of sound: events and meaning multitasking of words // cognitive Linguistics. 2022. No. 3-4 (34), pp. 445-477.
18. Kursell J., Tkaczyk V. and Ziemer H. Introduction: Language, Sound and the Humanities // History of Humanities. 2021. No. 6 (1), pp. 1-10.
19. Strik Lievers F., Winter B. Sensory language across lexical categories // Lingua. 2018. No. 204, pp. 45-61.
20. Su W. Soundscapes and the urban imagination of Hong Kong in the works of Eileen Chang // Frontiers in Humanities and Social Sciences. 2023. No. 3 (6), pp. 64-68.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема данной работы когнитивно оправдана, хотя основных / базовых суждений относительно понятий «звук» и «шум» в принципе достаточно. Как обозначает в начале труда автор, «целью написание статьи является лингвокогнитивное исследование смыслового содержания концептов звук / шум для определения их общих и дифференцирующих признаков в русской лингвокультуре. Для достижения вышеозначенной цели требуется решение ряда задач: - изучение семантических свойств лексических единиц звук и шум по лексикографическим источникам; - уточнение семантических свойств лексических единиц звук и шум через анализ сочетаемости; - определение образных составляющих концептов через контекстуальный анализ данных Национального корпуса русского языка; - характеристика общих и дифференцирующих признаков изучаемых концептов». Таким образом, фактическая составляющая определена, объективная данная намечена. Материал информативен, не противоречив, фактически точен; должный аналитический момент поддерживается на протяжении всего исследования. Некая комментирующая «правка», которая допустима в научных статьях имеется: например, «для выявления понятийной составляющей концептов обратимся к этимологическому анализу и методу обобщения словарных дефиниций. Согласно данным этимологического словаря А. В. Семёнова слова звук и шум являются исконно славянскими. Звук образовался от общеславянского *zvoкъ* и имеет одинаковый корень со словом *звон*. Шум произошел от древнерусского *шумъ*, обозначающего бурю, однако в основе лежало не звукоподражание, а причина шума – буря, дождь, шквал...» и т.д. Автор, что важно помимо т.н. коннотативного ядра вводит в текст и ситуативные блоки (периферию и ассоциативный фон), это расширяет границы понимания и трактовки концептов «звук» и «шум», делает исследование более сложным и полновесным. Например, «анализ сочетаемости лексических единиц звук и шум позволяет уточнить их общие и дифференцирующие характеристики, которые актуализируются в русской лингвокультуре. Прилагательные выражают такие физические свойства как громкость (громкий, негромкий, приглушенный, оглушительный, нарастающий) и частота (высокий, низкий, высокочастотный). У концепта шум также вербализуется продолжительность звучания (постоянный, неумолкающий, бесконечный, вечный, непрестанный), которая приводит к раздражающему воздействию этого физического явления на человека. В русском языке также актуализируются виды шума как физического явления (фоновый, эмпирический, акустический)», или «как речевая единица звук определяется прилагательными гласный, согласный, речевой, первый (о первых звуках, производимых детьми). Шум, в отличие от звука, представляет собой не отдельную речевую единицу, а многочисленные звуки жизнедеятельности человека. Существительное шум образует коллокации с прилагательными бытовой и житейский, а также информационным и форумным, что показывает коррелируется с тенденцией переноса человеческого общения в виртуальное пространство» и т.д. Отмечу, что базовые установки издания учтены, серьезных нарушений не выявлено, правка текста как таковая излишня. В финальной части отмечено, что «звук и шум относятся одновременно и к терминам, и к общеупотребительным словам. Они определяются как физические явления и минимальные элементы звучащей речи, но они расходятся в значениях ощущение и минимальный музыкальный структурный элемент для звука, а также характеристика человеческого общения для шума. Кроме того, лексическая единица шум служит для обозначения многочисленных звуков, которые создают однородное звучание, гул...» и т.д. Таким образом, вывод сделан, итог подведен. Материал может быть использован в качестве образчика для новых сопоставительных работ. Рекомендую статью «Звук vs

шум: лингвокогнитивный аспект» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Серегина М.А. Специфика актуализации иноязычных вкраплений: лингвосемиотический подход // Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.74587 EDN: LUJFTH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74587

Специфика актуализации иноязычных вкраплений: лингвосемиотический подход

Серегина Марина Александровна

ORCID: 0000-0003-0573-644X

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра "Интегративная и цифровая лингвистика"; Донской государственный технический университет

344064, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. 2-й Пятилетки, д. 8, кв. 7

✉ m.seregina@rambler.ru

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.74587

EDN:

LUJFTH

Дата направления статьи в редакцию:

24-05-2025

Аннотация: Предметом данной статьи является специфика контекстуального использования иноязычных вкраплений на материале художественного произведения. Объектом выступают инкорпорированные в текст на русском языке слова и фразы на немецком языке. Так реализуется принцип мультикодowości, когда текст не ограничивается одной формой выражения информации, а используется несколько «кодов» для передачи смысла. Характерным примером произведения мультикодového характера является роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в котором встречаются слова и фразы из французского, немецкого, итальянского, латинского языков. Цель статьи – систематизировать и проанализировать с точки зрения лингвосемиотического подхода иноязычные вкрапления на немецком языке благодаря мультимодальному характеру художественного текста романа для создания речевых портретов героев и отображения авторской позиции. В исследовании используются метод классификации при типологизации иноязычных вкраплений по объему и степени интеграции в текст,

описательный метод, контекстуальный анализ, методика компонентного анализа, метод структурно-семантического анализа. Метод количественного анализа служил для установления соотношения в пределах иноязычного материала. Метод сплошной выборки позволил составить картотеку исследования объемом в 30 контекстов. Новизна исследования заключается в подтверждении факта, что описанные в статье особенности употребления иноязычных вкраплений на немецком языке с точки зрения их тематико-понятийного, структурного аспектов и моделей переключения языковых кодов уточняют существующие представления о современном состоянии поликодовости, креолизованного текста, переключения кодов, многоязычия, интертекстуальности, систематизация которого имеет особое значение для дальнейшего изучения функционально-семиотического подхода в исследовании художественного текста. В результате лингвосемиотического подхода было выявлено, что функционирование иноязычных вкраплений на немецком языке в тексте романа связано с их семантическими (выделение двух основных смысловых поля: художественное противопоставление национальных характеров русских и немцев, смешение русского языка с немецким связано с военной тематикой и общением с немецкими офицерами), синтаксическими (смешение кодов и чередование кодов) и прагмалингвистическими особенностями (параллельное развитие реалистически-изобразительной стратегии с тактиками информативности, исторической стилизации, иллюстрации материала, объективизации и социально-оценочной стратегии с экспрессивной, комической, индивидуализирующей и иронически-сатирической тактикой).

Ключевые слова:

иноязычные вкрапления, немецкий язык, роман Л.Н. Толстого, лингвосемиотический анализ, семантика, синтаксис, прагматика, русская литература, мультикодовость, интертекстуальность

Введение

Многие писатели, не только классики прошлого столетия, но и современные авторы часто употребляли в своих произведениях иноязычные вкрапления: А.Н. Толстой, И.А. Гончаров, В. Пелевин, Б. Акунин и другие. Тексты классиков изобилуют латинскими и греческими словами и выражениями: мудрые высказывания, афоризмы и просто слова. Автор их употребляет не для того, чтобы блеснуть своей начитанностью, а потому, что они действительно так говорили, в соответствии с тем классическим образованием, которое они получали. В литературе XIX века часто встречались иностранные слова, которые использовались без перевода, предполагая, что читатель понимает их значение. Сегодня писатели в основном включают в тексты английские заимствования.

Ярким примером мультикодового текста служит роман Льва Николаевича Толстого «Война и мир», где присутствуют фразы и слова на французском, немецком, итальянском, английском и латыни. Французские вкрапления в русской речи отражают культурный обмен и распространение идей эпохи. Немецкие слова и выражения связаны с военной тематикой и общением с немецкими офицерами, а итальянские заимствования используются при описании произведений искусства.

Неинтегрированные в русский текст иностранные лексемы на английском и латинском языках связаны с областью афористики. Это отражает культурное многообразие и историческое своеобразие времени, в котором происходит действие в романе великого

писателя. Использование иностранных слов и фраз подчеркивает культурные связи России с Западной Европой. Это помогает создать атмосферу времени, когда аристократия активно заимствовала европейские традиции и манеры. Цель статьи – систематизировать и проанализировать с точки зрения лингвосемиотического подхода иноязычные вкрапления на немецком языке благодаря мультикодовому характеру художественного текста романа для создания речевых портретов героев и отображения авторской позиции.

В современной науке наблюдается смена лингвистической парадигмы – переход к так называемой «парадигме поликодности», которую исследователи (как российские, так и зарубежные) также называют полимодусной, мультимедийной или мультимодальной, особенно в контексте межкультурной коммуникации [Молчанова, 2014: 13–14].

Поликодовые особенности произведений Л. Н. Толстого и специфика его идиостиля требуют более детального изучения в лингвистике. Хотя иноязычные вкрапления в романе «Война и мир» не раз становились предметом анализа – в работах В. Б. Шкловского (1928), В. В. Виноградова (1939), Е. А. Маймескул (1981), М. Р. Очкасовой (2002), А. М. Дубининой (2005), О. В. Ломакиной (2014, 2016), Н. Н. Мироновой (2015), О. Н. Олейниковой (2022), Э. Т. Костусовой (2024) и других, – их функционирование в лингвосемиотическом аспекте до сих пор не получило всестороннего и комплексного исследования с учетом разных языковых уровней.

Методы и материалы исследования

В исследовании применялись следующие методы:

- контекстуальный анализ для изучения языковых единиц в тексте;
- описательный метод для систематизации данных;
- метод классификации при типологизации иноязычных вкраплений;
- метод сплошной выборки для отбора материала.

Для анализа лексики использовался структурно-семантический метод, а компонентный анализ помог исследовать отдельные морфемы. Количественный метод позволил выявить соотношение различных иноязычных элементов.

Эмпирическую базу исследования составили 30 немецкоязычных контекстов, отобранных методом сплошной выборки из романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Иноязычные вкрапления на немецком языке встречаются не только в речи автора, но и в речи персонажей данного художественного произведения.

Дискуссия

Понятие «иноязычное вкрапление» как следствие языкового контакта было предложено А.А. Леонтьевым [Леонтьев, 1966: 60-69]. В данном исследовании, вслед за С. Влаховым и С. Флориным, под иноязычными вкраплениями подразумеваются лексические единицы и выражения на иностранном языке, сохраняющие оригинальное написание или представленные в транскрибированном виде без морфологических и синтаксических адаптаций [Влахов, Флорин, 1980: 263].

Существуют различные подходы к классификации иноязычных вкраплений. А.А. Леонтьев первоначально разработал систему из шестнадцати типов [Леонтьев, 1966: 60-69]. Ю.Т. Листрова-Правда предложила иную классификацию, выделяя четыре категории по

степени интеграции в текст. К первой категории относятся полные вкрапления. Данные единицы сохраняют исходную графическую, фонетическую и морфологическую форму, не вступают в синтаксические связи с русским текстом. Вторую категорию представляют частичные вкрапления. Такие вкрапления подвергаются определенной фонетической, графической или морфологической адаптации и включаются в синтаксическую структуру предложения. Третья категория, контаминированные вкрапления (явления «ломаной речи») состоит из русскоязычных конструкций, построенных по правилам иностранного языка или с нарушениями норм русского. К четвертой категории причисляют нулевые вкрапления. Их репрезентуют текстовые фрагменты, переведенные с иностранного языка, но включенные в оригинальный русский текст [Листрова-Правда, 2001: 119-120].

Н.Н. Миронова предлагает классификацию иноязычных вкраплений по их объёму, выделяя пять типов. Первый тип представлен сокращениями. Ко второму типу относятся отдельные слова и словосочетания. Краткие реплики, включая надписи и объявления составляют третий тип. Четвертый тип состоит из группы предложений или сверхфразовых единств в диалогической или монологической форме. Пятый тип включает законченные текстовые фрагменты. Например, это могут быть письма в эпистолярном стиле или цитаты из произведений другой лингвокультуры [Миронова, 2015: 423-424].

С.И. Манина справедливо отмечает особую значимость иноязычных включений в текст. По её мнению, подобные элементы представляют собой сознательный художественный приём, обладающий особой выразительностью и выполняющий важные смысловые функции. Их роль может варьироваться от создания определённой культурной атмосферы до выполнения ключевой текстообразующей функции, когда замена или модификация такого фрагмента сделает невозможным адекватное понимание авторского замысла [Манина, 2010: 95].

В художественных текстах использование иноязычных вкраплений предполагает переключение языковых кодов - переход автора с основного языка произведения на другой естественный язык. Помимо собственно языкового кода, текст включает иные средства коммуникации, такие как невербальные элементы (кинесика, гаптика, проксемика), среди которых можно отметить, например, описание мимических движений персонажей.

Применение иноязычных элементов в тексте во многом обусловлено полилингвизмом самого автора. Как отмечают исследователи, Л.Н. Толстой владел множеством языков: английским, французским, немецким, итальянским, польским, чешским, сербским, а также понимал греческий, латынь, украинский, татарский, церковнославянский, турецкий и болгарский [Абдулхаков, 2013: 57-59].

В романе «Война и мир» мультикодовость проявляется через включение французских, немецких, латинских и итальянских элементов. Всего в романе обнаружено 966 случаев иноязычных вкраплений различного объема. Объем варьируется от отдельных слов до небольших текстов. Среди иноязычных вкраплений преобладают французские (928 случаев), за ними следуют немецкие (30), латинские (5) и итальянские (3) включения.

Такое активное использование разных языков свидетельствует об органичности многоязычия для творческой манеры Толстого. Как отмечает О.В. Ломакина, автор сознательно не переводил иностранные фрагменты, предполагая их понятность читателю, что характеризует его как полилингвальную личность, для которой языки служили инструментом постижения других культур [Ломакина, 2016: 22]. В.В. Виноградов

подчеркивал, что многоязычие у Толстого - не только стилистический прием, но и средство достижения исторической достоверности [Виноградов, 1939: 123].

В рамках данного исследования феномен языкового переключения был проанализирован на материале немецкоязычных вкраплений в романе «Война и мир». Эти лингвистические элементы преимущественно встречаются в военных эпизодах и характеристиках персонажей, связанных с военными действиями. Использование немецкого языка в соответствующих контекстах служит важным средством создания исторической достоверности, поскольку отражает реальную языковую практику немецких военачальников, для которых немецкий был родным языком общения.

В данном исследовании особое внимание уделено немецким вкраплениям, которые преимущественно связаны с военной тематикой. Данные единицы можно встретить в 15% в авторской речи и 85% в речи персонажей. Их использование способствует созданию эффекта реалистичности, поскольку немецкий был родным языком для многих военачальников того времени.

Результаты

Такое многомерное образование как иноязычные вкрапления в мультикодовом тексте романа можно охарактеризовать с точки зрения трех аспектов семиотики. Это дает возможность подвергнуть инкорпорированные лексемы и фразы комплексному лингвосемиотическому анализу. Такой анализ позволит выявить лексико-семантические, синтаксические и прагмалингвистические особенностей их реализации в тексте данного художественного произведения.

Обратимся к лексико-семантическим особенностям.

Семантический анализ немецкоязычных элементов в романе «Война и мир» позволяет выделить два основных смысловых поля. Первое из них связано с художественным противопоставлением национальных характеров: немецкая ментальность с её акцентом на организованность, системность и педантичность контрастирует с русским мировосприятием, отличающимся простотой и естественностью, свободой от формальных условностей.

Вторая семантическая область характеризует смешение русского языка с немецким для описания военных действий, строевых частей и командования, а также в диалогах между персонажами, связанными с армией, или в описаниях их действий и решений.

Иноязычные вкрапления на немецком языке из картотеки исследования составили 30 контекстов. Они были систематизированы по тематическим группам. Данные группы представлены восьмью единствами. Ведь немецкая культура и ее артефакты проникали в жизнь русского общества через заимствования. В картотеку исследования вошли 130 слов-заимствований из немецкого языка, которые были обнаружены в тексте романа в результате сплошной выборки.

Первое единство представлено военной терминологией и связанными с военным делом атрибутами. Ведь большая часть романа посвящена описанию военных действий. В качестве примеров можно назвать, такие лексемы, как: *егерь* (*Jäger*), *фронт* (*Front*), *штаб* (*Stab*), *юнкер* (*Junker*), *лагерь* (*Lager*), *квартирмейстер* (*Quartiermeister*), *гауптвахта* (*Arrestanstalt*), *гаубица* (*Haubitze*), *бруствер* (*Brustwehr*), *фейерверк* (*Feuerwerk*), *фейерверкер* (поджигальщик) (*Feuerwerker*), *фура* (*Fuhre*). Так, например, слова «егерь» и «фейерверк», придя в русский язык, изменили свое значение. В немецком языке *Jäger*

имеет значение «охотник, солдат особых стрелковых войск пехоты», а в русском – этот человек занимается контролем и наблюдением за существованием животного мира в лесу. А слово «фейерверкер» означало человек-поджигальщик

Вторая группа иноязычных вкраплений в виде отдельных слов состоит из условно-светской лексики, связанной с внешними проявлениями светской жизни. Их примером могут служить придворные титулы: *камергер* (*Kamerherr*), *фрейлина* (*Fräulein*), *канцлер* (*Kanzler*), *гофкригсрат* (*Hofkriegsrat*), *камер-юнкер* (*Kammerjunker*), принадлежность к сословию - *герцог* (*Herzog*), *герцогиня* (*Herzogin*), *эрцгерцог* (*Erzherzog*), *эрцгерцогиня* (*Erzherzogin*), *граф* (*Graf*), *графиня* (*Gräfin*), или *танцы- вальс* (*Walzer*), *гросфатер* (*Großvater*) - *ein alter Tanz*. Так, слово «канцлер» несет большой культурологический аспект. Ведь так обозначали определенную должность при русском царском дворе. В эту же группу вошли и профессии: *форейтер* (*Vorreiter*), *берейтер* (*Bereiter*), *кучер* (*Kutscher*), *капельдинер* (*Kapelldiener*), *капельмейстер* (*Kapellmeister*), *маркитант* (*Markitant*), *полицмейстер* (*Polizeimeister*), *бургомистр* (*Bürgermeister*), *фельдшер* (*Feldscher*). Многие из названных профессий обогатили словарный состав русского языка и были заимствованы. Сегодня вышло из употребления слово «маркитант», которое обозначало тогда человека, который занимается торговлей на поле боевых действий.

Третья группа объединена темой одежды, поэтому к ней относятся: *обшлаг* (*Aufschlag*), *фартук* (*Vortuch*), *штиблеты* (*Stiefelleten*) - (*Halbstiefel*), *рейтузы* (*Reithosen*). Если провести сегодня социолингвистический опрос среди молодежи, то они скажут, что рейтузы – это предмет женской одежды, но на самом деле это часть военной униформы всадников уланских полков.

В четвертой и пятой группах следует назвать строения – *флигель* (*Flügel*), *карниз* (*Karniese*), а также инструменты - *стамеска* (*Stemmeisen*), *трензель* – (*Trense*), *мундштук* (*Mundstück*).

Особую тематическую группу составляют собственные имена и географические названия немецкого происхождения. В эпилоге произведения авторская позиция по отношению к немецкой культуре проявляется особенно ярко - Толстой, размышляя о перспективах мирового развития, обращается к историческим фигурам (Отто фон Бисмарк, Мартин Лютер) и значимым для немецкой истории локациям (Тильзит, Эрфурт), связанным с военными событиями.

Седьмая группа иноязычных вкраплений состоит из медицинской терминологии. Например, слово «*Lazarett*» (*лазарет*) может использоваться в контексте описания медицинской помощи раненым солдатам.

К заключительной группе относится бытовая лексика. Она представлена такими языковыми единицами, как *рейнвейн* (*Rheinwein*), *штиль* (*Stille*), *минута* (*Minute*), *маршрут* (*Marschrute*), *кунсткамера* (*Kunstkammer*), *ярмарка* (*Jahrmarkt*), *футляр* (*Futtermal*), *фриштык* (*Frühstück*), *тугендбунд* (*Tugendbund*), *миннезэнгер* (*Minnesänger*). Особого внимания в данном ряду требует слово «фриштык». Именно так услышал его Николай Ростов, когда он был со своими офицерами в Австрии и квартировался у одного зажиточного австрийского бюргера. И ему очень нравилось, когда хозяин квартиры каждое утро готовил им «фриштык». Однако данное слово не смогло стать частью русского языкового обихода, в отличие от таких успешно ассимилировавшихся заимствований, как «бутерброд» и «компот».

В романе «Война и мир» немецкие черты характера особенно ярко воплощены в образе

князя Николая Андреевича Болконского. Старый князь выстраивает жизнь в своем имении по строгому «немецкому» порядку. Примечательно, что, хотя Болконский иронично отзывается о немцах (используя насмешливое прозвище «*Hofs-kriegs-wurst-schnaps-rat*»), вспоминая военные кампании, он тем не менее перенимает их педантичную бытовую культуру. Эта шутивая характеристика одновременно раскрывает важную особенность немецкого менталитета - склонность к организованным объединениям.

Аналогичную характеристику немецкого характера дает и другой персонаж - офицер Денис Давыдов, который в своем прозвище «*Wurstleute*» (колбасники) метко подмечает еще одну типичную черту немецкого быта. Ведь колбаса – это один из гастрономических символов немцев. Про историю данного пищевого продукта в Германии существуют музеи, пишут гимны. Оба примера демонстрируют, как через ироничные прозвища и бытовые детали Толстой раскрывает особенности немецкой национальной идентичности.

Далее рассмотрим синтаксические особенности.

Функционирование иноязычных вкраплений на немецком языке в романе имеет синтаксические особенности. Их можно выявить в результате интеграции в контекст. Это происходит для реализации принципов связности и целостности текста произведения. Немецкие языковые элементы в романе органично интегрированы в русскоязычный текст, функционируя на разных уровнях языковой системы. Эти элементы можно классифицировать по степени сложности: от отдельных слов и фраз до целых предложений, сложных синтаксических конструкций (сочетающих русские и немецкие элементы), а также развернутых текстовых фрагментов на немецком языке (как, например, письмо эрцгерцога Фердинанда, которое Кутузов зачитывает австрийскому генералу).

Проведенный контекстно-вариативный анализ позволил выделить два основных типа иноязычных вкраплений.

Первый тип включает законченные немецкие высказывания - от отдельных предложений до целых текстовых блоков. Это хорошо иллюстрируется следующим примером:

Пример 1. *Nun ja, was soll denn da noch expliziert werden?*

Ко второму типу относятся случаи языкового смешения, где немецкие элементы органично вплетаются в русскоязычный контекст, как это представлено во втором, третьем и четвертом примерах.

Пример 2. *"Der alte Herr (так называли Кутузова в своем кругу немцы, военные офицеры) mach sich ganz bequem"*, – подумал Вольцоген ...

Данная фраза свидетельствует о том, что все ключевые действия немецкие офицеры продумывают на своем родном языке.

Пример 3. *Вот извольте видеть, – и Кутузов, с насмешливою улыбкой на концах губ прочел по-немецки австрийскому генералу следующее место из письма эрцгерцога Фердинанда: – Wir haben vollkommen zusammengehaltene Kräfte, nahe an 70 000 Mann, um den Feind, wenn er den Lech passierte, angreifen und schlagen zu können. «Wir können, da wir Meister von Ulm sind, den Vorteil, auch von beiden Ufern der Donau Meister zu bleiben, nicht verlieren; mithin auch jeden Augenblick, wenn der Feind den Lech nicht passierte, die Donau übersetzen, uns auf seine Kommunikations-Linie werfen, die Donau unterhalb repassieren um dem Feinde, wenn er sich gegen unsere treue Alliierte mit ganzer*

Macht wenden wollte, seine Absicht alsbald vereiteln. Wie werden auf solche Weise dem Zeitpunkt, wo die Kaiserlich-Russische Armee ausgerüstet sein wird, mutig entgegenharren, und sodann leicht gemeinschaftlich die Möglichkeit finden, dem Feinde das Schicksal zuzubereiten, so er verdient."

Пример три наглядно демонстрирует, что русское аристократическое общество, офицеры, генералы прекрасно владели не только французским, но и немецким языком. Также хорошо владел немецким и верховный главнокомандующий Михаил Илларионович Кутузов. Прочитав письмо на немецком, Кутузов хотел показать, что он отдает приказы на языке, на котором было написано это послание, чтобы те иностранцы, которые служили в армии, четко понимали и знали, что им делать.

Пример 4. – *Der Krieg im Raum verlegt werden. Der Ansicht kann ich nicht genug Preis geben, – **говорил один.***

– *O, ja, – **сказал другой голос,** – da der Zweck ist nur den Feind zu schwächen, so kann man gewiss nicht den Verlust der Privatpersonen in Achtung nehmen.*

– *O ja, – **подтвердил первый голос.***

– ***Да, im Raum verlegen, – повторил, злобно фыркая носом, князь Андрей, когда они проехали. – Im Raum-то у меня остался отец, и сын, и сестра в Лысых горах.***

Важно подчеркнуть, что большинство иноязычных вкраплений на немецком языке сохраняют оригинальную графическую форму и морфологическую структуру при включении в текст.

Особый интерес представляют случаи, когда такие иноязычные элементы используются в прямой речи персонажей. Рассмотрим конкретные примеры:

Пример 5. *Напротив, сделанные отступления от его (прим. автора – Пфуля) теории, по его понятиям, были единственной причиной всей неудачи, и он с свойственной ему радостной иронией говорил: «**Ich sagte ja, dass die ganze Geschichte zum Teufel gehen wird**».*

Пример 6. *Пфуль чуть взглянул не столько на князя Андрея, сколько через него и проговорил, смеясь: «**Da muss ein schöner taktischer Krieg gewesen sein**».*

Анализ примеров пять и шесть демонстрирует использование немецкоязычных вкраплений первого типа в репликах персонажа. Такие языковые маркеры позволяют читателю идентифицировать национальную принадлежность героя. Кроме того, Толстой отсылает к конкретному историческому прототипу - немецкому военному стратегу Карлу Людвигу Августу Фулю (Phul), который в 1812 году по заданию Александра I разрабатывал план военных операций против Наполеона.

Пример 7. *Из коридора направо; там, **Euer Hochgeboren**, найдете дежурного флигель-адъютанта, – сказал ему (прим. автора – князю Андрею) чиновник.*

В седьмом примере, в отличие от предыдущих случаев, мы наблюдаем иноязычные вкрапления второго типа, демонстрирующие межфразовое переключение кодов - немецкие языковые элементы органично встроены в русскоязычный контекст. Подобный приём, вероятно, служит авторским средством обозначения немецкого происхождения персонажа без прямого указания на этот факт.

Явление интерфразового и межфразового переключения кодов особенно наглядно

представлено в восьмом примере, где немецкие языковые вкрапления второго типа органично интегрированы в речь персонажей.

Пример 8. – *Что же меня спрашивать? Генерал Армфельд предложил прекрасную позицию с открытым тылом. Или атаку **von diesem italienischen Herrn, sehr schön!** Или отступление. (Тоже хорошо). Что ж меня спрашивать? – сказал он (прим. автора – Пфуль).*

Анализ примера демонстрирует характерное языковое переключение персонажа между русским и немецким. Использование немецких вкраплений с интерфразовым и межфразовым переключением кодов отражает эмоциональное состояние героя – его явное волнение сочетается с решительностью и раздражением. Для генерала Армфельд, немца по происхождению, состоявшего на службе у русского императора, родной язык становится эмоциональным якорем в стрессовых ситуациях.

Аналогичное интерфразовое переключение кодов встречается и в авторской речи, что подтверждается следующим примером:

Пример 9. – *Диспозиция, составленная Толем, была очень хорошая. Так же, как и в аустерлицкой диспозиции, было написано, хотя и не по-немецки:*

*«**Die erste Colonne marschirt** туда-то и туда-то, **die zweite Colonne marschirt** туда-то и туда-то и т.д. И все эти колонны на бумаге приходили в назначенное время в свое место и уничтожали неприятеля. Все было, как и во всех диспозициях, прекрасно придумано, и, как и по всем диспозициям, ни одна колонна не пришла в свое время и на свое место.*

Анализируемый пример демонстрирует, как переключение на немецкий язык становится инструментом авторской иронии, подчеркивающей контраст между ожиданиями и реальностью. Л.Н. Толстой усиливает этот эффект намеренным противоречием: «было написано, хотя и не по-немецки», после чего сознательно переходит к немецкой фразе.

Следует отметить, что авторский замысел предполагает многоязычие как на уровне отдельных персонажей, так и в рамках коллективных дискуссий. Проиллюстрируем это конкретными примерами:

Пример 10. – *Будет то, что я говорил в начале кампании, что не ваша **echauffouree de Dürenstein**, вообще порох решит дело, а те, кто его выдумали, – сказал Билибин, повторяя одно из своих **mots**, распуская кожу на лбу и приостанавливаясь.*

В десятом примере языковое поведение персонажа демонстрирует характерное для него сочетание русской и французской речи, тогда как использование немецкого топонима «Dürenstein» естественным образом приводит к смене языкового кода.

Пример 11. *Паулучи, не знавший по-немецки, стал спрашивать его (Пфуля) по-французски...*

Пример 12. – ***Nun ja, was soll den da noch expliziert werden?** – Паулучи и Мишо в два голоса напали на Вольцогена по-французски. Армфельд по-немецки обращался к Пфулю. Толь по-русски объяснял князю Волконскому.*

Анализ примеров одиннадцать и двенадцать, описывающих военный совет полководцев, выявляет важную особенность: хотя во втором случае прямое использование иноязычных вкраплений отсутствует, автор подчеркивает, что участники общаются на разных языках. Это языковое различие, вероятно, становится причиной их взаимного

непонимания и неспособности прийти к оптимальному решению.

Исследование немецкоязычных вкраплений в речи персонажей позволило выявить две основные модели переключения кодов. Первая модель представляет собой двухкомпонентную схему чередования двух языков: русский → немецкий. Вторая модель имеет уже три компонента и определяется как трехкомпонентная схема. Она имеет следующий вид: русский → немецкий → русский.

Наблюдения показывают преобладание вкраплений первого типа. В диалогах персонажей отмечаются два варианта языкового переключения:

- интеграция отдельных немецких слов/словосочетаний в русскую речь (смешение кодов);
- использование целых немецких фраз в русскоязычном контексте (чередование кодов).

В авторском повествовании преобладает трехкомпонентная модель переключения (русский-немецкий-русский), при этом объем вкраплений варьируется от отдельных лексем до целых предложений.

Рассмотрим прагмалингвистический аспект использования иноязычных вкраплений. Их включение в художественный текст подчиняется определённым коммуникативным стратегиям и их тактикам, преследующим различные цели и задачи. Первая цель, художественно-стилистическая, направлена на реализацию авторского замысла и создание индивидуального стиля. Аутентификация – это вторая цель, которая передает атмосферу подлинности, создает эффект эрудированности и добавляет ироничного или комического оттенка. Третья цель – культурно-маркирующая – связана с сохранением национального колорита и выделением специфических характеристик, которые могут быть потеряны при переводе, как отмечают Влахов и Флорин [1980: 263].

Данная классификация демонстрирует многослойность прагматических целей и задач, решаемых посредством иноязычных вкраплений в литературном тексте.

Иноязычные вкрапления в художественном тексте выполняют пять ключевых функций. Первая функция называется номинативной. Она обусловлена отсутствием эквивалентных понятий в русском языке, связана с лакуарностью фоновых знаний и восполняет отсутствие точных языковых соответствий. Вторая функция определяется как демонстративная. При этом создается эффект языкового кодирования, осуществляется дистанцирование от «чужих» и формируется круг посвященных читателей. К третьей относится функция языковой компетенции, что свидетельствует об избирательности автора, сохраняет оригинальную графику, ориентир на подготовленную аудиторию и служит критерием оценки читательской эрудиции. При реализации функции индивидуализации персонажей формируются языковые портреты, подчеркиваются характерные речевые особенности, создаются психологические образы. К заключительным функциям относятся создание локального колорита и выражение авторской позиции.

Анализ немецкоязычных вкраплений в романе выявил две взаимосвязанные авторские стратегии, каждая из которых реализуется через систему специфических тактик. Реалистически-изобразительная стратегия проявляется через тактики информативности, исторической стилизации, иллюстрации материала и объективизации. Данная стратегия направлена на достоверное воссоздание художественной действительности. Параллельно развивается социально-оценочная стратегия, включающая экспрессивные,

комические, индивидуализирующие и иронически-сатирические тактики, а также тактику дифференциации мировоззрений, что позволяет автору выразить свою критическую позицию по отношению к изображаемым событиям и персонажам.

Обе стратегии служат реализации глубинных авторских интенций - с одной стороны, они демонстрируют критическое осмысление действительности через систему оценочных суждений и социальных обобщений, с другой - создают эффект художественной фасцинации, вовлекая читателя в мир произведения. Этот эффект достигается за счет экспрессивного воздействия, особой графической маркировки иноязычных элементов и тщательно выстроенной системы визуальных и содержательных акцентов. В результате этого немецкие языковые вкрапления в романе выполняют двойственную роль: они одновременно становятся инструментом авторской оценки действительности и мощным средством погружения читателя в художественную реальность, создавая многомерное смысловое пространство произведения.

Заключение

Современные исследования мультикодовых текстов охватывают произведения, обладающие особой лингвосемиотической природой, позволяющей сочетать различные знаковые системы и естественные языки в рамках одного художественного пространства. Подобное языковое переключение порождает иноязычные вкрапления, требующие комплексного анализа на семантическом, синтаксическом и прагмалингвистическом уровнях. Инкорпорированные языковые единицы выполняют в тексте множество функций - от создания особой языковой атмосферы до выражения авторской позиции, комического эффекта и индивидуализации персонажей, причем их эффективное использование напрямую зависит от языковой компетенции самого автора.

Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» представляет собой яркий пример мультикодового текста, где переключение между языковыми кодами реализуется через французские, немецкие, латинские и итальянские вкрапления. Немецкоязычные элементы, составляющие особый тематический пласт, преимущественно (в 85% случаев) встречаются в речи немецких военных персонажей, варьируясь от отдельных слов до целых предложений. Анализ выявил три основных способа их интеграции в текст: чистое чередование кодов, сочетание чередования и смешения кодов, а также смешанное использование в авторской речи.

Следует отметить, что восприятие подобных мультикодовых текстов требует от читателя особой лингвокультурной подготовки. Различия в читательском опыте и культурном багаже могут привести к коммуникативным сбоям, для преодоления которых в современных изданиях используются постраничные переводы иноязычных фрагментов. Эта практика позволяет сохранить художественную целостность произведения, одновременно делая его доступным для более широкой аудитории.

Библиография

1. Абдулхаков Р. Р. Практическое владение языками или феномен полиглотов // Современная филология: материалы II Междунар. науч. конф. Уфа: Лето, 2013. С. 57-59. EDN: VTHDGD.
2. Влахов С., Флорин С. Непере译имое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
3. Костоусова Э. Т. Поликодовый характер художественного текста (на материале романа Л. Н. Толстого "Война и мир" и его переводов на немецкий язык): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2024. 207 с.

4. Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. 1966. № 7. С. 60-68. EDN: GTBYRU.
5. Листрова-Правда Ю. Т. Иноязычные вкрапления - библеизмы в русской литературной речи XIX - XX века // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 119-139.
6. Ломакина О. В. Фразеология в языке Л. Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 42 с. EDN: GPZRFX.
7. Манина С. И. Прагматические функции иноязычных вкраплений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Вып. 1. 2010. С. 95-98. EDN: LAMOTN.
8. Миронова Н. Н. Иноязычное высказывание в художественной литературе как единица перевода // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы Международной научной конференции. 29 апреля - 3 мая 2015 г.: электронное издание. М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 419-426.
9. Молчанова Г. Г. Когнитивная поликодовость межкультурной коммуникации: вербалика и невербалика // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 13-30. EDN: SECFQJ.
10. Серегина М.А. Особенности функционирования макаронизмов в свете языковой интеграции (на материале немецких публицистических текстов) // Филология: научные исследования. 2024. № 5. С. 56-67. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.5.70693 EDN: BMGBMC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70693
11. Серегина М. А. О стереотипных представлениях народа при изучении русского языка в немецкоговорящей аудитории // Изучение и преподавание русского языка в разных лингвокультурных средах: межд. науч.-практ. конф. М.: РУДН, 2019. С. 520-52. Список источников EDN: XUVDZZ.
12. Толстой Л. Н. Война и мир: роман. т. I-II. М.: Изд-во Э, 2016. 704 с.
13. Толстой Л. Н. Война и мир: роман. т. III-IV. М.: Изд-во Э, 2016. 704 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает специфика актуализации иноязычных вкраплений в романе «Война и мир» Льва Николаевича Толстого. Актуальность работы обоснованно аргументируется тем, что роман Льва Толстого «Война и мир» представляет собой яркий пример мультикодового текста, где присутствуют фразы и слова на французском, немецком, итальянском, английском и латыни; хотя иноязычные вкрапления в романе не раз становились предметом анализа, «их функционирование в лингвосомиотическом аспекте до сих пор не получило всестороннего и комплексного исследования с учетом разных языковых уровней». Эмпирическую базу составили 30 немецкоязычных контекстов, отобранных методом сплошной выборки из романа Л. Н. Толстого «Война и мир».

Теоретической основой научной работы являются труды отечественных ученых, посвященные вопросам поликодовости в художественном тексте, иноязычным вкраплениям в русской речи, идиостилю Л. Н. Толстого и др. Библиография насчитывает 13 источников, в том числе 2 литературных, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью («систематизировать и проанализировать с точки

зрения лингвосемиотического подхода иноязычные вкрапления на немецком языке благодаря мультикодовому характеру художественного текста романа для создания речевых портретов героев и отображения авторской позиции») и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод для систематизации данных, метод классификации при типологизации иноязычных вкраплений, метод сплошной выборки для отбора материала, контекстуальный анализ для изучения языковых единиц в тексте, структурно-семантический метод для анализа лексики, компонентный анализ в исследовании отдельных морфем и количественный метод для выявления соотношений различных иноязычных элементов, а также контекстно-вариативный анализ.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования рассмотрено понятие «иноязычное вкрапление», существующие подходы к классификации иноязычных вкраплений, применение иноязычных вкраплений в художественных текстах; проанализированы лексико-семантические и синтаксические особенности немецкоязычных элементов в романе «Война и мир», ключевые функции иноязычных вкраплений в художественном тексте (номинативная, демонстративная, языковой компетенции, создание локального колорита и выражение авторской позиции); выявлены две взаимосвязанные авторские стратегии (реалистически-изобразительная и социально-оценочная), каждая из которых реализуется через систему специфических тактик. Сформулированы выводы о том, что мультикодовые художественные тексты обладают «особой лингвосемиотической природой, позволяющей сочетать различные знаковые системы и естественные языки в рамках одного художественного пространства»; «роман Л. Н. Толстого «Война и мир» представляет собой яркий пример мультикодового текста, где переключение между языковыми кодами реализуется через французские, немецкие, латинские и итальянские вкрапления» и др. Отмечается, что восприятие подобных мультикодовых текстов требует от читателя особой лингвокультурной подготовки.

Результаты, полученные в ходе исследования, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят существенный вклад в разработку феномена иноязычных вкраплений в художественном тексте, в изучение специфики идиостиля Льва Толстого, в развитие таких научных направлений, как теория дискурса и лингвистика текста, лингвосемиотика, прагмалингвистика и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ли П.В. Интерпретация метафоры поэтического творчества в стихотворении «Морской ветер» С. Малларме в переводах О. Э. Мандельштама и М. В. Талова // Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.74421 EDN: LWCIZS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74421

Интерпретация метафоры поэтического творчества в стихотворении «Морской ветер» С. Малларме в переводах О. Э. Мандельштама и М. В. Талова

Ли Полина Викторовна

ORCID: 0009-0004-7878-1297

ассистент, кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения; Владивостокский
государственный университет
аспирант, кафедра романо-германской филологии; Дальневосточный федеральный университет

690014, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41, оф. 5517

✉ shmatokpolina@gmail.com

[Статья из рубрики "Интерпретация"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.74421

EDN:

LWCIZS

Дата направления статьи в редакцию:

13-05-2025

Аннотация: Предметом исследования данной статьи является интерпретация метафоры поэтического творчества в стихотворении С. Малларме «Морской ветер» («Brise Marine», 1865 г.) и ее передача в переводах О. Э. Мандельштама и М. В. Талова. Рассмотрев разработанные Малларме принципы поэтики символизма и систему образов в его творчестве, автор подробно исследует их воплощение не только в русскоязычных переводах стихотворений французского символиста, но и в авторских произведениях О. Э. Мандельштама, чье раннее творчество исследователи относят к символистскому. Цель работы заключается в анализе влияния переводческой рецепции на восприятие метафорических образов, связанных с темой морского путешествия, а также в выявлении особенностей и специфики передачи поэтических образов в указанных переводах. В ходе исследования использовался лингвистический анализ для выявления языковых и художественных особенностей оригинала и переводов. Сравнительно-сопоставительный метод позволил выявить особенности в передаче поэтических образов

Малларме при переводе. Биографический метод был использован для установления связи между жизненным опытом переводчиков и их интерпретациями стихотворения. Новизна исследования заключается в недостаточной изученности переводческой рецепции творчества С. Малларме в России. Кроме того, ранее исследователи не обращались к вопросу творческого переосмысления образов поэта и творчества в стихотворении «Brise Marine». В результате исследования сделан вывод о переосмыслении метафоры морского путешествия русскими переводчиками. Это приводит к трансформации как формы, так и содержания оригинала, к возникновению различий в интонации и экспрессивности переводов, что отражает индивидуальные особенности творческого метода каждого из переводчиков. Область применения результатов включает изучение переводов поэзии, сравнительное литературоведение и теорию перевода. Работа подчеркивает особенность переводческой интерпретации и творческого переосмысления метафорических образов поэзии С. Малларме русскими поэтами: наблюдается как стремление к точности, так и переосмысление оригинальных образов.

Ключевые слова:

символизм, Манделштам, Талов, Малларме, переводческая рецепция, метафора, символ, творческое переосмысление, культурный диалог, поэзия

Переводы произведений Стефана Малларме сыграли ключевую роль в становлении русского символизма как литературного направления. Хотя Малларме переводили меньше, чем других французских символистов, русские символисты отдавали дань уважения Малларме своими переводами его произведений, перенимая его темы и образы, и используя строки из его стихотворений в качестве эпиграфов. Именно его понимание символа не только как эстетической формы, но как части философского осознания мира стало фундаментальным для русского символизма [\[1\]](#). Исследователи подчеркивают особое значение концепции слова Малларме для мэтра русского символизма, В. Я. Брюсова [\[1, 2\]](#). Он был первым переводчиком лирики Малларме в России, за ним последовали К. Н. Льдов, Л. Л. Кобылинский, М. А. Волошин, Ф. К. Сологуб, И. Ф. Анненский и О. Э. Манделштам.

Особенности эстетики и поэтики С. Малларме сформировали основной круг тем, мотивов и образов его лирики. Исследователи замечают, что магистральные темы лирики французского поэта наметились еще в раннем творчестве. Д. Р. Видрин в качестве основной темы исследует творческое бессилие, дополнительно рассматривает тему бегства от неумолимой лазури (Идеала) через любовь одержимость лазурью, которая сменяется на одержимость «ничто» в более позднем творчестве, на темы пустоты и ночи [\[3\]](#). По выражению С. Н. Зенкина, «сквозная проблематика» творчества Малларме «состоит в духовном самоопределении поэта перед лицом материального, реально существующего мира», отсюда поиски «поэтического двойника», смена масок в ранних произведениях поэта, а в последующем – обезличивание, устранение лирического героя. Исследователь рассматривает тему творческого бессилия поэта, раскрывающейся в символическом и любовном отношении, тему «ничто» в домашнем интерьере, а также тему природы, враждебной поэту из-за присущей ей полноты бытия [\[4, с. 9\]](#). Я. С. Линкова, вслед за О. Э. Манделштамом, называет Малларме 1860-х гг. художником «больших тем» и выделяет «поиск совершенства, трагическое мироощущение, бегство от

реальности» [\[5, с. 116\]](#).

Поиск Идеала в лирике Малларме реализуется в мотиве путешествия, который обладает двоякой природой: во-первых, это побег от своего творческого предназначения, а во-вторых – путь к нему. Мотив бегства от Идеала возникает в стихотворениях «Окна» («Les Fenêtres», 1863), «Лазурь» («L'Azur», 1864), также он присутствует в «Наказанном паяце» («Le Pitre Châtié», 1887), где лирический герой расплачивается за предательство.

Поэтический путь Малларме представляет в виде странствия – это одинокие скитания в поисках земли обетованной. В 1866 г. в одном из писем другу он описывает свою работу как путешествие «по неведомым странам», реальность видится ему «палящим зноем», а место обитания Идеала – «чистыми ледниками эстетики» [\[4, с. 389\]](#). Поиск Идеала олицетворяет путь Игитура («Igitur», 1869 г.) к гробнице предков, когда со свечой в руке он должен пройти через тьму древнего замка. В «Прозе для Дзесента» («Prose pour des Esseintes», 1884) лирический герой со своей спутницей обнаруживает прекрасный остров, где Идеал цветет во всей красе: «Как будто лес гигантский вырос плывущих в небе орхидей, дабы нанес я на папирус внезапный, новый блеск идей!» (пер. Р. М. Дубровкина) (Gloire du long désir, Idées tout en moi s'exaltait de voir la famille des iridées surgir à ce nouveau devoir). Остров, изолированная земля – прекрасное место, чтобы оставить позади все, что мешает поэту творить.

Попытки воплотить Идеал были мучительны для Малларме: он проводил многие часы за работой, оттачивая каждое слово; а потому нередко рядом с темой поэта и поэзии возникал мотив творческого бессилия. Он реализовывался в образах скуки (скукой поэт называл состояние творческой стагнации), бесплодности, ужаса перед пустой белой страницей. Осознание собственной неспособности к творчеству гонит его прочь от Идеала. В стихотворении «Весеннее обновление» («Renouveau», 1862 г.) содержание противоречит воодушевляющему названию – вместо свежести весны в нем преобладает уныние и тоска, порожденные невозможностью творить. По «тоскующей крови» поэта разлилось бессилие: «Все существо мое зевота затопила» (пер. Р. М. Дубровкина) (L'impuissance s'étire en un long bâillement). Лирический герой печально бродит по полям, и ароматы весны не успокаивают его, а чувство бессилия все растет: «А скука ширится от солнечных оград» (пер. Р. М. Дубровкина) (J'attends, en m'abîmant que mon ennui s'élève). В финале стихотворения возникает мотив Идеала в образе безжалостных небес, насмехающихся над поэтом: «Где наглая лазурь качается со смехом» (пер. Р. М. Дубровкина) (Sependant l'Azur rit sur la haie et l'éveil). Мотив бессилия появляется также в стихотворении «Страх» («Angoisse», 1864). Женщина в этом стихотворении символизирует материю, реальность. В ее объятиях лирический герой пытается забыться и получить отдых от тирании Идеала. Но «неизлечимую скуку» неспособна победить земная любовь: герой осознает, что он бесплоден, как и эта порочная женщина. И вновь, герой бежит в страхе.

Образ путешествия как метафора поэтического творчества, мотивы бегства от реальности, скуки и творческого бессилия воплощены в стихотворении «Морской ветер» (Brise Marine) – одном из наиболее популярных и часто цитируемых произведений Малларме. Оно было написано в 1865 г., в кризисный для поэта период. Стесненные материальные обстоятельства, вызванное долгой зимой уныние, недавнее отцовство – все это приводило Малларме в подавленное состояние духа, препятствующее творческому подъему. В одном из писем другу А. Казалису Малларме признается: «К сожалению, мне совсем не дано вкушать той радости, которая царит обычно вокруг

колыбели. Пойми меня правильно. Я слишком поэт и слишком увлечен одной Поэзией, чтобы испытывать внутреннее наслаждение, если не могу работать, тогда мне кажется, что эта радость занимает место другой, высшей, той, что дарует Муза» [\[4, с. 383\]](#). Поэт признает, что рождение ребенка – радостное событие, но высшая радость для него – поэтическое вдохновение. Эта высшая радость не позволяет ему удовлетвориться радостью земной, он не может ей наслаждаться и стремится к творчеству. В Таблице 1 приведены оригинальный текст с подстрочным переводом.

Таблица 1

Оригинальный текст	Подстрочный перевод
Brise marine	Морской ветер
La chair est triste, hélas ! et j'ai lu tous les livres.	Плоть печальна, увы! и я прочитал все книги.
Fuir ! là-bas fuir ! Je sens que des oiseaux sont ivres	Бежать! бежать туда! Я чувствую, что птицы опьянены
D'être parmi l'écume inconnue et les cieux !	Пребыванием среди неведомой пены и небес!
Rien, ni les vieux jardins reflétés par les yeux,	Ничто, ни старые сады, отраженные в глазах,
Ne retiendra ce cœur qui dans la mer se trempe,	Не удержат это сердце, которое погружается в море,
O nuits ! ni la clarté déserte de ma lampe	О ночи! ни пустынный свет моей лампы,
Sur le vide papier que la blancheur défend,	На пустой бумаге, которую защищает белизна,
Et ni la jeune femme allaitant son enfant.	И ни молодая женщина, кормящая грудью своего ребенка.
Je partirai ! Steamer balançant ta mâture,	Я уйду! Пароход, раскачивающий свою мачту,
Lève l'ancre pour une exotique nature !	Подними якорь и направляйся к экзотической природе!
Un Ennui, désolé par les cruels espoirs,	Скука, опустошенная жестокими надеждами,
Croit encore à l'adieu suprême des mouchoirs !	Все еще верит в прощальный взмах платков!
Et, peut-être, les mâts, invitant les orages,	И, возможно, мачты, привлекающие грозы,
Sont-ils ceux que le vent penche sur les naufrages	– Те, что ветер склоняет при кораблекрушениях
Perdus, sans mâts, sans mâts, ni	Затерянные, без мачт, без мачт и плодородных островков...

fertiles îlots...	Но, о сердце мое, услышь пение
Mais, ô mon cœur, entends le chant	моряков!
des matelots !	

Стихотворение открывается нотой отчаяния, отмеченной междометием «увы». Причина – скука, выделенная в начале второй строфы заглавной буквой. Прежде чем выявить эту причину, Малларме приводит несколько наблюдений, объясняющих отчаяние лирического героя: оно характеризуется как отсутствием удовольствий, так и отсутствием интереса к тому, что его окружает. Эти два элемента поставлены параллельно в полустилиях первой строки. Их разделяет междометие «увы», которое имеет большую силу благодаря своему центральному положению в строке.

Первая причина скуки – тщеславие «плоти». Удовольствий любви и чувственности не может быть достаточно, чтобы наполнить жизнь. «Книги», со своей стороны, предлагают и бегство в вымышленный мир, и открытие реального мира, знание о нем. И в том, и в другом случае это суетное времяпровождение, по мнению поэта. «Я прочитал все книги» предполагает, что он изучил то, что мир мог ему предложить. Поскольку исследовать уже нечего, поэт испытывает глубокое чувство пустоты, выраженное образами: «Ничто, пустынный, пустой, без (мачт)». Персонафикация «скуки» приводит к неизбежному выводу: «Скука, опустошенная жестокими надеждами, все еще верит в прощальный взмах платков!».

В восьмой строке упоминается о семье лирического героя, но и его жена, и его ребенок кажутся оторванными от него, без какой-либо эмоциональной связи. Он говорит не «моя жена», а «молодая женщина», как бы намекая на дистанцию и отсутствие связей. Точно так же он говорит не об их ребенке, а о «ее ребенке» (молодой женщины). В целом трогательный образ кормящей женщины здесь подчеркивает скуку и эмоциональную отстраненность.

Повседневная обстановка, упомянутая в первых строках, банальна. Малларме перечисляет «книги, старые сады, лампу» и «бумагу». «Молодая женщина, кормящая грудью» стоит в конце списка, частью которого она, таким образом, невольно становится, как если бы она была неизвестным человеком.

Все в окружении лирического героя кажется ему невыносимыми. Вот почему он стремится к путешествию в экзотические места, способные избавить его от скуки и принести желанную свободу. Путешествие представляет собой прежде всего бегство, что подчеркивается двойным восклицанием «Бежать! бежать туда!». Таким образом, это синоним вновь обретенной свободы после страданий, связанных с оковами реального мира и повседневной жизни.

Описанное в стихотворении путешествие в неизведанные края метафорически представляет собой поиск свободы в поэтическое творчество. А. В. Акимов трактует его как символ перехода к бесконечному, к идеалу, не связанному с реальностью, отмечая использование реально существующих образов, поддающихся только контекстуальной, а не изолированной интерпретации. Создание образа абстрактного, несуществующего измерения при помощи последовательного отрицания – отказа от природы, творчества и семьи (в виде старых садов, света лампы и молодой женщины) – исследователь считает «главным направлением поэтики Малларме» [\[6, с. 32–33\]](#).

Поэтические образы поражают краткостью и емкостью: «опьяненные птицы» символизируют вновь обретенную свободу и доставляемое ею удовольствие.

Персонификация предполагает, что поэт сливается с птицами и видит себя в «небесах» (можно сравнить с образом бодлеровского Альбатроса, олицетворения свободного поэта в небесах). Энтузиазм и интенсивность эмоций переданы восклицаниями. Решимость выражают слова о том, что ничто не сможет удержать лирического героя от побега, он говорит: «Я уйду!». Эта решимость ощутима в повторяющихся отрицаниях, словно мановением руки сметающих препятствия: «ни старые сады, ни пустынный свет лампы, ни молодая женщина».

То, к чему стремится поэт, идеализировано. В мечтах героя природа представляется как «экзотическая», с «плодородными островками», и «песня моряков» – гимн свободной, романтической жизни – словно вызывает к поэту, побуждая его уйти. И вместе с тем ощутимо некоторое сомнение лирического героя, о нем свидетельствует прерывистый, передающий нерешительность ритм пятнадцатой строки: «Затерянные, без мачт, без мачт и плодородных островков». Путешествие, хотя и идеализированное, не исключает опасностей. В стихотворении присутствует разрыв между желанием уйти, и неким страхом, и его преодолением.

Лирический герой переживает творческий кризис, его метафора – образ белой страницы, «на пустой бумаге, которую защищает белизна», освещенной пустынным светом [своей] лампы». Семья, юная мать с «ее младенцем» не могут препятствовать бегству в бесконечное пространство, стремлению к идеалу. В сравнении со «старыми садами», метафорой старых и избитых тем, путешествие приносит новые поэтические образы. Поэт празднует вновь обретенное вдохновение. Лексическое поле образа моря обширно и ассоциируется с освобождением: «пена, море, пароход, якорь, мачты, кораблекрушения, моряки».

Образ поэта выражен метонимией – «сердце, которое погружается в море». Несколько другой оттенок выделил П. Бенишу, указав на другое значение глагола «se tremper», который кроме «окупаться, погружаться» может также означать «закалиться» [\[7, p. 118\]](#). То есть сердце поэта, как раскаленное железо должно подвергнуться резкому остужению, чтобы обрести прочность, возможно, в следовании пути творчества. П. Бенишу сравнивает это закаляющее погружение с «восстанавливающим купанием» (bain régénérateur), с которым сталкивается лирический герой в стихотворении «Наказанный паяц» [\[7, p. 119\]](#). Восстановление, происходящее посредством погружения в воду, можно сравнить с библейским образом крещения, которое возвращает человека на путь, изначально ему предназначенный Богом – посвящения жизни высшей цели, оставления прежнего образа жизни, смерти для всего земного.

Общая динамика стихотворения предполагает возвышение. Птицы в «небе» олицетворяют вновь найденное вдохновение поэта, обозревающего мир с высоты. Необъятность моря удваивается необъятностью неба, что символизирует свободу, а «островки» описываются как «плодородные», что предполагает изобилие идей.

Малларме в некотором роде признается читателю в тревогах, свойственных ему как молодому поэту. Аллюзии на стихи Бодлера, тему морских странствий, экзотического пространства становятся для него маяками. Особое значение имеют мотивы музыкальности и ритма. «Пение моряков» можно понимать как деталь, придающую экзотический оттенок путешествию, но оно также ассоциируется с музыкальностью стихов, и творческим вдохновением. Эти моряки сравнимы с мифологическими сиренами, увлекающими поэта далеко от дома, в опасное путешествие поэтического творчества.

Стихотворение не раз переводилось на русский язык: известны переводы О. Э

Мандельштама (1910 г.), М. А. Эйслера (1919 г.), М. В. Талова (до 1937 г.), В. Ф. Маркова (1951 г.), Ю. Б. Корнеева (1960 г.), В. В. Левика (1967 г.), Е. Б. Куниной (1960-е гг.), Э. Л. Линецкой (1974 г.), Р. М. Дубровкина (1985 г.). Рассмотрим, как образ поэтического творчества воплощается в двух переводах: О. Э. Мандельштама, на момент создания перевода только вступившего на поэтическую стезю, и М. В. Талова – выдающегося представителя «русского Монпарнаса», автора единственного полного перевода собрания стихотворений С. Малларме.

Первый в России перевод этого текста принадлежит перу О. Э. Мандельштама (1891-1938). Он переводит это стихотворение в 1910 г., переломный в его творческой биографии. Мандельштам возвращается в Россию из Парижа, где провел несколько месяцев, изучая творчество французских символистов. Под влиянием французского символизма стихи Мандельштама становятся более аллегоричными, в них появляются мотивы таинственности, «недоступной красоты». Формируются ключевые черты его стиля: сложность метафор, контрастность, насыщенная образность, использование архаичной лексики. В Санкт-Петербурге публикуются первые стихотворения Мандельштама в журналах «Аполлон» и «Весы». Он создает произведения, вошедшие впоследствии в его первый сборник «Камень» (1913): «Утро», «Камень», «Венеция», «Встреча». Это время Н. А. Струве относит к периоду «запоздалого символизма» в творчестве поэта [\[8, с. 163\]](#).

Мандельштам обратился к переводу Малларме по совету Анненского. Несмотря на то, что это единственное стихотворение Малларме, переведенное Мандельштамом, ученые усматривают устойчивые связи между поэтикой двух авторов. Я. С. Линкова, исследуя этот вопрос, приводит высказывания В. И. Терраса, Р. Дутли, Б. М. Эйхенбаума, подтверждающие сходство, и рассматривает возможность назвать Мандельштама «русским Малларме». Близость тем, мотивов и образов Малларме – в частности музыки, пустоты, творчества, – обнаруживается Я. С. Линковой в стихотворениях Мандельштама 1910-х гг.: «Сусальным золотом горят...» (1908), «На бледно-голубой эмали» (1909), «Слух чуткий парус натягает...» (1910), «Silentium» (1910), «О, небо, небо, ты мне будешь сниться!» (1911), «Медленно урна пустая» (1911), «Адмиралтейство» (1913) [\[9\]](#). Мотив «опостылевшего, опечаленного тела», возникающий в «Морском ветре», А. А. Устиновская обнаруживает в стихотворениях 1909 г.: «Дано мне тело – что мне делать с ним...» и «Истончается тонкий тлен...», а также в произведениях 1910 г.: «Как тень внезапных облаков...», «В огромном омуте прозрачно и темно...», «Silentium», развивающие также мотивы побега [\[10, с. 252-253\]](#). Дополнительно отметим возникающий в стихотворениях «В морозном воздухе растаял легкий дым...» (1909), «Темных уз земного заточенья...» (1910) мотив узничества, неспособности вырваться из плена, перекликающуюся со стихотворениями Малларме о побеге («Лазурь», «Окна», «Лебедь», «Морской бриз»). В уже названном стихотворении «Дано мне тело – что мне делать с ним...» (1909) мотив усталого тела также роднит это стихотворение с «Окнами» Малларме, а отпечаток дыхания лирического героя, оставленный на «стеклах вечности» отсылает нас к образу старика из «Окон»: в попытке дотянуться до идеального солнечного света, он пятнает прикосновением губ прозрачные оконные стекла. Все это позволяет говорить о культурном диалоге, возникающим между Мандельштамом и Малларме, и активном восприятии поэтики французского поэта русским автором.

Малларме, переживавший в период написания стихотворения творческий кризис, от тоски переходит к «песне моряков» – к поэзии, и его сердце погружается в море, то есть в творческую стихию. Мандельштам на момент перевода находится в начале своего творческого пути, поэтому тональность его перевода другая, в нем отсутствует

напряженный драматизм Малларме, который противопоставлял быт и материю Идеалу. В интерпретации Мандельштама возникает пушкинская интонация: в стихотворении «Поэт» (1827) Пушкин изображает поэта, чья душа спит, когда он погружен в мирские заботы. Но стоит ему ощутить творческий порыв – все меняется. Душа его – «пробудившийся орел», он больше не может оставаться в обыденности, но стремится к пространству вдохновения: «Бежит он, дикий и суровый, / И звуков и смятенья полн, / На берега пустынных волн, / В широкошумные дубровы...».

Мандельштам переводит первую половину стихотворения. На это обстоятельство существует два противоположных взгляда – это либо переводческая неудача, либо стилистический прием. К. Рагозина считает этот перевод «незаконченным и неудачным», а причиной такого фрагментарного перевода называет неспособность Мандельштама его завершить [\[11\]](#). Противоположную точку зрения предлагает А. А. Устиновская, утверждающая, что переводчик использовал прием намеренного обрыва текста. Отмечая, что в переводе опущено название текста, отсылающего к морскому путешествию, как и сама морская тематика, связанная с метафорой побега от реальности в мир мечты и творчества, исследователь указывает на переосмысление темы произведения в переводе Мандельштама: «это некий манифест эскапизма, не желание бежать в море, а в целом манифест усталости от жизни, когда «прочитаны все книги», и ничто не может удержать от желания убежать» [\[10, с. 250-251\]](#). И действительно, кроме слов «вспененная вода», в тексте перевода ничто не связывает процесс творчества с морским путешествием. Переведенная оригинальная фраза о «сердце, которое погружается в море» – «сердца, пляшущего, доле» – не только разрывает связь с темой моря, но и создает новый образ – живого сердца, стремящегося к чему-то, и ничто не остановит его стремления. Бегство у Мандельштама – погружение в поэтический экстаз.

В переводе меняется тональность текста. Вместо обилия восклицательных знаков, переводчик вводит многоточия, отражая меланхолическое и медитативное состояние поэта, находящегося в предчувствии творчества. Способствует этому также и опущение междометия «увы!» и восклицания «О, ночи!», выражающих отчаяние лирического героя Малларме.

Мандельштам изменяет ритмический рисунок первой строки, делая его не минорным, а энергичным.

Плоть опечалена, и книги надоели...

Бежать... Я чувствую, как птицы опьянели

От новизны небес и вспененной воды.

Отсутствует вздох «увы!», повторяются два глагола, последний становится в сильной позиции в конце строки. Оригинальная фраза «я прочитал все книги» в первой строке говорит, с одной стороны, обо всех испробованных способах найти вдохновение, досужую скуку, а с другой – символизирует знакомство поэта со всей литературой прошлого и необходимость создать то, что еще никогда ранее не существовало, его готовность к этому. Переведенная фраза «и книги надоели» отражает скуку молодого поэта и желание творить самостоятельно, создавать собственные произведения. Образ птиц, опьяненных «новизной небес» во второй и третьей строках создает впечатление весеннего обновления, символизирующего новую жизнь, новое начало, молодость и расцвет.

Лексика, создающая ощущение опустошенности в стихотворении Малларме, в переводе

Мандельштам трансформируется: «ничто» стало «нет», «пустынный свет» превратился в «пустынный ореол», а «пустая бумага» стала «неисписанными и девственными листами», то есть – это чистый лист, необходимый для нового сочинения.

Нет – ни в глазах моих старинные сады

Не остановят сердца, пляшущего, доле;

Ни с лампою в пустынном ореоле

На неисписанных и девственных листах;

Ни молодая мать с ребенком на руках...

В строках с четвертой по восьмую переводчик воспроизводит множественные отрицания Малларме. «Старинные сады» (сады и парки Петербурга) и «молодая мать с ребенком» – это реальность. Мандельштам использует эти образы, чтобы показать, что никто и ничто не отвлечет поэта от творчества.

Обрывая свой перевод на середине, Мандельштам опускает вторую часть о тоске, скуке и «бесплодных островах». Он пишет про поэтическое вдохновение, возникающее и подчиняющее его. Таким образом, он по-своему воссоздает на русском языке стихотворение Малларме.

Сравним этот перевод с переводом М. В. Талова (1892-1969). Талов переводит текст полностью, сохраняя название стихотворения, количество строк и особенности рифмы. В переводе передан интонационный рисунок и синтаксис стихотворения Малларме, переводчик сохранил все восклицания, за исключением возгласа лирического героя «О, ночи!».

В переводе М. В. Талова возникает аллюзия на слова Христа, обращенные к ученикам в Гефсиманском саду: «Дух бодр, плоть же немощна» (Евангелие от Матфея 26.41), и с ней в переводе возникает религиозный мотив.

Плоть немощна, увы! и я прочел все книги.

Бежать! Туда бежать! Хмельны там чайки в миги

Лета над пеной вод иль в чистой высоте.

Опущение первой части этой фразы позволяет предположить, что плоть – то есть материя, быт – победили лирического героя, и он не в силах повиноваться водительству поэтического духа. Сохранена центральная в строке позиция восклицания «увы!» и точно передана вторая часть полустилиши «и я прочел все книги».

Образ «старых садов, отраженных в глазах» как давно избитых в творчестве тем и мотивов заменен на «древние сады в зеленой красоте», что создает еще более величественное впечатление о том, что герою придется оставить.

Ни древние сады в зеленой красоте,

Ни лампы беглый свет, упавший на бумагу,

Чья снежность плен сулит, губя мою отвагу,

И ни кормящая младенца грудью мать,

– Нет, здесь ничто меня не может задержать.

Я удалюсь!

Множественные отрицания сохранены в тексте перевода: «ни сады, ни лампы, ни мать, нет, ничто, не может, ни мачт, ни островов», но лексическое поле пустоты отчасти утрачено при переводе: «пустынный свет» становится «беглым», а пустота бумаги метафорически изображена как «снежность», добавляющая образу холодность. Ситуация противостояния между творческим процессом и творцом передана в шестой строке: «Чья снежность плен сулит, губя мою отвагу». Эта строка вызывает новое впечатление о том, что путешествие не состоится, если поэт не сможет ничего создать. Образ «беглого света» лампы указывает на движение, несвойственное искусственному свету лампы в отличие от природного света, и компенсирует упоминание о вспышке молнии из тринадцатой строки оригинального текста.

Точно передана тематика морского путешествия, созданная Малларме: «пена вод, челн, якоря, мачты, крушение, моряки». Однако метонимическое изображение поэта как «сердца, которое погружается в море» при переводе утрачено. Автор компенсирует это, вводя дополнительную морскую лексику: птицы из оригинального текста становятся чайками. Пароход у Талова превращается в челн. Древнерусское слово «челн» создает более поэтический образ, нежели «пароход», то есть это величественное странствие, опасное, но влекущее лирического героя. Последняя строка указывает на то, что несмотря ни на что сердце устремлено к поэзии.

О челн, к тропическому краю,

Снимаясь с якоря, с тобою уплываю!

Но Скука в горечи надежд еще пока

Велит мне веровать в прощальный взмах платка.

Но мачты, вызова полны, под дуновеньем

Ветров, быть может, смерть там обретут, крушеньем

Разбитые, без мачт, ни мачт, ни островов...

Но, сердце, вслушайся ты в песню моряков!

Атмосфера сложности и опасности задачи, стоящей перед лирическим героем, усиливается в переводе трехкратным «но» в начале одиннадцатой, тринадцатой и шестнадцатой строк.

Особенность перевода Талова в том, что автор стремится точно воссоздать оригинальные образы на русском языке. Переводчик уделяет большое внимание морским образам, воплощающим стремление к творчеству, дополнительно усиливая их. Экспрессивность перевода направлена на изображение динамики чувств в стихотворении Малларме. В его переводе воссоздана гнетущая атмосфера неспособности лирического героя к творчеству и сопротивление «материала». Талов поэтично передает символику пустоты, созданную Малларме метафорами «пустынного света лампы» и «пустой бумаги, которую защищает белизна». При помощи звукописи Талов сохраняет музыкальность и воспроизводит ощущение тоски оригинального текста.

Переводы О. Э. Мандельштама и М. В. Талова свидетельствуют о разном прочтении

стихотворения Малларме. Талов полностью воспроизводит текст вместе с заголовком. Кроме того, переводчик сохраняет экспрессивность и ведущий образ оригинального текста – морское путешествие как метафора творческого процесса. Хотя не все оригинальные морские образы сохранены («сердце, которое погружается в море»), а образ парохода заменен на более архаичный «челн», очевидно стремление поэта осмыслить и пересоздать в переводе авторские образы. В процессе переосмысления стихотворения Малларме Талов вводит религиозный образ «немошной плоти», создавая ассоциацию творческого процесса с духовным действием. Талов отчасти воссоздает сложный синтаксис оригинального текста: «Ни лампы беглый свет, упавший на бумагу, чья снежность плен сулит, губя мою отвагу, и ни кормящая младенца грудью мать». Отсутствие синтаксического усложнения в варианте Мандельштама делает текст более благозвучным и понятным. Усеченная форма перевода, иная экспрессия, опущение морской тематики в переводе Мандельштама, с одной стороны, позволяет говорить о вольности перевода. Однако с точки зрения восприятия поэтических образов Малларме перевод Мандельштама обладает высокой художественной ценностью, так как переводчик, беря за основу один мотив – мотив утомленного тела – дает стихотворению новое прочтение, создавая настроение творческого энтузиазма, радостного предчувствия поэтического вдохновения. Таким образом, происходит творческое переосмысление оригинальных поэтических образов.

Очевидно, Мандельштам и Талов, работая над своими переводами стихотворения «Морской ветер», руководствовались разными задачами, что привело к появлению двух своеобразных русскоязычных вариантов произведения. Для Мандельштама перевод стихотворения Малларме был переводческой мастерской и поэтическим диалогом с Малларме, тогда как Талов ставил целью «создать русского "Малларме"» [12, с. 50]. Тем не менее можно с уверенностью говорить об усвоении и переосмыслении поэтического опыта Малларме в творчестве Мандельштама, сначала символиста, а позднее акмеиста.

Библиография

1. Багно В.Е. Федор Сологуб переводчик французских символистов // На рубеже XIX и XX веков: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1991. URL: <http://sologub.literature-archive.ru/ru/node/224> (дата обращения: 15.01.2023).
2. Михайлова Т.В. Литература как игра идей: особый путь Валерия Брюсова в русском символизме / Брюсовские чтения 2002 года. Ереван, 2004. С. 259-269.
3. Vidrine D.R. The Theme of Sterility in the Poetry of Mallarme: Its Development and Evolution. 1968. LSU Historical Dissertations and Theses. Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College, Ph.D. URL: https://repository.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2420&context=gradschool_disstheses (дата обращения: 17.08.2023).
4. Малларме С. Сочинения в стихах и прозе: Сборник / Сост. Р. Дубровкин. М.: А./О Издательство "Радуга", 1995. 568 с.
5. Линкова Я.С. Теория чистого искусства и творчество Стефана Малларме // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2006. Вып. 2. С. 110-115. URL: <http://vestnik1.pstgu.ru/ru/series/issue/3/2/article/129> (дата обращения: 30.03.2023).
6. Акимов А.В. Проблема автора и "Великого Творения" в творчестве Стефана Малларме: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 222 с.
7. Bénichou P. Selon Mallarmé, "Bibliothèque des Idées", Gallimard, 1995. 420 p.
8. Струве Н.А. Осип Мандельштам. М.: Русский путь, 2011. 305 с.
9. Линкова Я.С. "Друг друга отражают зеркала": О.Э. Мандельштам - русский С. Малларме? / Я. С. Линкова // Русистика и компаративистика: Сборник научных статей: В

2-х книгах / Ответственный редактор М.Б. Лоскутникова. Том VII, книга 2. Москва: МГПУ, 2012. С. 81-91.

10. Устиновская А.А. Художественные переводы поэтов Серебряного века как форма литературного и межкультурного диалога: дисс. ... д-р фил. наук: 5.9.1 М., 2023. 419 с.

11. Рагозина К. Перевод, незаконченный и неудачный // URL: https://vladivostok.com/speaking_in_tongues/ragozina.htm (дата обращения: 15.04.2024).

12. Талов М.В. Воспоминания. Стихи. Переводы / Составление и комментарии М. А. Таловой, Т. М. Таловой, А. Д. Чулковой. 2-е изд. М.: МИК; Париж: Альбатрос, 2006. 248 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена интерпретации метафоры поэтического творчества в стихотворении «Морской ветер» С. Малларме в переводах О. Э. Мандельштама и М. В. Талова. Актуальность исследования обусловлена интересом научного сообщества как к творчеству Стефана Малларме («переводы произведений Стефана Малларме сыграли ключевую роль в становлении русского символизма как литературного направления», «русские символисты отдавали дань уважения Малларме своими переводами его произведений, перенимая его темы и образы, и используя строки из его стихотворений в качестве эпиграфов»), так и к изучению метафоры в структуре поэтического дискурса как значимой языковой единицы, как тексто- и смыслообразующего элемента поэтического текста, как средства создания интертекстуальных связей и как культурной ценности и лингвистической универсалии.

Теоретической основой работы обоснованно выступили труды таких отечественных и зарубежных исследователей, охватывающие широкий круг вопросов по поэтическому творчеству С. Малларме; художественным переводам поэтов Серебряного века; переводам французских символистов и пр. Библиография насчитывает 12 источников, в том числе литературные; соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. К сожалению, автор(ы) практически не апеллирует к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако в данном случае достаточно сложно судить об актуальных достижениях научного сообщества в данной области знания.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза поэтического текста; описание особенностей функционирования метафор в одном из наиболее популярных и часто цитируемых произведений Малларме, в стихотворении «Морской ветер» (Brise Marine); интерпретативный анализ материала; методы структурно-семантического, контекстуального и семантико-стилистического анализа; а также сравнительно-сопоставительный метод, позволивший сравнить переводы стихотворения «Морской ветер» О. Э. Мандельштама и М. В. Талова, и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования достигнута цель работы и решены поставленные задачи; сделаны выводы о том, что описанное в стихотворении «Морской ветер» путешествие в неизведанные края метафорически представляет собой поиск свободы в поэтическое творчество; сравнительный анализ переводов этого стихотворения О. Э. Мандельштама и М. В. Талова свидетельствуют о

разном его прочтении («Талов полностью воспроизводит текст вместе с заголовком. Кроме того, переводчик сохраняет экспрессивность и ведущий образ оригинального текста – морское путешествие как метафора творческого процесса»; «перевод Мандельштама обладает высокой художественной ценностью, так как переводчик, беря за основу один мотив – мотив утомленного тела – дает стихотворению новое прочтение, создавая настроение творческого энтузиазма, радостного предчувствия поэтического вдохновения») и др. Все выводы соответствуют поставленным задачам, сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Полученные результаты имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в изучение творчества Стефана Малларме, явления метафоры в структуре поэтического дискурса как значимого тексто- и смыслообразующего элемента поэтического текста и могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пролыгина И.В. Стилистические средства выражения иронии в полемическом дискурсе Галена // Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.74384 EDN: LWWBWU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74384

Стилистические средства выражения иронии в полемическом дискурсе Галена

Пролыгина Ирина Викторовна

ORCID: 0000-0001-7492-9750

кандидат филологических наук

зав. кафедрой; кафедра латинского языка и основ терминологии; Российский университет медицины

127006, Россия, г. Москва, ул. Долгоруковская, д. 4

✉ prolygina99@yandex.ru

[Статья из рубрики "Риторика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.74384

EDN:

LWWBWU

Дата направления статьи в редакцию:

10-05-2025

Аннотация: В статье представлен анализ отрывков из сочинений Галена, в которых он высмеивает и очерняет своих оппонентов с помощью разных видов иронии и широкого спектра стилистических средств ее выражения. Публичные медицинские диспуты были частью «агонистической» культуры Второй софистики, поэтому велись с использованием риторического инструментария, характерного для судебного красноречия, в котором победа зависела не только от логических аргументов, но и от ораторского мастерства высмеивания и дискредитации оппонентов. Благодаря полученному в юности греческому образованию, Гален был хорошо знаком с античными риторическими теориями и использовал их на практике для ведения полемики со своими оппонентами. Рассматриваются разные виды иронии, такие как острота, насмешка, издевка и сарказм, а также риторические способы ее выражения. Методология исследования включает в себя традиционные методы историко-филологического анализа, сочетающего изучение источников и сюжетно-смысловой организации текстов, рассмотренных в контексте историко-литературной ситуации II-III вв. н.э., а также исследование релевантных

терминов и понятий, используемых для его характеристики. В зависимости от контекста Гален использует разную степень иронии от ложного самоуничижения до личных оскорблений оппонентов, прибегая к разным стилистическим средствам ее выражения, таким как гипербола, парадокс, антитеза, риторический вопрос, что указывает на остроту интеллектуальных дебатов того времени. Отмечается активное употребление превосходной степени прилагательных, уничижительных сравнений и использование лексических полей глупости, пустословия, невежества, безумия, бесстыдства, а также пословиц, хорошо известных аудитории. Ирония часто содержит философский подтекст, выходя за рамки медицинских споров и затрагивая этические проблемы. Таким образом, она выступает не просто стилистическим украшением, но составляет важную часть полемической стратегии Галена, направленной на утверждение собственного авторитета, и отражает его взгляды на науку, философию и общество, в котором интеллектуальные дебаты требовали не только знаний предмета дискуссии, но и остроумия, а порой и беспощадной критики. Новизна исследования заключается в расширении научных знаний о роли медицинских дебатов в эпоху Второй софистики и восполнении пробелов в области использования риторических приемов в языке медицины.

Ключевые слова:

Гален, ирония, сарказм, полемический дискурс, античные риторика, риторические приемы, Вторая софистика, медицинские диспуты, судебное красноречие, античные медицинские школы

В корпусе текстов Галена встречается много отрывков, которые носят черты иронии и сарказма. Как мы покажем далее, целью этих сатирических отступлений выступает вовсе не желание отвлечь читателя от сухого повествования, развлечь или рассмешить его, завоевав симпатию аудитории оригинальной шуткой. Лишь иногда они служат разъяснению сложной мысли с помощью шуточного образа. В большинстве случаев насмешки для Галена служат оружием в его постоянной полемике с интеллектуальными оппонентами – как врачами, так и простыми обывателями, как современниками, так и далекими предшественниками. Самыми частыми объектами насмешек Галена выступают врач Эразистрат (III в. до н.э.) и его последователи, теории которых Гален высмеивает в сочинении «О естественных свойствах» (*De naturalibus facultatibus*), стоики и перипатетики – в сочинении «Об учениях Гиппократ и Платона» (*De placitis Hippocratis et Platonis*), врачи методической и эмпирической школ – в трактате «О методе лечения» (*De methodo medendi*), атлеты – в «Протрептике» (*Adhortatio ad artes addiscendas*) и др. На основе репрезентативной выборки отрывков из этих и некоторых других сочинений Галеновского корпуса мы проведем их комплексный историко-филологический анализ с исследованием используемого в них риторического инструментария, стилистических приемов выражения иронии и сюжетно-смысловой организации текстов. К задачам исследования относится рассмотрение многозначного понятия «иронии» в античной литературе, в целом, и в античных риториках, в частности; анализ стилистических приемов и вербальных средств выражения иронии в сочинениях Галена, контекстов ее употребления; определение функции, которую ирония выполняет в сочинениях Галена. Объектом исследования, таким образом, выступает корпус сочинений Галена, в частности, те из его сочинений, которые содержат полемические отступления, а предмет исследования составляют стилистические средства выражения иронии в контексте агонистической культуры Второй софистики II-III вв. Научная новизна определяется

недостаточной изученностью места риторики и риторических приемов в языке медицины этого периода.

Уже в Средние века стиль Галена подвергался критике за избыточно резкий и язвительный тон по отношению к его оппонентам. Эта критическая направленность его сочинений неоднократно отмечалась и в работах современных исследователей его стиля, таких как К. Пти [\[1\]](#), В. Наттон [\[2; 3, p. 59-63\]](#), С. Маттерн [\[4, p. 138-40\]](#). В своих полемических отступлениях он часто переходит от иронии к мрачному сарказму, от насмешек к презрительной карикатуре, от критики к поношению и брани. Медицинские дебаты II в. н.э., посвященные разрешению спорной проблемы, истолкованию трудного места, а также разного рода анатомические и хирургические демонстрации, были частью интеллектуальной культуры Второй софистики и носили, как правило, публичный характер. Как показали в своих исследованиях Р. Ханкинсон и Г. фон Штаден [\[5, p. 193-233; 6, p. 33-54\]](#), они служили способом высказать свои взгляды, продемонстрировать открытие, ответить на критику, вступить в диалог или полемику с аудиторией или оппонентами и таким образом упрочить свой авторитет. Подобные диспуты проходили в форме ораторского состязания, так называемого «агона» подобно спортивному состязанию, в котором зрители выбирали победителя и побежденного. С другой стороны, полемика с оппонентами, которых было необходимо изобличить или опровергнуть, велась с использованием риторических приемов, распространенных в судебном красноречии. Таким образом, помимо логических аргументов Гален широко использовал ораторский инструментарий, чтобы подорвать авторитет и репутацию соперника посредством нападок на его личные качества и интеллект [\[7, с. 55-73\]](#).

Одним из риторических приемов высмеивания и очернения оппонента была ирония, которая в античной риторике не имела однозначного понимания и могла трактоваться в отличном от современного значении, таком как «притворство», «лицемерие», а не только «насмешка». Аристотель в «Риторике» пишет о том, что объектом иронии выступает сам иронизирующий: «Ирония (ἰρωνία) отличается более благородным характером, чем шутство (βωμολοχία), потому что в первом случае человек прибегает к шутке ради самого себя, а шут – ради другого» (*Rhet.* 1419B7, 8, с. 228). Подробные рассуждения Аристотеля о смешном, как известно, находились в несохранившейся части «Поэтики» [\[9, с. 299; 10, с. 569-586\]](#). Четырехуровневая классификация иронии сохранилась в псевдоаристотелевом трактате «Риторика к Александру» (IV в. до н.э.), в котором автор выделяет в иронии в порядке усиления высказывания: остроту (ὀτεισμός) насмешку (χλευασμός), издевку (μικτήρισμός) и сарказм или язвительную насмешку (σαρκασμός). В латинской риторической традиции подробные рассуждения об иронии сохранились у Квинтилиана в «Наставлениях оратору» (кн. VIII-IX). Он определяет иронию как троп, при котором слова выражают смысл, противоположный буквальному (IX, 2), а также выделяет ее разные виды: от остроты до сарказма. Несомненно, Гален был знаком с античными риториками и использовал как приемы иронии, так и ее терминологию в своих сочинениях.

Рассмотрим на примере наиболее репрезентативных пассажей те стилистические приемы и вербальные средства выражения иронии, которые использует Гален в полемических контекстах. Сначала приведем несколько отрывков, в которых он описывает софистические дебаты на медицинские темы и приемы, которые использовали оппоненты. В трактате «О методе лечения» Гален высмеивает тех врачей, которые были не способны вести аргументированный диалог и обосновать свои утверждения с помощью наглядных демонстраций: «... затем изливаются женские словеса и, оскорбляя

друг друга, они удаляются, не преподав и не узнав ничего полезного. И нельзя не сказать, что этим безобразием руководят именно те, кто избегает демонстраций. И они избегают их, как ты знаешь, разными способами: одни лишь высокомерно осуждая, другие – высмеивая как некое шутовство (κομψευσόμενοι τὶ βωρολοχικόν), а третьи – переводя разговор в шутку (γέλῳτα) и насмешку (χλεύην). Если же кто осмелится придерживаться разума и прислушаться к доводам, он сразу теряется» (*De meth. med.* К. X, 113). В другом отрывке из сочинения «О естественных свойствах» Гален жалуется на склонность и упрямство некоторых из этих ораторов, сравнивая их с потерпевшими поражение борцами в палестре, которые тем не менее отказываются признать поражение: «Но когда кто-то начнет бесстыдно ходить вокруг да около, не признавая, что потерпел поражение, он будет подобен борцам-любителям, которые, будучи сбиты с ног опытными борцами и лежа на земле навзничь, настолько далеки от признания поражения, что хватают за шею опрокинувших их, не давая им освободиться, и на этом основании считают себя победителями» (*De nat. fac.* К. II, 79-80).

У Галена встречаются целые главы, посвященные описанию этих своеобразных интеллектуальных риторических состязаний. Наиболее ярко его едкий юмор проявляется, конечно, при критике оппонентов, которая, как правило, не ограничивается опровержением их идей с помощью логических аргументов, но распространяется и на их интеллектуальные способности, которые он высмеивает. В качестве одного из риторических способов выражения иронии Гален часто использует гиперболу, которая подчеркивает контраст между сказанным и подразумеваемым. Самыми частыми объектами нападок Галена были древние или современные ему врачи. В сочинении «О естественных свойствах» Гален так отзывается об античном враче Асклеиаде (II-I вв. до н.э.): «стоит послушать и подивиться премудрости этого мужа». Другой далекий предшественник Галена, врач Эризистрат (IV-III вв. до н.э.), в момент наиболее яростной критики называется почтеннейшим (γενναϊότατος) или мудрейшим (σοφώτατος). Характеризуя его учеников, он прибегает к построенной на антитезе иронической литоте, говоря, что: «они способны распознавать все, кроме дел природы». В другом месте, где невежество Асклеиада и Эризистрата в понимании физиологических функций проявляется особенно ярко, Гален притворно удивляется тому, как эти врачи «достигли такой степени мудрости» (*De nat. fac.* К. II, 41, 61, 113, 175, 187). В одном из своих самых известных сочинений по терапии «О методе лечения» постоянным объектом критики Галена выступает врач методической медицинской школы I в. н. э. Фессал Тралльский, которого он высмеивает за его образование и происхождение, замечая с иронией, что «он одержал победу над всеми врачами» и «стал первым среди всех людей». В вопросе совершения ошибок он – «мудрейший», а его соратники – «наилучшие (βέλτιστοι)» (*De meth. med.* К. X, 11, 35).

Одним из приемов ведения полемики было обращение к многочисленным примерам и персонажам из литературы и истории, благодаря которым Гален высмеивал оппонентов и доказывал нелепость их теорий. В комментарии «На сочинение Гиппократов «О природе человека» он упоминает об одном анонимном авторе, который пытался выдать нелепое описание кровеносной системы за отрывок из сочинения Гиппократов, заслужив за это метафорическое прозвище «нового Прометея». Ирония принимает здесь форму риторического вопроса, переходящего в сарказм: «Каким же образом сотворивший все это, словно поистине новый Прометей, совершенно позабыл о таком органе, как сердце? И неудивительно, что он не упомянул и о мозге. Ибо, очевидно, что и этот орган заслуживает меньшего внимания, чем лодыжки» (*In Hipp. De nat. hom.* К. XV, 142).

Ирония у Галена может выражаться снисходительным тоном, который еще более

подчеркивает некомпетентность оппонента и нелепость его теорий. В следующем примере Гален высмеивает врача Архигена Апамейского (I-II вв. н.э.): «Я полагал, что Архиген, преемник столь великих врачей, привнесет некоторую ясность в это учение, а не затуманит его настолько, что даже мы сами не понимаем то, что он говорит, хотя и состарились за трудами этого искусства» (*De loc. aff.* К. VIII, 13). Сначала он проявляет по отношению к Архигену ложную почтительность, однако ожидание его мудрости не оправдывается. С помощью антитезы и гиперболы он подчеркивает его невежество, избегая прямой критики.

В некоторых случаях Гален прибегает к ложной самоиронии, выставляя себя якобы неспособным понять глубину учения оппонента и его мотивацию, и тем самым показывает нелепость его учения. Так, об учении того же Архигена он пишет в другом месте: «Так что я часто недоумевал, клянусь богами, руководствуясь какой идеей он занимался столь нелепым учением» (*Ibid.* К. VIII, 117). Иногда он иронически обращается к своим оппонентам, имитируя полное непонимание вопроса и прося у них разъяснение. Например, он так отзывается об учении Эразистрата: «И мне понадобился бы сам Эразистрат, чтобы ответить на вопрос, какое вещество вызывает изменение, какое способствует свертыванию, а какое придает форму» (*De nat. fac.* К. II, 97).

Ирония может достигать у Галена степени сарказма, благодаря которому он не только высмеивает, но и очерняет и унижает оппонента. Острым и злым шуткам Галена могут подвергаться разные черты его коллег. В сочинении «*О естественных свойствах*» он высмеивает склонность Асклепиада к вымыслу новых теорий в ущерб очевидным и естественным объяснениям. Подвергая критике его атомистическую теорию, он приводит такой парадокс: «Ибо, очевидно, великим и выдающимся делом было верить в невидимые вещи, не веря очевидным» (*Ibid.* К. II, 39). Высмеивая несостоятельность теорий некоторых врачей, Гален часто обращает внимание на двусмысленность и неясность их слога, который можно понять разве что с помощью гадания. О Лике Македонском он замечает, что тот говорил «как будто изрекал пророчество из святилища» (*Ibid.* К. II, 70), а о стиле Фессала Тралльского отзывается следующим образом: «И вот, Фессал не удосужился вовсе дать определение этой болезни, но необходимо прибегать к искусству гадания, чтобы узнать, к чему относится этот термин» (*De meth. med.* К. X, 52).

Стремясь дискредитировать своих соперников, Гален использует сравнения их идей с реалиями из повседневной жизни, которые позволяют выставить их в смешном свете, далеко от интеллектуального контекста обсуждаемого вопроса. Так, об Асклепиаде он пишет, что тот «представлял себе мочевой пузырь чем-то наподобие губки или шерсти» (*De nat. fac.* К. II, 32). Обращая внимание на ошибочность описания кровеносной системы некоторыми из врачей, он приводит следующее сравнение: «Это все равно, что сказать, что в Афинах восемь акрополей, тогда как он всего один» (*In Hipp. de nat. hom.* К. XV, 137).

Чтобы высмеять низкий уровень знаний или слабые умственные способности своих конкурентов, Гален часто ставит их на один уровень с людьми более низкого статуса. Так, об Эразистрате он замечает, что в вопросах анатомии его считали «немногим мудрее мясника», об Асклепиаде – что он «лгал подобно радам», а его последователей называет «невежественнее самих крестьян» (*De nat. fac.* К. II, 91, 55, 66).

Главным лейтмотивом саркастических нападок Галена выступало слабоумие и невежество, которые были присущи либо природе человека, либо обусловлены недостатком воспитания, образования или социальным положением. В сочинении «*О*

методе лечения» он описывает происхождение Фессала, которое должно было объяснить его неспособность понять труды Гиппократов: «Никто из них [последователей Аристотеля – прим. пер.], о дерзейший Фессал, не критиковал учения Гиппократов о природе человека, которые ты, как мне кажется, либо вообще не читал, либо, если и читал, то не понял. А если и понял, то не тебе было судить о них, получившему образование в женской половине дома подле отца, дурно прявшего шерсть. Ибо хорошо известны, как мне кажется, и твой дивный род и твое постыдное воспитание, также как то, что ты словно в театре глухих поносишь Гиппократов и прочих древних! Но кто ты, откуда, какого рода, какого воспитания, какого образования – сначала покажи это, и лишь потом произноси такие речи, узнав прежде, о дерзейший, что ни в одном из городов, управляемых хорошими законами, недопустимо выступать с публичными речами кому попало, но законы позволяют выступать только тому, кто чем-то знаменит и может доказать свое происхождение, воспитание и образование, достойные публичных выступлений» (*De meth. med.* K, X, 9-11).

В другом примере в качестве объекта высмеивания на первый план выходит не происхождение, а тупость и самодовольное невежество. Гален часто приписывает эти качества последователям методической школы, о которых он пишет следующее: «Они настолько глупы и тупы, что даже в старости все еще не понимают последовательности речи» (*De nat. fac.* K. II, 53). Гален не стесняется в выражениях даже в тех случаях, когда говорит о достаточно известных и авторитетных врачах, как например, об Эразистрате, которого называет «совершенно тупым» (τελῆως ὀρῶν τῶν δῖανόων «весьма слабым мыслью и крайне жалким во всех возражениях» (*Ibid.* K. II, 109, 111).

Как истинный философ Гален обличает и такие пороки как стремление к телесным удовольствиям и материальным благам вместо стремления к воспитанию и совершенствованию ума и нравов. В одном отрывке из «Протрептики» он высмеивает тех, кто тратит деньги на развлечения вместо того, чтобы заниматься достойными видами искусств: «Ведь и боевых коней и охотничьих псов они предпочитают всем прочим и, хотя обучают рабов искусствам, часто тратя на них весьма много серебра, сами собой пренебрегают. Ну разве не постыдно, что раб иногда стоит десятков тысяч драхм, тогда как сам его хозяин не стоит и одной? И что я говорю, одной? Никто и даром не взял бы такого! Так неужели они не обесчестили единственно из всех самих себя, не научившись никакому искусству?» (*Protr.*, K. I, 13; 11, с. 287). Для выражения иронии Гален сочетает в этом пассаже целую серию риторических приемов: риторические вопросы, гиперболу, антитезу, восклицания, которые придают убедительность и выразительность его мысли. В конце отрывка он напоминает читателю, что такие люди отвергают общество людей образованных и умеренных и окружают себя льстецами и мошенниками, которые проявляют дружбу только до тех пор, пока пользуются от них благами, но отворачиваются от своих благодетелей, когда удача перестает им улыбаться. Для их жалкой участи он приводит резкое сравнение: «Поэтому не чужд Музам был тот, кто сравнил таких людей с источниками. Ибо те, кто прежде черпал из источников, когда они уже не имеют воды, поднимают платье и мочатся в них» (*Ibid.* I, 11; 11, с. 288).

В этом же трактате Гален насмехается над атлетами и их одержимостью физической силой. Он без колебаний использует гиперболу, говоря о том, что они совершенно неспособны переносить трудности, например, зной и холод, будучи «во всем этом неможнее новорожденных детей», и высмеивает бесполезность их занятий: «А может быть, они считают достойным похвалиться тем, что целый день валяются в пыли? Но это свойственно также перепелам и куропаткам, и если уж следует похвалиться этим, то и тем, что они целый день принимают грязевые ванны» (*Ibid.* I, 27-28; 11, с. 296-297).

Гален использует сразу несколько риторических приемов для создания карикатуры на атлетов: риторический вопрос, уничижительное сравнение с животными, гиперболу и градацию.

Критика интеллектуальных способностей оппонента может переходить на критику отдельных черт его характера, поведение или личные оскорбления (*διαβολή*). Выступая с позиций защиты себя или Гиппократов, Гален часто прибегает к подобным методам ведения полемики (ср. *Arist., Rhet.*, 1416A-B), дабы создать предубеждение у своей аудитории (12, р. 66-72; 13, р. 193-207; 14, р. 103). Цитируя в трактате «О методе лечения» отрывок из Олимпики Милетского, врача методической школы I в. н.э., Гален дает саркастический комментарий его мудрости и смелости, а затем переходит к уничижительному сравнению, подчеркивающему недостаток его интеллектуального развития: «Это дивное изречение мудреца Олимпики, который решился провести различие между болезнью и симптомом. Оно преисполнено стольких заблуждений, что напоминает мне случай с глупцом, который сказал, что не знает, что пройдет, а что не пройдет сквозь решето» (*De meth. med.* К. X, 68). Целый набор резких замечаний и прямых оскорблений Гален высказывает в адрес уже упомянутых врачей методической школы и известных врачей древности, таких как, Эразистрат и Герофил Александрийский. Например, этические и интеллектуальные недостатки Эразистрата он критикует в таких выражениях: «Следует порицать столь беспечных людей, что совершенно не трудятся над тем, чтобы узнать правильно сказанное и кто до такой степени честолобив, что из стремления к новым учениям всегда идет на какую-то хитрость (*πανουργεῖν* τι) и начинает мудрствовать (*σοφίζεσθαι*), одно добровольно опуская из виду, как сделал Эразистрат с соками, а другому злонамеренно противясь, как поступил он же и многие другие из современных врачей» (*De nat. fac.* К. II, 141-142).

Для очернения представителей той или иной медицинской или философской школы Гален часто использует термины со значением «бесстыдство» (*ἠναίσχυντία*, *ἠναίσχυντος* или *ἠναίσχυντέω*). Так, рассматривая разные теории, объясняющие притяжение магнита, он замечает по поводу версии атомистов: «Ибо такая гипотеза не лишена смелости, но, по правде говоря, гораздо бесстыднее предыдущих» (*De nat. fac.* К. II, 51). О враче Асклепиаде он пишет, что его «бесстыдство достойно удивления» (*De elem. sec. Hipp.* К. I, 500), но объектом самой острой критики остается врач Фессал, которого Гален наделяет характеристикой в превосходной степени «наибесстыднейший» (*ἠναίσχυντότατος*) *De meth. med.* К. X, 208). Высмеивая доводы противников, он называет их «смехотворными» (*γέλοιοι*, *καταγελῶμενος*, *καταγέλαστος*). Например, теория Олимпики Милетского столь нелепа, что способна «рассмешить даже ребенка» (*De meth. med.* К. X, 56), а об Асклепиаде и его последователях он пишет, что во время своих рассуждений они постоянно становятся посмешищем (*καταγελῶμενοι*) (*De nat. fac.* К. II, 34).

Своих оппонентов Гален часто называет безумцами и шарлатанами. Так, комментируя одну из теорий Асклепиада, он задает риторический вопрос: «Не следует ли нам полагать, что он безумен (*μαίνεσθαι*) или совершенно несведущ в делах искусства?» (*De nat. fac.* К. II, 41). Другим обвинением служит нелепость и бессмысленность (*ἄλογια*) их суждений. Об атомистах, которые выступали против теории первоэлементов Гиппократов, Гален пишет, что «они болтают о недоказуемых вещах и обманывают самих себя (*παραλογίζονται*), вместо того чтобы делать верные умозаключения (*συλλογίζονται*)» (*De elem. sec. Hipp.* К. I, 446). Часто используется лексика шарлатанства и пустой болтовни (*φλυαρέω*, *ληρέω*, *ἄδολεσχέω*), или уничижительный составной термин *λογιατρός*, «врач на словах» или «врач-болтун» (*De meth. med.* К. X, 582), который часто соседствует с

термином «софист», как например, в отрывке из комментария Галена «На «Прогностику» Гиппократ»: «одних люди называют врачами, а других – софистами и врачами на словах» (*In Hipp. Progn. comm.* К. XVIIIВ, 258).

К стилистическим средствам выражения иронии, несомненно, стоит отнести и многочисленные анекдоты, пословицы и фразеологизмы, которые Гален приводит для высмеивания своих оппонентов. Все эти выражения относились к разговорной греческой традиции и были рассчитаны на массового зрителя. Они показывают богатство и разнообразие источников острого юмора Галена. Приведем несколько цитат, в которых он высмеивает известных врачей. В первом примере он иллюстрирует свой упрек Лику Македонскому в непоследовательности и несогласованности его теорий следующей пословицей: «И вот, согласно пословице, он подобен белой вороне, которая не может смешаться ни с самими воронами из-за цвета, ни с голубями из-за размера» (*De nat. fac.* К. II, 71). Во втором случае он насмехается над умственными способностями Асклепиада: «но поскольку мы уже достаточно наговорили, не по своей воле, но, как сказано в пословице, будучи вынуждены безумствовать с безумными <...>» (*De nat. fac.* К. II, 56). Высмеивая в трактате «О собственных книгах» тех, кто не получил базового образования в области сфигмологии и не знает простых вещей, он говорит: «О таких вещах спрашивают те, кто не учился у учителей и похож на кормчих, которые согласно пословице пытаются управлять кораблем по книге» (*De libr. pr.* К. XIX, 33; ср. *Plato, Polit.* 298A; 15, с. 659; 16, р. 35-50).

Помимо пословиц и поговорок Гален использует разного рода анекдоты и поучительные истории, например, о Диогене, Хрисиппе, атлете Милоне и некоторых анонимных персонажах. Иногда объектом насмешек выступает не отдельный персонаж, а пороки и страсти людей (17, р. 87-99). Так, обличая раздражительность и гнев одного своего друга критянина, он приводит рассказ, в котором сам выступает одним из персонажей: «Тогда мой друг критянин, осыпая себя многочисленными упреками, взял меня за руку и привел в некий дом, где, дав мне ремень и сняв с себя одежду, приказал бичевать его за то, что он сделал под властью проклятого гнева – ибо так он назвал его. Когда же я, естественно, рассмеялся, он, упав на колени, стал просить выполнить его просьбу. И, ясное дело, что чем настойчивее он просил высечь его, тем более заставлял меня смеяться» (*De propr. an. aff. dign.*, 4, К. V, 18-19).

Подводя итог проведенному анализу стилистических средств выражения иронии в полемическом контексте Галена, можно сделать несколько выводов. Ирония в сочинениях Галена выступает не просто стилистическим украшением, но важным риторическим приемом в борьбе с интеллектуальными оппонентами, выполняя функцию их дискредитации и очернения. Чаще всего он использует такие приемы, как гипербола, парадокс, антитеза, бессоюзие, сравнение, повторы, риторический вопрос, сарказм, активно употребляет превосходную степень прилагательных и широкие лексические поля глупости, пустой болтовни, невежества, безумия, наглости и бесстыдства. Все эти черты полемического стиля Галена отражают особенности интеллектуальной культуры II в., когда публичные научные диспуты велись по правилам риторических и судебных прений и были направлены на убеждение аудитории и утверждение собственного авторитета. Гален как опытный полемист использует разные формы иронии – от легкой насмешки до язвительного сарказма: с помощью гиперболы и антитезы подчеркивает контраст между высказыванием и тем, что оно подразумевает, сравнивает оппонентов с животными, рабами и невеждами, подчеркивая нелепость их теорий, использует анекдоты, пословицы и фразеологизмы, чтобы сделать критику более выразительной и доступной для широкой аудитории. Частью стратегии Галена по подрыву доверия к оппонентам

можно считать и прямые оскорбления оппонентов с высмеиванием их личных качеств, происхождения, воспитания и моральных качеств. Кроме того, ирония содержит и философский подтекст, часто выходя за рамки медицинских споров и затрагивая этические вопросы. Гален высмеивает стремление к славе, богатству и поверхностному знанию, противопоставляя им идеал истинного знания и нравственного совершенствования. Таким образом, ирония в сочинениях Галена служит сознательным полемическим инструментом, отражающим его взгляды на науку, философию и общество, в котором интеллектуальные дебаты требовали не только знаний предмета дискуссии, но и остроумия, а порой и беспощадной критики.

Библиография

1. Petit C. Galien et le "discours de la méthode": rhétorique(s) médicale(s) à l'époque romaine / J. Coste, D. Jacquart, J. Pigeaud (eds.). La rhétorique médicale à travers les siècles: actes du colloque international de Paris, 9 et 10 octobre 2008. Genève: Droz, 2012. P. 49-75.
2. Nutton V. Galen's rhetoric of certainty / J. Coste, D. Jacquart, J. Pigeaud (eds.). La rhétorique médicale à travers les siècles: actes du colloque international de Paris, 9 et 10 octobre 2008. Genève: Droz, 2012. P. 39-49.
3. Nutton V. Galeni De praecognitione. Galen. On Prognosis. CMG V 8, 1. Berlin: Akademie-Verlag, 1979.
4. Mattern S. Galen and the Rhetoric of Healing. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2008.
5. Hankinson R. J. Galen's Anatomy of the Soul // Phronesis. 1991. Vol. 36, no. 3. P. 197-233.
6. von Staden H. Galen and the "Second Sophistic" // R. Sorabji (ed.). Aristotle and After. Bulletin of the Institute of Classical Studies, Supplement LXVIII. London, 1997. P. 33-54.
7. Пролюгина И.В. Гален как представитель греческой *paideia* эпохи Второй софистики // Hypothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры. 2024. № 8. С. 55-73. DOI: 10.32880/2587-7127-2024-8-8-55-73 EDN: QSILSU.
8. Аристотель и античная литература / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1978.
9. Античные риторики / Под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Издательство Московского университета, 1978.
10. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Кн. 2. М.: Фолио, 2000. С. 569-586.
11. Пролюгина И.В. Гален. Увещание к занятию медициной. Вступ. статья, пер. с древнегреческого и примечания И.В. Пролюгиной // Вестник древней истории. 2013. № 3 (286). С. 283-299. EDN: RJYHLR.
12. Rambourg C. Aristote et le dénigrement. Analyse des rapports entre la théorie rhétorique et la diabolè / L. Albert, L. Nicolas (eds.). Polémique et rhétorique de l'antiquité à nos jours. Bruxelles, 2010. P. 65-77.
13. Piazza F. Διαβολή: the personal attack in Greek rhetoric / L. Calboli Montefusco, M. S. Celentano (eds.). Papers on Rhetoric XII. Perugia, 2014. P. 193-207.
14. Petit C. Galien de Pergame ou la rhétorique de la Providence. Leiden, Boston: Brill, 2018.
15. Пролюгина И.В. Гален. О собственных книгах. // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2017. Т. 11, № 2. С. 636-677. DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.6485 EDN: ZDOHBT.
16. Roselli A. Ἐκ βιβλίου κυβερνήτης: I limiti dell'apprendimento dai libri nella formazione tecnica e filosofica (Galeno, Polibio, Filodemo) // Vichiana. 2002. 4a Serie, anno IV, 1. P. 35-50.

17. Singer P.N., Rosen R.M. (eds.) The Oxford Handbook of Galen. Oxford, 2024.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Работа "Стилистические средства выражения иронии в полемическом дискурсе Галена" представляет собой исследование в области классической филологии и латинистики.

Представленное исследование вносит вклад в изучение риторических фигур и тропов, а также стилистики текстов Галена.

В статье рассмотрены функции иронии, являющейся, по мнению автора, риторическим инструментом в полемике его современниками. Высмеивание и, в частности, ирония в текстах Галена сравнивается автором с судебными речами и со спортивными состязаниями. Подчеркивается, что осмеяние как приём играло важную роль в медицинских диспутах.

Статья состоит из введения, основной части, заключения и библиографии.

Теоретическая база исследования основывается на большом количестве источников, что обуславливает интерес специалистов и актуальность данной темы.

Целью работы является выявление стилистических средств иронии в полемике Галена.

Объект исследования - античные полемические тексты авторства Галена, содержащие иронию.

Предметом исследования является функция иронии как тропа в дискурсе Галена.

Материалом для исследования послужили письменные тексты Галена, в которых он обращается к своим оппонентам в ироническом ключе.

В основной части автор подробно анализирует особенности иронии Галена, иллюстрируя свои утверждения большим количеством примеров. В частности, ирония у него сочетается с гиперболой.

Основным объектом высмеивания выступает интеллект собеседника. Тут автором в сочетании с иронией обнаружены как гипербола, так и литота. Подчеркивается также, что Гален использует иронию как оружие против своих оппонентов, гиперболизируя и жестоко насмехаясь над ними. Предметом осмеяния выступают спортсмены, врачи, медработники.

Автор утверждает, что "к стилистическим средствам выражения иронии, несомненно, стоит отнести и многочисленные анекдоты, пословицы и фразеологизмы, которые Гален приводит для высмеивания своих оппонентов".

Стиль статьи полностью соответствует предъявляемым требованиям к написанию научных статей.

В заключении автор делает вывод, что "ирония в сочинениях Галена выступает не просто стилистическим украшением, но важным риторическим приемом в борьбе с интеллектуальными оппонентами, выполняя функцию их дискредитации и очернения.". Учитывая количество и характер полученных данных, вывод автора можно признать достоверным.

Однако в статье есть ряд недостатков. Так, не указан метод исследования, не описаны его этапы. Нечётко оговорены задачи, неизвестно количество проанализированного материала.

Таким образом, статья "Стилистические средства выражения иронии в полемическом дискурсе Галена" соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям

данного направления исследований, в связи с чем статья может быть рекомендована к публикации в журнале "Филология: научные исследования" после устранения упомянутых выше недостатков.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Стилистические средства выражения иронии в полемическом дискурсе Галена».

Предмет исследования – стилистические приемы и вербальные средства выражения иронии в сочинениях Галена, контексты употребления иронии и особенности раскрытия ее содержания в полемическом дискурсе Галена.

Методология исследования основана на сочетании теоретического и эмпирического подходов с применением методов анализа, сравнения, обобщения и синтеза.

Актуальность работы обусловлена интересом исследователей к эволюции феномена иронии, стилистическим средствам выражения иронии в дискурсе, а также причинам популярности этого феномена среди определенного общества людей в разные эпохи: анализ отрывков из сочинений Галеновского корпуса позволяет выявить особенности полемического дискурса Галена через призму иронии, а также выявить особенности интеллектуальной культуры II в. н.э.

Научная новизна обусловлена тем, что исследование является попыткой комплексного историко-филологического анализа репрезентативной выборки отрывков из сочинений Галеновского корпуса с исследованием используемого в них риторического инструментария, стилистических приемов выражения иронии и сюжетно-смысловой организации текстов.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура работы прослеживается, хотя автором не выделены основные смысловые части: введение (содержит постановку проблемы, дана краткая характеристика стиля Галена); основная часть (автор последовательно рассматривает стилистические приемы и вербальные средства выражения иронии, которые использует Гален в полемических контекстах: гипербола, парадокс, антитеза, бессоюзие, сравнение, повторы, риторический вопрос, сарказм, превосходная степень прилагательных и широкие лексические поля глупости, пустой болтовни, невежества, безумия, наглости и бесстыдства; теоретические измышления автора подкреплены конкретными примерами); заключение (автор делает общие выводы; отмечено, что ирония в сочинениях Галена выступает не просто стилистическим украшением, но важным риторическим приемом в борьбе с интеллектуальными оппонентами, выполняя функцию их дискредитации и очернения); библиография (включает 16 источников). Содержание в целом соответствует названию.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Полученные результаты могут быть полезны филологам, лингвистам, историкам науки и медицины, а также могут быть использованы в лекционных курсах и практических занятиях по аналитическому чтению античных авторов.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы объект, предмет и научная новизна проведенного исследования, стоит также дать более подробную характеристику эмпирического материала. Для лучшего восприятия статьи было бы уместно ввести подзаголовки.
2. В начале статьи необходимо уделить бóльшее внимание обзору и анализу научных

работ, теоретический анализ источников является недостаточным/

3. В библиографии стоит увеличить долю научных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории и после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования рецензируемой статьи выступает «корпус сочинений Галена, в частности, те из его сочинений, которые содержат полемические отступления», предмет исследования «составляют стилистические средства выражения иронии указанном корпусе». Соглашусь, что научная новизна работы «определяется недостаточной изученностью места риторики и риторических приемов в языке медицины II-III вв. Автор обозначает, что «на основе репрезентативной выборки отрывков из этих и некоторых других сочинений Галеновского корпуса мы проведем их комплексный историко-филологический анализ с исследованием используемого в них риторического инструментария, стилистических приемов выражения иронии и сюжетно-смысловой организации текстов». Вектор, который задан исследователем, оправдан, конкретизирован. На мой взгляд, малая изученность данного вопроса связана еще и со сложностью адекватной критики. Однако разбор, несомненно, нужен, он перспективен, разнопланов. Работа интересна, содержательна; большая часть суждений выверена и точна. Стиль ориентирован на научный тип: например, «одним из риторических приемов высмеивания и очернения оппонента была ирония, которая в античной риторике не имела однозначного понимания и могла трактоваться в отличном от современного значении, таком как «притворство», «лицемерие», а не только «насмешка», или «В трактате «О методе лечения» Гален высмеивает тех врачей, которые были не способны вести аргументированный диалог и обосновать свои утверждения с помощью наглядных демонстраций: «... затем изливаются женские словеса и, оскорбляя друг друга, они удаляются, не преподав и не узнав ничего полезного. И нельзя не сказать, что этим безобразием руководят именно те, кто избегает демонстраций. И они избегают их, как ты знаешь, разными способами: одни лишь высокомерно осуждая, другие – высмеивая как некое шутовство (κομψευσάμενοι τὶ βωμολοχικόν), а третьи – переводя разговор в шутку (γέλωτα) и насмешку (χλεύην)» и т.д. Ссылки / цитации оформлены верно, текст не нуждается в серьезной правке: «Аристотель в «Риторике» пишет о том, что объектом иронии выступает сам иронизирующий: «Ирония (ἰρωνία) отличается более благородным характером, чем шутовство (βωμολοχία), потому что в первом случае человек прибегает к шутке ради самого себя, а шут – ради другого» (Rhet. 1419B7, 8, с. 228). Подробные рассуждения Аристотеля о смешном, как известно, находились в несохранившейся части «Поэтики» [9, с. 299; 10, с. 569-586] и т.д. По ходу текста тема раскрывается весьма профессионально, цель достигается планомерно и точно. Примеры, на мой взгляд, удачны, автор старается подобрать наиболее яркие формы / места использования иронии, тем самым сделав акцент на разности использования этой риторической фигуры. Например, «ирония у Галена может выражаться снисходительным тоном, который еще более подчеркивает некомпетентность оппонента и нелепость его теорий. В следующем примере Гален высмеивает врача Архигена Апамейского (I-II вв. н.э.): «Я полагал, что Архиген, преемник столь великих врачей, привнесет некоторую ясность в это учение, а не затуманит его настолько, что даже мы сами не понимаем то, что он говорит, хотя и состарились за трудами этого искусства» (De loc. aff. K. VIII, 13)»,

или «В некоторых случаях Гален прибегает к ложной самоиронии, выставляя себя якобы неспособным понять глубину учения оппонента и его мотивацию, и тем самым показывает нелепость его учения» и т.д. Даже при полном соблюдении требований текст желательно вычитать, устранить опечатки и неточности: например, «Стремясь дискредитировать своих соперников, Гален использует сравнения их идей с реалиями из повседневной жизни, которые позволяют выставить их в смешном свете, далеком от интеллектуального контекста обсуждаемого вопроса». Работа примечательна также и реализацией фактора обобщения, это тоже весьма ценно для научного труда: например, «для выражения иронии Гален сочетает в этом пассаже целую серию риторических приемов: риторические вопросы, гиперболу, антитезу, восклицания, которые придают убедительность и выразительность его мысли». Как видим, термины, понятия трактуются правильно, синкретическая природа оценки полемиического дискурса Галена объективна. Автор в финале приходит к выводу, что: «ирония в сочинениях Галена выступает не просто стилистическим украшением, но важным риторическим приемом в борьбе с интеллектуальными оппонентами, выполняя функцию их дискредитации и очернения», «Гален как опытный полемист использует разные формы иронии – от легкой насмешки до язвительного сарказма: с помощью гиперболы и антитезы подчеркивает контраст между высказыванием и тем, что оно подразумевает, сравнивает оппонентов с животными, рабами и невеждами, подчеркивая нелепость их теорий, использует анекдоты, пословицы и фразеологизмы, чтобы сделать критику более выразительной и доступной для широкой аудитории», и, наконец, «ирония в сочинениях Галена служит сознательным полемическим инструментом, отражающим его взгляды на науку, философию и общество, в котором интеллектуальные дебаты требовали не только знаний предмета дискуссии, но и остроумия, а порой и беспощадной критики». Работа самостоятельна, нетривиальна, по-своему нова; материал можно использовать при изучении ряда гуманитарных дисциплин. Рекомендую статью «Стилистические средства выражения иронии в полемическом дискурсе Галена» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования» ИД «Nota Bene».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Родионова О.П. Путь к благосостоянию в романе китайского писателя Лян Сяошэна «Я и моя судьба» (2021) //

Филология: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.5.74395 EDN: METAOQ URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74395

Путь к благосостоянию в романе китайского писателя Лян Сяошэна «Я и моя судьба» (2021)

Родионова Оксана Петровна

ORCID: 0000-0001-9984-0795

кандидат филологических наук

доцент, Восточный факультет, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 7-9-11

✉ o.rodionova@spbu.ru

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.5.74395

EDN:

METAOQ

Дата направления статьи в редакцию:

11-05-2025

Аннотация: В данной статье анализируется роман китайского писателя Лян Сяошэна (р. 1949) «Я и моя судьба» (2021). Особое внимание уделяется отражению динамичной жизни китайского общества в эпоху экономических перемен конца XX – начала XXI вв. Поскольку действие развивается на нескольких площадках, среди которых бедная деревушка и вырастающий в современный мегаполис Шэньчжэнь, то данный литературный текст отражает способы достижения благосостояния в разных социальных слоях. Стоящая в центре романа тема пути к благосостоянию берет истоки в популярной в Китае в 1980-е гг. «литературе реформ», когда первые литературные эксперименты стали откликом на реформы Дэн Сяопина, большая часть которых была направлена на борьбу с бедностью. Вторая волна социально-экономических преобразований в КНР началась с приходом к власти осенью 2012 г. Си Цзиньпина, который сформулировал идею «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации». Применяв контент-анализ, а также количественный лексический анализ текста, были выявлены вопросы и темы, волнующие Лян Сяошэна. Значимость темы обогащения и избавления от бедности

подтверждает тот факт, что иероглиф, обозначающий слово «деньги» употребляется 428 раз. Для сравнения, иероглиф, обозначающий слово «судьба», который вошел в название романа, употребляется 155 раз. Роман Лян Сяошэна "Я и моя судьба" является новейшим произведением автора и до сих пор не изучался в отечественной науке. Исследование демонстрирует всестороннее отражение в романе основных этапов экономического развития Китая в 1980-2010-х гг., что делает его ценным источником культурологических и социологических сведений о настроениях в китайском обществе. Обращение к теме избавления от бедности сочетается как с общественной и культурной повесткой Китая, так и задачами политики реформ и открытости. При этом роман не несет черт заказного произведения, а является проявлением гражданской и творческой позиции автора. Сравнивая роман Лян Сяошэна с произведениями Дун Си, Лю Чжэньюня, Мо Яня, Шэн Кэи, мы видим, что, описывая неравенство и трудовую миграцию, автор делает акцент на успешном преодолении материальных и моральных вызовов.

Ключевые слова:

Лян Сяошэн, Китайская литература, Благополучие, Бедность, Китай, Город, Деревня, Трудовая миграция, Шэньчжэнь, Экономические реформы

На сегодняшний день новейшая китайская литература насчитывает более сорока лет развития. Состоявшийся в декабре 1978 г. в Пекине 3-й пленум 11-го созыва ознаменовал новый старт для движения Китая к переменам практически во всех сферах жизни. Политика реформ глубоко преобразила страну, привела к значительному росту благосостояния у ее жителей. Новейшая китайская литература, особенно ее реалистическое направление, как нельзя лучше отражает вызовы на пути Китая в последние десятилетия и способы их преодоления. Писатели старшего поколения, чей жизненный опыт позволяет сравнить жизнь в Китае до и после 1978 года, каждый на свой лад раскрывают темы и проблемы, волнующие все китайское общество.

Творчество писателя Лян Сяошэна (梁晓声, р. 1949), который является ровесником Китайской Народной Республики, представляет собой удачный пример отражения динамичной жизни китайского общества в эпоху экономических перемен. В 2019 г. его трехтомный роман «Путешествие длиной в жизнь» (人世间, 2017) был удостоен литературной премии Мао Дуня. В скором времени по этому роману сняли одноименный 58-серийный сериал, который транслировался на одном из главных китайских каналов и, по заверениям самого автора, стал самым рейтинговым среди остальных телесериалов ^[1]. Причиной такого успеха, на наш взгляд, помимо качественной режиссерской работы, является богатый житейский опыт писателя, который настолько правдиво и многогранно описал три поколения своих героев, что практически каждый зритель узнал в них себя или своих знакомых.

Роман Лян Сяошэна «Я и моя судьба» (我和我的命, 2021)^[1] – первое произведение писателя, написанное им после получения премии Мао Дуня. Этот роман также относится к реалистическому жанру, но на этот раз он ориентирован скорее на молодого читателя. Любопытно, что произведение написано от первого лица, а точнее от лица девочки-девушки-молодой женщины Фан Ваньчжи, которая проходит свой путь от самого рождения до примерно сорока лет. В какой-то момент героиня знакомится еще с двумя девушками, в итоге у читателя появляется возможность проследить как складывается не

одна, а сразу три человеческие судьбы в эпоху построения китайского экономического чуда. Очень знаковым является и то, что действие романа развивается сразу на нескольких сценах – в бедной горной деревушке, в небольшом городке провинции Гуйчжоу, в Шэньчжэне, который буквально на глазах вырастает в современный мегаполис, а также в Шанхае. Такое разнообразие сцен, большая временная протяженность сюжета (1982-2020), а также принадлежность героинь к разным социальным слоям позволяют самым детальным образом исследовать одну из главных тем романа – путь к благосостоянию в китайском обществе конца XX – начала XXI вв. Значимость темы обогащения и роста уровня жизни для писателя подтверждает еще и тот факт, что на 377 страниц оригинального текста романа иероглиф, обозначающий слово «деньги» (钱) употребляется 428 раз! Для сравнения, иероглиф, обозначающий слово «судьба» (命), который вошел в название романа, употребляется лишь 155 раз.

Заявленная тема берет свои истоки в популярной в 1980-е годы «литературе реформ», в авангарде которой выступили такие писатели как Цзян Цзылун (蒋子龙, р. 1941), Гао Сяошэн (高晓声, 1928-1999), Чжан Сяньлян (张贤亮, 1936-2014), Чжан Цзе (张洁, 1937-1992) и др. Первые литературные эксперименты стали откликом на реформы Дэн Сяопина (邓小平, 1904-1997), большая часть которых была направлена на борьбу с бедностью. В связи с переходом от плановой к «социалистической рыночной экономике» в стране были приняты решения о проведении аграрной реформы, развитии индивидуального предпринимательства и привлечении иностранных инвестиций. Именно идеи Дэн Сяопина о реформах и открытости определили развитие Китая на несколько десятилетий вперед. Вторая мощная волна социально-экономических преобразований в КНР началась с приходом к власти осенью 2012 г. Си Цзиньпина (习近平, р. 1953), который, повторяя слова Дэн Сяопина, подчеркнул: «Бедность – это не социализм» [2, с. 5]. И. Ю. Зуенко в монографии «В эпоху Си Цзиньпина» указывает, что 29 ноября 2012 г. во время посещения выставки с символическим названием «Дорога к возрождению», Си Цзиньпин «произнес речь, в которой была сформулирована идея «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации» [3, с. 283]. Чуть позже для реализации этой идеи были назначены конкретные сроки – создать «богатое и могущественное, демократическое и цивилизованное, гармоничное и современное социалистическое государство» к столетию КНР, то есть к 2049 г. В основе предложенной Си Цзиньпином концепции лежит «идея построения процветающего и могущественного государства, мечта о национальном возрождении и достижении всеобщего народного благоденствия» [4, с. 82]. Одной из приоритетных задач «китайской мечты» (中国梦 *чжунго мэн*) стала борьба с бедностью и построение «общества среднего достатка» (小康 *сяокан*). Тогда же «руководство Китая фактически дало торжественное обещание народу, что будет сделано всё, чтобы всё население страны, все слои и народности, включая, прежде всего, бедное население, вместе вошли в общество «сяокан», что ни один не останется за его пределами!» (цит. по [2, с. 5]).

В итоге, за сорок с лишним лет проводимых реформ был принят целый ряд конкретных документов: «1984 г. - «Уведомление ЦК КПК и Госсовета о поддержке ускорения преобразования облика бедных районов»; 1994 г. - «Государственный 7-летний план сокращения бедного населения на 80 млн человек (1994-2000 гг.)»; 2001 г. - «Программа борьбы с бедностью в деревне Китая (2001-2010 гг.)»; 2011 г. - «Программа борьбы с бедностью в китайской деревне (2011-2020 гг.)» (цит. по [2, с. 5]). Как указывает Л. Д. Бони в статье «Ликвидация бедности в Китае», на 5-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва 2015 г. были сформулированы четкие критерии «порога» абсолютной бедности и выдвинута программа, «гарантирующая пять важнейших потребностей жизни

- «лянгэ бучоу, саньгэ баочжэн» («две заботы» и «три гарантии»), т. е. не беспокоиться о пище и одежде и иметь 3 гарантии обеспечения нормальной жизни – 9-летнего образования, основных медицинских услуг и безопасности жилья» (цит. по [\[2, с. 9\]](#)).

Все указанные этапы и сопровождающие их директивы так или иначе находят отражение в романе Лян Сяошэна «Я и моя судьба». Его отличительной чертой стало то, что в этом произведении автор, в отличие от писателей, шедших в авангарде литературы о реформах в 1980-е годы, получил возможность оценить не только старт, но уже целую эпоху проводимых в китайском обществе экономических реформ, причем делает он это с «высоты» двадцатых годов XXI века, что позволяет ему нарисовать гораздо более объемную картину и создать более глубокие и объемные характеры своих персонажей.

Помимо Лян Сяошэна, разработку данной темы в новейшей китайской литературе проводят и другие писатели. Например, очень пронзительно и скорее в пессимистичном ключе она реализуется в романе Дун Си (东西, р. 1966) «Переломленная судьба» (篡改的命, 2015), в названии которого также есть слово «судьба» (命). Главный герой этого произведения как ни старался, так и не смог изменить свою судьбу. В итоге ценой собственной жизни он меняет судьбу новорожденного сына, которого отдает на воспитание в состоятельную семью, а сам, согласно условиям сделки, кончает собой. В связи с темой пути к благосостоянию в отражении китайской литературы возникает целый ряд вопросов: какие качества и навыки помогают преодолевать трудности на пути к благосостоянию; как семейные связи и традиции влияют на жизненный выбор персонажей; каким образом культурные нормы формируют представления о богатстве и успехе; все ли измеряется деньгами; какие моральные дилеммы приходится решать людям на пути к состоятельному образу жизни?

Действие романа «Я и моя судьба», начинается осенью 1982 г. Именно тогда на свет появляется главная героиня романа – Фан Ваньжи. Ее семья (родители и две старшие сестры) проживает в глухой горной деревушке. Чтобы показать все отчаяние нищей жизни в деревне тех лет писатель сообщает о том, что прежде, чем родить уже третьего ребенка, родители решили с помощью городского гадала выяснить пол ребенка. Он приводит следующий пассаж: *«Если бы гадание вдруг показало, что я – девочка, то меня, согласно «заранее утвержденному плану», тут же отдали бы другим людям. Об этом они заранее договорились с двумя семьями из поселка у подножия горы. Одна семья согласилась выложить за меня два мешка батата; а другая – тридцать-сорок плиток черепицы. Крыша в нашем доме протекала практически полностью, так что новая черепица требовалась позарез. Но в итоге родители решили, что более выгодно договориться с семьей, которая предлагает батат, в таком случае они бы сэкономили свое зерно, а продав зерно, купили бы уже не тридцать-сорок плиток черепицы, а больше»* [\[5, с. 13\]](#). К счастью, героине повезло – волею судьбы ее мать разрешилась от родов прямо в доме у главной акушерки Юйсяня – городка, располагавшегося прямо у подножия горы. Собственно, в тот же день настоящие мать с отцом оставили дочь в этой благополучной городской семье, понимая, что для новорожденного дитя – это лучший из всех возможных вариантов. Фан Ваньчи узнает горькую правду о своем происхождении только в двадцать лет. Первое чувство, которое испытывает девушка, это сильнейшая жалость к себе и ко всем деревенским жителям: *«Я жалела себя. Жалела за то, что еще до появления на свет моей судьбой успели распорядиться; а еще я жалела жителей Шэньсяньдина, которые в те годы так сильно мучились от нищеты...»* [\[5, с. 14\]](#). Деревенская нищета описывается в ненавязчивых деталях, например, партсекретарь, угощаясь змеиным шашлычком, говорит, *«что уж и не помнит, когда в последний раз ел мясо»* [\[5, с. 103\]](#). Тем не менее, в начале восьмидесятых годов XX в. первые подвижки к

лучшему в деревнях все-таки наметились. Вот как 1982 год описан в романе: «В тот год право на пользование землей уже передали крестьянам, производственные бригады исчезли и деревни снова стали называться деревнями...» [5, с. 7]. Передача земли крестьянам стала, пожалуй, важнейшим этапом, который задал вектор всему последующему благожелательному восприятию реформ со стороны народа. Вот как об этом написано в романе: «В 1982 году крестьяне ждали Дня образования КНР как никогда. Ведь земля теперь перешла к крестьянам, и народ наконец-то получил долгожданную свободу на частную деятельность. Что касается торговли сельхозпродукцией, то ее уже не душили как прежде, разрешалось даже устраивать распродажи зерна» [5, с. 17].

Далее примерно с промежутком в десять лет писатель на примере самых бытовых ситуаций показывает конкретные перемены в жизни китайских сограждан. Поскольку развитие сюжета происходит одновременно на городской и деревенской площадках, то у нас появляется возможность увидеть проблему заметного социального расслоения китайского общества и как следствие сильного контраста между городом и деревней. Вот как, например, описывается город и деревня образца 1993 года: «В 1993 году бум поездок крестьян на заработки докатился и до деревни... вся деревня Шэньсяньдин выглядела обветшалой. Молодежь и люди постарше все как один подались на заработки... Поскольку весь молодняк, особенно мужчины, разъехался кто куда, то заниматься строительными работами в деревне было особо некому. Хоть мужики и оставались основной рабочей силой, однако возвращаясь домой, совсем не спешили приводить свои жилища в порядок. Теперь у них появилось новое видение жилого идеала – они мечтали построить на заработанные деньги добротные кирпичные здания, которые впоследствии унаследуют их дети и внуки. А на свои старые домишки они уже давно смотрели свысока. Просто на данный момент им пока что не хватало средств, чтобы осуществить мечту...» [5, с. 37-38]. Буквально тут же главная героиня замечает, что хотя на тот момент она училась всего лишь в пятом классе, она ощутила сильную разницу в скорости, с которой менялись город и деревня: «Пусть наш Юйсянь в те годы развивался небыстро, все равно каждый год он преображался и выглядел уже иначе, чем прежде. А вот в Шэньсяньдине за десять с лишним лет произошло лишь одно изменение – он стал совсем заброшенным: все выглядело так, словно жители решили от него отказаться [5, с. 38]. Также разительно отличается и внешний облик городских и деревенских жителей. К примеру, когда десятилетняя Фан Ваньчжи впервые приезжает со своей приемной матерью в горную деревню, то она невольно чувствует себя «белой вороной»: «Круглый год деревенские ребята проводили на открытом воздухе, даже девочки тут были закоптелые, словно трубочисты, я же напоминала нежнейший белый цветочек. Практически все они ходили в заплатках, а у некоторых так и вовсе зияли дыры без всяких заплаток. Моя же одежда, как бы сильно я ее не пачкала, все равно выглядела слишком красивой и чистенькой. Некоторые ребята, несмотря на возраст, еще не ходили в школу [5, с. 36].

Далее писатель снова делает скачок примерно в десять лет и перемещает нас в ту же деревню, но уже образца 2002 года: «Прошло десять лет, деревня преобразилась – на месте полей вдруг появились фруктовые деревья; все улицы были закатаны в цемент; то тут то там возвышались кирпичные дома, причем построенные не из глинобитного, а из темно-серого высокопрочного кирпича, да и черепица поменялась – вместо мелкой рыбьей чешуи теперь на крышах красовались волнообразные плитки крупного размера; какие-то дома уже были возведены, какие-то находились в процессе. И взрослые, и дети

выглядели намного опрятнее» [5, с. 64]. Когда Фан Вэньчжи приезжает из Шэньчжэня в деревню навестить родню, то у одной из ее сестер как раз строится новый дом, а у другой – дом и вовсе уже построен. Писатель намеренно обращает наше внимание на улучшения в материальном достатке деревенских жителей: «...народ в деревне стал жить лучше, у людей появилась возможность подрабатывать на стороне, поэтому крестьяне, для которых само слово «деньги» несколько поколений подряд звучало как запретный плод, наконец-то воспряли духом» [5, с. 70]. Средняя сестра Фан Ваньчжи искренне хвастается новым трехкомнатным домом, черепичной крышей, а заодно говорит, что теперь у ее сына есть все, что могут позволить себе городские дети. Состояние деревенских улиц в 2002 г. также заметно улучшилось – теперь все они заасфальтированы, не хватило средств лишь на горную дорогу, но как замечает один из персонажей: «Сейчас в уезде собирают необходимые средства, чтобы все-таки довести до ума и ее...» [5, с. 72]. Но, при всем при этом, устами Фан Ваньчжи писатель всякий раз отмечает сильную разницу в темпах изменений, которые происходят в городе и деревне: «...по сравнению с тем, как менялся облик таких городов, как Юйсянь, Линьцзян или Гуйян, улучшения в Шэньсяньдине были ничтожны. Если города все последние десятилетия «шагали в ногу со временем», то Шэньсяньдин в этом смысле продвигался подобно улитке, которая зачастую еще и «крутилась на месте», еле-еле продвигаясь от одного дома к другому» [5, с. 74].

Спустя всего полтора года после этого визита героини в деревню, Лян Сяошэн наглядно показывает резкий рывок, который происходит в облике Шэньсяньдина. В 2004 г. Фан Ваньчжи, посетив родные края, остается под очень приятным впечатлением: «Шэньсяньдин преобразился. За полтора года моего отсутствия дороги на подъем и на спуск были полностью отремонтированы, некоторые из жителей купили минивэны и теперь курсировали между Шэньсяньдином и поселком и даже предлагали перевозки до уездного города. Перевозить приходилось и людей, и товары, работы хватало, и заработать на этом можно было не меньше, чем где-нибудь на чужбине. Да и жителям Шэньсяньдина теперь стало жить удобнее — поездка в город превратилась для них в обычную рутину. Все дома и дворы отремонтированы, в некоторых домах надстроен второй этаж. Теперь в деревне царила чистота, даже площадь была выложена плиткой – на ней, примостившись на низеньких табуретках, болтали вышедшие женщины с детьми... Дети забавлялись с игрушками, причем с такими, о которых их папы и мамы в детстве не могли даже мечтать» [5, с. 243]. В тот же приезд девушка замечает, что в деревне появился свой детский сад – «пусть и не элитный, он находился в самой высокой точке уезда; его построили на деньги уездной управы, чтобы взрослые могли спокойно ехать на заработки, не переживая с кем оставить детей. Здесь работали воспитатели из уездного центра, зарплату которым выплачивало управление по борьбе с бедностью» [5, с. 255]. В какой-то момент свои оптимистичные взгляды на положительные перемены в жизни деревни писатель вкладывает в уста водителя маршрутки. Узнав, что Фан Ваньчжи приехала из Шэньчжэня, тот говорит: «О, Шэньчжэнь, слышал, что раньше там была небольшая рыбацкая деревушка? Скоро и наша деревня превратится в городок, а пройдет еще несколько лет, возможно, еще и переплюнет Шэньчжэнь» [5, с. 243]. Пассажиры в ответ на это дружно смеются, понимая, что быстро развиваются лишь населенные пункты, которые курирует ЦК. Но водитель не сдается и парирует следующим пассажиром: «Разве наш уезд не является первым по борьбе с бедностью? Если за нас отвечает провинция, значит без ЦК тут не обошлось! Значит можно считать, что и нас «обвели кружочком»!» [5, с. 244].

Положительные изменения в облике деревни происходят на страницах этого романа даже раньше, чем официально объявленные планы в этой сфере. Как пишет Литвинова, «в марте 2018 г. было заявлено о планах по улучшению инфраструктуры, водо- и электроснабжения, информационных услуг, и, кроме того, строительству и реконструкции 200 тыс. км сельских дорог» [4, с. 84]. Между тем, героиня романа Фан Ваньчжи, приехавшая в деревню в 2004 г., отмечает положительные изменения уже в самих лицах и поведении жителей, которые теперь *«были не прочь поболтать и посмеяться»* [5, с. 244]. В прошлые два приезда ничего подобного она не видела. Тогда и взрослые, и дети поголовно выглядели угрюмыми и нелюдимыми. Тут же писатель от лица героини добавляет: *«Втайне я порадовалась как за жителей Шэньсяньдина, так и за обоих моих родственников. Надобно знать, что очерстевшие от бедности люди зачастую и вовсе теряют всякую способность хитрить. У тех, кто долгое время живет в крайней нищете коэффициент умственного развития практически сводится к нулю»* [5, с. 247]. Одной из причин столь значительных перемен автор называет освобождение деревенских жителей от земельного налога, более того, им разрешили выращивать все, что они хотят, поэтому теперь шэньсяньдинцы вместо зерна стали выращивать чай. Каждый день поселковая чайная фабрика присылала в Шэньсяньдин машину, которая забирала сырье, при этом *«расплачивались с деревенскими наличными прямо на месте»* [5, с. 244]. Благодаря тому, что приемным отцом Фан Ваньчжи писатель определил мэра города, то из его уст звучат разного рода политико-экономические установки того времени. В частности, именно так мы узнаем об «Отчете о работе правительства» по итогам сессий 2006 года, в котором официально объявлялось об историческом для Китая событии – отмене сельхозналога. От него же мы слышим фразы о работе по искоренению бедности в деревнях: *«Правительства всех уровней действительно много делают для того, чтобы шаг за шагом искоренить в народе бедность и страдания»; «их жизнь тоже меняется: девушки стали носить золотые цепочки и кольца; парни вполне себе могут позволить мопеды; курильщики с простого табака перешли на сигареты; среди молодежи появились студенты университетов; среди уезжающих на заработки есть те, кто получил определенные навыки и стал хорошим специалистом...»* [5, с. 327]. Среди примет нового времени мы встречаем и упоминание о государственном образовательном проекте помощи детям из деревень под названием «Надежда» (希望工程)[2] - один из героев романа в рамках данного проекта помог построить в горном районе Гуйчжоу одну из школ.

Напомним, что борьба с бедностью была поставлена в качестве главной задачи 13-й пятилетки (2016—2020 гг.). Важнейшую роль в этом сыграл непростой опыт Си Цзиньпина, который уже в 15 лет вместе со всей образованной молодежью Нового Китая принял участие в кампании «ввысь – в горы, вниз – в села», чтобы пройти идейное перевоспитание среди самых бедных крестьян и середняков. В книге «Си Цзиньпин и его истории о преодолении бедности в Китае» подробно рассказывается о важной роли, которую сыграл его семилетний трудовой опыт в деревне Лянцзяхэ. «Не понимать деревню, не понимать жизнь в бедных районах, не понимать крестьян, особенно бедных крестьян, — это означает не знать Китай по-настоящему, не понимать Китай и не быть в состоянии правильно им управлять» [6, с. 2]. Эти и другие высказывания Си Цзиньпина о деревне и ее жителях задают мощный импульс планомерным преобразованиям, которые активно и повсеместно ведутся в сельской местности. Как сообщает в своей статье Л. Д. Бони: «Практически все органы правительства разных уровней, местные правительства экономически более развитых районов, государственные предприятия, а также часть крупных предприятий необщественных форм собственности – все состыкованы с

конкретными бедными районами, уездами, деревнями и выполняют роль шефов и участников борьбы с бедностью» [\[7, с. 11\]](#).

Контрастом деревенскому фону выступает динамично развивающийся Шэньчжэнь. Став в 1980 г. первой специальной экономической зоной (СЭЗ), этот город сыграл без преувеличения ключевую роль в китайских экономических реформах. Как известно, Шэньчжэнь вырос в мегаполис из небольшой рыбацкой деревни и стал не только образцовой моделью для других СЭЗ, но и символом китайского экономического чуда. Как замечают Чжан Хуншэн и Ли Минган, «Шэньчжэнь превратился в историческую категорию и важный образ, несущий в себе представления людей о современности и лучшей жизни» [\[8, с. 124\]](#). Эти же исследователи говорят о том, что для Шэньчжэня, в котором изначально проживало менее 300 000 человек, но более 20 миллионов человек приехали из других провинций, модернизация города и ее влияние на жизнь и дух людей, должны стать самым уникальным литературным ресурсом (см. подробнее [\[8, с. 127\]](#)).

В этом романе Шэньчжэнь предстает как город больших возможностей, который привлекает к себе молодежь подчас даже сильнее, чем Пекин, Шанхай или Нанкин. Вот как об этом пишет Лян Сяошэн: *«В 2002 году жизнь в Шэньчжэне уже кипела во всю. Значительная часть новостей, влиявших на проводимую в Китае политику реформ и открытости, распространялась по всей стране именно из Шэньчжэня. Провинция Гуйчжоу, как и прежде, развивалась медленно и оставалась экономически отсталой. Когда студенты небольших вузов... обсуждали планы на будущее, то в их разговорах зачастую мелькал именно Шэньчжэнь, а не Пекин, Шанхай или Нанкин. Разумеется, попасть в мегаполисы мечтали все, но при этом прекрасно понимали, что зацепиться там ох как сложно. В этом смысле Шэньчжэнь открывал множество прекрасных перспектив, поэтому у выпускников он находился в приоритете»* [\[5, с. 79\]](#). Когда на двадцатилетнюю Фан Ваньчжи сваливается сразу несколько испытаний в личной жизни, то она, особо не раздумывая, бросает университет и улетает именно в Шэньчжэнь.

Страница за страницей мы наблюдаем как меняется облик этого молодого города, при этом нельзя не отметить, что у Лян Сяошэна он романтизирован. Первым впечатлением от Шэньчжэня у Фан Ваньчжи стало то, что в нем повсюду звучали песни: *«Поскольку магнитофоны здесь были «контрабандным товаром», то стоили намного дешевле, чем в других местах Китая; что же касается песен, то в основном их исполняли популярные звезды из Гонконга и Тайваня. Даже небольшие парикмахерские - и те выставляли на улицу свои динамики»* [\[5, с. 80\]](#). Второе, что бросается в глаза – это практически пустые улицы и при этом огромное количество стройплощадок: *«Днем весь народ в основном трудился на стройке или где-то поблизости, поэтому город казался опустелым, пешеходы практически не встречались»* [\[5, с. 80\]](#). Основной рабочей силой здесь являлась приезжая молодежь, в основном с северо-востока Китая: *«На северо-востоке число уволенных по-прежнему не уменьшалось: по словам Яо Юнь, три поколения ее семьи раньше работали на крупном государственном заводе. Ее дедушка вышел на пенсию, но своевременных выплат не получал, а ее саму и ее отца уволили одновременно»* [\[5, с. 120\]](#). Другие отрывки также говорят о том, что на фоне проблем с производством в других частях Китая, в Шэньчжэне ситуация складывалась с точностью до наоборот: *«В то время из уст самых разных приезжих я только и слышала то о полной остановке производства, то о простое предприятий, то о банкротстве, то об увольнениях; между тем в Шэньчжэне мне повсюду встречалась или информация о запуске производства и о появлении новых отраслей, или реклама всевозможных вакансий. Куда ни глянь – от*

центра до окраин, вплоть до пригородов в глаза бросались растущие небоскребы. Несмотря на праздники, на нескольких стройплощадках продолжались работы. Можно было с уверенностью утверждать, что так называемые пригороды уже совсем скоро превратятся в новые районы мегаполиса...» [\[5, с. 138\]](#). Этот «пульсирующий животворящей энергией город» раз и навсегда покорила главную героиню. Он напоминает ей то «подающего надежды юношу, чье блестящее будущее не вызывает никаких сомнений» [\[5, с. 138\]](#), то подрастающую девочку, которая «с каждым днем становился все интереснее и краше» [\[5, с. 319\]](#).

Автор уделяет внимание не только внешнему облику города, но и его качественным характеристикам. В связи с этим в романе выстроен целый сюжет о том, каким образом получали прописку первые жители Шэньчжэня. Поскольку Шэньчжэнь считался специальной экономической зоной, то с самого начала здесь уделялось строгое внимание уровню образования, например, для получения прописки следовало сдать специальный экзамен. Благодаря этому, говорится в романе, «у молодого города появилась возможность оставить у себя лучших специалистов из всех областей» [\[5, с. 148\]](#). В итоге главная героиня успешно сдает экзамен и получает шэньчжэньскую прописку, которая автоматически поднимает ее в глазах окружающих на новый уровень.

Другой характерной чертой города является внимание к общественному порядку. В те годы Шэньчжэнь активно боролся с порнографией, азартными играми и наркотиками. Несколько раз на страницах романа мы наблюдаем рейды полицейских по гостиницам. В этом смысле интересна сцена общения полицейских с Фан Ваньчжи, у которой на тот момент уже имелась шэньчжэньская прописка. Когда полицейские зашли в ее комнату, Фан Ваньчжи почтительно протянула удостоверение личности и постоянную прописку, полицейский «тут же встал по стойке смирно и вежливо отдал честь» [\[5, с. 171\]](#) – среди тридцати с лишним постояльцев, постоянная прописка была лишь у нее, и это вызывало невольное уважение.

Как уже отмечалось ранее, на страницах романа писатель сводит друг с другом людей разных социальных статусов. Например, близкая подруга Фан Ваньчжи – Ли Цзюань стыдится своего деревенского происхождения и искренне замечает: «Ненавижу, когда меня спрашивают, откуда я. Чаще я просто говорю, что из провинции Хэйлунцзян, но некоторые продолжают допытываться, откуда именно. Тогда уже приходится признаваться, что я из деревни. Увы, мне в этой жизни уже не переродиться...» [\[5, с. 171\]](#). Иной раз она шутливо замечает, что у ее «сельской братии совсем другое отношение к деньгам нежели у тех, кому в отцы достался заместитель мэра» [\[5, с. 204\]](#). Естественно, что разные статусы становятся настоящим испытанием для дружбы девушек, которые искренне уважают и любят друг друга, но при этом всякий раз вынуждены учитывать те обстоятельства, которые изначально предопределила им судьба. Отвечая на предложение Фан Ваньчжи финансово вложиться в общее дело, Ли Цзюань говорит буквально следующее: «Мы вообще не должны были становиться подругами, никогда об этом не думала? Ведь ты кто? Дочь мэра! В какой среде ты росла? Неужели ты не понимаешь, что выросла с ореолом? А я с самого детства росла среди бедняков! Я давно уже привыкла к их пересудам, мелочным склокам, интригам и двуличию... Что же до тебя, даже если ты спустишь все деньги, твой папа-мэр просто скажет, мол, будем считать, что это плата за обучение. Если ты почувствуешь, что вдруг утомилась, то сможешь вернуться в Юйсянь... А еще ты можешь обосноваться в Линьцзяне, в квартире твоего папы-мэра, думаю, ее площадь не меньше ста пятидесяти квадратных. Но куда деваться

мне, если вдруг что-то пойдет не так, и я останусь без гроша в кармане? Если я поеду домой и хотя бы полгода просижу там, не выезжая на заработки, что будет с моей семьей?... Дружба с тобой, Фан Ваньчжи, это настоящее испытание, думаешь мне легко быть твоей подругой?» [\[5, с. 208-209\]](#). С такого рода проверкой отношений на прочность сталкиваются многие жители современного Китая, одной из главных примет которого является активная урбанизация. Тема борьбы с бедностью и сильного социального расслоения настолько сильно беспокоит писателя, что в какой-то момент свои размышления он облекает в мысли Фан Ваньчжи, лежащей прямо на операционном столе: «Какая-то часть населения Китая по-прежнему проживает в деревнях, это наши соотечественники, чей ежемесячный доход составляет примерно тысячу юаней. Среди тех, кто переехал в город, немало людей, еще вчера или позавчера проживавших в деревнях – все это делает отнюдь непростыми отношения внутри подавляющего большинства китайцев. Я всем сердцем болею за то, чтобы беднякам в деревнях оказывалась всесторонняя помощь...Я стала свидетельницей того, как «зеленые горы и изумрудные воды» превращаются «в несметные сокровища», Шэньсяньдин стал тому прекрасным примером» [\[5, с. 376\]](#). Отметим, что упомянутое героиней выражение «зеленые горы и изумрудные воды – несметные сокровища» представляет собой концепцию, выдвинутую Си Цзиньпином в 2005 г., когда он занимал пост секретаря партийного комитета провинции Чжэцзян. Ее главной идеей является объединение экономического развития с природоохранной деятельностью.

Другим интересным моментом стало то, что писатель придумывает небольшой сюжет, благодаря которому читатель наблюдает за успехами материкового Китая глазами жителей Тайваня. Так, владелец инвестиционной компании – господин Гэн мечтает пересадить чайные кусты из Тайваня в горы материкового Китая и таким образом получить новый сорт чая. При этом инвестирование в провинцию Гуйчжоу с целью помочь тамошним жителям преодолеть бедность он рассматривает как свою миссию. Он говорит буквально следующее: «Если раньше мы с женой считали себя прежде всего тайваньцами, а потом уже китайцами, то сейчас мы считаем себя прежде всего китайцами, а потом уже тайваньцами. Достижения Китая привлекли внимание всего мира, и мы рады за материк» [\[5, с. 368\]](#). Такого рода адресная помощь, показанная в романе Лян Сяошэна, демонстрирует те реальные шаги, которые активно предпринимались в Китае в это время. Например, как указывает Ю. Г. Литвинова: «В октябре 2015 г. было начато движение, которое называлось «10 тыс. предприятий помогут 10 тыс. деревень», в нем приняли участие более 60 тыс. частных предприятий» [\[4, с. 83\]](#).

В книге И. Ю. Зуенко «Китай в эпоху Си Цзиньпина» дается подробный обзор изменений, которые произошли в Китае с приходом к власти в 2012 г. Си Цзиньпина. И пускай в наши дни масштаб расслоения общества все еще высок, проблема преодоления бедности в целом решена. Как сообщает автор, весной 2021 г. в Пекине было объявлено «о полном преодолении бедности во всех административно-территориальных единицах страны» [\[3, с. 94\]](#). Тут же приводятся конкретные цифры, что под бедностью в Китае имеется в виду доход менее 2 долларов в день (см. подробнее [\[3, с. 94\]](#)).

Далее предлагаем проанализировать пути, которыми героини романа идут к благосостоянию. Как уже отмечалось выше, у читателя есть возможность проследить сразу за тремя судьбами. Начнем с главной героини – Фан Ваньчжи. Оказавшись в Шэньчжэне, первое, что делает Фан Ваньчжи – это ищет работу: «Первая работа, которую я нашла, находилась на отдаленной от города стройплощадке. Поскольку

диплома о высшем образовании у меня не имелось, то работу в офисном здании для так называемых «белых воротничков» я найти не смогла... Свой первый в жизни трудовой договор я подписала с работавшей при стройплощадке столовой – меня назначили помощницей повара. Помощь повару заключалась в том, чтобы выполнять любую работу, которую тебя попросят сделать. Моя ежемесячная зарплата составляла две с половиной тысячи юаней, что было на тысячу больше, чем у любого рядового рабочего на материке. Более того, за хорошую работу здесь в конце года полагалась премия. Представив, что теперь каждый месяц буду зарабатывать по две с половиной тысячи, я подписывала контракт в таком волнении, что у меня дрожали руки и чуть не выскочило сердце из груди» [\[5, с. 81\]](#).

Именно там Фан Ваньчжи знакомится с двумя девушками, судьбы которых в последующем переплетаются с ее собственной. Чтобы понять самоотдачу, с которой трудятся китайцы, достаточно сказать, что столовая, в которой работали повар с сыном и три помощницы обеспечивала трехразовое питание строительной бригады из ста тридцати человек. Писатель не скупится на самые детальные описания физического труда: *«Наши руки, разве что за исключением ночи, практически постоянно мокли в воде – на их долю выпадало и мытье овощей, и промывка риса, и чистка всевозможной кухонной утвари, и мытье тарелок... Для приготовления одного только обеда требовалось промыть около восьмидесяти цзиней риса; сделать это вручную не представлялось возможным, поэтому тут в ход шла лопатка. Когда я делала это в первый раз, у меня уже через несколько минут перехватило дыхание и едва не отвалились руки. Но больше всего нас добивали пирожки. Обычно каждый из парней съедал их штук по семь... Таким образом, если подсчитать общее количество, требовалось налепить около тысячи пирожков. В полдень надлежало не только перемыть целую гору овощей, но еще и успеть все их порубить до окончания рабочей смены, потому как парни настолько уматывались на стройке, что после работы валились с ног от усталости и, даже не поужинав, ложились спать» [\[5, с. 84\]](#).* Как сообщает в сборнике статей «Голоса азиатской литературы» Ф. Вильямс, городские работодатели предпочитали нанимать сельских мигрантов из-за их выносливости в тяжелых и порой опасных условиях труда, которые могли работать целыми днями с незначительной или нулевой оплатой сверхурочных [\[9, с. 368\]](#).

При всем при этом девушки обнаруживают удивительную жизнестойкость, похоже, что их никогда не покидает стойкое желание заработать еще больше денег. Например, когда подходят выходные в связи с Днем образования КНР, девушки принимают решение подработать певицами в уличных ресторанчиках Шэньчжэня. Показателен случай про то, как в последний день подработки у них порывом ветра унесло целых пятьсот юаней. Что-то они поймали, но две сотенные купюры попали в грузовик, который в это время заполнялся цементом. Несмотря на это девушки ринулись за деньгами прямо в цементную жижу. Сто юаней им вернуть так и не удалось, в связи с чем Фан Ваньчжи сокрушается: *«И горевали мы уже не из-за потерянных ста юаней, а из-за непростых отношений, которые складываются у мигрантов с деньгами. После того случая мы стали друг другу еще ближе» [\[5, с. 91\]](#).* Другим показательным отрывком, характеризующим мигранток, является то, как они отстояли заслуженную премию, которой их собирались лишить. Ради получения денег девушки пошли на хитрость и, вооружившись бутылками якобы с ядохимикатами, инсценировали готовность к самоубийству. Как видим, всех трех героинь объединяет острая жизненная необходимость заработать деньги. После окончания контракта девушки на какое-то время расстаются, каждая выбирает собственный путь к обогащению и процветанию.

Фан Ваньчжи на какое-то время устраивается сиделкой в больнице. Чуть позже у нее появляется мечта о шэньчжэньской прописке. Для этого она проходит три собеседования и в итоге устраивается на упаковочную фабрику, что дает ей право сдать единый экзамен на «качество резидента». Для оформления прописки также потребовалось рекомендательное письмо от организации, в которой имеется полугодовой стаж работы. Успев за это время пройти путь до начальницы цеха, в 2003 г. Фан Ваньчжи получает прописку в Шэньчжэне. Ее следующей серьезной целью становится получение аттестата об окончании вечернего университета. В тот же год она регистрируется на шэньчжэньской бирже. В итоге, и здесь у нее все складывается более, чем удачно: *«За пятьдесят тысяч юаней я купила пять акций, которые в следующие два месяца то замедляя, то активно повышая свой рост, неуклонно поднимались в цене. При этом стоимость одной из акций выросла с десяти чуть ли не до восьмидесяти тысяч»* [5, с. 160]. Наконец, на доходы от акций она покупает помещение, в котором вместе с подругой, Ли Цзюань, обустраивает жилье и супермаркет. Открытие супермаркета приходится на январь 2004 года. Напомним, что это произошло спустя всего четыре года после переезда главной героини в Шэньчжэнь. Вот как звучит ее собственная оценка достижений, а заодно и понимание ценности дружбы: *«Помнится, когда я только-только приехала в Шэньчжэнь и вместе с Ли Цзюань и Цяньцянь ютилась в кузове грузовика — там вообще было не развернуться. Кто бы мог подумать, что спустя год с небольшим мы с Ли Цзюань откроем свой мини-маркет, и нам больше не понадобится тратить деньги на аренду жилья. Теперь я с благодарностью оценила свою трудовую жизнь и вдвойне прониклась любовью к Ли Цзюань. Если бы в моей жизни не было Цзюань, разве бы я осмелилась стать маленьким боссом? Даже имея такое желание и необходимую сумму денег, у меня не хватило бы на такое отваги и сил!»* [5, с. 220-221]. В этой связи интересной представляется мысль Ф.Вильямса, который анализирует образы трудовых мигрантов в китайской литературе начала XX века. На примере романа Лао Шэ «Рикша» он указывает на то, что в литературе 1920-1930-х годов мигрант-рабочий часто изображался как несколько «пассивный» персонаж, «без какого бы то ни было генерального плана» [9, с. 49]. По его словам, писатели предпочитали изображения мигрантов, которые преуменьшали важность родственных и других связей для адаптации в новой среде. Как следствие такие мигранты «подвергаются ударам сил, намного больших, чем они сами» [9, с. 49].

В романе Лян Сяошэна мы наблюдаем совершенно иную картину, у девушек есть четкий план и стратегия его выполнения. Уже в 2006 г. подруги расширяют бизнес и арендуют новую торговую площадь, а на месте старой, уже выкупленной – открывают аптеку. Примечательно, что в построении судьбы писатель отмечает не только роль денег, но еще и близкого окружения. В этом смысле Фан Ваньчжи повезло не только с подругой, но и с мужем. Ближе к тридцати годам она переезжает в Шанхай и устраивается на работу в инвестиционную компанию, где ее назначают руководителем проекта по выращиванию нового сорта чая в Шэньсяньдине – в той самой деревне, откуда она была родом. Такой замкнутый виток сюжета в каком-то смысле демонстрирует миссию Фан Ваньчжи, которая видится не столько в собственном обогащении, сколько в улучшении благосостояния земляков. Все эти достижения проходят на фоне борьбы героини с онкологией. Тем не менее, размышляя о своей судьбе, она сама себе признается: *«Я счастлива в любви, у меня прекрасная семья и замечательные друзья – а это три главных богатства в жизни человека, чего еще желать?»* [5, с. 376].

У Ли Цзюань, ставшей близкой подругой Фан Ваньчжи, судьба складывается несколько иначе. Ее путь в силу неблагоприятных стартовых условий оказался более ухабист. На

ее плечах лежит забота о пожилых родителях и больном брате, которые проживают в далекой деревне в северо-восточной провинции Хэйлунцзян. Гибель любимого человека, разрушившая ее личную жизнь, добавила финансовых обязательств и перед его родственниками. Однако, благодаря самоотверженному труду, жизнелюбию и особой деловой хватке она добивается больших успехов. Дружба с Фан Ваньчжи также сыграла свою роль. На какой-то момент, желая заработать больше денег, Ли Цзюань устраивается на должность менеджера ночного клуба, однако Фан Ваньчжи, понимая все соблазны легкого заработка, уговаривает ее сперва пойти поработать на фабрику, а затем предлагает вложиться в общее дело. Шаг за шагом они вместе выстраивают свой путь к благосостоянию и достаточно быстро обретают финансовое благополучие. После отъезда Фан Ваньчжи в Шанхай, Ли Цзюань, помимо супермаркета и аптеки, открывает в Шэньчжэне еще и магазин одежды. К этому моменту она перевозит в Шэньчжэнь младшего брата и покупает в кредит себе и брату по *«квартире в шестьдесят с лишним квадратных метров»*. Ее девиз по жизни – *«хочешь жить – умей вертеться»*. Такой настрой приводит к тому, что к своим сорока годам она берет на себя еще и управление транспортной компанией, а также становится членом народного политического консультативного совета, а кроме того – зампрединдателя торговой палаты одного из районов Шэньчжэня.

Совершенно иной жизненный путь складывается у третьей девушки по имени Цяньцян. Работая помощницей в столовой на стройплощадке, она принимает ухаживания сына повара и в итоге обнаруживает, что беременна. После завершения контракта она вместе с отцом будущего ребенка уезжает в его деревню, где выходит замуж и рождает сына. Однако вскоре она встречается богача, становится его любовницей и бросает мужа с ребенком, откупившись от них деньгами. Почти год она проводит в Европе, ведя богемный образ жизни, после чего наконец встречается с подругами в Шэньчжэне. Во время этой встречи происходит страшный инцидент – ее выслеживает брошенный муж, который в общей потасовке случайно ранит ножом Ли Цзюань. В итоге Ли Цзюань после сложнейшей операции теряет одну почку, а Цяньцян, понимая весь трагизм ситуации, выплачивает ей компенсацию за лечение, а также приобретает для Цзюань права на собственность магазина. О дальнейшей судьбе Цяньцян писатель ничего не сообщает, но сюжетная линия с участием данного персонажа важна уже потому, что как нельзя лучше высвечивает моральные дилеммы, стоящие перед жителями современного Китая.

Каждая из девушек на пути к обогащению оказывается в ситуации морального выбора и вынуждена в той или иной степени идти на компромисс со своими представлениями о достойном и недостойном. Прежде всего обратим внимание на противоречивое отношение к деньгам у Фан Ваньчжи. По ее словам, она их *«одновременно боготворила и ненавидела»*. Оказавшись в Шэньчжэне, она наблюдает, как переселенцы *«готовы сжечь за собой все мосты, только чтобы двигаться вперед, прокладывая все новые и новые пути – власть денег в этом горячем регионе проявляла себя во всей своей красе...»* [5, с. 125]. При этом сама она все еще не готова принять новую эпоху. Объясняет она это следующим образом: *«До приезда в Шэньчжэнь... мое уважение к людям никогда не измерялось деньгами. Более того, одним из условий моего уважения к окружающим было как раз то, чтобы те поменьше говорили о деньгах. Если же они то и дело касались этой темы, я тотчас причисляла их к разряду «приземленных обывателей»*. Уехав за пределы родной провинции, я часто видела, как люди пресмыкаются перед некоторыми своими собратьями, уважают их и гордятся знакомством с ними лишь потому, что те богаты, – даже если это знакомство шапочное. Сталкиваясь с реальностью, мои ценностные ориентиры то и дело разбивались вдребезги» [5, с. 125].

Такого рода дезориентация вполне объяснима, ведь Фан Ваньчжи оказывается

причастной одновременно к двум разным социальным группам – ее приемные родители относились к классу интеллигенции, а сама она на первом этапе решила связать свою жизнь с торговлей. Как замечает Н. А. Спешнев в своей книге «Китайцы: особенности национальной психологии»: «Отношение китайцев к деньгам традиционное и зиждется на этических нормах. Пословица гласит: «Интеллигентный человек (*шидафу*) стыдится говорить о выгоде». Здесь имеется некоторый парадокс. Хорошо известно, что, скажем, торговец всегда думает о личной выгоде, но торговцы не принадлежат к *шидафу*. Китайская интеллигенция с некоторой опаской относится к богатству, славе и власти» [\[10, с. 272\]](#).

Вступив в самостоятельную жизнь, Фан Ваньчжи становится более практичной. Она чувствует, что во многом изменилась, теперь одной из ее черт стала «жадность до денег». Она то и дело испытывает самое настоящее благоговение перед деньгами и ничего не может с этим поделать. Иной раз она возится с деньгами просто, чтобы развеять гнетущие мысли – у бумажных купюр расправляет уголки, разобранные по кучкам монетки заворачивает в новую бумагу. «Какая прекрасная вещь деньги, – размышляет она, – даже если на них просто смотреть и не тратить, это все равно приносит удовольствие» [\[5, с. 228\]](#). Забавно, что во время сестринской клятвы, которую произносят подруги, их переполняют меркантильные интересы, но чувство меры у них присутствует: «Хочу, чтобы, зарабатывая деньги, мы не думали об огромном богатстве и влиянии, но при этом получали бы свой горшочек с золотом. Пусть наш денежный ручей будет течь долго и никогда не иссякнет. Прошу... чтобы мы как можно скорее стали обеспеченными людьми, у которых есть дом, машина и несколько миллионов сбережений...» [\[5, с. 226\]](#). Работая в супермаркете, днем девушки только и мечтают о том, как бы раскошелить покупателей, чтобы ни один из них не ушел, не потратив хотя бы сотню юаней, а вечерами усаживаются друг напротив друга и, пересчитывая заработанные деньги, строят новые планы.

В то же время, постигнув «самодостаточность» денег, Фан Ваньчжи невольно испытывает к ним отвращение. По ее словам, это было «отвращение с примесью страха – страха того, что их «самодостаточность» превосходит все, что можно» [\[5, с. 97-98\]](#). Охваченная противоречивыми чувствами, она отчаянно восклицает: «Деньги, деньги, эти чертовы деньги... я и правда не понимаю, как именно следует к ним относиться. И все же я была очень признательна своим деньгам – те средства, что лежали на двух моих сберкнижках, обеспечили мне, приехавшей на заработки девушке, вполне безоблачную и достойную жизнь! Так что воротить нос от денег с моей стороны было бы слишком высокомерно» [\[5, с. 126\]](#). При этом важно отметить, что Фан Ваньчжи четко понимает ту грань, за которую нельзя переступать и того же требует от подруги, которая устроилась менеджером в ночной клуб.

Ли Цзюань в отличие от Фан Ваньчжи не имеет никакой подушки безопасности. Сложная финансовая ситуация рождает у нее соответствующее отношение к возможным подработкам. Когда подруга укоряет ее за работу в ночном клубе, Ли Цзюань отвечает: «Ничем непотребным я не занималась. В этом плане я так же чиста, как и ты. Так что я не считаю, что опозорила тебя. Единственное чем я занималась, так это составляла компанию за столом и пела песни... Я никогда не опускалась до того, чтобы клянчить у мужчин деньги, но если они сами готовы меня вознаградить, я с удовольствием их принимаю» [\[5, с. 180\]](#). Ли Цзюань чувствует себя гораздо свободнее в своем выборе заработка. Она готова упорно работать и откладывать деньги только ради того, чтобы ее родители успели хотя бы несколько лет пожить нормальной жизнью, чтобы младший брат

обзавелся семьей, чтобы сын ее погибшего возлюбленного поступил в университет. По словам Фан Ваньчжи, *«каждый юань она зарабатывает и сохраняет не для себя, а для других»* [5, с. 261]. В этом она видит свой основной моральный долг.

Цяньцянь, в отличие от подруг, сосредоточена исключительно на себе. Она из тех, кто добивается желаемого любой ценой. Встретив толстосума, она осознает, что новые отношения сложно назвать путными: *«Я просто любовница, которая зацепилась за женатого мужчину, он меня содержит. Но я такому положению дел безумно рада. Выбирая между праздной жизнью и изнурительной работой, я однозначно выбрала первое и никогда об этом не пожалею. Тем более, что он меня любит и готов тратить на меня деньги. Он дал Лю Чжу двести тысяч, чтобы тот меня отпустил. Двести тысяч, разве этого мало? К тому же, я оставила семейству Лю этого карапуза, который больше года не давал мне спать, так что в пострадавших тут точно осталась я!»* [5, с. 285]. Такой эгоизм немного скрашен лишь ее отношением к старой дружбе. Купаясь в деньгах, Цяньцянь приглашает подруг за ее счет прогуляться вместе с ней в Гонконг и Макао, а еще в Сингапур, Малайзию, Таиланд и Японию. *«Вы же мои сестры, - говорит она, - так что пользуйтесь случаем, пусть это будет вам на пользу»* [5, с. 266].

Как видим, понимание того, что «можно», а что «нельзя», у каждой из героинь разное, и зависит оно, прежде всего, от их воспитания и ценностных установок, которые как правило закладываются в семье. Размышляя о морали и процессе формирования «хорошего человека» в этом романе, исследователь из Пекинского университета языка и культуры Хань Вэньи отмечает: «Создание образа «хорошего человека» в литературных произведениях и распространение культуры «хорошего человека» уже давно является творческим устремлением Лян Сяошэна. Героиня Фан Ваньчжи в романе «Я и моя жизнь» продолжает воплощать вышеизложенные идеи» [11, с. 14]. От себя добавим, что Фан Ваньчжи несет в себе заряд таких традиционных ценностей как любовь к ближнему, умение дружить, стремление помочь тем, кто в этом нуждается.

Что же касается восприятия китайцами благосостояния, то немаловажную роль здесь играет их традиционное отношение к богатству и власти. Как известно, богатство входит в «пять проявлений счастья», о чем свидетельствует такой древний памятник как «Шуцзин». Помимо богатства, к проявлениям счастья относились: долголетие, здоровье тела и спокойствие духа, любовь к целомудрию и спокойная кончина (см. подробнее [10, с. 271]). В романе достаточно четко просматривается связь традиционной культуры и современности в вопросах отношения к деньгам. К примеру, одна из героинь весьма строго руководствуется установками, принятыми в народе, поэтому говорит так: *«Денежные вопросы должны четко решаться даже между родными братьями, так было на протяжении веков. Что-то я ни разу не слышала, чтобы братья были не в ладах друг с другом из-за договоренностей! Зато приходилось слышать, как становились врагами родные братья, которые не договорились, как будут делить прибыль!»* [5, с. 208]. Кроме того, в романе присутствуют интертекстуальные вставки, указывающие на конкретные сюжеты из древней истории Китая, которые как нельзя лучше демонстрируют отношение китайцев к финансовым вопросам. Например, одна из героинь вспоминает историю под названием «Цинь Цюн закладывает булаву», мудрость которой состоит в том, что *«нехватка медяка делает беспомощным даже героя»* [5, с. 126]. Также на страницах романа воспроизводится история из «Станных историй из кабинета неудачника» (聊斋志异) Пу Сунлина (蒲松龄, 1640-1715). В ней повествуется об охотнике, которого звали Седьмой Молодец. Его матушка впадала в беспокойство всякий раз, когда богатый знакомый сына хотел сделать ему добро или помочь материально. Седьмой Молодец

никак не мог взять в толк – почему, и тогда матушка ему объяснила: *«Люди богатые платят другим своими деньгами, бедные люди платят другим собственной верностью»* [5, с. 206]. Не обошлось в этом романе и без упоминания Бога богатства Цайшэня, которому традиционно поклоняются китайцы (см. подробнее [5, с. 226]).

Читая роман, можно увидеть отношение китайцев к подаркам и подношениям, при этом писатель указывает, что в современном Китае появился ряд ограничений, продиктованных политическими и экономическими интересами. К примеру, вспоминая свое детство, Фан Ваньчжи говорит: *«В те годы никакого «регламента из восьми пунктов» не существовало, принятие любых подношений, кроме денег, никаким «разложением» не считалось. На местах не было разграничений между тем, что считать «разложением», а что – нормальными «человеческими отношениями»... Иной раз на новогодние праздники наша кладовая под завязку наполнялась всякого рода продуктами, которые уже не было возможности кому-то передарить»* [5, с. 49]. Напомним, что с приходом в 2012 г. к власти Си Цзиньпина, он «запустил масштабную антикоррупционную кампанию» [3, с. 36]. Однако, какие бы законы не принимались, в отношениях между людьми чаще берут верх уже укоренившиеся ценности, которые вызывают соответственные поведенческие реакции. Судя по содержанию романа, даже в 2010-х гг., подарки и взятки среди чиновников и предпринимателей никуда не делись. Тем не менее писатель обращает наше внимание на то, что героиня ведет с подобными явлениями активную борьбу. Яркой приметой нового времени является упоминание в тексте так называемых дисциплинарных комиссий [3]: *«Также я столкнулась с вымогательством взяток как напрямую, так и в замаскированном виде. Похоже, чтобы выполнить определенный пункт проекта, мне непременно требовалось кого-то подмазать. Разумеется, у меня имелся некоторый стартовый капитал, которым я могла распоряжаться по своему усмотрению, однако такого рода бездарные траты сильно охлаждали мой пыл. Подписавшись своим именем, я сообщила о незаконных действиях в дисциплинарные комиссии всех уровней. В итоге, некоторых начальников наказали, назначив взыскания, а некоторых и вовсе сместили с должностей. Ну, а я таким образом нажила врагов»* [5, с. 370]. Как отмечает О. Ю. Адамс, с приходом к власти Си Цзиньпина в Китае «была выдвинута новая концепция борьбы с коррупцией... В 2014 г. судами всех уровней было рассмотрено 31 тыс. дел о коррупции и взяточничестве, наказания вынесены 44 тыс. человек» [12, с. 213].

Кроме того, встав во главе инвестиционного проекта Фан Ваньчжи отказывается от пышных банкетов с чиновниками, что также является приметой нового времени. Подобные описания можно встретить и в романах XXI века других китайских писателей. Например, процесс перерождения власти наглядно отражается в романе Лю Чжэньюня (刘震云, р. 1958) «Дети стадной эпохи» (吃瓜时代的儿女们, 2017). В тексте романа мы находим пассажи, в которых прямым текстом говорится о борьбе с коррупцией и роскошным образом жизни: *«Последние несколько лет ЦК утвердил так называемые "восемь правил", в соответствии с которыми чиновникам запрещалось излишнее чревоугодие...»* [13, с. 148-149]; *«Так как это был деловой визит, спиртного за обедом не было, поэтому Ли Аньбан произнес несколько тостов, поднимая чашку с чаем»* [13, с. 172].

С другой стороны, героиня романа «Я и моя судьба» четко осознает простую истину: у кого деньги – тому и поклоняются. Это проявляется в обычных бытовых сценах. Стоило двум подругам понять, что теперь их общая знакомая Цяньцзянь, благодаря свалившимся на нее деньгам имеет гораздо более высокий социальный статус, как роли девушек при

общении с ней тут же меняются. Вот что при этом чувствует Фан Ваньчжи: *«Я заметила, что наши отношения изменились – когда мы вдвоем работали помощницами на кухне, роль старшей принадлежала Цзюань, в то время как я и Цяньцян всегда ей подчинялись. Но теперь главной стала Цяньцян... Например, когда она предложила сделать фото на память, мы тут же пристроились к ней, оставив для нее место в центре... Когда же мы сфотографировались, я тут же взяла камеру Цяньцян и повесила себе на плечо... В свою очередь Цзюань купила зонтик и теперь носила его над Цяньцян, объяснив это тем, что у той самая белая кожа, которую следует беречь и прятать от солнца»* [\[5, с. 266-267\]](#).

С другой стороны, китайцы осознают за собой определенное право на получение материальных благ со стороны богатых знакомых или родственников. И это тоже имеет отношение к традиционной китайской культуре, в которой принято проявлять заботу о близких людях. Вот как это отражается в тексте: *«В народе ходила поговорка: когда человек постигает Дао и поднимается в горы, его животные идут вслед за ним. В ней содержится намек на то, что если кто-то в семье делает успешную карьеру и получает высокий пост, то каждый из его родственников, будь то привратник или носильщик паланкина, греется в лучах его славы, чувствуя себя важной персоной»* [\[5, с. 125\]](#).

На всем протяжении романа Лян Сяошэн рассматривает вопросы бедности или обогащения не сами по себе, а в тесной взаимосвязи с семейными ценностями и той поддержкой, которую в Китае традиционно оказывают друг другу родственники и земляки. Большую роль здесь играют так называемые гуаньси – связи, знакомства. Как указывает проф. Н. А. Спешнев, «регулятором гуаньси выступает такое явление, как жэньцин, которое имеет несколько значений: во-первых, это человеческие чувства, во-вторых, сумма благодеяний (одолжений, любезностей) материального, социального или эмоционального плана, который один человек может оказать другому и на возврат которых (или их эквивалента) он в праве рассчитывать в подходящий момент» [\[10, с. 138\]](#). В романе подобного рода гуаньси писатель демонстрирует на примере знакомства девушек с земляком Фан Ваньчжи, Чжан Цзягуем, который оказывает им всяческую помощь как материального, так и эмоционального характера. В итоге, когда он тяжело заболевает, Ли Цзюань из самых добрых побуждений выходит за него замуж и ухаживает за ним вплоть до самой его кончины.

Впрочем, однозначной тему человеческих взаимоотношений, не назовешь. Автор то и дело демонстрирует как плюсы, так и минусы общения бедных и обеспеченных родственников. В первую очередь, писатель говорит о важном значении для человека стартовых условий. Приемная семья, в которой выросла главная героиня, была не только обеспеченной, но еще и авторитетной. Соответственно родители, использовали свое влияние, помогая дочери добиться в жизни определенных высот. Например, Фан Ваньчжи поступила в лучшую школу города, и лишь окончив ее, узнала, что при поступлении ей на самом деле не хватало семи-восьми баллов. Что касается финансового благополучия, то сама героиня, вспоминая о детстве и юности, признается: *«Пока я училась в школе, то не знала отказа в деньгах и ни в чем не испытывала недостатка. Выражаясь иначе... я могла получить практически любую вещь, если она не была из мира фантазий и уже где-то производилась»* [\[5, с. 48\]](#). Более того, приемная мать побеспокоилась даже о будущем дочери и перед своей смертью вручила ей две сберкнижки: на одной лежало двадцать с лишним тысяч юаней от бабушки-соседки, которая помогала растить Фан Ваньчжи, а на другой – почти сто тысяч личных накоплений.

Отношение к семейным ценностям, которое веками формировалось в китайской культуре, раскрывает одну непреложную истину – родственники просто обязаны помогать друг другу. Иной раз такого рода обязанность доведена до комизма. Здесь вспоминается самое начало романа Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньлянь» (我不是潘金莲, 2012), в котором главная героиня Ли Сюэлянь ищет содействия у судьи, который приходится ей дальним родственником, причем настолько дальним, что выяснение родственных уз писатель намеренно растягивает на полстраницы китайского текста (см. подробнее (14, с. 4). Подобная ситуация происходит и в романе Лян Сяошэна. Когда узнав правду о своем происхождении Фан Ваньчжи приезжает в деревню, чтобы познакомиться с родственниками, те воспринимают ее как потенциальную помощницу. Вот, например, что говорит своей дочери ее средняя сестра при первом визите Фан Ваньчжи в их дом: «... для тебя она родная тетя! Ее отец – большой начальник, мама – известный человек, так что родственники у тебя из знатной семьи, тебе и твоему брату обеспечено большое будущее!... Быстро запиши адрес тети, будешь писать ей письма от всех нас, а то забудет про нашу семью, и где ты потом еще такую тетю найдешь?» [5, с. 71]. Именно с тех пор на плечи Фан Ваньчжи сваливается груз бесконечных проблем от людей, которых она «знать не знала», но которые называли ее своей родственницей. Зная, что ее отец – мэр, «родственники» просили уладить для них то одну, то другую проблему. А поскольку мужья обеих сестер также считались родней, то количество страждущих росло в геометрической прогрессии. Иной раз их наглость просто обескураживает: родственники и земляки поджидают девушку то рядом с общежитием, то у входа в аудиторию. Свое поведение они обосновывают так: «Кто просил тебя быть одной из наших?» [5, с. 77]. В итоге именно из-за них героиня, так и не закончив обучение, приняла решение сбежать из университета.

Вместе с тем в ходе повествования писатель показывает, как постепенно меняется отношение Фан Ваньчжи к родственникам. Поначалу верх в ней берет смятение и даже отвращение к своей роли спасительницы, поскольку поначалу она и правда мало чем могла им помочь. Приехав в деревню в первый раз, она всего лишь хотела убедиться, что «впредь может жить со спокойным сердцем», ей было «невыносимо думать, что ее сестры несчастны». Более того, ею руководит желание откупиться от бедных родственников: «В каждый из конвертов я положила ровно по три тысячи юаней. В 2002 году это были немалые деньги... Деревенскую семью подобная сумма вполне могла спасти от безнадёжного положения. Впрочем, самой мне тоже потребовалась изрядная решимость, чтобы взять и за просто так отдать сразу девять тысяч. Надо понимать, что в то время сама я еще не зарабатывала: всё, что я тратила, принадлежало родителям... Я пошла на это, чтобы разорвать будущие отношения. Я слишком боялась, что у меня появится слишком много бедных родственников. Сказать честно, боялась до ужаса... С помощью девяти тысяч юаней мне хотелось со спокойной совестью раз и навсегда от них откупиться!» [5, с. 74-74].

Внутри главной героини идет сложная борьба между собственными представлениями о счастье и высокими моральными установками, которые возвращали в ней приемные родители. Сюжетные ходы в романе выстроены таким образом, что постепенно к ней приходит осознание, что ее помощь оказывает самое благоприятное воздействие, когда семена закладываются в нужную почву. Вот какие чувства испытывает Фан Ваньчжи, узнав о поступлении племянника в армию: «Это письмо наполнило мое сердце радостью, я чувствовала, что мои усилия были оплачены с лихвой, и потраченные на это пять тысяч абсолютно точно того стоили. Пусть даже он не станет офицером, рассуждала я, все равно, вернувшись в Шэньсяньдин, он уже будет выгодно отличаться от прошлых

поколений жителей деревни: я верила, что «армия – это прекрасная школа»» [5, с. 99]. Шаг за шагом писатель показывает, как к героине приходит ощущение ценности своего существования. В итоге, когда дела у нее идут в гору, она принимает решение взять на себя ответственность за образование еще одного племянника. К двадцати шести годам у нее уже имеется прописка в Шэньчжэне, она становится законной горожанкой. Она – самая перспективная среди всех родственников и единственная, кто может вытащить из бедности три поколения своей семьи. Вся сложность состоит в том, что далеко не все родственники воспитаны и понятливы. Например, средняя сестра после смерти мужа буквально шантажирует Фан Ваньчжи: *«Думала, что если взяла себе фамилию Фан, то перестала быть одной крови с семьей Хэ? Да сними ты хоть три слоя кожи, все равно останешься моей сестрой! Думала, если стала дочерью мэра, то о сестринских отношениях можно и забыть?»* Потом она смягчает свой тон, хотя сути ее просьба не меняет: *«Сестренка, ты не можешь оставить меня в этом болоте! Если не выручишь, мне остается только помереть!...»* [5, с. 252]. В итоге из-за фактических родственников из Шэньсяньдина, постоянно требующих финансовой помощи, отношение Фан Ваньчжи к деньгам достаточно противоречивое. Но, как бы то ни было, постепенно она начинает воспринимать борьбу с бедностью как свою миссию. Когда ей предлагают стать во главе инвестиционного проекта по выращиванию чая в Шэньсяньдне, она, несмотря на серьезное заболевание, все силы отдает работе, и такой выбор объясняет следующим: *«Каким бы сложным ни был проект, если он приносил помощь бедным, я должна была его продолжать. В противном случае я бы превратилась в посмешище»* [5, с. 371].

Фан Ваньчжи – не единственная героиня романа, которая демонстрирует такой пример самоотдачи. Показателен в этом смысле сюжет с выплатой компенсации семье погибшего жениха Ли Цзюань. По словам Ли Цзюань, воинская часть выплатила его семье достаточно большое пособие, но поскольку у погибшего было три брата, родители и семья дяди, то все деньги тут же разошлись среди родственников. Ли Цзюань объясняет это очень просто: *«У народа есть своя правда...Чтобы доброе имя командира Чжоу не пострадало, первым делом следует удовлетворить нужды всех родственников»* [5, с. 200].

Пожалуй, самые важные слова о борьбе с бедностью и роли в ней семейных отношений писатель вкладывает в уста приемного отца Фан Ваньчжи на семейном торжестве. Поскольку в прошлом тот занимал пост мэра, то вполне естественно, что в его речи присутствуют некоторые канцеляризмы: *«По словам Маркса, человек – это совокупность всех общественных отношений. Тогда выходит, что у подавляющего числа китайцев, которые уже превратились в горожан, на самом деле имеются родственники, проживающие в деревнях... Поэтому план по борьбе Китая с бедностью в том числе направлен и на то, чтобы создать благоприятные условия работы и жизни для тех, кто уже перебрался в город. Большинству людей сложно оставаться спокойными и безмятежными, зная, что их родственники все еще не выбрались из бедности, они не могут делать вид, что это их не касается!.. Государственная поддержка, какой бы щедрой она ни была, не в силах полностью заменить ответственность родственников, поэтому... борьба с бедностью должна осуществляться как со стороны государства, так и со стороны родственников...»* [5, с. 336]. Как нам видится, в этих словах заложены не только приоритетные задачи Китая, выдвинутые Си Цзиньпином, но и укоренившаяся в психологии китайцев ценность семейных уз.

Проводя параллели с другими произведениями китайской современной литературы, в которых на первый план выводится тема благосостояния и пути к китайской мечте, хочется вспомнить роман Дун Си «Переломленная судьба» (2015), главным героем

которого является ставший мигрантом деревенский парень Ван Чанчи. Печальная картина, которую рисует писатель в этом романе, скорее говорит о социальной и этической деформации, нежели о повышении качества китайской нации. *«Соппротивление героев бесконечным трудностям ведет их к личностной деградации. Так жена Ван Чанчи занимается проституцией, а переехавшие к ним родители просят милостыню на улице. Когда в их семье рождается ребенок, то Ван Чанчи, чтобы не испортить судьбу сына, решает совершить некое чудо, и отдает его на воспитание в семью богачей»* [\[15, с. 350\]](#). Интересно, что именно с такого сюжетного хода начинается и роман Лян Сяошэна, главная героиня которого сразу после рождения остается в обеспеченной и влиятельной городской семье. Однако, если роман Дун Си явно несет обличительную окраску, то в романе Лян Сяошэна такого акцента не ощущается. Если Дун Си изображает *«духовный облик своих современников, которые растрачивают и теряют себя, приспособляясь к безжалостному и изменчивому миру»* [\[15, с. 357\]](#), то у Лян Сяошэна «безжалостный и изменчивый мир» закаляет героиню, открывая им новые возможности.

Многие из современных китайских авторов задаются вопросом, как не растерять человеческие ценности, как выстоять духовно и физически под очарованием эпохи экономического чуда. Неприглядные стороны современного китайского общества находят отражение в романах «Страна вина» (酒国, 1993) Мо Яня (莫言, р. 1955), «Дети стадной эпохи» (吃瓜时代的儿女们, 2017) Лю Чжэньюня (刘震云, р. 1958), «Братья» (兄弟, 2005-2006) Юй Хуа (余华, р. 1960), «Сестрички с Севера» (北妹, 2004) Шэн Кэи (盛可以, р. 1973), «Гора Тяньдэншань» (天等山, 2016) Фань Ипина (凡一平, р. 1964). Их герои, несмотря на разный социальный статус, ставят во главу культ денег, подвергаясь пагубному влиянию меркантильных ценностей. Персонажи этих произведений *«заражены жадой выгоды, в цене у них расчетливость, меркантильность и обман»* [\[16, с. 66\]](#). Как отмечают Чжан Хуншэн и Ли Минган, которые анализировали произведения Мо Яня, Ли Пэйфу и Дэн Игуана о Шэньчжэне, «великие перемены, вызванные модернизацией, привели к материальному процветанию, но в то же время они привели к утрате и вырождению человеческой природы» [\[8, с. 124\]](#).

В отличие от перечисленных произведений, роман Лян Сяошэна «Я и моя судьба», обнажая проблемы социального неравенства и трудовой миграции, все-таки делает акцент на успешном преодолении материальных и моральных вызовов. Соответственно писатель фокусирует наше внимание на достойных подражания внутренних установках, которые помогают персонажам двигаться вперед и добиваться успеха. С одной стороны, такова творческая позиция самого Лян Сяошэна. Как отмечает Хань Вэньи, «Лян Сяошэн на протяжении более сорока лет в своем литературном творчестве всегда придерживался позиции гуманистических ценностей» [\[11, с. 14\]](#). С другой стороны, такая оптимистичная картина, на наш взгляд, во многом связана с успешной реализацией в Китае задачи по созданию общества средней зажиточности. «Когда в Китае широко отмечали 40 лет проведения политики реформ и открытости, в докладе Си Цзиньпина 18 декабря 2018 г., посвященном этой дате, говорилось, что за период политики реформ и открытости более 740 млн человек избавились от бедности, а число бедных среди населения КНР сократилось почти на 95 %» [\[4, с. 82\]](#). Напомним, что в 2021 г. Китай объявил о полном преодолении бедности в стране с населением 1,4 млрд. человек, что стало уникальным опытом для всего мира. И хотя в самом романе читатель ни разу не встречается имен великих китайских реформаторов Дэн Сяопина и Си Цзиньпина, Лян Сяошэн наглядно дает понять причины успеха страны на пути к китайской мечте. В связи с этим хочется привести известное высказывание сына Дэн Сяопина, Дэн Пуфана (邓朴方, р. 1944), который когда-то произнес такие слова: «Многие называют поколение

«культурной революции» потерянным поколением. Но это вовсе не так. Совсем наоборот. Все, через что прошло это поколение, закалило их. Они думают о великих делах, и у них есть что сказать этому миру. Они тверды в своих убеждениях и проявляют инициативу. Мне кажется, что это поколение – настоящий козырь для Китая на его пути к реформам» (цит. по [3, с. 24-25]). На наш взгляд, выдающиеся успехи современного Китая – лучшее тому подтверждение. В свою очередь отражение этих успехов с помощью художественного слова помогает подрастающему поколению «пропустить через себя» тот богатый опыт, который приобрели их предшественники на пути к национальному возрождению и достижению всеобщего народного благоденствия.

[1] Русское издание: Лян Сяошэн. Я и моя судьба / Пер. с кит.яз. О. Родионовой. СПб: Гиперион, 2024. 504 с.

[2] Проект был запущен в 1989 г. китайским молодежным фондом развития и ЦК Коммунистической молодежной лиги Китая. Направлен на поддержку образования детей в бедных сельских районах. С помощью проекта построены тысячи школ, за годы своего существования он помог получить образование миллионам китайских детей.

[3] Официальное название - Центральная комиссия по проверке дисциплины Коммунистической партии Китая (ЦКПД КПК) и Государственный надзорный комитет (ГНК). Хотя ЦКПД и ГНК формально разделены, они функционируют как единое целое и отвечают за борьбу с коррупцией и поддержание партийной дисциплины.

Библиография

1. Лян Сяошэн. Видеообращение к российским читателям [Электронный ресурс] // Клуб читателей китайской литературы. 2025. URL: https://vk.com/wall-205830393_956. (дата обращения: 10.05.2025).
2. Бони Л. Д. Ликвидация бедности в Китае. Часть 1 // Азия и Африка сегодня. 2020. № 8. С. 4-12. DOI: 10.31857/S032150750010444-0 EDN: WYSBFU.
3. Зуенко И. Ю. В эпоху Си Цзиньпина. Москва: Издательство АСТ, 2024. 320 с.
4. Литвинова Ю. Г. Борьба с бедностью в Китае в период 13-й пятилетки // Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016-2020). Москва, 2020. С. 80-87. EDN: OMPSHD.
5. Лян Сяошэн. Я и моя судьба. Пекин: Издательство "Жэньминь вэньсюэ", 2021. 378 с. 梁晓声. 我和我的命. 北京: 人民文学出版社, 2021. 378 页.
6. Гу Цин. Си Цзиньпин и его истории о преодолении бедности в Китае / пер. с кит. О. Адамс. Москва: Издательство "Эксмо", 2022. 494 с.
7. Бони Л. Д. Ликвидация бедности в Китае. Часть 2 // Азия и Африка сегодня. 2020. № 9. С. 10-17. DOI: 10.31857/S032150750010854-1 EDN: IUCART.
8. Чжан Хуншэн, Ли Минган. "Повествование о Шэньчжэне": история и ее роль - исследование произведений Мо Яня, Ли Пэйфу и Дэн Игуана о Шэньчжэне // Вэнь гунмин. 2018. № 5. С. 124-129. 张鸿声, 李明刚. "深圳叙事": 历史及其意义--对莫言、李佩甫、邓一光深圳书写的考察. 2018. 第5卷. 124-129 页.
9. Williams P. From Atomized to Networked: Rural-to-Urban Migrants in Twentieth-century Chinese Narrative // Asian Literary Voices: From Marginal to Mainstream. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011. P. 41-51.
10. Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2011. 336 с.
11. Хань Вэньи. "Я и моя судьба": процесс формирования "хорошего человека" и размышления о морали // Вестник Цзаочжуанского института. 2021. Т. 38. № 6. С. 14-20. 韩文易. 《我和我的命》: "好人"的塑形过程与伦理反思 // 枣庄学院学报. 2021. 第38卷. 第6期. 14-20 页.

12. Адамс О. Ю. Антикоррупционное законодательство КНР в 1995-2015 гг. // Россия и современный мир. 2018. № 1. С. 206-218. EDN: QNRHZB.
13. Лю Чжэньюнь. Дети стадной эпохи. Пекин: Издательство "Чанцзян вэнь", 2017. 287 с. 刘震云. 吃瓜时代的儿女们. 北京: 长江文艺出版社, 2017. 287 页.
14. Лю Чжэньюнь. Я не Пань Цзиньлянь. Пекин: Издательство "Чанцзян вэнь", 2012. 290 с. 刘震云. 我不是潘金莲. 北京: 长江文艺出版社, 2012. 290 页.
15. Родионова О. П. Социальная и этическая деформация на пути к современной мечте: о романе Дун Си "Переломленная судьба" // Проблемы литератур Дальнего Востока. VIII Международная научная конференция. Сборник материалов. СПб.: НП-Принт, 2018. Т. 1. С. 346-358. EDN: YMCYXR.
16. Родионова О. П. Темы и образы в романе Лю Чжэньюня "Дети стадной эпохи" // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. Т. 12. Вып. 1. С. 66-87. DOI: 10.21638/spbu13.2020.105 EDN: OSBLCC.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметная область рецензируемой статьи – новейшая китайская литература. Автор обозначает точно тему своей работы – это «путь к благосостоянию в романе китайского писателя Лян Сяошэна «Я и моя судьба». На мой взгляд, оценка новых текстов есть необходимое условие, ибо мировой литературный процесс движется, и его необходимо систематизировать, упорядочивать. Статьи достаточно информативна, целостна, органична. Материал имеет и практическую, и теоретическую направленность. Например, «творчество писателя Лян Сяошэна (梁晓声, р. 1949), который является ровесником Китайской Народной Республики, представляет собой удачный пример отражения динамичной жизни китайского общества в эпоху экономических перемен», или «Роман Лян Сяошэна «Я и моя судьба» (我和我的命, 2021)[1] – первое произведение писателя, написанное им после получения премии Мао Дуня. Этот роман также относится к реалистическому жанру, но на этот раз он ориентирован скорее на молодого читателя. Любопытно, что произведение написано от первого лица, а точнее от лица девочки-девушки-молодой женщины Фан Ваньчжи, которая проходит свой путь от самого рождения до примерно сорока лет...» и т.д. Цитаты, сноски по ходу работы даются верно: «Одной из приоритетных задач «китайской мечты» (中国梦 чжунго мэн) стала борьба с бедностью и построение «общества среднего достатка» (小康 сяокан). Тогда же «руководство Китая фактически дало торжественное обещание народу, что будет сделано всё, чтобы всё население страны, все слои и народности, включая, прежде всего, бедное население, вместе вошли в общество «сяокан», что ни один не останется за его пределами!» (цит. по [2, с. 5]). Жанровые приметы научного изыскания выдержаны автором, при этом создан т.н. конструктивный диалог с оппонентами и читателями. Стиль работы соотносится с собственно-научным типом: например, «автор уделяет внимание не только внешнему облику города, но и его качественным характеристикам. В связи с этим в романе выстроен целый сюжет о том, каким образом получали прописку первые жители Шэньчжэня. Поскольку Шэньчжэнь считался специальной экономической зоной, то с самого начала здесь уделялось строгое внимание уровню образования, например, для получения прописки следовало сдать специальный экзамен. Благодаря этому, говорится в романе, «у молодого города появилась возможность оставить у себя лучших специалистов из всех областей» и т.д. Удачно, на мой взгляд, поддерживается оценка и литературного контекста, это важно

для научного труда: например, «помимо Лян Сяошэна, разработку данной темы в новейшей китайской литературе проводят и другие писатели. Например, очень пронзительно и скорее в пессимистичном ключе она реализуется в романе Дун Си (东西, р. 1966) «Переломленная судьба» (篡改的命, 2015), в названии которого также есть слово «судьба» (命)» и т.д. Наличного текста вполне достаточно, чтобы раскрыть тему, достичь цели исследования. Логику научной наработки автор поддерживает с помощью т.н. языковых «связок» / «скреп»: например, «как уже отмечалось ранее, на страницах романа писатель сводит друг с другом людей разных социальных статусов», или «как видим, понимание того, что «можно», а что «нельзя», у каждой из героинь разное, и зависит оно, прежде всего, от их воспитания и ценностных установок, которые как правило закладываются в семье» и т.д. Итоги работы подведены, автор обозначает, что «выдающиеся успехи современного Китая – лучшее тому подтверждение. В свою очередь отражение этих успехов с помощью художественного слова помогает подрастающему поколению «пропустить через себя» тот богатый опыт, который приобрели их предшественники на пути к национальному возрождению и достижению всеобщего народного благоденствия». Таким образом, можно констатировать, что материал имеет цельно-завершенный характер, его продуктивно использовать в вузовской практике; общие требования издания учтены, серьезных фактических неточностей не выявлено. Рекомендую статью «Путь к благосостоянию в романе китайского писателя Лян Сяошэна «Я и моя судьба» (2021)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Англоязычные метаданные

Titles of Traditional Chinese Musical Instruments in Russian Concert Posters : Methods of Formal and Semantic Adaptation

Yang Chengkun

Postgraduate student; Faculty of Philology, St. Petersburg State University

196142, Russia, Saint Petersburg, Moskovsky district, Pulkovskaya str., 6, room 4, sq. 157

✉ st121813@student.spbu.ru

Abstract. In recent years, cultural ties between different nations have been expanding. Concerts of Chinese national music are often held in Russian cities. Posters are distributed both through traditional methods and online. The question arises about which linguistic means allow Russian-speaking readers to learn about a new cultural experience and to make the description of Chinese musical tradition understandable and appealing. The subject of this study is the examination of the ways information about musical instruments that are exotic for the Russian culture is conveyed. It investigates the reasons for choosing lexical units to denote the instruments, as well as the formal and semantic adaptation pathways of borrowed lexemes in the Russian language. The material consists of vocabulary naming Chinese national instruments in concert posters written in Russian. The material was collected through a method of continuous sampling. Lexicographic, comparative, and statistical methods were used in the analysis. The article presents an analysis from different perspectives: it explores the types of conveying the sound of Chinese musical terms in Russian, searches for equivalents in Russian musical terminology, and examines the connotation of the titles of Chinese concerts. The novelty of the approach lies in the choice of material. Involving concert posters of Chinese national music allowed for a comprehensive analysis based on musicology and linguistics data. The investigation of the text and visual elements of the concert poster allowed for the following conclusions: the pragmatics of the national music concert poster lies in the fact that the text and visual elements not only convey precise information about the concert but also invite a wide audience of music lovers, arousing interest among Russian listeners. The names of Chinese instruments are given in transcription according to the Pallady system, and the processes of Russification are presented minimally. Units that, according to dictionaries, inflect, may appear in posters as uninflected, which also indicates the absence of Russification. The use of inaccurate equivalents for interpreting the meanings of exoticisms provides listeners with a general idea of the instrument but does not allow for a comprehensive and in-depth understanding of the character of the music being performed.

Keywords: calque, interpretation, exoticism, Russification, borrowing, musical terminology, non-equivalent vocabulary, transliteration, transcription, connotation

References (transliterated)

1. Gorbik A. A. Teatral'naya afisha kak reklamnyi tekst // Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk. 2016. № 4. S. 59-63. EDN: XDCWWR.
2. Fokina K. I. Informatsionnoe soprovozhdenie spektaklya v sovremennom teatral'nom protsesse: diss. na soisk. uch. step. k. isk. M.: Teatral'nyi institut imeni Borisa Shchukina pri Gosudarstvennom akademicheskom teatre imeni Evgeniya Vakhtangova, 2008. 180 s. EDN: NPKGTL.

3. Shevchenko A. S. Teatral'naya afisha kak reklamnyi tekst i metod vozdeistviya // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. 2014. № 1 (7).
4. Myachinskaya E. I. Malye zhanry iskusstvovedcheskogo diskursa: reklama, afisha, ob'yavlenie // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2020. № 3 (42). S. 422-426. EDN: OUMLDX.
5. Turanina N. A., Sergeeva A. Yu., Shevtsova M. V. Afisha – reklama: osobennosti ee sozdaniya // Nauchnyi al'manakh. 2015. № 9 (11). S. 1626-1628. DOI: 10.17117/na.2015.09.1626. EDN: UXRLL.
6. Borbot'ko L. A., Mochalova T. G. Teatral'naya afisha i kinoafisha kak diskursivnye zhanry // Kontsept i kul'tura: dialogovoe prostranstvo kul'tury: yazykovaya lichnost', tekst, diskurs. Kemerovo: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet, 2016. S. 430-435. EDN: XEBSYT.
7. Pritchin A. K. Teoreticheskie problemy reklamy khudozhestvennykh sobytii. Esteticheskii aspekt. Avtoref. dis. na soisk. uch. step. kand. filosof. nauk. M.: Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya im. P. I. Chaikovskogo, 1999. 34 s.
8. Popova L. G., Erokhina A. A. O stepeni izuchennosti tekstov afish v sovremennom yazykoznanii // Sovremennaya nauka: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Penza: MTsNS "Nauka i Prosveshchenie", 2018. V 4-kh ch. Ch. 1. S. 108-112. EDN: XPKJAT.
9. Shevchenko A. S. Afisha kak instrument vzaimodeistviya yazykov i kul'tur (na materiale russkikh, angliiskikh, buryatskikh tekstov teatral'nogo diskursa) // Vostok – Zapad: vzaimodeistvie yazykov i kul'tur. Ulan-Ude: Vostochno-Sibirskii gosudarstvennyi universitet tekhnologii i upravleniya, 2015. S. 142-147. EDN: USOSKJ.
10. Krasnykh V. V. Etnopsikhologiya i lingvokul'turologiya. M.: Gnozis, 2002. 285 s.
11. Kruglyakova T. A., Chen Yu. Kulinarne prikol'y iz Podnebesnoi: interpretatsiya perevodcheskoi oshibki kak sposob sozdaniya yazykovoi shutki // Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: yazyk, sistema, lichnost': lingvistika kreativa. 2022. № 2. S. 43-57. EDN: CBHTLL.
12. Rykova D. A. Funktsionirovanie ekzotizmov v internet-versiyakh zhurnalov "Vokrug sveta", "Voyazh" i "National Geographic Traveler" // Gumanitarnyi aktsent. 2022. № 3. S. 69-77. EDN: BFPADB.
13. Barkhudarov L. S. Yazyk i perevod: Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 240 s.
14. Vlahov S. I., Florin S. P. Neperevodimoe v perevode. M.: Vysshaya shkola, 1986. 345 s.
15. Sen'ko E. V. Kitaiskie slova v sovremennom russkom yazyke: semanticheskii aspekt // Filologicheskii klass. 2019. № 3 (57). S. 59-63. DOI: 10.26170/FK19-03-08. EDN: TXTKYD.
16. Yan Si. Kitaizmy v sovremennykh SMI: semantika, grammatika, pragmatika // Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniya. 2017. № 1. C. 222-229.
17. Daminova B.V., Sambueva O.V. Trudnosti perevoda leksicheskikh lakun s kitaiskogo yazyka na russkii // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2019. № 2. S. 104-110. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.2.29733 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29733
18. Sergeev M. L., Fiveiskaya E. A. K voprosu o zadachakh etimologii v tolkovoi leksikografii (na materiale "Slovara russkogo yazyka XXI veka") // Voprosy

- leksikografii. 2020. № 17. S. 74-89. DOI: 10.17223/22274200/17/4. EDN: LQDXJW.
19. Vasil'chenko E. V. Model' mira v zvuchanii kitaiskoi tsitry tsin' // Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya. 2013. № 1. EDN: PXZSRB.
 20. Bol'shoi akademicheskii slovar'. V 27-i t. / Gl. red. K. S. Gorbachevich. M.; SPb.: Nauka, 2004-2021.
 21. Orfograficheskii akademicheskii resurs "AKADEMOS". [Elektronnyi resurs]. URL: <https://orfo.ruslang.ru/?ysclid=m9whahtkif188568777> (data obrashcheniya: 25.04.2025).
 22. Russkii orfograficheskii slovar': okolo 180 000 slov. / Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova / O. E. Ivanova, V. V. Lopatin (otv. red.). M.: Izdatel'stvo, 2004.
 23. Muzykal'nyi entsiklopedicheskii slovar'. Gl. red. G. V. Keldysh. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. 672 s. – ISBN 5-85270-033-9.
 24. Novyi slovar' inostrannykh slov: [bolee 4500 slov] / [avt.-sost. M. Sitnikova]. Izd. 4-e, ster. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010. 299 s.
 25. Sigeikina E. B. Kitaiskie muzykal'nye instrumenty v kolleksii Rossiiskogo natsional'nogo muzeya muzyki. M.: Rossiiskii natsional'nyi muzei muzyki, 2021. 23 s.
 26. Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. V 35-i t. / Gl. red. Yu. S. Osipov. M.: Bol'shoi akademicheskii slovar', 2004-2017.
 27. Yan' Tszyanan'. Orkestr kitaiskikh narodnykh instrumentov i tvorchestvo Syui Chantszyunya: problemy dirizherskoi interpretatsii // Muzyka. Iskusstvo, nauka, praktika. 2019. № 4 (28). S. 42-48.
 28. Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar'-tezaurus EBPAC: [6624 slova] / Sost. Cherkasova G. A., Ufimtseva N. V. M.: Moskovskaya dukhovnaya akademiya, 2019. 704 s.
 29. Morozova N. M., Chernobrov A. A. Leksikograficheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty muzykal'nogo diskursa v seti internet // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. № 2 (30).
 30. Fan' Zhun. Traditsionnye strunnye instrumenty Kitaya v muzykal'noi kul'ture XX-XXI stoletii. Diss. na soisk. uch. step. k. isk. SPb.: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A. I. Gertsena, 2024. 183 s.
 31. Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar'-tezaurus EBPAC: [6624 slova] / Sost. Cherkasova G. A., Ufimtseva N. V. M.: Moskovskaya dukhovnaya akademiya, 2019. 704 s.
 32. Tsyui Va. Traditsionnye muzykal'nye instrumenty v fortepiannoi interpretatsii sovremennykh kitaiskikh kompozitorov // Muzyka. Iskusstvo, nauka, praktika. 2016. № 2 (14).
 33. Budaeva T. B. Muzyka traditsionnogo kitaiskogo teatra tszintszyui. Avtoref. dis. na soisk. uch. step. k. isk. M.: Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya imeni P. I. Chaikovskogo, 2011. 129 s. EDN: QFPHZL.
 34. Van Kh., Smirnova M. V. Spetsifika repertuara sovremennogo ispolnitelya na erkhu // Universitetskii nauchnyi zhurnal. 2020. № 54. S. 59-64. DOI: 10.25807/PBH.22225064.2020.54.59.64. EDN: GXVEVR.

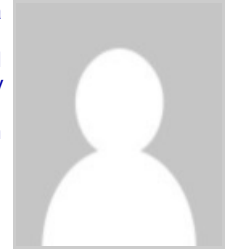
The study of the concept in the context of cognitive linguistics (using the example of the concept "will" in Russian)

Latiypova Yuliya Alfritovna

Senior Lecturer; Department of Foreign Languages of the Humanities Faculties; Ufa University of Science and Technology

Room 338, Zaki Validi str., Ufa, 450076, Russia, Republic of Bashkortostan

✉ dzhulija.latipova@yandex.ru

Absalyamova Liliya Faritovna

Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Sibay Institute (branch) Ufa University of Science and Technology

453833, Russia, Republic of Bashkortostan, Sibai, Belova str., 21

✉ absalyam80@mail.ru

Hisamova Dinara Damirovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Comparative Linguistics and Guided Tours; Ufa University of Science and Technology

Office 400, Zaki Validi str., Ufa, 450076, Russia, Republic of Bashkortostan

✉ dinara-ufa@yandex.ru

Mingazetdinova Rimma Flyurovna

Senior Lecturer; Institute of Humanities and Social Sciences; Ufa University of Science and Technology

Office 338, Zaki Validi str., Ufa, 450076, Russia, Republic of Bashkortostan

✉ rflyurovna@mail.ru

Abstract. The object of research in this article is a concept in the aspect of cognitive linguistics. In the middle of the last century, a cognitive field appeared in science, which unites many scientific disciplines. Cognitive science explores the human mind, its thinking abilities, consciousness, memory, etc. Language is used by humans not just to exchange information, it structures knowledge about the world. The concept is a basic concept of cognitive linguistics, combining language, consciousness and culture. The purpose of this article is to study the content of the concept and build its cognitive model using the example of the concept of "will", which will reveal the ways of structuring knowledge about the world, as well as the ways of their evolution.

The methodology of conceptual analysis is based on the study of the meanings of words and expressions that actualize the concept in the language. Etymological analysis makes it possible to identify the central image of the concept, around which conceptual meanings are layered.

The study of the concept of "will" in cognitive linguistics makes a significant contribution to understanding the interaction of language, thinking and culture, as well as to the development of methods for analyzing linguistic and cultural concepts. This study for the first time combines the analysis of the historical development of the concept with its cognitive structures such as metaphors, frames and prototypes, which allows us to create a comprehensive understanding of the concept of "will" in the Russian language. A comprehensive study of the ways and means of lexical expression of the concept of "will" reveals the conceptual content. All of the above determines the relevance of this article. The research results can be used in cognitive linguistics, psychology, and philosophy of language.

Keywords: meaning, anthropocentrism, conceptualization, the cognitive metaphor, metaphor, the frame, cognition, cognitive linguistics, conceptual feature, concept

References (transliterated)

1. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie [Tekst] / E. S. Kubryakova. – M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. – 556 s.
2. Popova Z. D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika: monografiya. M.: AST: Vostok-Zapad, 2007.
3. Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka [Tekst] / N. D. Arutyunova. – M.: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. – 896 s.
4. Konnova M. N. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: uchebnoe posobie. Izd. 2-e, pererab. – Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2012 – 313 s.
5. Skrebtsova T. G. Kognitivnaya lingvistika: klassicheskie teorii, novye podkhody – M: Izdatel'skii dom YaSK, 2018 – 391 s.
6. Sergienko N. A. Politicheskaya lingvistika. 2019. № 6 (78). S. 37-43.
7. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya. M., 1997. S. 40-43.
8. Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Tekst] / Yu. N. Karaulov. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. – 264 s.
9. Latypova Yu.A., Spodarets O.O., Vorob'eva O.V. Kontsept v kognitivno-sinergeticheskom aspekte // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2022. № 12. S. 11-20. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.12.39507 EDN: SPOGIJ URL: https://e-notabene.ru/fmag/article_39507.html
10. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Elektronnyi resurs] / A. Vezhbitska. – M.: Russkie slovari, 1996b. – 416 s.
11. Kolesnikova S. M. Kognitivnaya lingvistika: uchebnik dlya vuzov / pod redaktsiei S. M. Kolesnikovoi. – Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2024. – 192 s.
12. Porechnaya V.I. Nekotorye osobennosti realizatsii koda kul'tury v bazovykh metaforakh s prostranstvennym znacheniem//Kognitivnye issledovaniya yazyka. I. Metafora v yazyke i kul'ture / gl. red. N.N. Boldyrev. Tambov: Izdatel'skii dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2023. S. 82-84.
13. Absalyamova L.F., Akhmetzadina Z.R. Lingvokul'turologicheskii analiz kontsepta "fate"/"yazмыш" v angliiskoi i bashkirskoi yazykovykh kartinakh mira (na materiale khudozhestvennykh tekstov) // Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika». 2018. T. 15, № 3. S. 5-12.
14. Sreznevskii I. I. Slovar' drevnerusskogo yazyka: v 3 t. T. 1; A-D. M.: Politizdat, 1989.
15. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 3. M.: Astrel'. AST, 2004. 830 s.
16. Vakhnenko A.P. Kontsept «volya» i ego otrazheniya v abstraktnom sushchestvitel'nom // Voprosy nauki i obrazovaniya. Yazykoznanie i literaturovedenie. 2018. S. 63-67.
17. Rubtsova O. V. Strukturnoe sodержание kontsepta kak tsentral'noi kategorii kognitivnoi lingvistiki//Russian Linguistic Bulletin. № 1 (49). 2024. S. 1-3.
18. Filyasova Yu. A. Kontseptualizatsiya i kategoriya kontsepta v kognitivnoi teorii R. Langakera i L. Talmi: integratsiya kognitivnykh i yazykovykh struktur // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika, 2024, 10(2), 173-190.

Structural and semantic features of occasionalisms in the

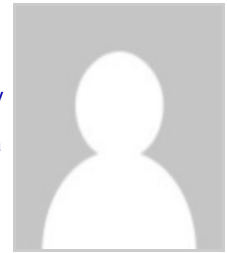
example of the novel "Lavr" by E.G. Vodolazkin

Zhao Pan

Postgraduate student; Faculty of Philology; St. Petersburg State University

7-9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

✉ 15829039984@163.com

Abstract. The article is dedicated to the analysis of occasionalisms in E.G. Vodolazkin's novel "Lavr" as a key element of the author's idiolect, representing the religious-philosophical discourse through the synthesis of archaic and postmodern linguistic strategies. The object of the study is the occasionalisms in E.G. Vodolazkin's novel "Lavr" as a linguopoetic phenomenon, while the subject of the research is their structural-semantic features and functional role in constructing the religious-philosophical discourse. The aim of the study is to identify the structural-semantic characteristics of occasional units, their role in the architecture of the text, and the transmission of worldview attitudes, which allows uncovering the mechanisms of language transformation into a tool of theological reflection. The key focus is on the multi-level classification of occasionalisms, revealing their systemic interaction: lexical-semantic (recontextualization, for example, "twofoldness"), morphological (archaic suffixes – "Rukinets"), syntactic (violation of agreement norms), and graphic (metatextual markers, for example, parentheses). The methodology combines linguistic-stylistic analysis of word formation models, taxonomies of occasionalisms based on N.G. Babenko's criteria with the addition of graphic types, as well as the interpretation of linguistic neologisms in the context of religious symbolism. The scientific novelty of the work lies in the interpretation of linguistic deformation as a mechanism of philosophical modeling, where occasionalisms transform the text into a space for dialogue between the material and the spiritual ("woodenness" as a symbol of asceticism), the historical and the eternal (allusions to the martyr canon of Trifon), language and metaphysics (the wordplay "kalachnik/kulachnik" as semantic deconstruction). During the study, it was established that occasionalisms perform a dual function: archaization (for example, "theologize," "child-loving") links the text to the church tradition, while neologization ("spiritual fall," "time counting") actualizes philosophical themes – eternity, metamorphosis, transcendence. The conclusions emphasize that the synthesis of tradition and innovation in occasionalisms forms the unique idiolect of E.G. Vodolazkin, where the language game becomes a tool for reflection on existential boundaries and opens up new perspectives for interdisciplinary dialogue between linguistics, theology, and cultural anthropology in contemporary prose.

Keywords: postmodern poetics, neo-hagiography, structural-semantic analysis, interdisciplinary studies, religious-philosophical discourse, language game, authorial style, graphic occasionalism, semantic occasionalism, occasionalisms

References (transliterated)

1. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1966. 607 s. EDN: IMNYVY.
2. Babenko N. G. Okkazional'noe v khudozhestvennom tekste: strukturno-semanticheskii analiz. Kaliningrad: Kaliningr. gos. un-t, 1997. 79 s.
3. Valiulina S. V. Okkazionalizmy A. S. Pushkina v slovoobrazovatel'nom aspekte // Neofilologiya. 2020. № 22. S. 226-234. DOI: 10.20310/2587-6953-2020-6-22-226-234.

EDN: VDHWFR.

4. Vendina T. I. V. I. Dal': Vzgl'yad iz nastoyashchego // Voprosy yazykoznaniya. 2001. № 3. S. 13-21.
5. Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya. M.: Nauka, 1977. 312 s. EDN: VTGRGZ.
6. Vodolazkin E. G. Lavr [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://biblioteka-online.org/book/lavr?ysclid=m8vznjv99j452934104> (data obrashcheniya: 28.03.2025).
7. Devdariani N. V., Rubtsova E. V. Okkazionalizm kak fenomen v russkoi literature // BGZh. 2018. № 4 (25). S. 42-46. EDN: VQWVYC.
8. Efremova T. F. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. M.: AST, 2005. 1168 s.
9. Zemskaya E. A. Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'. M.: Nauka, 1992. 221 s. EDN: SIRWQD.
10. Grishcheva E. S. Elokutivnyi aspekt izucheniya graficheskoi okkazional'nosti v sovremennoi lingvistike: k postanovke problemy // Armiya i obshchestvo. 2011. № 2 (26). S. 82-87.
11. Kanon mucheniku Trifonu Apameiskomu [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://azbyka.ru/molitvoslov/kanon-mucheniku-trifonu-apamejskomu.html> (data obrashcheniya: 28.03.2025).
12. Lopatin V. V. Rozhdenie slova: neologizmy i okkazional'nye slovoobrazovaniya. M.: Nauka, 1973. 152 s.
13. Rozental' D. E., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov: posobie dlya uchitelei. M.: Prosveshchenie, 1976. 543 s.
14. Shakhmatova Z. V. Okkazional'nye kompozity v russkom yazyke XIX veka (na materiale slovarei) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2016. № 7 (61): v 3-kh ch. Ch. 1. S. 153-158. EDN: VZANNH.
15. Tokareva A. L. Avtorskie i yazykovye metafory negativnykh emotsii v sovremennoi ital'yanskoi khudozhestvennoi proze. M., 2020. 211 s.
16. Ivanova N. V. Korpusnyi analiz okkazionalizmov v sovremennoi russkoi proze // Lingvisticheskie issledovaniya. 2022. № 4. S. 45-58.
17. Ashurova D. U. Kognitivnaya sushchnost' konventsional'noi i khudozhestvennoi metafory: sopostavitel'nyi analiz // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2023. № 1. S. 121-136. DOI: 10.20916/1812-3228-2023-1-121-136. EDN: BQUYPE.
18. Selivanova O. A. Diskursivnye markery avtorskogo stilya: okkazionalizmy v sovremennoi literature // Filologicheskii vestnik. 2023. № 2. S. 33-47.
19. Borovkova A. V. Pishchevaya metafora kak sredstvo vyrazheniya otsenki i tsennosti (na materiale obraznoi leksiki i frazeologii russkogo yazyka) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 396. S. 5-13. DOI: 10.17223/15617793/396/1. EDN: UJLCRP.
20. Dzusova B. T. O lingvisticheskoi roli kognitivnoi metafory v khudozhestvennom tekste // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2019. T. 8, № 3 (28). S. 277-279. DOI: 10.26140/bg3-2019-0803-0069. EDN: GQDYRP.
21. Demidova T. A., Pak I. Ya. Strukturno-semanticheskaya transformatsiya i aksiologicheskii potentsial obraznykh edinit v romane D. Granina "Moi leitenant" // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2025. № 93. S. 24-47. DOI: 10.17223/19986645/93/2. EDN: LWIVQD.

Military Phraseology in the Communicative Dimension:

Typology and Functioning of Speech Formulas

Surkova Ekaterina Vyacheslavovna

PhD in Philology

Postgraduate student; Department of English (Basic); Federal State-Owned Military Educational Institution of Higher Education 'Prince Alexander Nevsky Military University' of the Ministry of Defense of the Russian Federation

14 Bolshaya Sadovaya str., Moscow, 123001, Russia

✉ katerina.lupanova9751@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is speech formulas of military origin as a specific class of idiomatic expressions characterized by fixed illocutionary force and direct correlation with the communicative situation. Unlike traditional phraseological units, which are predominantly classified by structural-semantic parameters, the speech formulas under consideration exhibit discursive dependence and demonstrate limitations on the realization of grammatical categories. The article provides a detailed analysis of six functional types of speech formulas: speech formulas-comments, speech formulas-performatives, speech formulas-stabilizers of emotional state, speech formulas of question, speech formulas of answer, and speech formulas of epistemic modality. These types of speech formulas are examined comparatively using data from the Russian and English languages, applying quantitative methods of analysis and verification through corpus research. The research methodology includes a continuous sampling method, semantic, etymological, discursive, and contextual analysis. To verify the selected units, a corpus analysis was conducted using the National Corpus of the Russian Language, the British National Corpus, and the Corpus of Contemporary American English. Speech formulas of military origin represent a discursively dependent class of idiomatic expressions with fixed illocutionary force, requiring a specific methodological apparatus for adequate linguistic description and analysis. The proposed functional typology, which includes six types of speech formulas, demonstrates the diversity of mechanisms of discursive dependence and the specificity of communicative functions that go beyond the traditional nominative function of phraseologisms. The quantitative distribution of speech formulas by functional types reveals a statistically significant similarity in Russian and English, indicating universal mechanisms of pragmatic adaptation of military vocabulary and phraseology when transitioning to everyday discourse. The poly-stylistic differentiation and precedent nature of the examined units allow them to be viewed as linguistic and cultural markers representing the ethnic linguistic worldview and military conceptual sphere in the collective linguistic consciousness.

Keywords: comparative analysis, communication situation, speech utterance, communicative act, military-professional sphere of communication, military phraseological expression, illocutive force, phraseological unit, speech formula, military phraseology

References (transliterated)

1. Vinogradov V. V. *Leksikologiya i leksikografiya*. Moskva: Nauka, 1977.
2. Shanskii N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka*. Izd. 5-e, ispr. i dop. Moskva: URSS, 2010. EDN: QUPZJQ.
3. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskie, pragmaticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty*. Moskva: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1996.
4. Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. *Ocherki obshchei i russkoi frazeologii*. Moskva: Izdatel'skii dom YaSK, 2024.

5. Zykova I. V. O mezhdistsiplinarnom kharaktere ponyatiya "idiomatika" // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2024. № 4(60). S. 219-226. EDN: RHYENO.
6. Gibbs R. W. Psycholinguistic studies on the conceptual basis of idiomaticity // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1-4. S. 417-451.
7. Nykyporets S. S. et al. Evolving expressions: contemporary trends in English phraseology and their sociocultural implications // Bulletin of Science and Education. 2024. № 2. S. 19-33.
8. Dobrovol'skij D., Piirainen E. Figurative language: Cross-cultural and cross-linguistic perspectives. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2021. Vol. 350.
9. Kovshova M. L. Lingvokul'turologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok. Antroponimicheskii kod kul'tur. Izd. 2-e, ispravlennoe. Moskva: LENAND, 2024. EDN: AUYNQ.
10. Mel'čuk I. General phraseology: Theory and practice. Amsterdam: John Benjamins, 2023.
11. Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. Dinamika funktsionirovaniya frazeologizmov-konstruktsii (po materialam NKRYa) // Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 2024. № 3. S. 62-74. DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.5 EDN: VBOKHK.
12. Dobrovol'skii D. O., Levontina I. B. Sopostavitel'noe korpusnoe issledovanie glagola oskorbit' i ego nemetskikh variantov perevoda: na materiale parallel'nogo korpusa NKRYa // Korpusnaya lingvistika 2023: trudy mezhdunarodnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 21-23 iyunya 2023 goda. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2024. S. 89-96. EDN: JXUFJZ.
13. Meyer C. F. English corpus linguistics: An introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2023.
14. Oostdijk N. Corpus linguistics and the automatic analysis of English. Leiden: BRILL, 2024. Vol. 6.
15. Le Foll E. 'Opening up' Corpus Linguistics // Second Language Teacher Education. 2024. Vol. 2. № 2. S. 161-186. DOI: 10.1558/slte.25371 EDN: SNGBDG.
16. Surkova E. V. Kognitivnye osnovy voennoi frazeologii // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2024. № 5(61). S. 583-587. EDN: AROFBA.
17. Lupanova E. V. Universal'nye obrazy v semantike frazeologizmov voennogo proiskhozhdeniya russkogo i angliiskogo yazykov // Vestnik Moskovskogo informatsionno-tekhnologicheskogo universiteta - Moskovskogo arkhitekturno-stroitel'nogo instituta. 2022. № 2. S. 61-67. DOI: 10.52210/2224669X_2022_2_61 EDN: VEZLND.
18. Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. Aspekty teorii frazeologii. Moskva: Znak, 2008. EDN: PVXTDD.
19. Mluvnice češtiny. Praha: Academia, 1987. D. III.
20. Izotov A. I. Funkcional'no-semantičeskaja kategorija imperativnosti v sovremennom češskom jazyce v sopostavlenii s russkim = Česká a ruská výzva jako funkčně sémantická kategorie. Brno: L. Marek, 2005.

Ways of expressing comparative semantics in the artistic works of V. Pelevin

Koveshnikova Anna Vladimirovna

Russian Language Department; Ryazan Higher Airborne Command School named after V.F. Margelov
Postgraduate student; Faculty of Russian Philology and National Culture; Ryazan State University named after

Abstract. The subject of this study is the methods and linguistic means of expressing comparative semantics. The object of the study is the language of V. Pelevin's artistic prose. The aim of the research is to identify the ways of expressing comparative semantics and to determine the specifics of their usage in Pelevin's prose. The author examines in detail the means of expressing the semantics of comparison that correspond to the lexical, morphological, word-formation, and syntactic levels of language. Special attention is given to lexical units with comparative semantics, prepositional-case combinations, and forms of the instrumental, genitive, and accusative cases, productive word-formation methods, stable combinations and expressions with the semantics of comparison, as well as syntactic means of expressing comparative meaning at the levels of simple and complex sentences. The material for the study consists of the artistic prose works of V. Pelevin, covering the period from 2015 to 2024. We employed methods of analysis, thematic classification and systematization of linguistic material, contextual analysis, and descriptive-analytical methods. The methodological basis of the work includes the works of V. V. Vinogradov, V. P. Vompersky, M. N. Krylova, A. E. Shevchenko, A. V. Tregubchak, and E. V. Pashkova, dedicated to the study of comparison, methods, and means of its expression. As a result of the study, the methods and multi-level means of expressing comparative semantics have been identified, and the specifics of their usage in Pelevin's prose have been determined. It has been established that comparative meaning is realized at the lexical, morphological, word-formation, and syntactic levels. The linguistic means corresponding to each of the specified levels have been identified and described in detail. The main conclusions of the research indicate that comparison in Pelevin's prose is expressed in various ways and means, reflects the perception of reality, and represents the author's worldview in the text, highlighting his creative individuality. The specifics of using linguistic units with the semantics of comparison lie in the choice of structural components of comparison, their semantic content, and contextual usage in accordance with the author's objectives for constructing the text and meaning. The scientific novelty of this study consists in the comprehensive examination and description of the methods and linguistic means of expressing comparative semantics as one of the most prominent features of the language of V. Pelevin's literary works.

Keywords: ways of expressing comparison, works of art, structure of comparison, metaphor, semantics of comparison, comparative meaning, comparative semantics, comparison, means of expressing comparison, prose of V. Pelevin

References (transliterated)

1. Churilina L. N. Antropotsentrizm khudozhestvennogo teksta kak printsip organizatsii ego leksicheskoi struktury: avtoref. diss. ... doktora filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2003. 44 s. EDN: NJPDZJ.
2. Krylova M. N. Raznourovnevye sredstva vyrazheniya sravneniya, ikh funktsii v yazyke poezii i prozy I. A. Bunina i S. A. Esenina: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2003. 18 s. EDN: VPMQDH.
3. Shevchenko A. E. Sravnenie kak komponent idiosilya pisatelya-bilingva V. Nabokova: Na materiale russko-i angloyazychnykh proizvedenii avtora: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2003. 24 s. EDN: ZMSNPB.
4. Pashkova E. V. Komparativnye edinitsey v kognitivnom aspekte v proizvedeniyakh L. N.

- Tolstogo i I. A. Bunina: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2003. 24 s. EDN: NHLQEX.
5. Draisavi Kh. K. M. Sravnenie v poeticheskom idiosstile (na materiale poezii S. Esenina i V. Mayakovskogo): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2014. 24 s.
 6. Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrizitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety [Elektronnyi resurs] / pod red. A. P. Skovorodnikova. 3-e izd., stereotip. M.: FLINTA, 2011. 480 s.
 7. Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov / T. V. Matveeva. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010. 562 s.
 8. Vinogradov V. V. O yazyke khudozhestvennoi literatury. M.: Goslitizdat, 1959. 654 s.
 9. Ogol'tsev V. M. Ustoichivye sravneniya v sisteme frazeologii. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1978. 158 s.
 10. Marfunina I. A. Semanticheskaya kategoriya sravneniya i ee sintaksicheskoe voploshchenie: (Na materiale romana V. Nabokova "Drugie berega") // Voprosy russkogo yazykoznanija. M., 2000. Vyp. 8. S. 173-181.
 11. Dautiya F. V. Sravnitel'nye konstruksii, perekhodnye mezhdu slozhnymi i prostymi predlozheniyami s pokazatelem sravneniya "kak": avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1997. 22 s. EDN: NLIHWN.
 12. Vomperskii V. V. K kharakteristike stilya M. Yu. Lermontova: stilisticheskie funktsii sravneniya // Russkii yazyk v shkole. 1964. № 5. S. 25-32.
 13. Kuznetsova N. N. Klassifikatsii sravnenii // Filologicheskii aspekt. 2022. № 2 (82). S. 83-92. EDN: HFHWLW.
 14. Tregubchak A. V. Semantika sravneniya i sposoby ee vyrazheniya: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2008. 23 s. EDN: NKNKJJ.
 15. Kulikova O. F. Avtorskie sravneniya v khudozhestvennom tekste // Epokha nauki. 2021. № 28. S. 325-328. EDN: BYKKAZ.
 16. Osokina E. A. Nekotorye osobennosti idiosstilya Dostoevskogo, Platonova, Pelevina: stepen' ob'ektivnosti pri opisani i tolkovanii teksta // Voprosy psikholingvistiki. 2020. № 3 (45). S. 96-109. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-45-3-96-109 EDN: ITUCBM.
 17. Mikheeva S. L. Metafora kak sredstvo sozdaniya mnogomernogo khudozhestvennogo mira (na osnove romana V. Pelevina "Shlem uzhasa") // Metaforicheskaya kartina mira sovremennoi khudozhestvennoi prozy: sbornik nauchnykh trudov: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 10-11 marta 2021 goda / Pod obshchei redaktsiei Z. Yu. Petrovoi i N. A. Fateevoi. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'yu "Akvilon", 2021. S. 117-129. EDN: MFVELL.
 18. Dimitrieva O. A. Metaforicheskoe osmyslenie zhiznennogo puti i poiska smysla zhizni v romane V. Pelevina "Nepobedimoe Solntse" // Russkii yazyk v shkole. 2022. T. 83, № 5. S. 68-76. DOI: 10.30515/0131-6141-2022-83-5-68-76. EDN: YBFIWV.
 19. Dozorova D. V. Tipy i funktsii metafor v proze V. Pelevina // Slovo. Slovesnost'. Slovesnik: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei i studentov, posvyashchennoi Godu pedagoga i nastavnika i Godu russkogo yazyka kak yazyka mezhnatsional'nogo obshcheniya SNG, Ryazan', 20 aprelya 2023 goda / Ryazanskii gosudarstvennyi universitet im. S. A. Esenina. Tom Vypusk IX. Ryazan': Individual'nyi predprinimatel' Konyakhin Aleksandr Viktorovich, 2023. S. 211-215. EDN: KONVUT.
 20. Ivanova P. S. Osobennosti sravnenii ol'faktornogo modusa pertseptsii v tvorchestve V. Pelevina // Razvitie obrazovaniya. 2019. № 4 (6). S. 102-105. DOI: 10.31483/r-43542. EDN: ENPRMN.

21. Skvortsova V. V., Urzha A. V. Tekstovye funktsii kul'turno-konnotirovannoi leksiki v rasskaze V. Pelevina "Spi" i ego angloyazychnom perevode // Mir russkogo slova. 2016. № 3. S. 85-96. EDN: XAKRYF.
22. Pelevin V. O. TRANSHUMANISM. INC. M.: Eksmo, 2021. 608 s.
23. Pelevin V. O. Smotritel'. M.: OOO "Agentstvo FTM, Ltd.", 2021. 550 s.
24. Pelevin V. O. Krut'. M.: Eksmo, 2024. 496 s.
25. Pelevin V. O. KGBT+. M.: Eksmo, 2022. 560 s.
26. Pelevin V. O. Lampa Mafusaila, ili Krainyaya bitva chekistov s masonami. M.: Izdatel'stvo "E", 2018. 416 s.
27. Pelevin V. O. iPhuck 10. M.: Eksmo, 2018. 480 s.
28. Pelevin V. O. Tainye vidy na goru Fudzi. M.: Eksmo, 2019. 416 s.
29. Pelevin V. O. Iskusstvo legkikh kasanii. M.: Eksmo, 2021. 416 s.
30. Koveshnikova A.V. Spetsifika ispol'zovaniya frazeologicheskikh edinit v khudozhestvennoi proze V. Pelevina // Litera. 2025. № 4. S. 219-233. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.4.74186 EDN: MJYPGR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74186

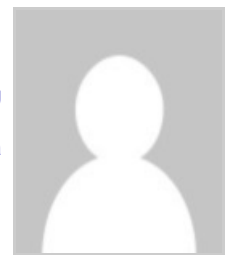
A comparative analysis of insect habitat-related vocabulary in Russian and Chinese: lexical interpretation

Xu Linlin

Postgraduate student; Department of Fundamental and Applied Linguistics and Textual Studies; UrFU

51 Lenin St., Yekaterinburg, Sverdlovsk Region, 620078, Russia

✉ 792680883@qq.com

Abstract. The purpose of this article is to conduct a comparative analysis of vocabulary reflecting the characteristics of insect habitation in Russian and Chinese languages. The research is relevant due to the growing interest in comparative studies of languages with different structures and insufficient study of entomological vocabulary in a comparative aspect. The theoretical basis of the research was works in the field of comparative linguistics, lexical semantics, and linguoculturology. Referring to the corpus of entonyms formed through dictionary selection, the author of the article chooses 26 Russian and 31 Chinese lexical units with the differential seme "insect habitation" as the object of research. The subject of the research is the differential features of the aspects "mode of insect habitation" and "distribution of insect habitation," reflected in Russian and Chinese definitions. The scientific novelty of the work lies in the comprehensive analysis of semantic features of entomological vocabulary in two typologically different languages, which is carried out for the first time on the material of lexemes characterizing insect habitation. The study applies a comprehensive methodology, including both general scientific methods (descriptive method, analysis and synthesis method, classification method, continuous sampling method from the material) and special linguistic methods: semantic, component, and comparative analysis to study lexical sememes and their representations and to identify differences and similarities in the presentation of the studied materials. It is noted that in the Russian language, the definitions of 37.68% of lexemes denoting insects from the formed corpus provide general characteristics of insect habitation, compared to 34.07% in Chinese. It was found that in the Russian language, the emphasis is on social and ecological aspects of insect habitation, while

in the Chinese language, the diversity of places and conditions of their habitation is reflected in more detail. In both languages, there is a relationship between groups of differential semes, differential features, lexical constructions, and biological characteristics of insects, which emphasizes the integration of scientific knowledge into the general linguistic picture of the world and the peculiarities of national worldview. The obtained results can find application in lexicographic practice, in teaching Russian and Chinese languages, as well as in further comparative studies.

Keywords: distribution of insect habitation, Chinese language, insect habitation method, semantic analysis, differential feature, differential seme, aspect, Russian language, entonyms, insect

References (transliterated)

1. Mishankina N.A. Leksikologiya russkogo yazyka. Russkii yazyk kak inostrannyi: professional'naya sfera obshcheniya: uchebnoe posobie. Izd. 2-e dop. Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2017.
2. Popova, Z.D., Sternin, I.A. Ocherki po kognitivnoi lingvistike. Voronezh, 2001. EDN: UDBLDL.
3. Babenko, L.G. Interpretatsiya kategorizatsii mira v ideograficheskom slovare kak sposob vyavleniya skrytykh smyslov // Semantiko-diskursivnye issledovaniya yazyka: eksplitsitnost' / implitsitnost' vyrazheniya smyslov. Baltiiskii federal'nyi universitet imeni Immanuila Kanta, 2006. S. 8-21. EDN: YKHOB.
4. Bulygina, E.Yu. Natsional'no-kul'turnyi komponent v semantike naimenovanii nasekomykh v russkom i ital'yanskom yazykakh. Novosibirsk, Tomsk: Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2009. S. 261-270. EDN: SPKZCJ.
5. Bulygina, E.Yu. Baza dannykh pragmaticheski markirovannoi leksiki russkogo yazyka: material, printsipy opisaniya, vozmozhnosti ispol'zovaniya // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. № 6(34). S. 70-85. DOI: 10.15293/2226-3365.1606.06 EDN: XDXZLT.
6. Bulygina, E.Yu. Slovar' emotivno-otsenочноi leksiki v paradigme aktivnoi leksikografii // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2017. T. 16, № 9. S. 11-21. DOI: 10.25205/1818-7919-2017-16-9-11-21 EDN: YNSGWR.
7. Bulygina E.Yu., Tripol'skaya T.A. Natsional'no-kul'turnyi komponent v semantike pragmaticheski markirovannogo slova: sposoby vyavleniya i leksikografirovaniya v slovare aktivnogo tipa // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 11. S. 99-109. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.11.72372 EDN: PRNFLJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72372
8. Mussi, V.L. Entomologicheskie metafory v russkoi i ital'yanskoi yazykovykh kartinakh mira: monografiya. M.: FLINTA, 2019. S. 208.
9. Belevtsova, T.B. Kognitivnaya zoomorfная метафора в русском литературном языке (на материале энтонимов). Автореферат канд. diss. Spetsial'nost' 5.9.5. Russkii yazyk. Yazyki narodov Rossii. Stavropol', 2022. S. 29. EDN: DLMJZS.
10. 符淮青. 词义的分析 and 描写. 北京: 外语教学与研究出版社, 2006. S. 97-100. Fu Khuaitzin. Analiz i opisanie leksicheskogo znacheniya. Pekin: Izdatel'stvo obucheniya i issledovaniya inostrannykh yazykov, 2006. S. 97-100.
11. 胡春涛. 文化映照下的词典释义. 湖北开放职业学院学报, № 13. 2023. (Khu Chun'tao. Slovarnye opredeleniya v zerkale kul'tury // Vestnik Khubeiskogo otkrytogo professional'nogo

kolledzha. № 13. 2023.)

12. 冯海霞, 赵红梅, 赵学峰. 语文词典中体育词汇的释义研究: 基于《现代汉语词典》与《现代汉语规范词典》的比较. 山东理工大学学报(社会科学版), № 2. 2013. (Fen Khaisya, Chzhao Khunmei, Chzhao Syuefen. Issledovanie definititsii sportivnoi leksiki v lingvisticheskikh slovaryakh: na osnove sravneniya "Slovara sovremennogo kitaiskogo yazyka" i "Normativnogo slovara sovremennogo kitaiskogo yazyka" // Vestnik Shan'dun'skogo politekhnicheskogo universiteta (seriya obshchestvennykh nauk). № 2. 2013.)
13. 邢璐, 赵秀玲. 中俄林业词汇对比研究 // 品位·经典. 2023. № 2. 57-59. (Sin Lu, Chzhao Syulin. Sopostavitel'nyi analiz lesokhozyaistvennoi leksiki v kitaiskom i russkom yazykakh // Pin'vei tszindyan'. 2023. № 2. S. 57-59.)
14. 林添翼. 词汇化及其研究与词典释义的关联关系 // 黑河学院学报. № 2. 2020. (Lin' Tyan'i. Vzaimosvyaz' mezhdu leksikalizatsiei, ee issledovaniem i slovarnymi opredeleniyami // Vestnik Kheikheskogo instituta. № 2. 2020.)
15. 李侠. 配位结构、词汇语义与词典释义. 外语学刊, № 6. 2012. (Li Sya. Diateza, semantika i slovarnye definitsiya // Zhurnal inostrannykh yazykov. № 6. 2012.)
16. 胡春涛. 文化映照下的词典释义. 湖北开放职业学院学报, № 13. 2023. (Khu Chun'tao. Slovarnye opredeleniya v zerkale kul'tury // Vestnik Khubeiskogo otkrytogo professional'nogo kolledzha. № 13. 2023.)
17. 惠慧. 俄汉语植物词文化内涵差异对比研究 // 当代教育实践与教学研究. 2017. 238-239. (Khuei Khuei. Sopostavitel'nyi analiz kul'turnoi konnotatsii fitonimov v russkom i kitaiskom yazykakh // Sovremennaya obrazovatel'naya praktika i pedagogicheskie issledovaniya. 2017. S. 238-239.)
18. 张静. 俄语语言世界图景中的"zaodno"观念场. 齐齐哈尔大学学报(哲学社会科学版), № 3. 2023. (Chzhan Tszin. Kontseptual'noe pole "zaodno" v russkoi yazykovoi kartine mira // Vestnik Tsitsikarskogo universiteta (seriya filosofskikh i sotsial'nykh nauk). № 3. 2023.)
19. Babenko, L.G. Uchebno-metodicheskii kompleks distsipliny "Leksikologiya russkogo yazyka": uchebnoe posobie. Ekaterinburg, 2008. 126 s.
20. Mussi, V. Russkie i ital'yanskije entomologicheskie metafory v sopostavlenii s zoomorfnymi: otlichitel'nye cherty // Vestnik Tom'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 419. S. 45-53. DOI: 10.17223/15617793/419/5 EDN: ZAOYMT.
21. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: svyshe 15 000 imen sushchestv., ideograf. opisanie, sinonimy, antonimy / pod obshch. red. L.G. Babenko. Moskva: AST-Press Kniga, 2005.
22. Kuznetsov, S.A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka. SPb.: Norint, 2000.
23. Lyui Shusyan, Din Shenshu. Slovar' sovremennogo kitaiskogo yazyka. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2017.
24. Bol'shoi slovar' sovremennogo kitaiskogo yazyka / pod red. Gun Syueshen. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2015.
25. Entsiklopediya Kol'era. Nasekomye. [Elektronnyi resurs] // URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/collier/articles/1624/nasekomye.htm> (data obrashcheniya: 15.05.2025).
26. Sovremennyi tolkovyi slovar' izd. "Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya". [Elektronnyi resurs] // URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl.htm?ysclid=m6y0cjuyia907097715> (data obrashcheniya: 20.05.2025).
27. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka [Elektronnyi resurs] // URL: <https://slovarozhegova.ru/> (data obrashcheniya: 10.05.2025).
28. Efremova, T.F. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Elektronnyi resurs] // URL:

<https://www.efremova.info/> (data obrashcheniya: 17.09.2024).

29. Tolkovyi slovar' Ushakova [Elektronnyi resurs] // URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (data obrashcheniya: 05.05.2025).
30. Chapman A., H.A., Chapman, H.A., et al. Numbers of Living Species in Australia and the World. 2009.
31. Sternin, I.A. Metody opisaniya semantiki slova. Yaroslavl': Istoki, 2013. S. 34. EDN: YQXGMJ.
32. Zakhvatkin, Yu.A. Kurs obshchei entomologii. M.: Kolos, 2001. S. 20-22.
33. Jackson H. The Bloomsbury Handbook of Lexicography. // Bloomsbury Academic. 2022. P. 456.
34. Tobias, V.I. Paraziticheskie nasekomye-entomofagi, ikh osobennosti. Zoologicheskii institut RAN. [Elektronnyi resurs] // URL: https://www.zin.ru/societies/res/rus/periodicals/horae/75/res.75.2_tobias.pdf (data obrashcheniya: 06.04.2025).

Far Eastern Insularity in Light of Frontier Theory

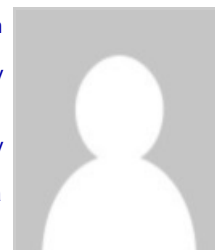
Lugovskoy Alexander Vitalievich

PhD in Philology

Associate Professor; Higher School of Eurolinguistics and Cross-cultural Communication; Pacific National University

134 Pacific Street, office 320, Khabarovsk Territory, 680042, Russia

✉ lugovskoy_2004@mail.ru

Pyshnenko Olga Alekseevna

Instructor; Higher School of Eurolinguistics and Cross-cultural Communication; Pacific National University

134 Pacific Street, office 353, Khabarovsk, Khabarovsk Territory, 680042, Russia

✉ 013268@togudv.ru

Abstract. The aim of the study is to determine the specificity of insularity as a conceptual category in light of the Far Eastern frontier theory. The object of the research is insularity as a complex conceptual category that defines the structural and substantive characteristics of the Far Eastern frontier. The subject of the study comprises the conceptual content of insularity, which reflects the features of Far Eastern frontier characteristics. Based on historiographical sources from Russian and foreign authors (A. I. Krushanov, M. S. Vysokov, G. F. Miller, J. F. Lapérouse, T. Morris-Suzuki), the characteristics of insularity were analyzed in both diachronic and synchronic representations. A historical-genetic analysis was conducted regarding the development of island territories in the Far East, particularly Sakhalin Island and the Kuril Islands, identifying historical prerequisites for the geographical and cultural heterogeneity of the islands, which manifest, in particular, in the varied representations of these islands in the linguistic worldviews of different ethnic groups. The conceptual analysis of T. Morris-Suzuki's work «On the Frontiers of History» enabled to highlight the features of Far Eastern frontierness and to determine the essential characteristics of Far Eastern insularity, including multiculturalism and multilingualism, the mobility of borders, the presence of multiple nominations, a distinct sense of identity, the existence of a civilizational divide, and more. The novelty of the research consists in the fact that the analysis conducted allowed for a description of insularity in the multifaceted aspects of its geographical, cultural, and political

content. Far Eastern insularity represents a special type of identity composed of individual insular communities that are territorially united. An important conclusion is the ambivalence of insularity within the structure of the Far Eastern frontier, which defines the multipolarity of the axiological content of the category, encompassing both positive and negative traits. The study concluded that insularity is an immanent characteristic of the Far Eastern frontier, forming its conceptual foundation.

Keywords: insulonym, ambivalence, cognitive features, verbalization, space, conceptual category, Far Eastern frontier, insularity, picture of the world, border

References (transliterated)

1. Mitin I. I. Vvedenie. O proekte // Rossiya: voobrazhenie prostranstva / prostranstvo voobrazheniya / Otv. red. I. I. Mitin. M.: Agraf, 2009. S. 7-10.
2. Zamyatin D. N. Voobrazit' Rossiyu. Geograficheskie obrazy i prostranstvennaya identichnost' v Severnoi Evrazii // Rossiya: voobrazhenie prostranstva / prostranstvo voobrazheniya / Otv. red. I. I. Mitin. M.: Agraf, 2009. S. 13-23.
3. Ternier F. D. Frontir v amerikanskoj istorii. M.: Ves' Mir, 2009. 304 s.
4. Sinel'nikova L. N. Kontseptual'naya sreda frontirnogo diskursa v gumanitarnykh naukakh // Russian Journal of Linguistics. 2020. T. 24. № 2. S. 467-492.
5. Basalaeva I. P. Kriterii frontira: k postanovke problemy // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2012. № 2. S. 46-49.
6. Zabiyako A. A. Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Khabarovsk: Monografiya. Novosibirsk: Izd-vo Sibirskogo otdeleniya Rossijskoi akademii nauk, 2016. 437 s.
7. Ivanova L. M. Kontseptsiya dal'nevostochnogo frontira v sovremennoj russkoj istoriografii // Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanij: vzglyad molodykh uchenykh. Sb. materialov Vserossijskoi molodezhnoj nauchnoj shkoly-konferentsii. Novosibirsk: Apel'sin; Institut istorii SO RAN, 2016. 276 s.
8. Aleksandrova-Osokina O. N. Obraz "dal'nevostochnogo frontira" v lirike P. S. Komarova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16. Vyp. 10. S. 3622-3627.
9. Polevoi B. P. Pervootkryvateli Sakhalina. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958. 120 s.
10. Istoriya Dal'nego Vostoka v epokhu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – fevral' 1917 g.) / Pod red. A. I. Krushanova. M.: Nauka, 1990. 471 s.
11. Miller G. F. Opisanie morskikh puteshestvii po Ledovitomu i po Vostochnomu moryu, s Rossijskoi storony uchinennykh // Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe / G. F. Miller. M.: Nauka, 1996. S. 19-126.
12. Istoriya Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov s drevneishikh vremen do nachala XXI stoletiya: Ucheb. pos. dlya stud. vyssh. ucheb. zaved. / M. S. Vysokov, A. A. Vasilevskii, A. I. Kostanov, M. I. Ishchenko / Otv. red. M. S. Vysokov. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008. 712 s.
13. Laperuz Zh. F. Puteshestvie po vsemu miru na "Bussoli" i "Astrol'yabii". M.: Eksmo, 2014. 448 s.
14. Morris-Suzuki T. On the Frontiers of History: Rethinking East Asian Borders. Canberra: ANU Press, 2020. 236 p. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv1bvnd85> (data obrashcheniya: 25.04.2025).
15. Lugovskoi A. V., Pestushko Yu. S., Savelova E. V. Insulyarnost' kak yadro

etnokul'turnoi identichnosti (na primere sravnitel'no-sopostavitel'nogo analiza Velikobritanii i Yaponii) // Yaponskie issledovaniya. 2023. № 3. S. 49-62. DOI: 10.55105/2500-2872-2023-3-49-62.

Reflection of the traditions and customs of the Englishmen and Russians in phraseological units

Anikina Tatiana Vyacheslavovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages and Russian Philology; Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute, Branch of Ural State Pedagogical University

57 Krasnogvardeiskaya str., Nizhny Tagil, Sverdlovsk region, 622031, Russia

✉ anikishna@mail.ru

Abstract. This article is dedicated to the study of phraseological units in the English and Russian languages that reflect the traditions and customs of the peoples. The work discusses the definition of a phraseological unit, approaches to the classification of phraseologisms, and further identifies four thematic subgroups: life, old age and death; romantic relationships, marriage, and weddings; food and drinks; travel. An additional subgroup "Others" is highlighted, which includes interesting phraseological expressions that don't fit into the main subgroups. Almost every phraseological unit contains information about historical events, the spiritual state of society, and the daily life of the people. Knowledge of phraseologisms helps to understand fully the language and culture of a nation. The research material consists of 80 phraseological units selected from phraseological dictionaries of the English and Russian languages. The theoretical basis of the study includes the works of: 1) A.V. Kunin, V.V. Vinogradov, N.N. Amosova, N.A. Samarets in the field of defining the term of phraseologism and the main approaches to their classifications; 2) L.P. Smith, E.G. Kotova, E.V. Godunova in the area of classifying phraseologisms with a national-cultural component in languages. The scientific novelty of the research lies in the fact that the phraseological units of the Russian and English languages are analyzed in terms of the presence of a national-cultural component, which allows to determine which phraseological units have the most vivid national-cultural specificity in two languages. The analysis of the selected phraseological units shows that phraseologisms reflect the characteristics and uniqueness of a particular people and nation. Such characteristics can be considered through the origin of a particular phraseological expression. In the research material we found that many expressions originated from the traditions and customs that once existed among people. This specificity allows tracking the uniqueness and individuality of culture as well as identifying the national-cultural component within a phraseological unit.

Keywords: national-cultural component, ethnic culture, national customs, national traditions, mentality, idiom, phraseological unit, phraseological fusions, phraseological unity, phraseological combination

References (transliterated)

1. Kunin A. V. Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka. M.: Feniks, 1996.
2. Tulaboeva G. T. Mesto frazeologizmov v angliiskom yazyke // Academy. 2021. № 6. S. 37-38. EDN: IBTGQU.
3. Balli Sh. Frantsuzskaya stilistika. M.: Editorial URSS, 2001.

4. Amosova N. N. Osnovy angliiskoi frazeologii. M.: LIBROKOM, 2013.
5. Ganieva F. F. Frazeologicheskie edinit'sy kak ob'ekt issledovaniya v trudakh otechestvennykh issledovatelei // *Lingua mobilis*. 2015. № 1. S. 38-47. EDN: UMVPCT.
6. Suvorova N.N. Frazeologiya russkogo yazyka v istorii i sovremennosti // *Litera*. 2017. № 1. S. 129-134. DOI: 10.7256/2409-8698.2017.1.22097 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22097
7. Vinogradov V. V. Leksikologiya i leksikografiya. M.: Nauka, 1977.
8. Samarets N. A. K voprosu o klassifikatsii angliiskikh frazeologizmov // *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2016. № 11. S. 43-47. EDN: WYOBML.
9. Chun'li L. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika frazeologizmov, opisyyayushchikh kharakter cheloveka, v russkom i kitaiskom yazykakh // *Prepodavatel' KhKhI vek*. 2013. № 4. S. 345-349. EDN: SAZLPZ.
10. Rudelev V. G. Proshchai, maslenitsa... // *Vestnik TGU*. 1999. № 3. S. 48-54.
11. Koval' K. S. Kul'turnye traditsii russkogo chaepitiya // *Analitika kul'turologii*. 2014. № 28. S. 181-185. EDN: SATOYJ.
12. Gulbekova M. D. Osobennosti vyrazheniya kontsepta "Lyubov'" vo frazeologicheskikh edinitsakh s somatizmom "Serd'tse" v raznostrukturnykh yazykakh // *Vestnik TGUPBP*. 2014. № 3. S. 268-273. EDN: SZLJKL.
13. Kolkova N. A. Russkaya frazeologiya v kontekste svadebnoi obryadnosti // *Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika*. 2010. № 1. S. 86-91. EDN: LALFAH.
14. Said R. Anglichane, ikh eda i traditsii // *Forum molodykh uchenykh*. 2018. № 12. S. 1137-1141.

The novel by Anna Starobinets «The First squad. The Truth». Occult theories and a multi-level system of motional oppositions

Dubakov Leonid

PhD in Philology

Associate Professor, Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University

518172, China, Shenzhen, Guojidaxueyuan str., 1

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Vagner Daria Dmitrievna

Master's Degree; Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University

518172, China, Guangdong region, Shenzhen, Guojidaxueyuan str., 1

✉ dariawagner@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the novel by A. A. Starobinets "The First squad. Truth" as a work that explores occult theories, images and motifs. The doctrines of the Hollow Earth by Miguel Serrano and Eternal Ice by Hans Gerbigir influenced the plot, the chronotope, the multi-level system of motional oppositions, the system of characters, portraits, landscapes, the objective world, exteriors, interiors, etc. of the novel by A. A. Starobinets. These occult theories also determine the writer's wide appeal to the motives of dissolution, liquification, and animalization. The collapsing, carnal, bestial reality of the Earth

becomes such because of the cosmic struggle of ice and fire and because of the influence of the Moon as a physical and metaphysical icy satellite of our planet. The hollow Earth acts as a place of battle between representatives of ice and fire and as a space of posthumous existence. The artistic reality of the novel "The First Squad. The Truth", his various motives are in opposition to each other, correlating with ice or fire, and at the same time they contain the beginnings of their opposites. This duality, connected with the external and internal duality of the characters and the world, allows us to overcome the eternal destructive contradiction in the novel. The fighting heroes of the book, and in general the West and Russia, are reconciled by love, it also removes the opposition of the Eternal return of the same and icy unearthly eternity, the space of the Earth and the Hollow Earth. The relevance of the article is determined by the interest of modern literary criticism in borderline phenomena in the field of literary genres ("The First squad. The Truth" is a novel belonging to the "big" literature and at to fiction, to the horror genre).

Keywords: animalization, the doctrine of eternal ice, Hollow Earth, Hans Gerbigier, Miguel Serrano, occultism, Anna Starobinets, motivic oppositions, duality, dissolution

References (transliterated)

1. Berzh'e Zh., Povel' L. Utro magov. Posvyashchenie v fantasticheskii realizm. M.: Rodina, 2020. 400 s.
2. Dubakov L. V. Russkaya postmodernistskaya literatura i okkul'tizm: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Yaroslavl', 2010. 214 s.
3. Dugin A. G. Konspirologiya (nauka o zagovorakh, sekretnykh obshchestvakh i tainoi voine). M.: ROF "Evraziya", 2005. 624 s.
4. Kubyshkina V. O. Vremya i Vechnost' kak kategorii gnosticheskogo ucheniya v romane A. Starobinets «Pervyi otryad. Istina» / V. O. Kubyshkina // Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 20–23 iyulya 2015 goda. Sankt-Peterburg: Svoe izdatel'stvo, 2015. S. 43-46.
5. Mendagalieva A. G. Realizatsiya emotsional'nykh kontseptov trevogi i strakha v proze Anny Starobinets. // Zhanrovo-stilevye iskaniya v mirovoi literature. 2020. S. 207-210.
6. Ponomareva E. V. «Avtobus miloserdiya» Anny Starobinets: traditsiya literaturnogo nuara v sovremennoi otechestvennoi maloi proze // Vestnik TGGPU. 2022. №2 (68). S. 116-125.
7. Serrano M. Zolotaya tsep' / Perevod s nemetskogo. Tambov, 2007. 320 s.
8. Starobinets A. A. Pervyi otryad. Istina. M.: Astrel', AST, Kharvest, Zhanry, 2010. 400 s.
9. Trushkina A. P. Tvorchestvo A. Starobinets v kontekste neogotiki (na primere povesti «Perekhodnyi vozrast») // Sovremennye problemy i perspektivnye napravleniya innovatsionnogo razvitiya filologicheskoi nauki. 2022. S. 44-47.
10. Trushkina A. P. Khorrormotivy v tvorchestve A. Starobinets (na materiale sbornika «Ikarova zheleza») // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. S. 64-69.

Features of the reception of plant code in the novels of the Belarusian writer Vladimir Gnilomedov «War», «Cornflowers on the border»

Duktava Liubou Georgieuna

PhD in Philology

Senior Researcher; Center for Research of Belarusian Culture; Language and Literature of the National Academy

Abstract. The article is devoted to the consideration of the plant code, under which it is advisable to consider the code related to the semiotization of flora in modern prose. The purpose of the study: to identify the features of the reception of the plant code in the novels of V. Gnilomedov. Research objectives: 1) to consider the features of the dendrological code in the novel "The War" by V.Gnilomedov; 2) to identify the specifics of the phytonymic code, the plan of expression of which is the images of flax, cornflower, in the novel "Cornflowers on the border" by V.Gnilomedov. Subject of research: perception of cherry, flax, cornflower codes in V. Gnilomedov's novels. The cultural code is considered both in the structure of artistic and visual means, and in focusing on the ideological orientation of the work of art, which allows for a new look at the work of the Belarusian writer. During the research, the author used methods of comparative and semiotic analysis to identify philosophical subtexts and their sources. The author also applies the historical and cultural context to interpret the image of the cornflower in V.Gnilomedov's novel. The methodological basis of the study was the work of V.Leshchinskaya, V.Khalipov, I.Shved, D.Shchukina, M.Epstein, and others. The scientific novelty lies in a detailed examination of the role of the plant code in the novels of a modern Belarusian writer. The uniqueness and significance of the research lies in the identification of the key code in the analysis of the novel cycle by V.Gnilomedov. As a result of the research, it was found that in V. Gnilomedov's novels "The War" and "Cornflowers on the border", the plant code is associated with images of cherries, flax, and cornflowers. The author comes to the conclusion about the role of the dendrological code in the novel "War", where a broken cherry tree symbolizes the tragic situation in which the Belarusian land found itself at the beginning of the Great Patriotic War. The conclusions indicate that the code transmitted using the image of a cornflower emphasizes the resilience, cheerfulness, and spirituality of Belarusians. The flax code associated with the ethnic tow artifact is attributed to the key in revealing the ideological content of the writer's novel cycle. The results of the study can be applied in further consideration of the features of the reception of cultural codes in Belarusian literature, as well as in the educational process when developing seminar plans, academic programs on the history of literature of the CIS countries, for example, when considering national symbols in the literatures of different states.

Keywords: Belarusian literature, plant code, dendrological code, phytonymic code, image, epic, novel, cultural code, prose, code

References (transliterated)

1. Lyashchynskaya, V.A. Idyyamatyka belaruskai movy ŷ lingvakul'turalagichnym asvyatlenniyu. Minsk: RIVSh, 2019. 249 s.
2. Li Yu., Vasil'eva G.M. Rastitel'nyi kod kul'tury v leksike yazyka (fitonimy). Sankt-Peterburg: RGPU imeni A.I. Gertsena, 2020. 66 s.
3. Shved I.A. Dendralagichny kod belaruskaga tradytsyinaga fal'kloru. Brest: BrDU imya A. S. Pushkina, 2004. 301 s.
4. Gnilameday U.V. Vaina. Minsk: Belaruskaya navuka, 2014. 628 s.
5. Musienko S.G. Simvoly suverennoi Belarusi. Minsk: Belarus', 2025. 144 s.
6. Gnilameday U.V. Valoshki na myazhy. Minsk: Mastatskaya litaratura, 2014. 574 s.
7. Shamyakina T.I. Mifalogiya i belaruskaya litaratura. Minsk: Mastatskaya litaratura,

2008. 391 s.

8. Shchukina, D.A. Russkaya literatura KhKhI veka (fragment prostranstva khudozhestvennogo teksta). Sankt-Peterburg: LEMA, 2019. 158 s.

The Rhetoric of Fear in English Literature of the 16th-17th Centuries (The Case of the Expression "Great Fear"): A Digital Approach

Kornilova Aleksandra Andreevna

Master's degree; Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication; Southern Federal University

93 Universitetskiy Lane, Rostov-on-Don, Rostov region, 344006, Russia

✉ algoncharova@sfedu.ru

Severina Elena Mikhailovna

Doctor of Philosophy

Professor; Department of Linguistics and Professional Communication; Southern Federal University

344006, Russia, Rostov-on-Don, lane University, 93

✉ emkovalenko@sfedu.ru

Abstract. The article explores the usage of the expression "great fear" in texts of English literature from the 16th to 17th centuries. The analysis focuses on identifying the religious and secular contexts in which this phrase functioned, as well as understanding its meaning in early modern English culture. The research is based on materials from the Early English Books Online (EEBO) corpus, which includes thousands of English-language printed sources from the 16th and 17th centuries, such as sermons, theological treatises, historical chronicles, travelogues, pamphlets, and works of fiction. This genre diversity allows for tracking the range of meanings of the expression "great fear" in both religious and secular texts and uncovering patterns of its usage in the cultural and historical context of early modernity. To identify the peculiarities of the functioning of the expression "great fear," digital methods are employed, including a corpora approach and machine learning algorithms, allowing for the highlighting of key themes and narratives associated with this expression. The results of the study demonstrate that the expression "great fear" was used not only in religious texts but also in various secular genres. This indicates that the expression gained the status of a stable formula, applied to describe both individual and collective experiences of fear in a wide range of situations: from reactions to miracles or divine intervention to descriptions of fear concerning military threats or personal choices. Within this broad contextual range, "great fear" begins to function as a marker of a crisis state in which the sacred and the secular are intertwined. The analysis using digital methods revealed the most frequent biblical references associated with "great fear" and thematic clusters where the expression appears most often. The use of digital methods for analyzing early modern texts presents new opportunities for researching the dynamics of religious language and its connection to the socio-political context of the era.

Keywords: corpus methods, digital methods, Christian culture, early modern period, fear of God, EEBO, great* fear*, great fear, clustering, machine learning

References (transliterated)

1. Avgustin Blazhennyi. Traktat na Evangelie ot Ioanna.

2. Osipova Yu.A., Lavrov D.N. Primenenie klasternogo analiza metodom k-srednikh dlya klassifikatsii tekstov nauchnoi napravlenosti // *Matematicheskie struktury i modelirovanie*. 2017. № 3 (43). S. 108-121. DOI: 10.24147/2222-8772.2017.3.108-121 EDN: ZIAIKN.
3. Soboleva E.D., Popova I.A., Popova A.A. Vizualizatsiya mnogomernykh naborov dannykh pri pomoshchi algoritmov snizheniya prostranstva priznakov PCA i T-SNE // *StudNet*. 2020. № 11. S. 982-1004. EDN: QHYDHY.
4. Tillikh P. *Muzhestvo byt' / per. s angl. O. Sedakovoi*. M.: Dukh i Litera, 2013. 200 s.
5. Foma Akvinskii. *Summa teologii*. Ch. II-II. Voprosy 1-46 / per. i komm. S.I. Eremeeva. Kiev: Nika-Tsentr, 2011. 576 s.
6. Allestree R. *The whole duty of mourning and the great concern of preparing our selves for death, practically considered*. 1695.
7. Bartholomew C.G., Goheen M.W. *The Drama of Scripture: Finding Our Place in the Biblical Story*. 2nd ed. Grand Rapids, MI: Baker Academic, 2014. 272 p.
8. Baxter R. *A posing question*. London, 1662.
9. Berners J.B. *The ancient, honorable, famous, and delighfull historie of Huon of Bourdeaux*. 1601.
10. Cameron A. *Christianity and the Rhetoric of Empire: The Development of Christian Discourse*. Berkeley: University of California Press, 1992. 275 p.
11. Corpus Query Processor (CQPweb) [Elektronnyi resurs]. URL: <https://cqpweb.lancs.ac.uk/> (data obrashcheniya: 05.05.2025).
12. Coverdale M. *A goodly treatise of faith, hope, and charite*. 1537.
13. Cranmer T. *Catechismus, that is to say, a shorte instruction into Christian religion*. 1548.
14. Diego Ortúñez de Calahorra. *The third part of the first booke, of the Mirroure of knighthood*. Trans. R. P. 1586.
15. Early English Books Online (EEBO V2): powered by CQPweb [Elektronnyi resurs]. URL: https://cqpweb.lancs.ac.uk/eebo_v2/ (data obrashcheniya: 05.05.2025).
16. e-Clavis: Christian Apocrypha [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.nasscal.com/e-clavis-christian-apocrypha/> (data obrashcheniya: 05.05.2025).
17. Ehrman B.D., Pleše Z. *The Apocryphal Gospels: Texts and Translations*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. 624 p.
18. Froissart J. *Here begynneth the first volum of sir Iohan Froyssart*. Trans. Berners J.B. 1523.
19. Geneva Bible: 1599 Edition. Patriot's Edition. Tolle Lege Press, 2010. [Reprint].
20. Hamed M.A.R. Application of Surface Water Quality Classification Models Using Principal Components Analysis and Cluster Analysis // *Journal of Geoscience and Environment Protection*. 2019. № 7. S. 26-41.
21. Head R. *The English rogue continued in the life of Meriton Latroon*. 1680.
22. Hill C. *The English Bible and the Seventeenth-Century Revolution*. London: Penguin Books, 1995. 480 p.
23. Jacobus de Gruytrode. *The mirroure of golde for the synfull soule*. Trans. Margaret Beaufort. 1506.
24. Knolles R. *The generall historie of the Turkes*. 1603.
25. Long L. Vernacular Bibles and Prayer Books // *The Oxford Handbook of English Literature and Theology* / Eds. R. MacSwain, E. Jay. Oxford: Oxford University Press,

2007. S. 67-83.

26. Luis de Granada. The sinners guyde. Trans. Meres Francis. 1598.
27. McMullin B.J. The Bible Trade // V: The Cambridge History of the Book in Britain. Vol. 4: 1557–1695 / Eds. J. Barnard, D.F. McKenzie. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. S. 140-166.
28. Monro R. Monro his expedition vvith the vvorthy Scots Regiment. 1637.
29. Morris R., ed. The Blickling Homilies. Early English Text Society, o.s. 58, 63, 73. London: Oxford University Press, 1874–1880; repr. v 1 tome 1967. 392 s.
30. Murray J. Principles of Conduct: Aspects of Biblical Ethics. Grand Rapids, MI: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1957. 272 p.
31. Otto R. The Idea of the Holy. Trans. by J.W. Harvey. Oxford: Oxford University Press, 1958. 239 p.
32. Rockwell G., Sinclair S. Voyant Tools [Elektronnyi resurs]. 2016. URL: <http://voyant-tools.org/> (data obrashcheniya: 05.05.2025).
33. Sharpe K. Remapping Early Modern England. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 496 p.
34. Wallis Budge E.A., ed. Legends of Our Lady Mary, The Perpetual Virgin and Her Mother, Hanna. London: Martin Hopkinson and company, Ltd., 1922. 317 p.
35. Walsham A. Providence in Early Modern England. Oxford: Oxford University Press, 2001. 406 p.

Phraseological productivity: ways of creating new phraseologisms based on existing ones in modern French and Spanish Languages

Minova Mariya Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages No. 3; Plekhanov Russian University of Economics

36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russia

✉ mariaminova543@gmail.com

Kazimirova Irina Sergeevna

PhD in Pedagogy

Associate Professor of the Department of Foreign Languages No. 3; Plekhanov Russian University of Economics

117997, Russia, Moscow, lane Stremyanny, 36

✉ irinacasimirova@yandex.ru

Kopylova Elena Viktorovna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Foreign Languages No. 3; Plekhanov Russian University of Economics

117997, Russia, Moscow, lane Stremyanny, 36

✉ kopylova_ev@mail.ru

Zhelamskaya Vera Anatol'evna

PhD in Philology

Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages No. 3; Plekhanov Russian University of Economics

117997, Russia, Moscow, Moscow, Lane Stremyanny, 36

✉ zhelamskaya.va@rea.ru

Shmarev Dmitry Sergeevich

Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages No. 3; Plekhanov Russian University of Economics

36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russia

✉ SHmarev.DS@rea.ru

Abstract. The aim of this article is to systematize and analyze the main mechanisms through which the expansion of the phraseological composition of language occurs. The relevance of the study is due to the dynamic nature of the phraseological system and its ability to adapt to changing socio-cultural conditions. The article examines the phenomenon of phraseological productivity in modern French and Spanish. Phraseological productivity is understood as the ability of language to create new, sustainable expressions, enriching vocabulary and reflecting dynamic changes in culture and society. The study is about ways of creating new phraseologisms on the basis of already existing units. Concrete examples from the modern French and Spanish languages demonstrate how these processes lead to new phraseologisms that reflect contemporary realities and trends. In the course of the study, methods such as analysis of theoretical literature, descriptive method, continuous sample method, dictionary definition analysis method, component analysis of lexical units, and observation and generalization were used. The scientific novelty of research is to identify how processes of phraseological derivation reflect the dynamics of sociocultural changes and contribute to the actualization of linguistic stereotypes in the mass consciousness. The analysis demonstrates that phraseological productivity is an important indicator of creativity and flexibility of modern French and Spanish languages, as well as their ability to respond quickly to the challenges of time. The article also addresses issues of normative and stylistic coloring of new phraseologisms. The results of the study contribute to the understanding of the mechanisms of language dynamics and processes that determine the development of the phraseology of French and Spanish languages, and can be used in lexicography, lexicology and translation, as well as in the practice of teaching French and Spanish as foreign languages.

Keywords: French Language, Tertiary Denomination, Language Prototypes, Ways of Creating Phraseologisms, Phraseological Neologization, Phraseologisms-Derivations, Phraseological Productivity, Phraseological Units, Phraseologisms, Spanish Language

References (transliterated)

1. Kunin A. V. Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo yazyka: ucheb. posobie dlya studentov vuzov. 3-e izd., ster. / A. V. Kunin. Dubna: Feniks+, 2005. 479 s. EDN: QRSDHN.
2. Minova N. P. Novoobrazovannye ustoichivye slovosochetaniya vo frantsuzskom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk. / N. P. Minova. M., 1987. 169 s.
3. Nazaryan A. G. Frazeologiya sovremennogo frantsuzskogo yazyka. / A. G. Nazaryan. M.: EE Media, 2012. 288 s.

4. Parsieva L. K., Gatsalova L. B. Osobennosti frazeologicheskikh neologizmov / L. K. Parsieva, L. B. Gatsalova // Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy. 2014. № 9-3. S. 171-172. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=5910> EDN: SMFLDF.
5. Koval'chuk S. S. K voprosu o produktivnykh sposobakh obrazovaniya frazeologicheskikh edinits v angliiskom yazyke / S. S. Koval'chuk // Language & Science. 2015. № 4. URL: <https://elib.utmn.ru/jspui/handle/ru-tsu/21333>.
6. Rakhmatullaeva N. G. Frazeologicheskaya neologiya: o kontseptualizatsii novykh yavlenii v politicheskoi zhizni (na materiale angliiskogo yazyka) / N. G. Rakhmatullaeva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. № 8 (799). S. 134-141. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37100880> EDN: PPYKUP.
7. Ryzhkina E. V. Nekotorye osobennosti terminologicheskoi i frazeologicheskoi nominatsii v aspekte neologii (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka) / E. V. Ryzhkina // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2011. № 625. S. 19-28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17335251> EDN: OPJAQF.
8. Kirsanova M. M. K voprosu ob interpretatsii obraznykh neologicheskikh sochetanii publitsisticheskikh tekstov (na materiale frantsuzskogo yazyka) / M. M. Kirsanova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika. 2020. № 1. S. 80-87. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42572040> DOI: 10.18384/2310-712X-2020-1-80-87 EDN: FRPICV.
9. Minova N.P., Kazimirova I.S., Mamukina G.I., Fedorova A.V., Suprunov S.E. Kal'kirovaniye angloyazychnykh ustoychivyykh slovosochetanii kak odin iz produktivnykh sposobov zaimstvovaniya v sovremennom frantsuzskom yazyke // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2020. № 2. S. 1-14. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.2.32352 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32352
10. Sokolova G. G., Kharitonova I. V. Frazoobrazovanie v sovremennom frantsuzskom yazyke. / G. G. Sokolova, I. V. Kharitonova. M.: MPGU, 2020. 244 s. EDN: OODUJO.
11. Goncharenko T. V. Novye frazeologizmy kak sredstvo ekspressii v yazyke ispanskoi molodezhi / T. V. Goncharenko // Sovremennye humanitarnye issledovaniya. 2006. № 2 (9). S. 164-171. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11662199> EDN: JVFHTD.
12. Basko N. V. Frazeologicheskie innovatsii russkogo yazyka v epokhu koronavirusa // Prepodavatel' KhKhI vek. 2022. № 2. Chast' 2. S. 395-408. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-395-408 URL: <http://prepodavatel-xxi.ru/sites/default/files/395408.pdf> EDN: QCIFLU.
13. Dostonov D. Frazeologicheskaya neologiya: osobennosti i rol' v sovremennom russkom yazyke / D. Dostonov // Molodaya nauka: aktual'nye voprosy ekonomiki i upravleniya, prava, psikhologii i obrazovaniya. sbornik nauchnykh statei ezhegodnoi Vseros. nauchno-pr. konf. molodykh uchenykh "Dni nauki BGI" (s mezhdunar. uchastiem). S.-Pb., 2024. S. 77-79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80325184>.
14. Tsitskun V. V. Potentsial'nye frazeologizmy v aspekte sinkhronnogo frazoobrazovaniya (na materiale russkogo yazyka) / V. V. Tsitskun // Pushkinskie chteniya - 2021. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoi i novoi slovesnosti: zhanr, avtor, tekst. Mat. XXVI Mezhdunar. nauchn. konf. Otv. red. T. V. Mal'tseva. S.-Pb., 2021. S. 303-313. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46424433> EDN: ZYDKVT.
15. Minova M.V., Mamukina G.I., Kazimirova I.S., Dolgova E.G., Fedorova A.V. Obrazovanie novykh frazeologizmov kak slovotvorchestvo // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2022. № 6. S. 40-53. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.6.38232 URL:

- https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38232
16. Diccionario de la lengua española. Madrid: ESPASA Calpe, S. A., 2004. 695 p.
 17. Agostini L. Le Corbusier, père de la machine à habiter / L. Agostini // IDEAT. 01/10/2023 URL: <https://ideat.fr/le-corbusier-pere-de-la-machine-a-habiter/>.
 18. Minova M.V. Morfologicheskaya assimilyatsiya anglitsizmov v protsesse ikh integratsii v sovremennyi frantsuzskii yazyk // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2019. № 1. S. 129-143. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.1.29271 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29271
 19. Gurevich L. S. Global'nye protsessy v yazyke: predrekayut li oni skoruyu gibeli klassicheskogo angliiskogo? / L. S. Gurevich // Yazykovye protsessy v epokhu globalizatsii: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara. 2016. S. 51-56. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27482357> EDN: XDKHTH.
 20. Gurevich L. S. Osobennosti lingvokul'turnykh vzaimodeistvii v usloviyakh globalizatsii: yazykovaya ekspansiya ili estestvennoe razvitie yazyka / L. S. Gurevich // Yazyk. Kommunikatsiya. Perevod. Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po aktual'nym problemam teorii yazyka i kommunikatsii. 2016. S. 440-449. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37147827> EDN: ZAILGP.
 21. DLE.RAE: Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española. Madrid © Real Academia Española, 2025. URL: <https://dle.rae.es/contenido/actualización-2025>.
 22. McLuhan M., Fiore Q. War and Peace in the Global Village. / M. McLuhan, Q. Fiore. N.Y.: Bantam, 1968.
 23. Collins Dictionary. Copyright © HarperCollins Publishers, 2025. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>.
 24. Le Petit Robert de la langue française. Paris: © Le Robert, 2025. URL: <https://www.lerobert.com/dictionnaires/francais/langue/dictionnaire-le-petit-robert-de-la-langue-francaise-2025-et-sa-version-numerique/>.
 25. Thomas H. The Spanish Civil War. / H. Thomas. NY: Harper & Brothers, 1961. 1136 r.

Sound vs noise: linguocognitive aspect

Peredrienko Tat'yana Yur'evna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Foreign Languages; South Ural State University (National Research University)

76 Lenin Ave., room 464, Chelyabinsk, 454080, Russia

✉ peredrienkoti@susu.ru

Abstract. Changes occurring in the aural environment have become the reason for the increased interest in its study. Nowadays, the "sound direction" of scientific research is gaining popularity, which is caused by the development of technologies that expand the capabilities of sound. Each scientific direction focuses its attention on the study of different aspects of sound. Linguists work at the sound structure of a language, the patterns of their changes, the role of sound in the expression of meanings, methods of linguistic verbalization and analysis of the sound image of the world. This work aims to identify the semantic content of the concepts sound and noise in order to determine their common and differentiating features in Russian linguistic culture. The object of the study is the concepts sound and noise, and the subject is their common and differentiating features. To study the material the method of summarizing dictionary entries, compatibility analysis and contextual analysis are used. The results of the work showed that the aural environment, which we exist in, consists

of sounds and noises and the difference between them in everyday use is determined by environmental conditions and cultural affiliation. Sound and noise are both terms and common vocabulary. They converge in such meanings as "physical phenomenon", "minimal element of speech" but differentiate in the meanings of "sensation", "minimal musical structural element" and "characteristic of human communication". Analysis of collocations showed that sound and noise vary in information potential, and therefore are differently perceived by the human ear. This leads to opposite assessments of these phenomena. Sound and noise can form acoustic images using metaphors. The actions performed by sound and noise are identical, but there are differences in reactions to them when people try to hear and record the sound but ignore and protect themselves from the noise.

Keywords: linguocognitive aspect, aural space, Russian language, sound direction, sound image, perceptual vocabulary, sound, noise, auditory perception, sensory linguistics

References (transliterated)

1. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: Norint, 2000. 1536 c.
2. Golubev A. P., Smirnova I. B. Prakticheskaya fonetika: sravnitel'naya fonetika angliiskogo, nemetskogo i frantsuzskogo yazykov. M.: Vysshee obrazovanie, 2022. 201 s.
3. Dashieva L. D. Antropologiya zvuka v traditsionnoi kul'ture mongol'skikh narodov // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2021. № 3 (33). S. 118-126.
4. Laenko L. V. Pertseptivnyi priznak kak ob'ekt nominatsii: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.19. Voronezh, 2005. 39 s.
5. Maksimov V. D. Sposoby verbalizatsii i kategorizatsii zvukovoi materii v sovremennom angliiskom yazyke: monografiya. Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo un-ta, 2013. 158 s.
6. Mysh'yakova N. M., Kipnes L. V. Akusticheskaya kartina mira v mifologii Komi // Mir nauki, kultury, obrazovaniya. 2024. № 2 (105). S. 406-408.
7. Nagornaya A. V. Lingvosensorika kak perspektivnoe napravlenie sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy: analiticheskii obzor. M.: RAN, 2017. 86 c.
8. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. M.: A TEMP, 2008. 944 s.
9. Ruzin I. G. Prirodnye zvuki v semantike yazyka (kognitivnye strategii naimenovaniya) // Voprosy yazykoznaniya. 1993. № 6. S. 17-27.
10. Semenov A. V. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. M.: YuNVES, 2003. 704 s.
11. Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t. Pod red. A.P. Evgen'evoi. M.: Russkii yazyk; Poligrafresursy. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas>
12. Suzryukova E. L. Zvukovye obrazy v poeme A. K. Tolstogo «Ioann Damaskin» // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 2. S. 80-85.
13. Timofeeva N. V. Akusticheskaya ambivalentnost' gorodskoi sredy // Sostoyanie i perspektivy nauchnogo obespecheniya APK. Velikie Luki, 2023. S. 116-118.
14. Fizicheskii entsiklopedicheskii slovar' / gl. red. A. M. Prokhorov [Elektronnyi resurs]. URL: <http://es.niv.ru/doc/dictionary/physical/index.htm>
15. Badauod S., Deniz Topcu K. Audiovisual perception of a historical route in Konya city // Journal of Human Sciences. 2022. No. 3 (19), pp. 417-440.
16. Dwinata E. Language and Perception // BRIGHT: Journal of English Language Teaching,

Linguistics and Literature. 2017. No. 1, pp. 71-77.

17. Hartman J., Paradis C. The language of sound: events and meaning multitasking of words // *cognitive Linguistics*. 2022. No. 3-4 (34), pp. 445-477.
18. Kursell J., Tkaczyk V. and Ziemer H. Introduction: Language, Sound and the Humanities // *History of Humanities*. 2021. No. 6 (1), pp. 1-10.
19. Strik Lievers F., Winter B. Sensory language across lexical categories // *Lingua*. 2018. No. 204, pp. 45-61.
20. Su W. Soundscapes and the urban imagination of Hong Kong in the works of Eileen Chang // *Frontiers in Humanities and Social Sciences*. 2023. No. 3 (6), pp. 64-68.

The specifics of updating foreign language inclusions: a linguosemiotic approach

Seregina Marina Aleksandrovna

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Department of Integrative and Digital Linguistics; Don State Technical University

8 2nd Five-year Plan Street, 7 block, Rostov-on-Don, Rostov region, 344064, Russia

✉ m.seregina@rambler.ru

Abstract. The subject of this article is the specificity of the contextual use of foreign language inclusions on the material of a work of fiction. The object is the words and phrases in German incorporated into the Russian text. This is how the principle of multicode is realised, when the text is not limited to one form of information expression, but several 'codes' are used to convey meaning. A typical example of a multicode work is Leo Tolstoy's novel 'War and Peace' in which words and phrases from French, German, Italian and Latin languages are used. The aim of the article is to systematise and analyse from the point of view of linguosemiotic approach foreign language inclusions in German due to the multimodal character of the novel's fiction text to create speech portraits of the characters and reflect the author's position. The study uses the method of classification to typologise foreign-language embeddings by volume and degree of integration into the text, descriptive method, contextual analysis, component analysis method, and structural-semantic analysis method. The method of quantitative analysis served to establish the ratio within the foreign-language material. The method of continuous sampling made it possible to compile a file cabinet of the study with the volume of 30 contexts. The novelty of the study lies in the confirmation of the fact that the peculiarities of the use of foreign-language embeddings in German described in the article in terms of their thematic and conceptual, structural aspects and models of language code switching clarify the existing ideas about the current state of polycodicity, creolised text, code switching, multilingualism, intertextuality, the systematisation of which is of particular importance for the further study of the functional-semiotic approach in the study of the artistic text. As a result of the linguosemiotic approach, it was revealed that the functioning of foreign-language inclusions in German in the text of the novel is related to their semantic (allocation of two main semantic fields: artistic opposition of the national characters of Russians and Germans, mixing Russian with German is connected with military themes and communication with German officers), syntactic (mixing of codes and alternation of codes) and pragmalinguistic features (parallel development of realistic-imaginative strategy with tactics of informativeness, historical stylisation, illustration of material, objectification and social-evaluative strategy with expressive, comic, individualising and ironic-satirical tactics).

Keywords: Russian literature, pragmatics, syntax, semantics, linguosemiotic analysis, L.N.

Tolstoy's novel, German language, foreign language inclusions, multicoding, intertextuality

References (transliterated)

1. Abdulkhakov R. R. Prakticheskoe vladenie yazykami ili fenomen poliglotov // Sovremennaya filologiya: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. Ufa: Leto, 2013. S. 57-59. EDN: VTHDGD.
2. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 342 s.
3. Kostousova E. T. Polikodovyi kharakter khudozhestvennogo teksta (na materiale romana L. N. Tolstogo "Voina i mir" i ego perevodov na nemetskii yazyk): dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2024. 207 s.
4. Leont'ev A. A. Inoyazychnye vkrapleniya v russkuyu rech' // Voprosy kul'tury rechi. 1966. № 7. S. 60-68. EDN: GTBYRU.
5. Listrova-Pravda Yu. T. Inoyazychnye vkrapleniya - bibleizmy v russkoi literaturnoi rechi XIX - XX veka // Vestnik VGU. Seriya 1. Gumanitarnye nauki. 2001. № 1. S. 119-139.
6. Lomakina O. V. Frazeologiya v yazyke L. N. Tolstogo: lingvisticheskii kommentarii i leksikograficheskoe opisanie: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2016. 42 s. EDN: GPZRFX.
7. Manina S. I. Pragmaticheskie funktsii inoyazychnykh vkraplenii // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. Vyp. 1. 2010. S. 95-98. EDN: LAMOTN.
8. Mironova N. N. Inoyazychnoe vyskazyvanie v khudozhestvennoi literature kak edinit'sa perevoda // Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 29 aprelya - 3 maya 2015 g.: elektronnoe izdanie. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2015. S. 419-426.
9. Molchanova G. G. Kognitivnaya polikodovost' mezhkul'turnoi kommunikatsii: verbalika i neverbalika // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2014. № 2. S. 13-30. EDN: SECFQJ.
10. Seregina M.A. Osobennosti funktsionirovaniya makaronizmov v svete yazykovoi integratsii (na materiale nemetskikh publitsisticheskikh tekstov) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 5. S. 56-67. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.5.70693 EDN: BMGBMC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70693
11. Seregina M. A. O stereotipnykh predstavleniyakh naroda pri izuchenii russkogo yazyka v nemetskogovoryashchei auditorii // Izuchenie i prepodavanie russkogo yazyka v raznykh lingvokul'turnykh sredakh: mezhd. nauch.-prakt. konf. M.: RUDN, 2019. S. 520-52. Spisok istochnikov EDN: XUVDDZ.
12. Tolstoi L. N. Voina i mir: roman. t. I-II. M.: Izd-vo E, 2016. 704 s.
13. Tolstoi L. N. Voina i mir: roman. t. III-IV. M.: Izd-vo E, 2016. 704 s.

Interpretation of the metaphor of poetic creativity in the poem "Brise marine" by S. Mallarmé in the translations of O. E. Mandelstam and M. V. Talov.

Assistant Professor; Department of Intercultural Communications and Translation Studies; Vladivostok State University
41 Gogol Street, office 5517, Vladivostok, Primorsky Krai, 690014, Russia

✉ shmatokpolina@gmail.com

Abstract. The subject of this research is the interpretation of the metaphor of poetic creativity in S. Mallarmé's poem "Brise Marine" ("Sea Breeze", 1865) and its transmission in the translations of O. E. Mandelstam and M. V. Talov. By examining the principles of symbolism and the system of images developed by Mallarmé, the author thoroughly investigates their embodiment not only in Russian translations of the French symbolist's poems but also in the original works of O. E. Mandelstam, whose early creativity is categorized by researchers as symbolist. The goal of the study is to analyze the influence of translational reception on the perception of metaphorical imagery related to the theme of sea travel, as well as to identify the peculiarities and specific features of the poetic images presented in the aforementioned translations. A linguistic analysis was employed to reveal the linguistic and artistic characteristics of the original and the translations. A comparative method allowed for the identification of specific features in the transmission of Mallarmé's poetic images during translation. The biographical method was used to establish a connection between the translators' life experiences and their interpretations of the poem. The novelty of the research lies in the insufficient study of the translational reception of S. Mallarmé's work in Russia. Furthermore, earlier researchers did not address the question of the creative reinterpretation of the poet's images and works in the poem "Brise Marine." As a result of the study, a conclusion was drawn about the reinterpretation of the metaphor of sea travel by Russian translators. This leads to a transformation in both form and content of the original, resulting in differences in the intonation and expressiveness of the translations, reflecting the individual characteristics of each translator's creative method. The applicability of the findings includes the study of poetry translations, comparative literature, and translation theory. The work highlights the uniqueness of translational interpretation and creative reinterpretation of the metaphorical images in the poetry of S. Mallarmé by Russian poets: a trend toward accuracy as well as a rethinking of the original images can be observed.

Keywords: artistic reimagining, symbol, metaphor, translation reception, Mallarmé, Talov, Mandelstam, symbolism, cultural dialogue, poetry

References (transliterated)

1. Bagno V.E. Fedor Sologub perevodchik frantsuzskikh simvolistov // Na rubezhe XIX i XX vekov: Iz istorii mezhdunarodnykh svyazei russkoi literatury. L., 1991. URL: <http://sologub.literature-archive.ru/ru/node/224> (data obrashcheniya: 15.01.2023).
2. Mikhailova T.V. Literatura kak igra idei: osobyi put' Valeriya Bryusova v russkom simvolizme / Bryusovskie chteniya 2002 goda. Erevan, 2004. S. 259-269.
3. Vidrine D.R. The Theme of Sterility in the Poetry of Mallarme: Its Development and Evolution. 1968. LSU Historical Dissertations and Theses. Louisiana State University and Agricultural and Mechanical College, Ph.D. URL: https://repository.lsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2420&context=gradschool_disstheses (data obrashcheniya: 17.08.2023).
4. Mallarme S. Sochineniya v stikhakh i proze: Sbornik / Sost. R. Dubrovkin. M.: A./O Izdatel'stvo "Raduga", 1995. 568 s.

5. Linkova Ya.S. Teoriya chistogo iskusstva i tvorchestvo Stefana Mallarme // Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya. 2006. Vyp. 2. S. 110-115. URL: <http://vestnik1.pstgu.ru/ru/series/issue/3/2/article/129> (data obrashcheniya: 30.03.2023).
6. Akimova A.V. Problema avtora i "Velikogo Tvoreniya" v tvorchestve Stefana Mallarme: dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2001. 222 s.
7. Bénichou P. Selon Mallarmé, "Bibliothèque des Idées", Gallimard, 1995. 420 p.
8. Struve N.A. Osip Mandel'shtam. M.: Russkii put', 2011. 305 s.
9. Linkova Ya.S. "Drug druga otrazhayut zerkala": O.E. Mandel'shtam - russkii S. Mallarme? / Ya. S. Linkova // Rusistika i komparativistika: Sbornik nauchnykh statei: V 2-kh knigakh / Otvetstvennyi redaktor M.B. Loskutnikova. Tom VII, kniga 2. Moskva: MGPU, 2012. S. 81-91.
10. Ustinovskaya A.A. Khudozhestvennye perevody poetov Serebryanogo veka kak forma literaturnogo i mezkul'turnogo dialoga: diss. ... d-r fil. nauk: 5.9.1 M., 2023. 419 s.
11. Ragozina K. Perevod, nezakonchennyi i neudachnyi // URL: https://vladivostok.com/speaking_in_tongues/ragozina.htm (data obrashcheniya: 15.04.2024).
12. Talov M.V. Vospominaniya. Stikhi. Perevody / Sostavlenie i kommentarii M. A. Talovoi, T. M. Talovoi, A. D. Chulkovoi. 2-e izd. M.: MIK; Parizh: Al'batros, 2006. 248 s.

The Stylistic Expression of Irony in Galen's Polemics

Prolygina Irina Viktorovna

PhD in Philology

Head of the Department; Department of Latin Language and Fundamentals of Terminology; Russian University of Medicine

Dolgorukovskaya str., 4, Moscow, 127006, Russia

✉ prolygina99@yandex.ru

Abstract. The article presents an analysis of excerpts from Galen's works in which he ridicules and defames his opponents using various types of irony and a wide range of stylistic devices for its expression. Public medical disputes were part of the "agonistic" culture of the Second Sophistic, and thus were conducted using rhetorical tools characteristic of judicial oratory, where victory depended not only on logical arguments but also on the oratorical skill of mocking and discrediting opponents. Thanks to the classical Greek education he received in his youth, Galen was well-versed in ancient rhetorical theories and confidently applied them in practice to engage in polemics with his opponents. The author examines different types of irony, such as wit, mockery, derision, and sarcasm. Depending on the context, Galen employs varying degrees of irony – from false self-deprecation to personal insults against his opponents – resorting to different stylistic devices such as hyperbole, paradox, antithesis, and rhetorical questions. The frequent use of superlative adjectives, derogatory comparisons, and lexical fields related to stupidity, empty talk, ignorance, madness, and shamelessness is noted, along with proverbs well known to the audience. Irony often carries a philosophical subtext, extending beyond medical disputes and touching on ethical issues. Thus, it serves not merely as a stylistic embellishment but constitutes an essential part of Galen's polemical strategy aimed at asserting his own authority. It reflects his views on science, philosophy, and a society where intellectual debates required not only knowledge of the subject but also wit and, at times, ruthless criticism. The novelty of the study lies in expanding scholarly understanding of the role of medical debates during the Second Sophistic era and filling gaps

in the study of rhetorical techniques in the language of medicine.

Keywords: sarcasm, legal oratory, medical disputations, Second Sophistic, rhetorical techniques, ancient rhetorics, polemical discourse, Galen, irony, ancient medical schools

References (transliterated)

1. Petit C. Galien et le "discours de la méthode": rhétorique(s) médicale(s) à l'époque romaine / J. Coste, D. Jacquart, J. Pigeaud (eds.). La rhétorique médicale à travers les siècles: actes du colloque international de Paris, 9 et 10 octobre 2008. Genève: Droz, 2012. P. 49-75.
2. Nutton V. Galen's rhetoric of certainty / J. Coste, D. Jacquart, J. Pigeaud (eds.). La rhétorique médicale à travers les siècles: actes du colloque international de Paris, 9 et 10 octobre 2008. Genève: Droz, 2012. P. 39-49.
3. Nutton V. Galeni De praecognitione. Galen. On Prognosis. CMG V 8, 1. Berlin: Akademie-Verlag, 1979.
4. Mattern S. Galen and the Rhetoric of Healing. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2008.
5. Hankinson R. J. Galen's Anatomy of the Soul // Phronesis. 1991. Vol. 36, no. 3. P. 197-233.
6. von Staden H. Galen and the "Second Sophistic" // R. Sorabji (ed.). Aristotle and After. Bulletin of the Institute of Classical Studies, Supplement LXVIII. London, 1997. P. 33-54.
7. Prolygina I.V. Galen kak predstavitel' grecheskoi *paideia* epokhi Vtoroi sofistiki // Hypothekai. Zhurnal po istorii antichnoi pedagogicheskoi kul'tury. 2024. № 8. S. 55-73. DOI: 10.32880/2587-7127-2024-8-8-55-73 EDN: QSILSU.
8. Aristotel' i antichnaya literatura / Otv. red. M. L. Gasparov. M.: Nauka, 1978.
9. Antichnye ritoriki / Pod red. A. A. Takho-Godi. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1978.
10. Losev A.F. Istoriya antichnoi estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya. Kn. 2. M.: Folio, 2000. S. 569-586.
11. Prolygina I.V. Galen. Uveshchanie k zanyatiyu meditsinoi. Vstup. stat'ya, per. s drevnegrecheskogo i primehaniya I.V. Prolyginoi // Vestnik drevnei istorii. 2013. № 3 (286). S. 283-299. EDN: RJYHLR.
12. Rambourg C. Aristote et le dénigrement. Analyse des rapports entre la théorie rhétorique et la diabolè / L. Albert, L. Nicolas (eds.). Polémique et rhétorique de l'antiquité à nos jours. Bruxelles, 2010. P. 65-77.
13. Piazza F. Διαβολή: the personal attack in Greek rhetoric / L. Calboli Montefusco, M. S. Celentano (eds.). Papers on Rhetoric XII. Perugia, 2014. P. 193-207.
14. Petit C. Galien de Pergame ou la rhétorique de la Providence. Leiden, Boston: Brill, 2018.
15. Prolygina I.V. Galen. O sobstvennykh knigakh. // Scholē. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya. 2017. T. 11, № 2. S. 636-677. DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.6485 EDN: ZDOHBT.
16. Roselli A. Ἐκ βιβλίου κυβερνήτης: I limiti dell'apprendimento dai libri nella formazione tecnica e filosofica (Galeno, Polibio, Filodemo) // Vichiana. 2002. 4a Serie, anno IV, 1. P. 35-50.
17. Singer P.N., Rosen R.M. (eds.) The Oxford Handbook of Galen. Oxford, 2024.

The Path to Prosperity in the Novel "Me and My Destiny" (2021) by Chinese Writer Liang Xiaosheng

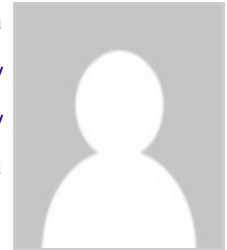
Rodionova Oksana Petrovna

PhD in Philology

Associate Professor; Faculty of Asian and African Studies; Saint Petersburg State University

7-9-11 Universitetskaya Embankment, Vasileostrovsky district, Saint Petersburg, 199034, Russia

✉ o.rodionova@spbu.ru

Abstract. This article analyzes the novel "Me and My Destiny" (2021) by the Chinese writer Liang Xiaosheng (b. 1949). Particular attention is paid to the reflection of the dynamic life of Chinese society during the era of economic changes in the late 20th and early 21st centuries. As the action unfolds across multiple settings, including a poor village and Shenzhen as it develops into a modern metropolis, this literary text reflects the ways of achieving prosperity in different social strata. The novel's central theme of the path to prosperity originates from the "literature of reforms" popular in China in the 1980s, when the first literary experiments were a response to Deng Xiaoping's reforms, the majority of which were aimed at combating poverty. The second wave of socio-economic transformations in the PRC began with Xi Jinping's rise to power in autumn 2012, who formulated the idea of the "Chinese Dream of the great rejuvenation of the Chinese nation." Through the application of content analysis and quantitative lexical analysis of the text, the issues and themes that concern Liang Xiaosheng were identified. The significance of the theme of enrichment and poverty alleviation is confirmed by the fact that the word "money" is used 428 times. For comparison, the word "destiny", which is part of the novel's title, is used 155 times. Liang Xiaosheng's novel "Me and My Destiny" is the author's latest work and has not yet been studied in Russian scholarship. The study demonstrates a comprehensive reflection in the novel of the main stages of China's economic development from the 1980s to the 2010s, making it a valuable source of cultural and sociological information about sentiments in Chinese society. The focus on the theme of poverty alleviation aligns with both China's social and cultural agenda and the objectives of the reform and opening-up policy. However, the novel does not bear the hallmarks of a commissioned work but is rather a manifestation of the author's civic and creative stance. Comparing Liang Xiaosheng's novel with the works of Dong Xi, Liu Zhenyun, Mo Yan, and Sheng Keyi, it is evident that while depicting inequality and labor migration, the author emphasizes the successful overcoming of material and moral challenges.

Keywords: Shenzhen, Labour migration, Village, Town, China, Poverty, Prosperity, Chinese literature, Liang Xiaosheng, Economic reforms

References (transliterated)

1. Lyan Syaoshen. Videoobrashchenie k rossiiskim chitatel'nyam [Elektronnyi resurs] // Klub chitatelei kitaiskoi literatury. 2025. URL: https://vk.com/wall-205830393_956. (data obrashcheniya: 10.05.2025).
2. Boni L. D. Likvidatsiya bednosti v Kitae. Chast' 1 // Aziya i Afrika segodnya. 2020. № 8. S. 4-12. DOI: 10.31857/S032150750010444-0 EDN: WYSBFU.
3. Zuenko I. Yu. V epokhu Si Tszin'pina. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2024. 320 s.
4. Litvinova Yu. G. Bor'ba s bednost'yu v Kitae v period 13-i pyatiletki // Ekonomika KNR v gody 13-i pyatiletki (2016-2020). Moskva, 2020. S. 80-87. EDN: OMPSHD.

5. Lyan Syaoshen. *Ya i moya sud'ba*. Pekin: Izdatel'stvo "Zhen'min' ven'syue", 2021. 378 s. 梁晓声. *我和我的命*. 北京: 人民文学出版社, 2021. 378 页.
6. Gu Tsin. *Si Tszin'pin i ego istorii o preodolenii bednosti v Kitae* / per. s kit. O. Adams. Moskva: Izdatel'stvo "Eksmo", 2022. 494 s.
7. Boni L. D. *Likvidatsiya bednosti v Kitae. Chast' 2* // Aziya i Afrika segodnya. 2020. № 9. S. 10-17. DOI: 10.31857/S032150750010854-1 EDN: IUCART.
8. Chzhan Khunshen, Li Mingan. "Povestvovanie o Shen'chzhene": istoriya i ee rol' - issledovanie proizvedenii Mo Yanya, Li Peifu i Den Iguana o Shen'chzhene // *Ven'i gunmin*. 2018. № 5. S. 124-129. 张鸿声, 李明刚. "深圳叙事": 历史及其意义--对莫言、李佩甫、邓一光深圳书写的考察. 2018. 第5卷. 124-129 页.
9. Williams P. *From Atomized to Networked: Rural-to-Urban Migrants in Twentieth-century Chinese Narrative* // *Asian Literary Voices: From Marginal to Mainstream*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2011. P. 41-51.
10. Speshnev N. A. *Kitaitsy: osobennosti natsional'noi psikhologii*. SPb.: KARO, 2011. 336 s.
11. Khan' Ven'i. "Ya i moya sud'ba": protsess formirovaniya "khoroshego cheloveka" i razmyshleniya o morali // *Vestnik Tszaochzhanskogo instituta*. 2021. T. 38. № 6. S. 14-20. 韩文易. 《我和我的命》: "好人"的塑形过程与伦理反思 // *枣庄学院学报*. 2021. 第38卷. 第6期. 14-20 页.
12. Adams O. Yu. *Antikorrupsionnoe zakonodatel'stvo KNR v 1995-2015 gg.* // *Rossiya i sovremennyyi mir*. 2018. № 1. S. 206-218. EDN: QNRHZZB.
13. Lyu Chzhen'yun'. *Deti stadnoi epokhi*. Pekin: Izdatel'stvo "Chantszyan ven'i", 2017. 287 s. 刘震云. *吃瓜时代的儿女们*. 北京: 长江文艺出版社, 2017. 287 页.
14. Lyu Chzhen'yun'. *Ya ne Pan' Tszin'lyan'*. Pekin: Izdatel'stvo "Chantszyan ven'i", 2012. 290 s. 刘震云. *我不是潘金莲*. 北京: 长江文艺出版社, 2012. 290 页.
15. Rodionova O. P. *Sotsial'naya i eticheskaya deformatsiya na puti k sovremennoi mechte: o romane Dun Si "Perelomlennaya sud'ba"* // *Problemy literatur Dal'nego Vostoka. VIII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Sbornik materialov*. SPb.: NP-Print, 2018. T. 1. S. 346-358. EDN: YMCYXR.
16. Rodionova O. P. *Temy i obrazy v romane Lyu Chzhen'yunya "Deti stadnoi epokhi"* // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. 2020. T. 12. Vyp. 1. S. 66-87. DOI: 10.21638/spbu13.2020.105 EDN: OSBLCC.